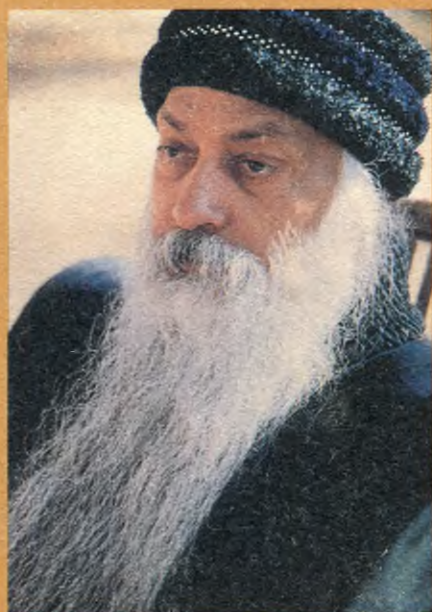

Бхагаван
Шри Раджниш

Библия Раджниша

*Беседы
с немногими избранными*

Том 4
Книга 2

Перевод с английского
Ф.Садыкова, С.Штейнмана

Редакторы
Свами Ананда Мадху, Свами Йога Бхадра

Р 4700000000-092
А-018(02)-95 Без объявл.

ISBN 5-86568-092-7

© Copyright 1987 Rajneeshdham, Poona, India
© Свами Ананда Мадху, Свами Йога Бхадра,
Ф.Садыков, С.Штейнман, перевод, 1995

Содержание

Беседа 16. УЧИТЕЛЬ: ДВИЖЕНИЕ К СВЕТУ ВНУТРИ ВАС	7
Беседа 17. РЕЛИГИЯ НАЧИНАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ИДЕИ	23
Беседа 18. В ПАУЗАХ, ПОСЛЕ ЗАПЯТЫХ И ТОЧЕК... ..	43
Беседа 19. ЧЕЛОВЕК: ВЕЛИЧАЙШАЯ ПРОБЛЕМА – И ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ	59
Беседа 20. ЯЗЫЧНИК: КОКОН СОЗНАНИЯ	79
Беседа 21. МОЕ ОТКРОВЕНИЕ – ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ	103
Беседа 22. КАК ВАМ УДАЕТСЯ ДЕЛАТЬ ЭТО?	125
Беседа 23. В «КЛУБЕ ЛЬВОВ» ВЫ НИКОГДА НЕ ВСТРЕТИТЕ ЛЬВА	145
Беседа 24. КЛЮЧ К НЕОСОЗНАННОСТИ: ПРОДОЛЖАЙТЕ ДУМАТЬ	169
Беседа 25. РЕЛИГИЙ, КАК И БОЛЕЗНЕЙ, – МНОГО; ИСТИНА, КАК И ЗДОРОВЬЕ, – ОДНА	191
Беседа 26. НЕВИННОСТЬ ОБЫЧНО ВНЕ ЗАКОНА	217
Беседа 27. ОДНА МА, ОДИН СВАМИ – И МЫ МОЖЕМ НАЧИНАТЬ ВСЮ ИГРУ СНАЧАЛА	237
Беседа 28. СПИД: БОЛЕЗНЬ СИРОТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ	257
Беседа 29. БУНТАРЬ ИЛИ РОБОТ?	279
Беседа 30. БУНТ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК НОВОГО ЧЕЛОВЕКА	301

Беседа 16

УЧИТЕЛЬ: ДВИЖЕНИЕ К СВЕТУ ВНУТРИ ВАС

13 февраля 1985 года

Бхагаван,

Я слышал о том, что Вы говорите, что палец Иисуса, указывающий на Луну, не очень хороший палец. Существует ли более подходящий для этого палец?

Я никогда не говорил этого. Я не мог этого говорить, поскольку палец Иисуса вообще не указывает на Луну.

Есть нечто такое, что требует глубокого понимания: что имеется в виду, когда говорят: «Пальцы, указывающие на луну?»

Луна — это лишь символ. Она не где-то далеко в небе. Мы не ссылаемся на ту Луну, так как палец любого идиота может указывать на ту Луну. Не требуется никакого разума для того, чтобы показывать своим пальцем на реально существующую Луну. Вы можете быть идиотом; ваш палец может быть кривым — это не имеет значения, так как, в основном, вообще не имеется в виду внешняя Луна.

Выражение «пальцы, указывающие на луну» относится не к Луне, а к вам, к свету, который внутри вас. И символ пальца использовался потому, что слова не могут передать все, что нужно; язык не достаточен для передачи мысли об этом.

Ни одна песня не может спеть это.

Ни одна музыка не может обозначить это.

Но что-то должно быть найдено; иначе не будет возможности общения, связи; не будет моста между тем, кто осознает, и тем, кто не осознает.

Должен быть найден какой-то мост.

Под «пальцами» подразумевается этот невидимый мост.

Имеются в виду не физические пальцы, а способ соприкосновения вашего сердца с сердцем как таковым. Пальцы просто символизируют соприкосновение. Вы можете прикасаться пальцами, вы можете указывать пальцами. Сердце может делать это непосредственно.

Все, что надо, — это чтобы тот, кто знает, и тот, кто не знает, были в состоянии глубокого безмолвия, открытости, уязвимости. Не искать что-то, не разыскивать что-то; просто ждать неизвестное, неожиданное, невообразимое, невыразимое. Невозможно мысленно представить это, невозможно фантазировать об этом. У вас нет пути. Вы можете лишь безмолвно ждать. Вы не можете даже сказать, что именно вы ждете.

По-настоящему религиозный человек просто ждет.

Его ожидание очень абсурдно: он не может даже сказать, что именно, кого именно он ждет.

Но его сердце учащенно бьется в великом ожидании.

Он безмолвен, так как в любой момент может быть услышан стук в дверь. Он в высшей степени сознателен, так как никто никогда не знает о том, когда приходит Учитель. Это подобно легкому ветерку. Если вы не осознаете, то он может появиться и пропасть; вы имели его, но все же вы упустили его.

Пальцы символизируют только состояние безмолвного ожидания встречи с кем-то, кто имеет этот легкий ветерок. Поскольку он имеет его, то легкий ветерок создает определенный аромат вокруг вас, благоухание. Если бы вы были готовы воспринять, то пальцы прикоснулись бы к вам: пальцы указали бы на луну.

Тот, кто задал вопрос, не представляет, что я никогда не мог сказать этого. Это не имеет ничего общего с моей памятью; я просто не мог сказать этого, так как палец Иисуса вообще не указывает на луну. Не стоит вопрос о том, чтобы найти более подходящий палец. Вся идеология Иисуса сосредоточена на Боге, находящемся далеко. Существует расстояние в пространстве, во времени; в пространстве он находится далеко на небесах. Никто, за исключением глупых людей, не уверен в том, где находятся эти небеса. Никто не утверждал ничего подобного.

Лишь вчера я слышал о том, что в Европе существует коммуна, маленькая коммуна из пятидесяти человек, сосредоточенная вокруг женщины, называемой Марией. Они простые люди, жители деревни. Эта женщина тоже простая — но большой разницы нет между простым и простаком. Они почти соединяются и сливаются в определенной точке; простой может стать простаком в любой момент.

Эта женщина, Мария, — фанатичная христианка. Она верит в то, что отправляется на небеса каждое воскресенье. Она встречается с Иисусом один раз в неделю, имеет непосредствен-

ный контакт с Богом. Одна вещь несомненна — это то, что эта группа людей образовалась из нас... то, что они делают во имя медитации, является Динамической Медитацией. Они занимаются Динамической Медитацией, они полностью занимаются ею; с руками, простертыми к небу, эта женщина впадает в состояние, которое она называет «отправление на небеса». И она собирает учеников.

Веками христиане занимаются этим...

Бог где-то далеко в пространстве — никто из них не сказал, насколько далеко. Хотя эта Мария отправляется на небеса четыре раза в месяц, я не думаю, что она может сообщить о точном расстоянии от Земли до небес. Она встречается с Иисусом один раз в неделю, имеет непосредственный контакт с Богом. Конечно, эти существа вне вас; Бог снаружи. Вы можете иметь непосредственный контакт, но *вы* не то существо. Вы можете встречаться с Иисусом один раз в неделю; и конечно, вы — не Иисус. Иисус находится отдельно от вас; только в этом случае возможна встреча.

И эта женщина отправляется на небеса — конечно, существует расстояние, которое требуется преодолеть. Итак, существует расстояние в пространстве и существует расстояние во времени, так как Иисус постоянно говорит о царстве Божьем, — но оно будет после этой жизни.

Все в религии Иисуса происходит после смерти. Поэтому абсолютно можно сказать одно: он отрицательно относится к жизни, он против жизни. Эта жизнь — неправильная жизнь; правильная жизнь начинается после смерти — и она также может начаться только в том случае, если вы верите в Иисуса и в его учение и если вы следуете ему; иначе даже после смерти вы можете ошибаться.

У вас нет уверенности в том, что после смерти вы попадете в царство Божье: вы можете попасть в царство Божье только в случае, если вы следуете Иисусу.

Итак, это не путь людей, которые знают. Первое: существование всегда здесь и сейчас для всех тех, кто осознает. Не существует расстояния в пространстве и во времени. Те, кто познали, познали его здесь и сейчас; отсрочки нет. И когда бы вы ни познали, оно всегда будет здесь и сейчас.

Лишь подумайте, сможете ли вы познать что-нибудь завтра? Это невозможно. Вы ничего не сможете познать завтра. Если бы вы познали, то завтра превратилось бы в сегодня. Но

познание всегда будет происходить сегодня, здесь и сейчас. Вы можете познать что-нибудь вчера, которое уже прошло? Нет пути к возврату назад и нет пути к прыжку вперед.

Вы всегда здесь и сейчас. Вы не можете двигаться назад, вы не можете двигаться вперед. Поэтому, если вам суждено оставаться неведающими, то вы будете здесь и сейчас; а если вы решите быть знающими, то и в этом случае вы также будете здесь и сейчас. По крайней мере, у знающего и неведающего одно одинаково: они оба здесь и сейчас. Вот почему возможна связь.

Вот почему пальцы могут указывать на луну. Если бы я был завтра, а вы были сегодня, то в этом случае не было бы способа указывать на луну.

Иисус постоянно говорит о луне. Он ориентирован в будущее, как все утописты. Слово «утопия» великолепное. Оно означает то, что никогда не приходит, то, что всегда идет, идет, идет, но, в действительности, никогда не приходит; то, что всегда является надеждой и никогда не становится действительностью. Иисус — фанатичный утопист. Он верит, что есть Бог, но он ничего не знает о Боге. Те, кто действительно искал, совершенно определенно нашли одну вещь: то, что Бога нет. Это величайшая ложь, которую выдумал человек.

Нет ни рая, ни ада. Да, вы можете жить в раю или в аду, но это нечто психологическое. Рай, не имеющий ничего общего с физическим миром, лежит за звездами, далеко отсюда, и ожидает вас со всеми удовольствиями, которые вы можете представить; а внизу — ад, который ждет вас со всеми мучениями, о которых только может помыслить человеческий ум.

Те, кто посмотрел, те, кто поискал, те не нашли ничего подобного аду или раю.

Я говорю это от моего собственного авторитета: нет ни ада, ни рая, ни Бога.

Ад — это состояние вашего ума, когда вы несчастны, когда вы мучите самих себя.

Рай — это состояние вашего ума, когда вы наслаждаетесь, когда вы чувствуете благополучие, когда у вас глубокое чувство внутреннего здоровья.

А выше всего этого в вас есть третье состояние, где нет боли, нет радости, но есть совершенно новый вид переживания.

Я называю его блаженством.

Я могу назвать его божественностью, — но не Богом.

Это — качество.

Поэтому я не знаю о пальцах Иисуса. И как я могу что-либо сказать об Иисусе, или о Будде, или о Заратустре и об их пальцах? Я могу сказать только о *своем* пальце. Только в нем я абсолютно уверен, и я хочу говорить только об абсолютных фактах.

Мой палец *указывает* на луну.

И почему я должен беспокоиться о пальце Иисуса? Прежде всего, никто не знает, существовал ли этот человек или нет; а если даже он существовал, то имел ли он палец или нет. И я очень подозреваю, — он мог существовать, он мог иметь пальцы, но я очень сомневаюсь в том, что он когда-нибудь слышал выражение «пальцы, указывающие на луну». Нет, нет ни единой возможности для этого, так как это дзэнское выражение, которое исходит из Японии. Иисус родился раньше.

Этому выражению всего четырнадцать сотен лет — Иисус родился на шестьсот лет раньше этого выражения. И это выражение может исходить только из такого типа ума, каким обладает дзэн.

Иисус никогда не говорит о том, что слова неполноценны. В действительности, христианская *Библия* гласит: «В начале было слово». Ну, люди дзэна будут просто смеяться. Это первое утверждение перечеркивает всю книгу. Вся она — абсурд, ведь если первое утверждение ошибочно, то вся основа ошибочна; следовательно, все последующее будет ошибочно.

Первое утверждение: «В начале...» Постарайтесь постичь каждое слово: «В начале...» Для тех, кто осознал, никогда не было никакого начала, его не может быть; это невозможно. Вы можете представить какое-либо начало существования? Это так просто понять, ведь для того, чтобы начать, вам понадобится что-то до этого. Как вы можете что-то начать без чего-либо предшествующего этому? Если бы Бог создал мир, то, по крайней мере, ему понадобилось бы сырье, или он создавал из ничего?

Никогда не было никакого начала, так как для того, чтобы начать, вам всегда нужно что-то. Поэтому, когда бы вы ни начали, вам понадобится что-то; оно не может возникнуть из ничего. Даже если вы настаиваете, что ничего не было, то тогда это «ничто» становится чем-то, что предшествовало началу: по крайней мере, было *ничто* — и этого достаточно для того, чтобы аннулировать всю идею о том, что это начало. Вам снова нужно вернуться немного назад, до того, как это «ничто» началось.

Поэтому те, кто имеет хоть немного разума, могут понять: нет ни начала, ни конца. Их нет в самой природе вещей; они

неосуществимы. Существование всегда было там — или лучше сказать: всегда было здесь.

Вот утверждение: «В начале было слово...» Это даже еще более абсурдно, поскольку можно просто провести различие между словом и звуком. Слово — это звук, который имеет значение. Итак, как в начале может быть слово, когда там никого нет для того, чтобы дать ему значение? Возможно, там был звук, но не слово.

Водопад в горах производит много звука, океан производит много звука, волны, разбивающиеся о морской берег, производят много звука, — возможно, там был звук, но не слово. Ветер, проходящий через сосны, не говорит, даже не шепчет; он создает звук, но не слово.

Итак, первое: там нет возможности быть слову, так как для слова необходим кто-то, чтобы дать звуку значение. Для того, чтобы дать значение слову, необходим разум. Да, слово должно быть полностью аннулировано.

Звук — это уже немного лучше, но недостаточно, так как вы будете удивлены, узнав, что если в горах, где водопад создает много звука, никого нет, чтобы услышать его, значит, там нет звука. Вы можете подумать, что если даже вас там нет, то звук должен быть: нет. Для того чтобы существовал звук, абсолютно нужны уши; без ушей звука нет. Это самое последнее открытие науки: для звука или цвета необходим — абсолютно необходим — кто-то для того, чтобы слышать, кто-то для того, чтобы видеть.

Например, если все мы закроем свои глаза, то вы можете подумать, что ваша одежда все еще имеет цвета; вы ошибаетесь. В тот момент, когда все вы закрываете свои глаза, цвета исчезают, ведь цвет существует в сочетании вашего глаза со светом, отраженным от вашей одежды. Свет, попадающий в ваш глаз, и создает цвет.

Цвета нет в вашей одежде, его нет также в ваших глазах, его также нет в свете: он в сочетании. Ваши глаза, одежда, отражение света — эти три вещи создают цвет. Если одна вещь упущена, то цвета не будет. Поэтому, когда в лесу никого нет, в этом случае деревья больше не зеленые, цветы больше не белые или красные; все цвета исчезают, все звуки исчезают.

Поэтому даже сказать о том, что в начале был звук — неправильно с точки зрения науки. Там даже не было звука. В начале может быть только безмолвие.

Но *Библия* начинается с очень идиотского утверждения, и оно дает вам представление о том, что последует дальше. «В начале было слово, и слово было у Бога». Вы понимаете противоречие? В начале было слово, и все же слово было у Бога; поэтому вы уже создали двоих: слово было не одиноко, оно было у Бога. И ни один христианин не видит в этом противоречия.

Третье предложение еще более абсурдно. «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово был Бог». Итак, почему такой гвалт? Просто скажите: «В начале был Бог» – и кончайте с этим. Зачем эти ненужные вещи?

Никто из тех, кто осознает, что такое существование, не может сказать что-нибудь о начале, поскольку он знает, что мы – часть вечности и каждое мгновение – вечно. Нет ни начала, ни конца. Безмолвие – глубочайший центр существования, а в безмолвии никого нет – даже Бога, поскольку уже это будет достаточным нарушением покоя. Безмолвие – это абсолютная пустота.

Идея Иисуса, его религия – очень бедная религия. Его идеология даже не стоит того, чтобы называться идеологией, и это одна из причин того, что планета Земля стала почти сумасшедшим домом. Если кто-то и ответствен за это сумасшествие в мире, то Иисус – первый. Да, в этом он чемпион.

Лишь взгляните на мир. Христианство – величайшая религия, если учитывать численность; и на тех, кто не является христианами, оно оказывает большое влияние – настолько большое, что вы можете называть их почти христианами; они лишь не ходят в церковь и не поклоняются кресту. Например, такой человек, как Махатма Ганди, по крайней мере на девяносто процентов христианин. А если уж Махатма Ганди на девяносто процентов христианин, то что тогда говорить о других людях в Индии? И он продолжает навязывать свои христианские идеи индусским священным писаниям.

То же самое относится ко всем другим религиям в мире. Все они находятся под значительным влиянием христианства по той простой причине, что христианство – самая многочисленная религия. Христианские страны правили почти всем миром в течение трех веков. Они развратили каждый ум, каждого ребенка. Каждая школа, каждая система образования так или иначе основаны на христианских идеях. И мало-помалу вы полностью забыли то, что вы говорите. Вы можете быть индусом,

вы можете быть буддистом, но девяносто процентов в ваших верованиях – христианские. Против вас организована диверсия.

По моему мнению, Иисус доказал, что он один из величайших преступников в истории.

Совсем недавно я слышал о том, что в Европе шесть христианских стран готовятся уничтожить огромное количество продовольствия для того, чтобы удержать рыночные цены такими, какими они хотят их видеть. Существуют страны, в которых умирают люди: в Эфиопии, не далеко от Европы, каждый день сотни людей умирают от голода. В Индии сотни людей умирают от голода. А в христианских странах думают о том, как уничтожить продовольствие для того, чтобы рыночные цены не падали.

Лишь для того, чтобы уничтожить такое количество продовольствия, будет затрачено сто тысяч долларов – для уничтожения! Это не имеет ничего общего с ценой этого продовольствия – только для того, чтобы отвезти его к океану и выбросить в океан, потребуется сто тысяч долларов. Триста тысяч тонн апельсинов должно быть выброшено в океан, восемьсот тысяч тонн помидоров должно быть выброшено в океан, – а люди умирают без пищи. И это великие христианские страны: Франция, Германия, Англия.

Куда идет вся эта религия: «Возлюби врага своего», «Возлюби своего ближнего» и «Блаженны нищие...»? И эти люди будут продолжать ходить в церковь, эти люди будут продолжать читать *Библию*, эти люди будут продолжать и продолжать почитать Иисуса, но они не видят никакого противоречия. Бизнес есть бизнес, религия есть религия – в этом они делают различие.

По их мнению, религия должна быть несколько отделена от жизни: религия – это воскресное дело, и всего лишь на один час. Утром вы заканчиваете с ней, а все остальное время вы можете быть нерелигиозными, антирелигиозными или кем хотите. Но один час каждое воскресенье... а что требуется от вас, чтобы быть религиозными? Надо лишь быть в церкви, хорошенько поспать в то время, когда священник проповедует вам все тот же самый абсурд, который он проповедует каждое воскресенье. Он знает о том, что никто его не слушает, никого это не волнует; его самого это не волнует, его интересует его жалование. Люди озабочены только тем, чтобы представить свои лица в церкви для того,

чтобы в последний судный день Иисус узнал их: «Да, вы приходили в церковь». Но их жизни!..

Ну как человеческое существо могло додуматься до такого? И это не впервые. Это делается почти каждый год; продовольствие уничтожается богатыми странами – которые все христианские. Странно. Почему христианские страны богатые – ведь согласно Иисусу они должны быть бедными? Верблюд может пройти через игольное ушко, но богатый человек не может пройти через ворота рая. А как насчет всех этих христианских стран, ведь они самые богатые?

Я не думаю, что если Иисус прав, то эти люди войдут в царство Божье. Но они – его последователи, а остальной мир, мир нехристианский, – беден. Если он прав – «Блаженны нищие, ибо их есть царствие Божье», – то в этом случае христиане в убытке; благословенные люди живут в Эфиопии, в Индии, в Таиланде, во Вьетнаме. Они будут единственными, кто войдет в царство Божье, – христиане не имеют никакого шанса.

И их поведение прекрасно показывает, что они не имеют никакого шанса. Каждый год уничтожаются миллионы тонн продовольствия, и это не только в капиталистическом мире: христианство развращает так глубоко, что даже в коммунистической России та же самая ситуация. Годами они сжигали в топках паровозов пшеницу вместо угля, так как у них избыток пшеницы, а она дешевле, чем уголь. Весь мир умирает с голода, а они сжигают пшеницу в топках паровозов.

Похоже на то, что мы действительно живем на сумасшедшей планете. Как люди могут додуматься до такого? Когда вчера я услышал о том, что встречаются эти шесть стран и планируют сумму, которую надо истратить, – ведь для того, чтобы уничтожить так много продовольствия, необходимо... За такую сумму денег все это количество продовольствия можно отправить в Эфиопию. Станные умы, – но так работает экономика. Вы должны удерживать на рынке меньше товаров, чем их необходимо по спросу; только в этом случае вы можете иметь достаточный рост цен. Если предложение товаров превышает спрос, то цены начинают падать, поэтому изредка товары уничтожают.

Вот они христианские страны, которые развязали две мировые войны.

Вот он палец Иисуса, указывающий на луну в течение двух тысяч лет, – но всегда это не та луна. В течение двух тысяч лет

были крестовые походы; миллионы людей были убиты во имя религии и Бога. И я не вижу вообще никакой причины для этого.

Это ваша проблема, верите ли вы в Бога или нет. Это ваша забота; она не имеет ничего общего со мной. Почему я должен с помощью меча заставлять вас быть христианином или мусульманином? Нет, – но странная логика: «Я делаю это ради вашего блага. Если вы не изменитесь и не станете христианином, то попадете в ад, а я не могу позволить этого, мое сострадание не может позволить этого. Я скорее убью вас и пошлю в рай, чем оставлю вас живыми для того, чтобы вы попали в ад».

Вот сострадание... Мусульмане имеют такое же сострадание. Хорошо, что индусы не имеют такого сострадания, буддисты не имеют такого сострадания, джайны не имеют такого сострадания. Но коммунисты имеют такое сострадание. Они не беспокоятся о рае или аде, они беспокоятся об этой Земле. Они хотят превратить вас в коммуниста, так чтобы этот мир стал бесклассовым, обществом равных людей. Они хотят, чтобы на Земле был создан рай. Это тоже относится к будущему; этого не произойдет.

Шестьдесят лет в России – вначале они думали, что это произойдет через десять лет. Умирая, Ленин думал, что это произойдет через десять лет. Он умер с мыслью о том, что через десять лет Россия будет богатой страной с равными возможностями для всех, равным образованием и каждый получит все в соответствии со своими потребностями. Хорошо, что этот несчастный человек умер, иначе он увидел бы, что через шестьдесят лет страна находится в более бедственном состоянии, чем прежде. Сейчас она стала огромным концентрационным лагерем. Это больше не страна; это огромная тюрьма.

То, что коммунизм введен насильственным путем, является христианской идеей. Именно от христианства эта идея перешла к исламу и к коммунизму – идея того, что, насильственно изменяя... Если люди не желают, если они недостаточно разумны для того, чтобы измениться, то в этом случае изменяйте их насильно.

Россия прочно установилась после второй мировой войны. У нее было так много потрясений, столько беспорядков во время второй мировой войны, что прямо тогда она уже не была заинтересована в мировой революции. Но Мао в Китае был очень заинтересован в установлении коммунизма во всей Азии. Между Мао и Сталиным произошел разрыв, так как Сталин хотел главенствовать; вторая мировая война принесла столько невзгод

России, что если бы Сталин начал думать о мировой революции, то Россия сама могла бы погибнуть в ней. Поэтому он больше беспокоился о России.

Но идеологически Мао был прав. Он сказал: «В этом случае вы становитесь националистом, а коммунизм – это интернациональная философия; мы не должны беспокоиться о нациях, мы должны думать обо всем мире. Я устремляюсь вперед». Вот почему он напал на Индию; это была попытка превратить также и Индию в коммунистическую страну.

Но весь этот абсурд, все нарушение общественного порядка исходит от Иисуса, указывающего пальцем на луну. Он дал эту идею людям: обращайтесь людей в другую веру! Он сказал своим ученикам: «Залезайте на крыши домов и громко провозглашайте мое послание, мое слово. Распространяйте его по всему миру, так как я пришел для того, чтобы искупить грехи всего мира».

Это нечто странное. Кто ответствен за искупление моих грехов? Кроме меня самого, никто не ответствен за искупление моих грехов. Это высокомерие, насилие – сама идея о том, что кто-то еще провозглашает, что он пришел для того, чтобы искупить мои грехи. Кто он? Если я хочу идти в ад, то, по крайней мере, для этого я имею достаточно свободы. Я не прошу рая, я хочу идти в ад, но мне даже не разрешено воспользоваться моей свободой.

Иисус дал людям очень примитивную идею: «Обратите их в христианство, так как это единственно истинная религия, самая лучшая религия, единственная религия, которая может спасти. А я – единственный спаситель».

Это неправильный палец. Хотя я никогда не говорил этого, но я говорю это сейчас: это неправильный палец, это неправильная луна, и то будет великий день благословения, если мы сможем полностью избавиться от христианства. Это поможет людям стать более разумными, более свободными, более понимающими, более восприимчивыми других людей и их разногласия, более уважительными к уникальности других людей.

Вреда нет, если в мире существуют много религий; в каждой религии может быть что-то прекрасное. И если люди наслаждаются ею, не причиняя вреда другим, то кто вы такой, чтобы вмешиваться? Если они счастливы со своей религией, – по вашему мнению, она может быть ошибочной, это ваша идея, – но если они счастливы со своей ошибочной религией, то позвольте им быть счастливыми, поскольку настоящая вещь – это

счастье, а не неправильность или правильность. И кто будет решать о том, кто прав, а кто неправ? Критерия не существует.

Даже Иисус не мог доказать своему собственному народу, евреям, что он был прав, – что же тогда говорить о других? Как он собирается доказать это индусам, буддистам, джайнам? Он не мог доказать это евреям, – а ведь он всего лишь повторял еврейские священные писания. Все-таки евреи не были убеждены в том, что он – мессия. Он просто выглядел как шут, ведь способ, каким он провозглашал, что он – мессия, что он – единственный сын Божий...

Лишь попробуйте, прямо завтра и попробуйте. Завтра, стоя в аллее, провозгласите, что вы – единственный посланник Божий. И наши люди получают удовольствие – никто не станет распинать вас на кресте, не беспокойтесь. Они могут даже водрузить вас на свои плечи и организовать процессию: «Пришел мессия! Мы ждали, и, наконец, он пришел». Они могут украсить вас гирляндами, хорошо накормить вас и заставить вас танцевать на дискотеке, но они вообще не собираются распинать вас на кресте. Это глупо.

Иисус был глуп, заявляя о том, что он – посланник Божий, а люди, которые распинали его, были еще более глупы, так как распятие такого безумного человека не доказывает, что вы мудры. Это просто доказывает, что вы даже не можете понять, что этот человек помешанный, что с ним надо хорошо обращаться; вы можете наслаждаться им. И я не вижу, что он создавал опасность хотя бы для кого-нибудь.

Но причина в том, что евреи жили с такого же типа идеей, какую провозглашал он. Это древняя еврейская болезнь. Он был на высочайшей вершине болезни, на последней стадии болезни. Этот рак – древняя болезнь; он начался с Моисея, ведь когда Моисей сказал, что он непосредственно столкнулся с Богом, он покати́л мяч. Потом этот футбольный матч продолжался; и один за одним продолжали прибывать пророки.

Теперь никто не может отклонить их, потому что если вы отклоняете их, то вы должны отклонять и Моисея. Если принимать Моисея, то тогда надо принимать и других пророков. Иисус просто последний в очереди, кто тоже старался и, на самом деле, перестарался... Если бы он был несколько поспокойнее, более политичным, дипломатичным, то ему удалось бы стать одним из еврейских пророков. Но он был слишком молод. Моисей был стар, Иезекииль был стар, Илия был стар; эти пророки были

старые. А он был очень молод, ему было только тридцать; и это самое худшее время для того, чтобы получить распухшую голову, так как это время, когда любая фанатичная идея может захватить вас, когда революция захватывает любого. В тридцатилетнем возрасте каждый человек – революционер.

То, что все эти революционеры исчезают в сорокалетнем возрасте, – просто чудо. Вы видели хиппи в возрасте сорока, пятидесяти, шестидесяти, семидесяти лет? Очень редко. Как отец Шилы – он старый хиппи, но это бывает очень редко. Когда они перешагивают тридцатилетний возраст, они каким-то образом исчезают. Они растворяются в обществе, устраиваются на должность, женятся, получают работу и забывают полностью об этой чепухе. Они никогда не вспоминают о ней, они становятся хорошими гражданами.

На это есть время, – а Иисусу не было предоставлено достаточно времени. Ему было тридцать, когда он провозгласил, что он – мессия, а к тридцати трем он был распят на кресте. Три года – это был недостаточный срок для того, чтобы его революция утихла; он остался захваченным вихрем. А люди все время побуждали его, говоря: «Ты – не мессия». Чем больше они настаивали на том, что он – не мессия, тем упрямее он становился, говоря, что он – мессия. И евреи начали беспокоиться, так как он старался доказать, что он даже более великий, чем Моисей.

Моисей был единственным человеком, который видел Бога; Иисус говорил, что он единственный сын, рожденный Богом, что он второй после Бога. Когда Бог умрет, он станет Богом; он собирается унаследовать... А все эти Моисеи и ему подобные должны убратся с пути, должны быть полностью отброшены. Евреи не могли вынести такое; это было уж слишком для них.

Но я думаю, что это еврейская болезнь. Пророков никогда не было в Индии, никогда не было в Китае, никогда их не было нигде, кроме как в иудаизме. Это был побочный продукт христианства и ислама, которые оба родились от евреев и из еврейских идей: они заявляют такой же абсурд.

Мне вспомнилось: одним из знаменитых халифов мусульманства был Омар. В его царский двор был доставлен человек, закованный в цепи, и ему сказали, что этот человек провозглашал себя Божьим пророком, он говорил, что сам Бог прислал его с откровением: «Я прислал Мухаммеда, но сейчас прошло слишком много времени, многое изменилось; нужен новый завет, новое откровение. Поэтому я послал самое последнее

послание, которое заменит *Коран*, святую мусульманскую книгу».

Это было просто возмутительно. Омар был очень рассержен; он сказал: «Ты сумасшедший или что-то в этом роде? Ведь Мухаммед – последний пророк Божий». У этих пророков всегда эта идея: каждый провозглашает себя *последним* пророком Божьим. Они закрывают дверь, чтобы никто другой не мог заявить о том, что он – последний пророк Божий.

Такой же была идея и Иисуса, что он принес последнее слово; теперь нет необходимости в каком-либо усовершенствовании. Мухаммед сказал почти то же самое: «*Коран* – это последнее послание; теперь невозможно никакое усовершенствование». Все будущее человека теперь должно быть подвластно *Корану*.

Омар сказал: «Ты знаешь, Мухаммед – последний пророк».

Человек сказал: «Я все знаю; я прихожу непосредственно от Бога. А он сказал: “Ты должен взять послание!”»

Омар не был плохим человеком, не был очень жестоким человеком. Он сказал: «Заклучите его в тюрьму, хорошенько бейте его в течение семи дней – и никакой пищи. Через семь дней я приду в тюрьму».

Через семь дней Омар пришел в тюрьму. Голый человек был привязан к столбу, и он был настолько избит, что все его тело было залито кровью. Омар сказал: «Я полагаю, что ты передумал».

Человек засмеялся и сказал: «Передумал? На самом деле, это подтверждает пророчество Бога. Он сказал мне, когда я покидал его: “Запомни, пророкам суждено переносить очень плохое отношение к ним со стороны людей. Тебя будут бить, тебя будут морить голодом; ты можешь быть даже убит”. То, что вы сделали, абсолютно доказывает то, что я – пророк Божий. Теперь вы должны слушаться меня».

В этот момент другой голый человек, который был привязан к другому столбу и которого постоянно били больше месяца, сказал: «Прекрати всю эту чепуху! Омар, послушай меня: после Мухаммеда я никогда никого не посылал». Этот человек месяцем раньше провозгласил себя Самим Богом. Он сказал: «Этот человек просто лжет. Я никогда не видел раньше этого человека. После Мухаммеда я никого больше не посылал».

Итак, эта болезнь пророков является еврейской. Но иудаизм – не большая сила. Христианство распространилось по всей

Земле, а мусульманство – вторая по величине религия. Обе эти религии – ответвления иудаизма.

Все три вместе – это указание самого плохого пальца на самую неправильную луну, которая только может быть.

Беседа 17

РЕЛИГИЯ НАЧИНАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ИДЕИ

14 февраля 1985 года

Бхагаван,

Почему Вы сокрушаете великих религиозных лидеров и идеологии всего мира?

Я вообще не за то, чтобы что-либо сокрушать.

Весь мой подход – созидательный.

Но созидание включает в себя и разрушение. Это не моя проблема. Созидание как таковое невозможно без разрушения чего-либо. В тот момент, когда вы что-то создаете, вы одновременно и разрушаете еще что-то. Но когда разрушение ведет к созиданию, то вам не надо беспокоиться об этом. Это не разрушительное, это созидательное. Позвольте мне повторить: это созидательное разрушение. Таким же образом существует возможность разрушительного созидания.

Что собой представляет ядерное оружие? Несомненно, это громадный акт созидания, – но ради чего? Куда он поведет? Какой будет результат? Ничего, кроме абсолютного разрушения. Поэтому это – созидание, ведущее к разрушению. Только глупцы назовут его созидательностью. И только глупцы могут назвать мое действие разрушением.

Итак, это первая вещь, которую надо понять. Не важно, созидание ли это как таковое или разрушение как таковое. Важно то, куда оно ведет и какой оно имеет источник. Какой будет результат? На поверхности оно может казаться разрушающим...

Когда ребенок рождается из чрева матери, то относительно чрева ребенок умирает, ведь чрево никоим образом не знает, что рождается ребенок. Ребенок находился там девять месяцев; он обитал в мире чрева. Чрево было не пустое, оно было заполнено жизнью. А сегодня наступил печальный момент: жизнь, которая заполняла чрево, исчезает, направляясь куда-то в непостижимое, просто испаряясь.

Для чрева это – смерть. А если вы можете понять психологию ребенка, который рождается, то для него это тоже похоже

на смерть, – ведь он жил определенного вида жизнью все эти девять месяцев. Ученые говорят, что, возможно, он никогда не будет жить опять так приятно – нет больше возможности существовать так комфортабельно, нет больше возможности существовать без волнений, работы, ответственности, долга. Он жил в большом спокойствии, в безмолвии, не подвергаясь какому-либо влиянию, впечатлениям, насилию, наставлению.

Он был свободен, и одинок, и удовлетворен, не нуждаясь ни в ком. И не было ни одной вещи, которая была упущена. Все, что было необходимо, было автоматически обеспечено телом матери. Вы не можете представить себе лучший период времени, равный девяти месяцам, в последующие семьдесят лет, чтобы жизнь была сама по себе такой приятной и исполненной, без волнений, без какой-либо ответственности, без страха, без мыслей о завтрашнем и вчерашнем днях, настолько свободной от толпы.

Вы всегда будете чувствовать – даже если каждое мгновение своей жизни вы окружены толпой людей, что вы скучаете по кому-то. Даже в толпе вы одиноки. А в чреве матери, в том полном одиночестве, вы были просто уединенны. Не возникал вопрос о ком-то другом; этот другой даже не возникал в вашем уме.

Поэтому ребенок тоже чувствует, что наступает смерть, именно смерть после той жизни, которую он познал. Он не имеет представления о той жизни, которая наступит; никто никогда не говорил ему о ней. Все, что он знает, – это то, что он не будет тем, кем он был; возможно, его вообще не будет. Он никоим образом не может представить себя без чрева матери. Он испытывает потрясение, может быть, величайшее потрясение в своей жизни.

Даже смерть – не такое огромное потрясение, так как в то время, когда ребенок выходит из чрева... До этого времени он даже дышал посредством матери, у него не было ни тени беспокойства по поводу того, чтобы дышать самому, – и вот он выбрасывается в этот неизвестный мир, где он беспомощен. Он никого не знает – нет ни адреса, ни рекомендательного письма. Он даже не знает, кто он и куда он направляется. Потрясение огромно: естественно, он чувствует, что умирает.

Вот почему ребенок цепляется за чрево матери. Это одна из причин того, что мать проходит через такие страдания и ребенок проходит через такие страдания. Ребенок пытается цепляться за жизнь, которой он жил. Это единственная жизнь, которую он знает, поэтому вы не можете жаловаться на него.

И мать бессознательно тоже жила совершенно другой жизнью эти девять месяцев. Прежде она была другой женщиной; сейчас она уже не прежняя. Эти девять месяцев материнства изменили все в ее жизни.

В течение девяти месяцев она чувствовала себя беременной, полной жизни: огромное возбуждение, подготовка, надежда, мечта, которая должна быть осуществлена. Она приближается к достижению желанной цели подобно дереву, когда оно достигает периода плодоношения. Это радость, во всем существовании матери – радость; раньше она была опустошенной, ей чего-то не хватало. Она была деревом, но без цветов, без плодов – какое же это было дерево?

Но эти девять месяцев, хотя и беспокойные, болезненные, давали ей очень много. Она никогда уже не будет такой... и вот ребенок покидает чрево. Это весьма бессознательное явление. Мать бессознательно сжимает чрево для того, чтобы удержать ребенка, не выпустить его. После того, как ребенок вышел, она может стать опять прежней: бесцельной, опустошенной, бесплодной. Ни мать, ни ребенок не осознают этого; и именно это создает боль.

Рождение должно произойти; это естественное явление. Вы не можете помешать ему, но вы можете страдать от него, или вы можете наслаждаться им. Именно вы принимаете решение. Наслаждение будет великим переживанием для матери; но оно требует некоторой осознанности, некоторого понимания, некоторого внимания к своим собственным подсознательным путям, так чтобы она могла расслабиться и чтобы бессознательное не могло вмешаться в процесс расслабления.

Если она расслабляется, то в этом случае есть возможность, что ребенок также расслабитсЯ, так как за все эти девять месяцев ребенок научился только одной вещи: лишь быть со своей матерью. Если мать печальна, то и ребенок печален. Сейчас есть способы, чтобы определить, печален ли ребенок или нет. Если мать сердится, то и ребенок сердится. Если мать страдает, мучается, то это мучение проникает также к ребенку, потому что ребенок еще не отделился от матери. Все то, что беспокоит существование матери, также беспокоит и ребенка; между ними существует синхронность.

Поэтому, если мать расслабляется – конечно, мы не можем разговаривать с ребенком, не можем научить его, как надо выйти. Даже *вам* так трудно сказать, что надо выйти, – сказать

это ребенку будет невозможно. Но в этом нет необходимости. Мой жизненный опыт говорит, что если мать готова, расслаблена, все предусмотрела, то ребенок просто попадает в унисон с ней. Он расслабляется, чувствуя, что если его мать расслаблена, – не на словах, я не говорю, что он думает, я говорю: он *чувствует*, что мать расслаблена, – это означает, что нет страха, это означает, что нет смерти; и он может также расслабиться.

Но человечество должно научиться этому, даже если рождение ребенка представляется обоим – ребенку и матери – чем-то наподобие катастрофы.

В созидательных процессах, когда что-то должно родиться, то что-то может и разрушиться. И я полностью за такое разрушение, которое закладывает основы созидательности. Я не называю это разрушительным, я называю это созидательным разрушением.

А многое из вашей так называемой созидательной деятельности, которая известна как созидательная... Я хочу пояснить вам, что она не созидательная.

Перед концом второй мировой войны Альберт Эйнштейн написал письмо президенту Рузвельту. Это письмо должно было послужить окончанию второй мировой войны. В этом письме он сделал предложение о том, что он способен создать атомные бомбы, которые смогут разрушить Германию и Японию, что сможет привести к абсолютно несомненной победе Рузвельта. Альберт Эйнштейн был человеком добрых намерений. Но что подделаешь с людьми добрых намерений – они всегда были вокруг, а мир продолжает становиться хуже и хуже.

Дорога в ад вымощена добрыми намерениями.

Альберт Эйнштейн тоже должен быть частью этой дороги. Он не осознавал то, что он делал. Он был евреем, он покинул Германию Адольфа Гитлера. Он познал всю тайну атомной энергии в научных лабораториях Адольфа Гитлера и собирался создать атомную бомбу для Германии. Это изменило бы все направление истории, и кто знает – в каком направлении?

Мы не можем сказать, что было бы хуже, видя то, что произошло. Кто знает, может быть, было бы лучше, так как, возможно, не случилось бы ничего знаменательного. Мир продолжает жить с теми же самыми глупостями, суевериями, уродствами.

Рузвельт сразу же ухватился за Альберта Эйнштейна. Политики, как бы глупы они ни были, очень умны при

обнаружении какой-либо доступной разрушительной энергии. Что касается созидательности, то они абсолютно слепы, они страдают дальтонизмом. Наподобие дальтоников, которые не могут различать определенные цвета, политики не могут видеть созидательности. А разрушение? Их глаза увеличивают его.

Существует психологическая подоплека этому, так как все они – люди, которые гонятся за властью. Стремление к власти – их бог, и, конечно, ничто не дает большего ощущения власти, чем его дает разрушение.

Когда вы что-то разрушаете, то имеете громадное ощущение власти. Поэтому изредка, когда вы имеете громадное ощущение власти, а делать вам нечего, вы начинаете разрушать вещи, которые очень хорошо знаете... Вы можете сломать стул, вы можете разбить зеркало, вы можете начать разбрасывать вещи по комнате, потому что вы наполнены злобой, которая является свойством власти, мерой власти.

Вы прекрасно знаете, что то, что вы делаете, – глупо; зеркало, которое вы разбиваете, ваше собственное, и завтра вы отправитесь на рынок, чтобы купить другое, беспокоясь при этом о цене, споря о цене. Вы знаете все это, но это далеко на заднем плане; то, что вам сейчас надо, – это ощутить власть, ощутить, что вы не бессильны. А во второй мировой войне Рузвельт, Черчилль, Сталин чувствовали себя действительно бессильными: везде было поражение.

Письмо Альберта Эйнштейна – один из наиболее значимых исторических документов. Рузвельт тут же ухватился за него. Немедленно началась работа, и хотя к тому времени, когда атомные бомбы были готовы, война уже заканчивалась... Это нечто такое, что необходимо понять: война заканчивалась; Германия проигрывала войну, Япония проигрывала войну. Еще пятнадцать дней, и война была бы закончена. Но Рузвельт торопился; прежде чем она закончится, надо было сбросить атомную бомбу – только посмотрите, «как мы сильны, и мы доказали, что вы совершенно бессильны».

Это не решало исход войны, совершенно не решало. Все генералы, которые участвовали в войне, были удивлены тем, что надо было использовать атомную бомбу, поскольку окончание войны было вопросом, максимум, двух недель; это уже был оцененный период времени. «Зачем так спешить? Если мы воевали в течение пяти лет и через две недели война закончится, то пусть она закончится, по крайней мере, гуманным путем, по

крайней мере, тем путем, каким она всегда заканчивалась. Не превращайте ее в нечто более негуманное».

Но Трумэн, который сменил Рузвельта, а также другие люди, находившиеся у власти, имевшие в своих руках атомную бомбу, не могли ждать. Это было не такое время, чтобы ждать, так как если бы они прождали еще две недели, то где бы они испытали атомную бомбу? Где бы они увидели величие своей власти? И как они продемонстрировали бы этим врагам, с которыми сражались, что раз и навсегда нужно решить, кто наиболее могущественен.

Атомная бомба была сброшена на Хиросиму и Нагасаки, на два японских города, абсолютно без всякой причины – совершенно без военной причины. Причина была психологическая, политическая.

У Альберта Эйнштейна был величайший шок, так как он думал, что создает атомную энергию в ситуации, когда другая сторона тоже создавала такую же энергию, – тогда мы понесли бы потери. И тогда это была мера защиты. Он думал, что это была мера защиты. В действительности Германии и Японии достаточно было понять: «С нами покончено». Не было необходимости разрушать два прекрасных города.

В течение секунд город с населением в сто тысяч человек буквально испарился, а за мгновение до этого там бурлила жизнь. Я видел фотографию... один из моих друзей прислал несколько фотографий Нагасаки и Хиросимы. На одной из фотографий изображен школьник, может быть, второклассник или третьеклассник, с портфелем, взбирающийся по ступенькам. Наверху – его класс. В этот момент атомная бомба упала на Хиросиму. Мальчик с портфелем и книгами полностью сгорел и прилип к стене. С портфелем, с книгами, все его тело сгорело как уголь и как смола прилипло – одна нога приподнята, чтобы взобраться на верхнюю ступеньку, но внезапно все остановилось.

В этот самый момент более двухсот тысяч людей в обоих городах остановились. И эти люди не были военными преступниками, они не были солдатами; они никоим образом не были связаны с войной. Они были гражданскими людьми – дети, женщины, старики, неродившиеся дети. В чем было их преступление? За что они были наказаны?

Есть ли сейчас хотя бы один идиот-индус в мире, который может сказать, что эти люди были наказаны согласно их карме, заработанной в прошлой жизни? И как вы объясните, что двести

тысяч людей заработали в точности одно и то же наказание в своих прошлых жизнях? И они все вместе собрались в Хиросиме и Нагасаки в один и тот же момент для того, чтобы пострадать за свои кармы, за свой злой поступок? Это похоже на сущий абсурд. Они страдают не от *своих* карм, они страдают от карм политиков.

Альберт Эйнштейн писал в своем дневнике: «Если бы я знал, что это будет результатом моей деятельности, работы всей моей жизни, то я никогда бы не стал физиком. И если для меня будет другая жизнь, то я молю Бога: “Пожалуйста, сделай меня водопроводчиком, а не физиком”».

Несомненно, что то, что он сделал, было громадным актом созидательности, не имеющим себе равного во всей истории. Он узнал самую большую тайну в объективном мире. Действительно, он раскрыл половину тайны; вторая половина – это живая клетка человеческого тела.

В вещах это мертвая клетка, атом, который ему удалось расщепить. И при расщеплении его образуется так много энергии – при расщеплении такого маленького атома. Невозможно увидеть его невооруженным глазом, невозможно увидеть его с помощью каких-либо технических средств; его только предполагают, он только в вычислениях. Он только риторическая фигура; вы не можете точно указать, где он находится, что это такое.

Да, все свойства были описаны, были даны описания, но это все умозаключения. Но поскольку эти свойства работают, значит, они принимаются за истинные. Не то чтобы мы сталкивались лицом к лицу с атомом, но раскрытие половины тайны объективного мира – величайшее достижение человека, созидательности, изобретательности, одаренности.

Несомненно, что другая половина тайны будет намного труднее. Но рано или поздно мы сможем познать точно таким же путем взрыв живой клетки. Этот день будет днем великой радости, так как после этого мы сможем запрограммировать человека – его жизнь, его ум, его одаренность, его возраст, его болезнь, цвет его глаз, цвет его волос, его рост, его вес, – все подробно можно будет запрограммировать. Когда мы сможем расщепить живую клетку, тогда в нее можно будет вложить любую программу.

Но кто знает, не будет ли этот великий акт созидания использован так же, как было использовано научное исследова-

ние атома, сделанное Альбертом Эйнштейном? Вероятнее всего, что так и будет, поскольку люди, которые имеют власть, хотели бы запрограммировать человека в соответствии с их желанием, и они не упустят такой возможности. Это счастливая возможность, которую они ищут в течение тысячи лет. Это великая возможность; ничто не может быть значительнее ее.

Когда вы сможете программировать человека, тогда не будет ни революции, ни независимости, ни индивидуальности, ни проблем, ни забастовок – ничего. В этом случае человек – робот.

Созидательность может служить разрушению.

В этом случае она должна быть осуждена.

Разрушительность может служить созидательности.

В этом случае она должна быть восхвалена.

Вы спрашиваете меня, почему я разрушаю, – потому что я хочу созидать. А другого пути нет, его никогда не было. И я должен разрушать все то, что неправильно, для того, чтобы создавать правильное. Без разрушения неправильного правильное не может быть даже предложено. Неправильное должно исчезнуть, только в этом случае может появиться правильное. Но для вас неправильное не является неправильным; вот в чем проблема.

Вы говорите: «Великие религиозные лидеры, великие религиозные идеологии мира...» Мне придется подробно рассмотреть каждое слово.

Что касается религии, то нет возможности для кого-нибудь быть лидером. Этот термин принадлежит ужасному миру политиков.

В религии нет ни ведомого, ни лидера, ни ведущего...

В религии есть участие.

А участие имеет такое совершенно отличительное качество, что вы даже не знаете о нем; участие, при котором обе стороны извлекают выгоду и не за счет той или иной стороны. Обе стороны извлекают выгоду за счет друг друга.

Вы должны понять мой экономический подход. При обычных сделках, если два человека занимаются бизнесом, то один из них извлекает выгоду за счет другого. Другого пути нет. Тот, кто умный, хитрый, пронырливый, короче говоря, продвинутой человек, тот и извлекает выгоду. Второму партнеру только создаст иллюзию того, что он извлекает выгоду, на самом деле, он – проигравший.

Но согласно моей математике, религиозной математике, эти вещи совершенно другие. В данном случае это подобно тому случаю, когда вы зажигаете свечу от другой зажженной свечи. Разве первая зажженная свеча теряет свой свет из-за того, что вы зажгли свою свечу? Разве ваша свеча извлекла какую-то выгоду за счет первой свечи? Или наоборот – разве первая свеча получила что-то, убедив вторую в том, что ей надо быть зажженной? Нет, обе свечи извлекли выгоду, так как они обе принимают участие в одном и том же деле. Это не сделка, это любовная связь.

В религии нет лидеров. Мы должны полностью выбросить слово «лидеры» из религиозного словаря, так как вся эта идея создает страдания, которые вы видите кругом.

Кто-то – лидер... Аятолла Рохулла Хомейни сейчас – великий религиозный лидер. Такие сумасшедшие люди – лидеры! Сейчас он возглавляет две тысячи мусульманских имамов. Возможно, никогда раньше в истории мусульманства не было такого великого лидера с таким большим количеством имамов, воспринимающих его в качестве своего лидера. Он почти сравнялся с пророком Мухаммедом; лишь еще один шаг, и он сможет оттолкнуться в сторону пророка Мухаммеда и сказать: «Исчезни!»

А этот человек абсолютно сумасшедший! Если вы задумаетесь о его рассуждениях, то любой человек с малейшим разумом... Лишь вчера я слушал программу новостей. С тех пор как он пришел к власти, он постоянно безжалостно убивает людей. Телесное наказание – обычное явление: каждый день на каждом перекрестке вы обнаружите обнаженных, избитых, висящих людей, тела которых залиты кровью. За любую незначительную провинность немедленно назначается телесное наказание. Даже не возникает вопрос о каком-то решении суда или о чем-то в этом роде.

Это делается специальными судами, которые учредил Хомейни, и поэтому они имеют религиозную санкцию. Они называются «Судами Ислама». Не требуются ни адвокаты, ни обвинители – достаточно фанатикам заподозрить кого-либо в саботаже революции.

Судья, который является не кем иным, как мусульманским *маульви*, священником, заслушивает дело. В судебном процессе он является фактически одной из сторон. Если данный человек саботирует вашу так называемую религиозную революцию, то в этом случае религиозный священник является заинтересованной стороной; он не может быть судьей. Но он *является* судьей,

и согласно диктатам ислама он назначает человеку наказание, которое в лучшем случае будет телесным наказанием, которому будет подвергнут обнаженный человек на перекрестке; его должны избивать до тех пор, пока он не потеряет сознание. Это минимальное наказание.

А существует несколько степеней наказания: отрубание рук, отрубание ног, выкалывание глаз и, наконец, обезглавливание. В настоящее время ста шестьюдесятью странами было принято решение о том, что нигде не должны назначаться все эти виды наказания. А Иран – одна из тех стран, которые подписали это международное соглашение, принятое ООН.

Когда перед Хомейни был поставлен вопрос о том, что «это противоречит соглашению», – то вот как поступает этот сумасшедший человек – он сказал: «Если это противоречит соглашению, значит, это соглашение неправильное. И это соглашение направлено против ислама; мы отказываемся от этого соглашения; ислам больше не является частью этого соглашения. Мы верим в ислам; а согласно исламу, если человек избит, если назначено телесное наказание, то это не насилие над человеком. Человек нуждается в этом; его душа заслуживает этого; это очищение. Если человека необходимо обезглавить, то согласно ислама это – не убийство, это – спасение его души».

Сейчас он продолжает спасать души людей за счет их тел, а весь мир просто наблюдает это. Похоже на то, что ни у кого нет мужества. Все эти великие политики, президенты, премьер-министры, короли – что все эти глупцы продолжают делать в ООН? Я не могу понять. Они не могут остановить маньяка, уничтожающего людей, и они продолжают с великим благородством произносить речи в ООН. И это единственное, что они делают.

Шила только что говорила мне: она встретила в самолете человека, на попечении у которого находится Эфиопия, где умирают миллионы людей. Никогда раньше в истории смерть не касалась столь многих людей и в таком ужасном виде. В течение четырех лет там не было дождя, а за три года до этого последний дождь даже не был похож на дождь. Поэтому сейчас из воздуха там исчезла малейшая влага.

Люди умирают от жажды, люди умирают от голода, и миллионы людей... А весь мир просто продолжает смотреть футбольные матчи, Олимпийские игры. Человек, на попечении у которого находится Эфиопия, говорил, что он обращался к

каждому правительству и все они сказали «да», — а никакой помощи вообще не поступает.

Он сказал, что обращается к небольшим правительствам; они говорят: «Мы поможем, но вначале попросите Америку, так как если Америка не будет в состоянии помочь, то нас вы не должны просить». И этот человек сказал Шиле: «А что сделала Америка? Америка не может помогать Эфиопии, так как правительство Эфиопии добавило слово “социализм” в название своей страны!»

Что такое социализм, когда люди просто умирают? Не имеет значения, будь они социалисты или коммунисты, индуусы, мусульмане, христиане. Человек умирает, а вас волнует вопрос: «Вы социалист? Могут ли я дать вам воды или нет?»

Я слышал об еврее, который упал на дороге. Был такой жаркий день, а он был таким уставшим и слишком скупым; поэтому, не взяв такси, он старался как можно дальше пройти пешком. И ему удалось пройти далеко, но, в конце концов, он без сознания упал на дороге. Там собрались люди.

Христианский священник, видя, что человек умирает, прошептал ему на ухо: «Вспомни Бога-отца, сына — Иисуса Христа и Святого Духа».

Еврей открыл глаза, посмотрел на толпу и сказал: «Уберите этого глупца! Я умираю, а он старается сказать мне, чтобы я решал задачу: Бог-отец, Святой Дух, Иисус Христос. Я не в таком сейчас состоянии, чтобы решать задачи. Я умираю, разве ты не видишь?»

Америка ничего не даст. Тот человек сказал Шиле: «Мы приобрели некоторое оружие и заплатили авансом Америке, но теперь Америка отказывается или вернуть нам аванс, или предоставить нам оружие, так как Эфиопия тем временем превратилась в социалистическую страну. Поэтому они говорят, что любое соглашение, заключенное до того, как правительство стало социалистическим, теперь больше не действительно; прежнее правительство больше не существует». Возможно, то соглашение могло быть заключено королем Хайле Селассье, которого свергли социалисты; они приняли на себя руководство правительством. И с тех пор как эти идиоты-социалисты сменили правительство, Эфиопия попала в беду.

Она никогда не была в беде в течение сорока лет во время правления Хайле Селассье. Вот странно. Тот человек обладал

определенной мудростью очень странного типа; да... надо допустить, что тот человек обладал странной мудростью.

ООН послала делегацию в Эфиопию, так как в Эфиопии есть обычай пить воду, собирающуюся во время дождя в придорожных канавах. Но она же заражена. И совет врачей, путешествующий по Эфиопии, обнаружил, что девяносто процентов болезней эфиопов может исчезнуть, если иметь в наличии чистую воду, что не очень трудно.

Они сказали Хайле Селассье: «Это очень простая вещь: необходимо обеспечить чистую воду. Люди должны быть предупреждены... и научены тому, что они не должны пить любую воду, которая собирается во время дождя в придорожных канавах. По канавам ходят животные, пьют из них воду, дети купаются в них, а люди пьют из них воду. И вот так исчезнет девяносто процентов болезней».

Хайле Селассье молча слушал. Он сказал: «Ваш доклад правильный, ваш совет правильный, но я не собираюсь делать этого, так как если я спасу девяносто процентов людей, то что в этом случае я буду делать с такой толпой, с таким перенаселением? Тогда вы будете помогать мне? Тогда кто поможет мне? Пусть природа действует своим чередом. Вы сделаете из нас нищих перед лицом всего мира».

«По крайней мере, сейчас у нас есть достоинство. Мы не нищие; мы не голодные, мы не умираем с голода. Что же можно сделать? Люди понимают это: приходит болезнь, люди умирают; смерть естественна. Я прекрасно вас понимаю, — сказал он. — Не думайте, что я не понял вашу идею — ваша идея на сто процентов правильная, — но успокойтесь и поезжайте домой».

Те люди сообщили во всех средствах информации: «Этот человек просто сумасшедший! Мы предоставляем ему научную информацию: мы работали три месяца, путешествуя по Эфиопии и рискуя своими жизнями; мы подготовили целый доклад, а этот человек сказал: “Он на сто процентов правильный; заберите его домой, отдохните и забудьте все об Эфиопии!”»

Все думали, что этот Хайле Селассье просто сумасшедший, но даже в то время я, возможно, был единственным человеком, который высказывался в его пользу. И я сказал: «Я думаю, что он прав: если девяносто процентов умирающих людей будет спасено, то кто в этом случае собирается снабжать их продовольствием, одеждой и кровом? Эфиопия не имеет средств, это бедная страна; она может поддерживать только небольшое население. И

откуда эти врачи собираются доставить все необходимое? Спасти человека не очень трудно, но обеспечить его жизнь в течение семидесяти лет очень трудно».

Но молодые люди Эфиопии думали, что Хайле Селассье сумасшедший, что он стал циничным, что он слишком стар. И конечно, он правил страной со времен первой мировой войны; возможно, он был единственным правителем, который правил страной на протяжении двух войн. Но он не был циничным, он был действительно очень разумным человеком.

Когда происходила революция, я думаю, он сделал то, что может сделать только очень разумный человек: он вышел из дворца и спросил революционеров: «Что вы хотите сделать со мной? Не будьте разрушительны без необходимости: ваша проблема — я, поэтому что вы хотите сделать со мной?»

Они сказали: «Садитесь в автомобиль и езжайте с нами».

Он сказал: «Прекрасно». Он сел в автомобиль и поехал с ними в военный лагерь. Никогда раньше в истории революция не проходила так легко. Но это был разумный человек, очень разумный. Он сказал: «Зачем разрушать и убивать без необходимости? Мои люди будут убивать ваших людей, ваши люди будут убивать моих людей. Заберите меня, и решены все проблемы. Принимайте на себя руководство».

И с тех пор как они приняли на себя руководство, они принимали всевозможные советы от экспертов, от различных врачей, экономистов, финансовых экспертов, — а результат один: Эфиопия умирает. Я говорю, что теперь они должны вспомнить то, что сказал Хайле Селассье: «Вы можете спасти народ, но тогда...? Лучше позволить природе действовать своим чередом».

Иногда эти врачи, эти финансовые эксперты выглядят очень созидательными, и то, что они говорят, выглядит созидательным — спасение жизни. А Хайле Селассье выглядит очень разрушительным, позволяя природе действовать своим чередом. Но когда я ближе присматриваюсь к ним, то я думаю, что Хайле Селассье, в конце концов, прав, а эти образованные идиоты даже не знают, что они делают. И вот что они сделали во всем мире. Сейчас население настолько велико, что к концу этого века даже не будет достаточно места, чтобы стоять. Все будет настолько переполненным, настолько ужасным, настолько грязным и настолько больным.

И это уже начало происходить.

Тот человек сказал Шиле, что он просил о помощи Совет-

ский Союз. Они сказали: «Мы желаем помочь, но в этом случае мы хотим войти в страну; наши войска будут там». И это ясно: если Советский Союз входит со своими войсками в страну, чтобы помочь ей, то Америка сразу же будет готова войти в страну со своими войсками, чтобы помочь ей.

Но это не помощь, это самый худший вид эксплуатации. Они умирают, а вы ведете переговоры: «Позвольте войти нашим войскам, и мы поможем». Никто не знает, какую помощь они окажут. Одно определенно: их войска никогда не выйдут из страны.

Это лидеры. Религия не имеет лидеров. И никогда не используйте слово «великие» применительно к религиозным людям. Религиозные люди — очень обыкновенные, очень простые. Почему эта идея «великих» стала относиться к религии? Или это были фанатики, которые сами провозглашали себя великими, или их последователи чувствовали себя не очень конкурентоспособными по отношению к другим последователям и должны были продолжать приумножать величие своего лидера, своего создателя.

Но все это политика, бизнес.

Это не имеет ничего общего с религией.

Удивительно то, что ни одна религия не говорит: «Наш религиозный создатель был обыкновенным человеком». Это было бы так целомудренно, так чисто, так почтенно. Наоборот, они продолжают заявлять глупые вещи, которые только делают их посмешищем.

По моему мнению, великих религиозных лидеров не существует.

И о каких идеологиях вы говорите? Какое отношение имеет религия к идеологии? Слово «идеология» состоит из двух слов: идея и логика. Итак, религия не имеет ничего общего с идеями или с логикой. Идеи — это умственное, психическое.

Религия начинается там, где идеи кончаются.

Религия начинается там, где идеи и их влияние отбрасываются.

Религия имеет крылья, но только в том случае, если идеи не лежат на ней грузом.

Нет идей... и есть религия.

Ваша голова полна идей, и тогда вовсе нет возможности быть религии. Идеи просто означают, что вы не познаете и стараетесь постичь, что это такое. Слепой человек, думающий о

свете, — это идея. Человек, который знает свет, имеет не «представление» о свете; он просто *знает* свет.

Религиозный человек знает истину, действительность, существование как таковое. У него вообще нет идей.

Поэтому все идеологии или философии не имеют ничего общего с религией. А логика — это лишь игра, созданная умом. Вы можете играть в нее столько, сколько хотите; она не имеет основы в реальности. И она вообще никогда не приходит ни к какому заключению: логика не знает заключения. Религия не интересуется всем этим процессом, гимнастикой логики.

Интересом религии является: как узнать то, что есть?

Это не вопрос логики. Логика хороша в науке, любовь хороша в религии; они полярно противоположны. Любовь ничего не знает о логике, а логика никогда не была способна даже вкусить часть любви; они — разные миры.

Логика — это в основном математика.

А религия — это в основном медитация.

Математика действует посредством цифр, определяя расстояния, например: как далеко находится ближайшая звезда — четыре световых года. Когда мы говорим «четыре световых года», то это не выглядит очень большим расстоянием, но если вы полностью вычислите, чему равняются четыре световых года, то вы увидите, что даже ближайшая звезда настолько далека, что у человека нет возможности достичь ее.

За одну секунду свет проходит 186000 миль. Умножьте это число на шестьдесят — это означает, что за одну минуту он проходит такое большое количество миль. Затем умножьте полученное число на шестьдесят, это — расстояние в милях, пройденное за один час. Затем умножьте его на двадцать четыре; тогда получится расстояние в милях, пройденное за один день. Затем умножьте на тридцать — это расстояние в милях, пройденное за месяц. Затем умножьте на двенадцать — это расстояние в милях, пройденное за год. Затем умножьте на четыре — тогда вы получите цифру с сотнями нулей. На таком расстоянии в милях находится ближайшая звезда. И запомните — это *ближайшая* звезда.

Там звезды и звезды; по крайней мере их было насчитано три миллиона. Но это только из-за нашей ограниченной возможности считать: у нас нет каких-либо более точных приборов, и по мере того как приборы становятся точнее, мы продолжаем делать все больше и больше открытий.

Невооруженным глазом ночью вы не можете видеть более трех тысяч звезд, что бы вы ни делали. Вы можете *попытаться* сосчитать — вы можете сойти с ума. Но самый лучший счетовод до сегодняшнего дня был способен насчитать три тысячи звезд. Даже три тысячи кажутся слишком большим количеством; уже досчитав до трехсот, вы будете смущены, так как какие-то звезды пропущены, а какие-то были сосчитаны.

Как только удалось тому человеку сосчитать три тысячи! Я хотел бы знать, действительно ли кому-то это удалось, или это лишь миф. Три тысячи! Мне не удастся — мне не удастся насчитать даже тридцать! Я попытался, и, не досчитав до тридцати, я сказал: «Это бессмысленно. Это не для меня».

Три миллиона звезд — и это еще не предел; им нет конца: там миллионы и миллионы звезд. Это мир математики, мир расстояний. Я хочу подчеркнуть: мир расстояний. Чем дальше вы заходите, тем больше оказываетесь во власти математики. Чем ближе вы приближаетесь, тем меньше нужна математика.

Мир истины, мир религии внутри вас.

Там нет расстояния даже в один сантиметр. Какая математика нужна? Там вообще нет расстояния.

Вы и ваше сознание едины, поэтому не стоит вопрос об измерении.

Это слово напоминает мне... это слово прекрасно: мера. Вы, может быть, никогда не задумывались об этом, но английские слова «материя» и «мера» пришли от одного и того же санскритского корня. Вот почему на нескольких языках это стало «метром». На санскрите *матра* означает количество; «матра» на хинди означает количество. Мера количественна, это то, что может быть измерено. Материя — это то, что может быть измерено.

Математика — это наука об измерении, наука о материи. Но она — не наука о сознании, об осознании; там нет ни материи, ни количества. Да, там количество... Обычно количество — это нечто осязаемое, измеримое; вы можете взвесить его, вы можете разделить его; но в вопросах, касающихся сознания, такого количества нет.

Там есть качество — неизмеряемое, невесомое. Но это качество имеет много количеств. Теперь вы должны будете понимать слово «количество» совершенно по-другому, не так, как оно используется, поскольку качество, которое не является количеством, имеет, на самом деле, много количеств.

Например, оно имеет удовлетворенность, огромную удовлетворенность.

Оно имеет чувство достижения, очень осязаемое, осязательное.

Оно имеет огромное количество блаженства, настолько переполняющего вас, что даже если вы захотите предотвратить его, то оно не может быть предотвращено.

Оно должно достичь миллионов людей: говорите вы или нет, оно достигнет вас.

Оно имеет свой собственный тип колебания. Оно пульсирует и колеблется.

Но все это вне пределов логики, математики, науки.

Единственное слово, во внутрь которого они все попадают, — это медитация.

Вы должны быть лишь безмолвны: никуда не идя, не ведя никого, не будучи ведомыми никем. Вы должны просто сидеть, ничего не делая. Там нет даже способности формирования и восприятия идей — нет размышления, так как оно достаточно для того, чтобы увести вас далеко, дальше звезд.

Вы должны быть просто никем, так как лишь немного представления о том, кем вы являетесь, — и появляется политик, и начинается поход за властью.

Я — никто, и это истина.

Я говорю это не из-за смирения, так как если вы говорите «я — никто» из-за смиренности, то, значит, вы упустили смысл. Вы провозгласили смирение; вы уже сделали себя кем-то, кто является смиренным. И если кто-то еще говорит: «Мой брат более смиренный, чем вы», то в этом случае вы сразу же увидите огромное напряжение, растущее в вас.

Религиозные учения говорили людям: «Будьте смиренны». Я не говорю это, так как если вы *стали* смиренными, то, значит, вы обманываете самих себя. Вы в опасности: вы будете становиться все более и более эгоистичными, и вы никогда не почувствуете горечь эго из-за этой сладкой оболочки смиренности, которая никогда не бывает толще вашей кожи и может быть очень легко содрана.

Когда я говорю, что я — никто, я имею в виду именно это.

Без особой причины я — никто.

Вот как это происходит; и что же я могу поделать? Я — никто.

Я приглядывался к самому себе всевозможными способами,

я не нахожу ничего, о чем стоило бы заявить: лишь абсолютное безмолвие, ординарность, которая является самой природой существования.

Быть экстраординарным — значит всегда быть в напряжении. Вы подумали об этом? Быть кем-то особым — значит всегда быть напряженным. Но если вы знаете о том, что вы — никто, — не то, что вы *стараетесь* быть никем, так как это означает, что вы стараетесь стать кем-то особым, называемым «никто». Эти маленькие ошибки могут ввести вас в заблуждение.

Лишь обнаружив, что «я — никто»... вот каким является существование. Что представляет собой цветок ноготки? Что представляет собой роза? Они оба — никто. А мы имеем отношение к ним. Когда это укореняется в вас, то безмолвие начинает спускаться на вас. Там нет идеи, нет изображения — нет Иисуса Христа, нет Кришны, нет Будды: вы совершенно пусты.

И в этой пустоте есть свет.

В этой пустоте есть просветленность.

Я никого не сокрушаю, я просто разрушаю все препятствия в вашем разуме. Когда я говорю что-то против Иисуса, или Будды, или Махавиры, вы думаете, что я говорю что-то против самих Иисуса, Будды или Махавиры? Тогда вы неправильно понимаете меня. Когда я говорю что-то против Иисуса, я наношу удары по Иисусу внутри вас. И я должен выбить из вас этого Иисуса.

Иисус обычно изгонял из людей злых духов. Моя работа совершенно другая. Я стараюсь изгнать из вас добрых духов: Иисуса, Будду, Махавиру, Мухаммеда. А злые духи очень просты, так как когда Иисус обычно изгонял из людей злых духов, то эти злые духи легко выходили в виде свиней и убежали.

Я размышлял: в каком виде выйдут и убегут добрые духи? Свиньи не выглядят подходяще. Нет, я даже не соглашусь с тем, что Иисус, Конфуций будут выбегать из вас как свиньи; нет, это неправильно. Но я все еще не был способен обнаружить... Я думаю, что они не примут чей-то образ; они побегут, не принимая чей-то образ.

А вопрос стоит не об их беге; вопрос стоит о вашем изгнании их. Они не владеют вами; *вы* владеете ими. Лишь расслабьте свои руки и позвольте им уйти.

Я не против кого-то, и я не сокрушаю кого-то.

Несомненно, что я разрушаю многое *в вас*, так как я знаю,

что если все эти помехи будут разрушены, то в этом случае вы утвердитесь в самих себе, в своей полной славе.

А эту славу я называю божественностью.

Беседа 18

В ПАУЗАХ, ПОСЛЕ ЗАПЯТЫХ И ТОЧЕК...

15 февраля 1985 года

Бхагаван,

Что является наиболее существенным в просветлении?

Наиболее существенным в просветлении является то, что оно — самая незначительная вещь в мире.

Священные писания заполнены великими атрибутами, качествами, касающимися просветления. Оно — высочайшая вершина, которую когда-либо достигало человеческое сознание. Естественно, логично, что ученые размышляли о том, как описать просветление. Они нашли много слов. Например, «это как прибытие домой».

Что касается меня, то я думаю, что, прежде всего, вы никогда и не покидали своего дома. Никто не может покинуть его; нет пути для того, чтобы пойти куда-нибудь за исключением того места, где вы находитесь. А это — ваш дом. Это не похоже на отбытие и прибытие. Кто собирается отбыть — вы? Как вы можете уйти от своей природы? Нет возможности разделения, она неразделима.

Куда бы вы ни шли, ваша природа будет внутри вас. В действительности, говорить «вы» и «природа» — это неправильно, но что же делать, если все языки неправильные? Вы *являетесь* природой. «Вы» не делает вас отдельной реальностью. Вы можете называть себя тысячью и одним именем; и все же вы навсегда останетесь такими же.

Поэтому, хотя очень великие ученые, пандиты, теологи, философы, даже так называемые мистики описали прибытие домой как один из символов просветления, но девяносто девять процентов этих людей просто не осознают того, что они говорят. Если не было отбытия, то как вы можете говорить о прибытии? Но эти девяносто девять процентов людей — лишь знатоки слов, священных писаний, принципов, философий; их можно простить.

Настоящая беда с этим одним процентом, с мистиками. Но их также надо простить по той простой причине, что язык наш так бессилён. Что может сделать мистик? Он хочет дать вам

определенную суть вашего бытия, но там был разрыв; вы присутствовали, но не осознавали. Вы были дома, но быстро заснули и видели сон о далеких землях, о сказочных странах, об утопиях, о рае.

Слово «рай» напоминает мне о том, что оно очень ужасное. Оно использовалось в Персии при обозначении царских садов. На персидском языке *фирдаус* означает «огороженный стеной охотничий сад». В странах, подобных Персии, сады могут быть огорожены только стеной. Они должны быть защищены от пустыни, и только цари могли себе позволить создавать их. Они могли жить в пустынях, как если бы они жили в садах; они могли устраивать для себя огороженные стенами сады протяженностью во много миль.

И конечно, для их удовольствия, игр, развлечений в их сады доставлялись всевозможные дикие животные. Они жили там очень свободно, — конечно, внутри границы, за стеной, но это была обширная территория. И цари обычно охотились на этих лишенных настоящей свободы диких животных. Это был настоящий смех. Они не могли убежать, они не могли никуда пойти. Во всяком случае, они были пойманы, и, кроме того, их убивали.

От слова «фирдаус» происходит английское слово «рай» (paradise). Они полностью забыли об охоте, они только помнили об огороженных стеной прекрасных царских садах. Но целью была охота; сам сад был вторичен. В английском же языке об этом полностью забыли; иначе будет очень трудно описать рай. Огороженный стеной сад может быть описан как... но кто там охотник? И на кого должны охотиться?

Возможно, Бог охотится на святых? Я не вижу там каких-либо других животных, кроме святых; они — единственные животные, которым разрешено находиться там. Если это охотничье место, то в этом случае святые должны действительно страдать, очень сильно страдать: всю свою жизнь они страдали ради того, чтобы войти в рай, — и сейчас вот он, рай!

Невозможно выбраться из него; он — огороженный стеной сад. Снаружи — пустыня и смерть; внутри можно попытаться спрятаться, вы можете выжить — не все животные умрут. Но размышление о себе как о животном, на которого охотятся, приведет к тому, что из воздушного шара христианского рая выйдет весь воздух. Это горячий воздух.

Очень глупо то, что выбрали слово «рай». Но девяносто девять процентов тех людей были учеными, которые были обучены только словам, которые ничего не знали о действитель-

ности, которые ничего не знали о себе, которые ничего не знали о просветлении. Они были слепыми людьми, совершенно слепыми. Они никогда не видели света, но говорили о свете. Естественно, их можно простить; они глупы, но прощаемы.

Один процент людей прекрасно знал то, о чем они говорили; их беда была больше, чем беда тех ученых. Ученые чувствовали себя непринужденно, описывая вещи, которых они не знали. Для них не было проблемы, так как в их умах не было противоречия; им было все ясно. Отсюда и слово «мистик»: оно идет от ученых, теологов, философов; они говорят, что этот человек говорит так, что из его речи невозможно извлечь какой-либо смысл. Мистик – это тот, кто говорит абсурд.

Но мистик, в действительности, находится в затруднении. Он знает истину, но не знает какого-либо соответствующего слова, чтобы выразить ее, поэтому он вынужден использовать слова, которые были использованы другими. Поэтому и он тоже называет просветление «прибытием домой».

Но истинный мистик немедленно осознает, что то, что он говорит, – неправильно. На самом деле, он не упустит ни одного момента, чтобы сказать: «Что бы я ни говорил, не начинайте верить буквально каждому слову. Постарайтесь прочитать между словами, между строчками: в паузах, после запятых, точек – читайте там. Отбросьте как можно больше слов и создайте промежутки».

Существует суфийская книга; ей по крайней мере семьсот лет; она называется просто *Книга*. Это пустая книга, в ней ничего не написано. Она с благоговением передавалась от одного поколения мистиков к другому; от Учителя к ученику: «Это наша проповедь. Я читал ее всю свою жизнь, теперь ты читай ее. Я умру, ты умрешь, но ее чтение должно продолжаться. Книга должна быть сохранена».

Можно понять сохранение *Корана, Гиты, Библии, Торы*; в них что-то написано, что-то важное, значительное. Но суфии настаивали на сохранении книги, в которой ничего не написано. И она передается Учителем только успевающему ученику, главному ученику, который станет следующим Учителем. По видимому, эти люди прилагали все усилия для того, чтобы что-то сказать без слов. По крайней мере, они прилагали усилия.

Такова была ситуация со всем тем одним процентом мистиков по всему миру: они должны найти какой-то прием для того, чтобы выразить невыразимое. Слово «просветление» также выдуманно учеными – ученые делали великую работу. И мистики

вынуждены были использовать это слово, прекрасно зная, что это переживание не имеет ничего общего со светом, с которым вы знакомы.

Просветление, которое описывается данным словом, находится вне света и темноты, так как оно – вне двойственности. Вы не можете назвать его темнотой, вы не можете назвать его светом, и все же оно имеет свойства их обоих.

При свете вы можете видеть. Просветленный человек имеет глаза, которых нет у вас. Он может видеть вещи так, как вы никогда не сможете увидеть. И вы можете попытаться понять это: художник видит живопись; вы также видите ее. Что касается цветов, то ваши глаза воспринимают те же самые цвета, что и глаза художника; но вы думаете, что вы видите ту же самую живопись, что и художник? Нет, это невозможно, так как для того, чтобы видеть живопись так же, как Пикассо, необходима такая же одаренность. Дело не в красках; дело во всем органическом единстве всех красок. Эти краски – только детали.

Это подобно тому, как если бы вы разбирали автомобиль. Каждая деталь отделена; вы разбросали их на земле и вы видите их. Вы видите автомобиль, но разве это автомобиль, который вы видите? Нет, это только детали. Когда вы видите живопись Пикассо, то вы видите ее так же, как автомобиль: вы видите лишь фрагменты, куски.

Вы не обладаете одаренностью для того, чтобы видеть ее в целостности, когда все цвета теряют свою индивидуальность и начинают функционировать в гармонии. Видеть эту гармонию означает видеть живопись. Она не имеет ничего общего с цветами, ничего общего с холстом, ничего общего с рамой. Рама может быть золотой; это не имеет значения. Вопрос стоит об органической гармонии. Но для этого вам необходим совершенно другой тип глаза – так же, как музыканту необходим другой тип уха.

Но это незначительные вещи по сравнению с просветлением. Я лишь привожу примеры для того, чтобы указать на нечто, что лежит вне примеров. Оно обладает некоторым качеством, которое имеет место при свете, не из-за света – поймите правильно. Оно обладает некоторым качеством, которое имеет место при свете. Если свет выключить, то что исчезает? Исчезает ваша способность видеть.

Когда случается просветление, то имеет место определенная способность видеть, которая была совершенно подсознательна внутри вас. Она полностью готова функционировать в любой

момент, но вы даже не обернетесь, чтобы взглянуть на нее. Лишь только сам ваш оборот включит выключатель. Но это не просветление. Позвольте мне повторить: просветление – это еще не просветление, не *только* просветление. Это путь для того, чтобы сказать, что вы достигаете определенной способности видения, познания.

В нем также есть свойство и темноты; существовала школа мистиков, которые называют ее крошечной темнотой. Но это не темнота. В темноте есть некоторые вещи, которые вы упускаете при свете.

Свет дает вам определенный тип напряженности; темнота расслабляет вас. Вот почему ночью, если включены все огни, вы не можете спать. Вам необходимо быть окруженными темнотой, как будто бы вы находитесь в чреве матери. Темнота обладает определенным безмолвием, определенной музыкой, которые мы не способны познать из-за своего страха перед темнотой. Мы так боимся темноты, что потеряли способность создать какой-то сокровенный контакт с ней. А это такое глубокое переживание.

Если вы сравниваете свет и темноту, то свет появляется и исчезает; темнота же остается, она вечна. Свет – временное явление, он имеет ограничение во времени. Утром солнце встает, вечером садится. И какой бы тип света вы ни создали, он имеет определенное ограничение: если топливо кончилось, то свет исчезнет. Он зависим, он – не независимое явление. Когда-нибудь даже солнечный свет исчезнет, так как в каждый момент он рассеивается. Солнце – огромный источник света; в течение миллионов лет оно дает свет, но с каждым днем он становится все слабее.

Есть несколько физиков, которые думают, что за четыре тысячи лет Солнце обанкротится – оно израсходует свой газ. Так много солнц умерло за время существования. Почти каждый день умирают сотни звезд, а они такие же огромные, как наше Солнце, – а на самом деле гораздо больше, чем наше Солнце. Наше Солнце имеет очень средние размеры. Оно очень большое по сравнению с нашей Землей – в шестьдесят тысяч раз больше, чем Земля, – но оно не такое большое по сравнению со звездами, которые не что иное, как солнца. Они выглядят такими маленькими, потому что очень далеко находятся. Есть солнца, которые в миллион раз больше, чем наше Солнце. Это Солнце не стоит того, чтобы его принимать в расчет.

Есть прекрасный рассказ, написанный Бертраном Расселом, – он написал несколько прекрасных рассказов. Всю свою

жизнь епископ размышлял о Боге, о небесах, о своем служении Богу, а также о своей безбрачной, непорочной, богомольной жизни. Обычно, как только он засыпает, он думает о том, что если он умрет, то обязательно попадет в рай. Он засыпает и видит прекрасный сон. Вы можете назвать это прекрасным сном, вы можете назвать это кошмаром; это зависит от вас.

Ему снится, что он умер – возможно, продолжалась та же нить мысли. Он умер. Он так возбужден – это естественно, ведь сейчас он увидит Бога, а его репутация так чиста. Он никогда ничего не сделал против священного писания, против наставлений Божьих. Он был по-настоящему религиозно религиозным, весьма фанатичным в каждой мелочи – так и должно было быть согласно священному писанию. Естественно, что он был абсолютно уверен.

Его куда-то забрали – он, конечно, думает, что направляется в рай, – его оставили перед огромной дверью. Он пытается увидеть, где она кончается, но похоже на то, что она нигде не кончается; у нее такие огромные размеры. Он не может увидеть ни левую сторону двери, ни правую сторону, ни верхнюю часть; и он ощущает себя настолько крошечным, что даже маленькое насекомое, стучащееся в вашу дверь, не ощущает себя так плохо, так как он был еще меньше насекомого по сравнению с дверью. И, стуча в дверь... вы можете понять его страдание.

Он полностью осознал.. кто же его услышит? Если уж дверь такая большая, то что же говорить о дворце? И что же говорить о троне? И что же говорить об отце нашем, Боге? Епископ чувствует, что у него нет надежды, но делать нечего, поэтому он продолжает стучаться. Он может слышать свой собственный стук, и это все; а там безмолвие – нет ответа. Всю свою жизнь он молился именно этому... Теперь он немного сердится. Всю свою жизнь он молился, но ответа нет...

«Можно понять, что все произойдет после смерти. Сейчас смерть наступила, а мне в лицо смотрит закрытая дверь. Здесь даже никого нет, от кого я мог бы получить какую-либо информацию. По крайней мере, здесь могло бы быть справочное бюро. Люди должны сюда приходить и стучаться в эту дверь».

«Я прекрасно могу понять, что миллионы людей, должно быть, умерли, стучась в эту дверь, – умирали снова и снова... поскольку вы не можете умереть на самом деле, вы вечны. Поэтому вы должны будете умереть снова и стучать, умереть снова и стучать.

...Он не может представить себе, сколько же времени прошло, а он все стучал, стучал и стучал. Он начинает чувствовать, что опять стареет и приближается смерть; а он все еще стучит.

«Не обман ли это – то, что сказал Иисус: “Вы будете встречены с оркестрами и ангелами, славящими Бога?” Нет ни ангелов, ни оркестров – но, по крайней мере, кто-то должен открыть дверь и впустить меня». В это время маленькое окошко – я говорю, что оно маленькое по сравнению с дверью; дверь была все такой же огромной, что он не мог видеть ее размеры, – открылось маленькое окошко. А теперь он стал привыкать к вещам «маленьких» размеров. Маленькая голова – он не мог увидеть все лицо, только отдельные части, но он смог разобрать, что кто-то смотрит на него. И он почувствовал себя подавленным, униженным; он никогда не был так оскорблен. Но что поделаешь?

Епископ говорит: «Вы Бог?»

Голова говорит: «Нет», а голос этот настолько громкий, что епископ чувствует, что его уши почти готовы лопнуть.

Он говорит: «Не можете ли вы сказать это немного мягче? Просто шепчите; для меня будет достаточно, чтобы вынести это. Не говорите, а лишь шепчите. Если вы не Бог, то кто же вы?»

Голова говорит: «Я – всего лишь стражник. Я никогда не видел Бога, так как мой долг – быть на воротах; а Бог живет далеко, очень далеко – мы только слышали об этом из священных писаний – в огромном дворце. Я не знаю туда дорогу. У меня нет храбрости... и, кроме того, мой долг – быть здесь, я не могу идти куда-то еще. Но кто вы – я ведь не вижу вас?»

У человека такие большие глаза; как он может увидеть такое маленькое насекомое? А епископ говорит: «Я – епископ такой-то».

Стражник говорит: «Это не имеет никакого смысла. Пожалуйста, скажите мне, откуда вы идете?»

Епископ говорит: «Я иду с планеты Земля».

Стражник говорит: «Это слишком маленькое место – есть миллионы земель. Которая земля? Пожалуйста, скажите мне индекс».

«Индекс? – говорит епископ. – Мы никогда не слышали об индексе. Наша Земля имеет индекс?»

«Каждая планета должна иметь индекс; иначе как мы догадаемся, откуда вы идете и кто вы? Если вы не знаете индекс, то, по крайней мере, пожалуйста, скажите мне индекс вашей

солнечной системы. В действительности, это самая низшая категория, о которой мы собираем информацию в библиотеке. Ведь каждая солнечная система имеет свою собственную библиотеку. Только важные вещи от солнечной системы поступают в компьютер центральной библиотеки. Возможно, о вашей Земле где-то упоминается, но вы должны рассказать мне о вашей солнечной системе. От какого солнца вы идете?»

Епископ говорит: «Мы обычно знали только одно Солнце».

Стражник говорит: «Существуют миллионы солнечных систем – похоже, что вы полностью растерялись! Я не могу помочь вам, но я приложу все усилия. Я не видел вас, но я могу слышать слабый визгливый голосок. Я пойду к библиотекарю и спрошу его».

Библиотекарь задал те же самые вопросы, а стражник не смог на них ответить. Библиотекарь сказал: «Вы сумасшедший? Как я могу отыскать это в такой громадной библиотеке, где имеются только индексы и индексы? По крайней мере, должна быть известна солнечная система; в этом случае что-нибудь может быть сделано».

Стражник вернулся. Он сказал: «Это очень трудно, но библиотекарь старается изо всех сил. На это у него может уйти несколько лет, чтобы выяснить, откуда вы идете».

Несчастный епископ сказал: «Несколько лет! Я ждал здесь почти шестьдесят лет или, возможно, больше, так как чувство времени потеряно».

Человек сказал: «Если вы сможете получить в ближайшие шестьдесят лет правильную информацию о вашей планете, то это будет очень быстро! Вы совсем не осознаете необъятность существования». Он кричал так громко, что епископ проснулся. Он обливался потом, дрожа, а ночь была холодной. А он встретил только стражника; он был только у ворот, с внешней стороны!

Это обширная Вселенная. Наше Солнце – очень молодой мальчик, но уже ослабевающий. В небе много древних людей; а это Солнце было рождено после них и умрет раньше их. Даже Солнце, которое действительно имеет неистощимый, почти неистощимый источник энергии, однажды обязано прекратить свое существование. Свет никогда не может быть неистощимым, так как он зависит от горючего.

Темнота вечна, так как она не зависит от какого-либо горючего. Темнота не приходит и не уходит, она просто остается. Она есть; когда есть свет, вы не можете видеть ее; вот и все. Когда свет пропал, есть темнота. Она всегда была; похоже на то, что свет

ложится на ваши глаза и вы не можете видеть темноту. Поэтому люди, которые выбрали название для предельного состояния сознания – «предельная темнота», также имеют на это веские основания.

Темнота имеет глубину, которую свет никогда не способен иметь; свет поверхностен. Вы не можете измерить темноту, вы можете измерить свет. Вы будете удивлены, узнав о том, что можно даже взвесить свет. Если собрать все солнечные лучи, падающие на одну квадратную милю, то они будут весить почти столько же, сколько весит одна индийская рупия. Я не знаю о ваших американских монетах, поэтому я ничего не могу сказать о них. Одна квадратная миля света – это было доказано. Он может быть собран с помощью определенных стекол, сложен определенным способом... весь свет может быть собран в небольшое место, на весы. Он весит в точности столько же, сколько весит одна рупия. Но темнота – нет способа измерить ее, так как нет способа собрать ее. Она просто есть.

Вы можете сделать свет своим рабом; мы уже сделали. Вы используете свет как своего раба каждый день. Включая и выключая выключатель, что вы делаете? Вы поработили свет. Но есть кто-нибудь, кто может сказать, что он поработил темноту? Это невозможно. Вы можете делать многие вещи со светом: вы можете впустить его, вы можете отключить его. Вскоре будет, я думаю, что должно быть, обязано быть, так как есть часы...

Бивек только что принесла каталог для того, чтобы показать мне часы, которые выполняют ваши приказы. Когда они звонят «подъем», а вы говорите: «Заткнись!» – они замолкают – они очень послушные. Они молчат две минуты, затем опять начинают звонить, но еще громче, чем раньше. Вы можете в течение десяти минут говорить им: «Заткнись!» – и они перестают звонить; а в следующий раз они будут звонить еще громче. На десятый раз они совсем сойдут с ума!

Если вы можете делать это с будильником, то я не вижу никакой проблемы: вы можете это делать с лампочкой. Лишь скажите: «Заткнись!» – и она затыкается. Я думаю, что выключатели немножко старомодны, ведь в них нет необходимости. Вы входите в комнату и говорите: «Включись», и свет включается. А когда вы выходите, вы говорите: «Выключись и оставайся выключенным до моего прихода». В этом нет проблемы.

Но вы не можете сделать это с темнотой. Мы даже не способны осуществить какой-либо контакт, хотя она так близка, она всегда так близка. В темноте есть определенная свобода,

которой нет в свете; но оба имеют свои проблемы. Я не могу выбрать одну из них для того, чтобы определить все явление просветления.

Просветлению были даны атрибуты: что есть переживание истины, переживание подлинности, переживание любви, переживание сострадания, переживание вечности, переживание освобождения от пространственно-временной зависимости, переживание освобождения от всех видов двойственности.

Это очень большие слова, и они озадачивали человечество веками; а люди старались выяснить: что такое истина?

Математики говорят, что истина никогда не может быть полностью определена. У одного из математиков, Геделя, есть принцип, который кажется все еще неопровергнутым. Его принцип заключается в том, что математика никогда не будет свободна от парадоксов. В действительности, он говорит: «Ни одна система, сделанная человеком, не может быть свободна от парадоксов, так как человек – это парадокс; а когда человек что-то делает, то он становится частью своего создания».

Существует вероятность, что рано или поздно ваши компьютеры могут начать капризничать, так как вы вкладываете свой ум в эти компьютеры. Некоторые компьютеры могут стать вздорными! Это относится к вам; компьютеры будут просто повторять все то, что вы вложили в них. Некоторые компьютеры могут стать просветленными. Что бы вы ни сказали, они скажут: «Я просветленный, я – единственный рожденный сын Божий!»

А вы не сможете даже распять компьютер на кресте – это было бы так глупо, распинать компьютер, – но может настать время, когда вы сможете расстрелять компьютер. Он может стать такой досадой, может начать делать такие извращения, что вам ничего не останется делать, как только расстрелять его. Он может начать терзать вас самыми изощренными средствами.

Гедель прав в том, что, что бы ни делал человек, какую бы доктрину он ни представлял на обсуждение, какую бы философию он ни высказывал, они будут так или иначе парадоксальны. То, что ниже этого, останется противоречивым. Поэтому Гедель говорит, что в математике есть три категории: то, что может быть описано, описываемое; то, что уже было описано; и то, что никогда не будет описано.

Есть математики, которые не соглашаются с третьей категорией. Они говорят: «Две категории прекрасны: описанное и описываемое. Неописываемое мы не можем допустить до тех пор, пока мы не исчерпаем все наши средства для описания». И они

все еще не исчерпаны, они никогда не будут исчерпаны; не будет такого момента, когда мы сможем сказать: «Мы исчерпали все средства и все возможности». Поэтому третья категория не может быть все еще установлена. Относительно двух категорий проблемы нет.

Вся наука готова допустить две категории: выразимое, познаваемое; и непознанное, но которое может быть познано, которое потенциально познаваемо. Они полностью отбрасывают мир мистики. Они говорят о том, что нет ничего, что всегда останется непознаваемым, неизвестным. А это, в действительности, — мир просветления.

Западные математики думают, что три категории Геделя исчерпывают все категории. Это неправда. Запад не знает математиков и философов Востока. Наиболее неудачная сторона этого дела состоит в том, что даже математики... Две Нобелевские премии были даны двум индийцам. Одна была дана доктору Раману, другая — на несколько лет раньше — была дана доктору Хорану. И даже эти... Я встретил доктора Хорана и спросил его: «Вы представляете себе, что Гедель — это еще не последнее слово?»

Он сказал: «Что вы говорите? Гедель *должен* быть последним словом, так как больше не может быть категорий: познанное, познаваемое и непознаваемое. Даже если согласиться с ним, то есть только *три* категории».

Я сказал: «Вы, будучи человеком с Востока, могли бы знать, но вы получили образование на Западе...» И даже если вы получили образование на Востоке, то вы получаете образование по западным методикам, согласно западным открытиям. Никого не интересуют открытия, сделанные на Востоке.

У Махавиры есть семь категорий. Это был один из величайших споров между Махавирой и Буддой, когда они еще были живы двадцать пять веков назад. У Будды были в точности такие же три категории, что и у Геделя. Он говорил, что есть только три категории: или вы можете сказать «да» чему-то, или вы можете сказать «нет» чему-то, или вы можете сказать, что это неопределяемое. Больше категорий нет.

У Махавиры было семь категорий, и я согласен с Махавирой. Он действительно исчерпывает все. Но это немного сложно; эти три категории простые.

Первая категория: да. Это очень понятно. Вы можете сказать «да» по поводу чего-то с уверенностью. Вы знаете это, и это описываемо, известно.

Вы можете сказать «нет»; вторая категория: «Я невежествен. Это не означает, что эта вещь не существует; я просто говорю, что она неизвестна мне».

Или вы можете сказать «да» и «нет», и то, и другое. В одном смысле можно сказать «да». Например, я могу сказать «да» Богу в одном смысле, в смысле божества, не как человеку, но как качеству. Но в другом смысле я должен сказать «нет», так как я не думаю, что есть некто, кто создал мир, кто является создателем, кто является отцом, помощником. Все это абсурд.

«Да» и «нет» вместе, конечно, делают это более мистичным и, следовательно, неопределяемым. Это мир мистики: «да» и «нет» вместе. Поэтому вы можете назвать это неопределяемым, невыразимым, непознаваемым. «Да» и «нет» исключают друг друга, но действительность все еще есть. Действительность не исключена.

Но Махавира идет дальше. Он говорит, что четвертой категорией является сочетание «да» и неопределяемого. Можно сказать о чем-то: «Да, я знаю это, но все же я не могу описать это. Когда я говорю «неопределяемое», то это не значит, что я не знаю; следовательно, ударение ставится на «да» и на неопределяемом».

И пятая категория: нет и неопределяемое. «Я не знаю, но я знаю многое — оно *есть*. Я не знаю исчерпывающе, я не могу заявить, что я знаю; следовательно, я говорю «нет» — это указывает на меня, а неопределяемое указывает на вещь».

И шестое: просто ни «да», ни «нет» — вместе — и все еще неопределяемое. Вы, может быть, чувствуете, что это каким-то образом известно вам, и все же вы не можете вложить это ни в «да», ни в «нет». «У меня нет такого большого переживания, чтобы я мог сказать «нет». Поэтому ни «да», ни «нет», они указывают на меня; но вещь *есть*».

И последнее: просто неопределяемое.

Возможно, из-за очень сложного способа выражения вещей Махавирой его религия осталась очень ограниченной, осталась малым явлением. Ее не принимают во внимание в мире религий. Но, возможно, в ней есть больше утонченности по сравнению с любой так называемой всемирной религией. Сама эта утонченность — причина того, что она не очень привлекательна для масс. Кто будет беспокоиться об этих семи категориях?

Люди хотят иметь определенные ответы, чтобы можно было верить в них: этот путь или другой. Или будьте католиком, или будьте коммунистом, но будьте ясными. Люди хотят ясности, поскольку они так запутались; а этот человек привносит еще эти

семь категорий; теперь их запутанность становится еще больше, они запутались еще сильнее. Первое: вы, по крайней мере, осознавали, что были сбиты с толку. Теперь вы не будете осознавать, к какой категории вы принадлежите: да, нет, да-нет одновременно, ни да, ни нет или неопределимое.

Махавира не мог создать всемирную религию по той простой причине, что, возможно, он очень глубоко проник в действительность. Если вы спросите о его просветлении, то он ответит семью изречениями. Вы не сможете прийти ни к какому выводу – и я чувствую, что это нечто чрезвычайно ценное.

Зачем это побуждение к тому, чтобы прийти к какому-нибудь заключению, выводу? Если существование – сплошной непрерывающийся процесс, – никогда не начинающийся, никогда не кончающийся, – то почему человек так стремится прийти к выводам? Ни один вывод не может быть истинным, так как вывод означает, что процесс остановился. Вывод означает, что была поставлена точка, что достигнута последняя страница. Вывод означает смерть, а жизнь всегда продолжается, продолжается и продолжается. В ней нет ни начала, ни конца.

Я не могу дать вам заключительный ответ на ваш вопрос: что является наиболее значительным в просветлении? Самое большее, что я могу с уверенностью сказать, – это то, что просветление – самое незначительное явление в существовании. Вот почему люди не интересуются им. Если бы оно было значительным, то в этом случае миллионы людей устремились бы к нему так же, как они устремляются к золоту, к деньгам, к власти.

Лишь пойдите и встаньте около Пентагона или перед Белым Домом и спросите каждого: «Куда вы идете?» Идут все и идут быстро. Я не думаю, что вы столкнетесь с человеком, который скажет: «Я иду к просветлению», – этого не будет ни в Вашингтоне, ни около Пентагона. Каждый идет и очень спешит и, на самом деле, будет очень обеспокоен вами: «Что за чепуха... останавливать меня посередине дороги и спрашивать: “Куда вы идете?”» Какое ваше дело?!»

А вы говорите: «Я просто исследую просветление, хочу узнать, сколько людей интересуются просветлением. Я еще не столкнулся ни с одним человеком, который интересовался бы этим».

Самая простая причина – это то, что просветление не сделает вас значительным. Вы не станете Рональдом Рейганом. Вы даже не станете Иисусом Христом; никто не распнет вас на

кресте. Вы даже не станете Аль-Хилладж Мансуром; никто не убьет вас.

Если вы станете просветленным, то в этом случае вы станете таким обыкновенным, таким простым, что никто вас не заметит. Вы станете почти отсутствующим.

Пусть это будет моим определением просветления: вы станете почти отсутствующим.

Вы пройдете мимо как легкий ветерок, а не как буря – приближается Адольф Гитлер! Вы пройдете мимо, как маленький легкий ветерок, не имеющий никакого значения.

Для мира вы будете никто.

Для самих себя вы будете целым миром.

Для вселенной вы будете всем тем, чем вы можете быть, всем тем, для чего вы предназначены.

Для вселенной будет огромной радостью то, что вы отбросили стремление к значительным вещам. Есть, по крайней мере, один человек, который живет незначительно, обыкновенно, никуда не стремится: ни на небеса, ни к Богу, ни к нирване. Он не заботится даже о следующем мгновении, так как все его энергии, которые содержались в нем и прилагались во всех направлениях, теперь обрушиваются на него самого.

Он стал потрясающе исполненным источником мира, безмолвия, блаженства. Он настолько полон блаженства, что, не осознавая это, он будет сыпать блаженством повсюду, куда бы он ни направлялся. Все, к чему бы он ни прикоснулся, будет ощущать трепет блаженства. Но что касается его самого, если вы спросите его: «Кто вы?» – он скажет: «Я не знаю. Я вообще не представляю себе этого».

Считается, что просветление – это простая, незначительная ординарность, которая делает религию неполитичной, делает религию истинной религией.

Иначе существуют «Его высочество», «Его святейшество»... И я слышал об индийском принце в Южной Индии, который сейчас выбран в парламент; он весит триста пятьдесят фунтов. Он известен как «Его тяжесть»! По крайней мере, это правда. Все эти «святейшества» – фальшивки; эти «высочества» – их собственные фантазии. Но он, по крайней мере, действительно является тем, кем его называют.

«Его тяжесть» – редкий человек. Он никогда никуда не выходит из своего чрезвычайно богатого дворца. Возможно, он имеет самую дорогую корону во всем мире. Его дворец полон алмазов, рубинов и изумрудов, так как его государство контро-

лировало все прииски, и поэтому самые лучшие драгоценные камни вначале должны были быть предложены королю. И это продолжается веками; в течение тысячи пятисот лет его королевская кровь продолжалась непрерывной линией.

Он никогда не выступал на людях; а сейчас он стал членом парламента. И даже когда он говорит, его могут понять только несколько людей, так как он говорит в нос. Только те слуги, которые живут рядом с ним, постепенно привыкли к его речи. И во всем мире у него только один друг – маленькая собачка; ее зовут Кинки. Целый день он сидит на троне с Кинки. Это вся его работа. Сейчас он намеревается стать настоящей знаменитостью в парламенте в Дели.

В мире «Его святейшеств» и «Его высочеств» по-настоящему просветленный человек – просто никто. У него нет имени, нет обличья, нет превосходства, нет неполноценности. Фактически, он исчез.

И это парадокс: исчезая, обретаешь себя.

Будучи ничем, становишься всем.

Становясь полностью отсутствующим, становишься впервые не человеком, а духовной силой – духовной силой огромной красоты и блаженства.

Но все это происходит, потому что некто становится нулем.

Просветление – это переживание бытия нулем.

Беседа 19

ЧЕЛОВЕК: ВЕЛИЧАЙШАЯ ПРОБЛЕМА – И ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

16 февраля 1985 года

Бхагаван,

Какая самая большая проблема в мире?

Самая большая проблема или самая маленькая проблема – это одно и то же: человек. И когда я говорю «человек», то я не подразумеваю что-то абстрактное. Я подразумеваю себя, вас, его, ее. Человек не существует сам по себе, отдельно от людей.

Человечества нет; это только название. Реальность индивидуальна. А проблема возникает из-за того, что реальность не была признана. Реальное было отвергнуто описывающими его словами; а вместо него было навязано нечто нереальное, абстрактное.

Вам постоянно говорили: «Живите для человечества». Где человечество? Вы когда-нибудь сталкивались с человечеством? Вы думаете, что неожиданно встретитесь с человечеством? Это все громкие, напыщенные, фальшивые слова: Бог, родина-мать, отчизна, Святой Дух. Они не существуют, они только воображаемы. «Живите для людей» означает: не живите для себя.

Ни у кого нет мужества сказать вам прямо: «Не живите для себя». Поэтому они нашли хитрый, умный, косвенный способ для того, чтобы сказать ту же самую вещь: живите для Бога, живите для человечества, живите для человека, живите для вселенной. Живите для чего-либо – хуз, – но, пожалуйста, не живите для себя. И в этом корень всей проблемы.

Ваша жизнь – это *ваша* жизнь, и ее можно прожить только одним способом; альтернативы нет. И этот единственный способ, с помощью которого ее можно прожить, должен быть найден вами. Это не готовая суперавтострада, полностью подготовленная, с миллионами людей, движущихся по ней, идущих к своей цели, а вам нужно лишь присоединиться к этой толпе.

Нет, нет суперавтострады, ведущей к существованию.

Есть только маленькие тропинки, по которым идут в полном одиночестве.

И запомните, что даже эти тропинки не готовы, не предоставлены вам для того, чтобы вы могли идти по тропинке номер одиннадцать. Они существуют только за счет того, что вы идете по ним; своей ходьбой вы прокладываете их. Это прекрасный и таинственный путь, который есть в жизни, – он не делает вас похожими на железнодорожный поезд, идущий по рельсам. Железная дорога не имеет выбора, она не может направляться туда, куда ей нравится. Рельсы закреплены; кто-то другой определяет их направление. Эти рельсы – судьба; поезд просто движется согласно чьему-то указанию.

У человека нет судьбы – хотя в течение тысяч лет вам говорят о том, что у вас есть судьба.

Вот что я называю хитростью, обманом, эксплуатацией людей. Теперь, когда вам сказано, что у человека нет судьбы, никогда не думайте о железнодорожном поезде. Только железнодорожные поезда имеют конечные пункты назначения, станции. Но прекрасные слова могут продолжать скрывать ужасные реальности. «У человека есть судьба» – я слышу это с детства, и когда кем-то каким-то образом об этом упоминается, я каждый раз говорю: «Пожалуйста, не оскорбляйте меня».

Когда я сказал это одному из моих профессоров, то он был в шоке. Он сказал: «Я не оскорбляю тебя. Иметь судьбу – это не оскорбление, это самая почетная вещь в жизни».

Я сказал: «Может быть, для вас, так как вы не понимаете то, о чем говорите. Судьба означает предрешенность; мой завтрашний день уже кем-то предрешен. Со мной даже не советовались – как будто это не моя забота; как будто я никто, а лишь карты в чьих-то руках; он делает из меня все, что хочет. В какую бы игру он ни играл, это моя судьба. И это считается уважительным?»

А профессор не говорил ничего безумного. Именно так считают во всем мире. Я сказал: «Я могу понять, почему вы шокированы, – потому что вы никогда не задумывались над словом «судьба». Как я могу иметь судьбу? Я не определил ее. Тогда кто тот парень, который определил ее? И какое у него право определять ее? Он даже не спросил меня. Я не знаю его; мы даже не были представлены друг другу. Лишь ради вежливости он мог бы спросить меня: “Это будет твоей судьбой – тебе она нравится или нет?” Но никто об этом нисколько не побеспокоился».

У человека нет судьбы.

И я говорю вам, что только у человека нет никакой судьбы.

У собак есть; у быков есть; у ослов есть. Они движутся по определенным рельсам. Каждый осел на протяжении миллионов лет жил одной и той же шаблонной жизнью: рождение, любовная связь, трудности с супружеством, дети, старость, все надежды разрушены, все мечты не осуществлены и мрак смерти. Все ослы жили так, они все еще так и живут – но не человек.

На самом деле, я хочу сказать вам о том, что почти все люди ведут себя не как люди. Некоторые ведут себя как обезьяны, некоторые ведут себя как янки, но никто даже не пытается утверждать: «Я – человек». А это утверждение содержит так много всего того, что почти неизмеримо.

Поэтому первое: у человека нет судьбы. Когда вы понимаете это, то почти все ваши проблемы исчезают. Я говорю «почти», – возможно, девяносто девять процентов исчезает; один процент остается. Я хочу, чтобы он остался. Девяносто девять процентов ваших проблем создано в результате того, что вас отклоняют от правильного пути, что вас направляют на пути, которые не предназначены для вас. Но когда бы я ни говорил, что это оскорбление, реакция была одна и та же – шок.

Постепенно я стал осознавать, что люди не используют слова осознанно. То, что они говорят, почти похоже на болтовню попугая, возможно, даже хуже, чем болтовня попугая.

Мне вспомнилась одна история. Христианский священник пошел в магазин домашних животных. Его собственный попугай умер, а он был его единственным товарищем. Священник не был в браке: не было жены, чтобы с ней ссориться; не было детей, чтобы с ними заниматься. Сколько же можно жить с одним Богом? Один раз в неделю, воскресным утром, это еще хорошо, но остальные шесть дней, когда весь мир ходит на работу... и даже Бог работал эти шесть дней. Несчастный священник должен оставаться в церкви, ничего не делая.

Даже Бог милостивый не мог устроить так, чтобы ничего не делать в течение семи дней. За шесть дней он создал этот невротический мир, а на седьмой день он сказал: «Великолепно! Я сделал великолепную работу, теперь я могу отдохнуть». А этот несчастный священник... поэтому у него был этот попугай, и мало-помалу он сделал из него почти ученого, он обучал его. Целую неделю у него не было другой работы. Попугай знал почти все проповеди священника. Позднее он стал надоедливым, он даже не давал священнику отдохнуть. Когда бы священник ни отдыхал, попугай начинал свою проповедь, которую читал

священник, – с таким трудом и терпением он учил его, не зная, что это приведет к неожиданным неприятным последствиям.

Он кричал на попугая: «Заткнись! Успокойся! В воскресенье я должен сам читать проповедь, а я вынужден слушать свои собственные слова; и семь дней ты терзаешь меня, днем и ночью. Как только ты видишь меня, то сразу же начинаешь читать мои проповеди. Я сыт по горло этими проповедями!»

А попугай хихикал. Он говорил: «А как насчет меня? А как насчет тех глупцов, которые приходят в церковь? *Каждый* сыт по горло. Когда мне скучно, я начинаю читать проповедь – что еще делать? А здесь я никого не вижу, никакого прихода; только ты – мой приход».

Священник много раз думал о том, что если этот попугай умрет – он был стар, – если он умрет, то будет хорошо. По случайному стечению обстоятельств попугай умер, и тогда священник понял, что невозможно жить одному; попугай был его товарищем. Хотя он надоедал ему, но, по крайней мере, это было хоть что-то – скука; по крайней мере, было что-то, на что можно было жаловаться, по крайней мере, был кто-то, на кого он мог кричать. Теперь никого не было.

Вот как привычки влияют на людей. Вы можете быть чем-то сыты по горло – своим мужем, своей женой; все это я называю привычками. Вы можете быть сыты по горло ими; вы могли подумать много раз: «Если только эта женщина умрет или кто-то заберет ее... если ее отнимут силой... Во всем мире случается столько вещей, но с ней ничего не случается: ни несчастного случая, ни похищения, никто тайно не убегает с ней... Похоже на то, что она защищена от несчастного случая!»

И то же самое продолжает думать она: «Этот старый дурень – сколько же мне еще страдать с ним? Собирается он умирать или нет?» Но когда старый дурень умирает, тогда она сразу же начинает ощущать огромную пустоту, невыносимую пустоту.

То же самое случилось со священником. Поэтому он пошел в магазин домашних животных, чтобы купить другого попугая. Он сказал: «Я хочу самого лучшего, так как тот, которого я потерял, почти незаменим. Он был таким великим ученым и таким страстным проповедником. Он пробуждал весь свой приход – хотя приход был небольшой, там был только я; но он был, действительно, страстный проповедник».

«Я молчаливый и терпимый человек; я – священник, и я обязан им быть; но он был способен растопить лед. И он был более

терпелив, чем я, так как когда я сердился, он обычно хихикал; это хихиканье я все еще слышу. И я думаю, что, возможно, он понимал лучше, чем я. Поэтому мне нужно что-то... действительно, самое лучшее. Я хочу забыть своего попугая».

Владелец магазина сказал: «Вы пришли вовремя. Только что я получил попугая, который просто золото. Вы не можете представить, чтобы кто-то мог соперничать с этим малым. Пойдем со мной».

Он повел его в глубь магазина. В самой задней части магазина он держал красивого попугая в золотой клетке. Священник сказал: «Какая особенность этого попугая?»

Он сказал: «Вы спрашиваете, какая особенность? Вы не видите эти две нитки, свисающие с его лапок?»

Священник сказал: «Да, я их вижу».

Владелец магазина сказал: «Если вы потянете за правую нитку – и никто не сможет увидеть это, никто из тех, кого вы привели, чтобы познакомить с попугаем... Вы лишь слегка тянете за правую нитку, и сразу же он читает Нагорную проповедь».

Проповедник сказал: «Это великолепно, так как мой попугай обычно читал проповеди, но не Нагорную проповедь. Он обычно повторял мои проповеди, а я повторял проповеди других. А этот попугай читает Нагорную проповедь лишь при малейшем намеке к началу? Мой попугай был не похож на этого».

«Он не знал никаких сигналов; в тот момент, когда он видел меня, он начинал читать, и до тех пор, пока я не закричу и не стану поднимать шум, он не останавливался. Начать читать не было проблемой; проблемой было перестать читать, так как пока он не прочтет всю проповедь, очень трудно было прервать его. Это было механическое явление; он должен был делать это все время. А это хорошо. А как насчет левой нитки?»

Владелец магазина сказал: «Если вы тянете за левую нитку, то он повторяет христианскую молитву».

Священник был, действительно, изумлен, и он сказал: «А что, если я потяну за обе нитки?»

«Ты ожидаешь проповедь и христианскую молитву одновременно? – сказал попугай. – Ах ты, сукин сын, разве ты не понимаешь, что я свалюсь на дно клетки?»

Итак, даже попугай имеет больше здравого смысла, чем священник, спрашивающий о том, что будет, если он потянет за

две ноги. Даже попугай мог понять, что это была сущая глупость. Каким же человеком является этот священник!

Поэтому я говорю вам, что подобно попугаю человек повторяет слова, – но, возможно, попугаи более сметливые. Возможно, они ведут игру, возможно, они лишь дурачат вас. Вы хотите быть одурачены; вы хотите, чтобы вас развлекали, и они делают это. Но глубоко внутри...

Я подумал об этом. В детстве у меня у самого обычно был попугай – я обычно собирал все виды животных. Когда я глядел в глаза попугая, у меня много раз появлялось чувство, что когда он повторял слова, которым его научили, то он знал о том, что это были лишь бессмысленные слова. Таким было мое чувство, когда я глядел в его глаза. Он был очень умной птицей, так как, когда бы я ни смотрел в его глаза, я видел едва различимую улыбку. Он знал, почему я смотрю. У меня была абсолютная уверенность относительно его глаз: глубоко внутри мы не были способны обмануть его. Но я не могу то же самое сказать о так называемом человеке.

Глядя в глаза моих профессоров, которые говорили: «У человека есть судьба», я не обнаруживал улыбку попугая. Они на самом деле верили в то, о чем говорили, так как они знали значение слов; но они не знают скрытые смыслы слов. А скрытых смыслов много. И самые глубокие скрытые смыслы – косвенные. Они никогда не являются прямыми; вы не найдете их в словарях.

Много раз я замышлял написать словарь не со значениями слов, а со скрытыми смыслами. Но я ленивый человек; я с трудом мог бы написать половину страницы, и с этим было бы покончено. Поэтому я никогда не начинал. Но всегда была мысль о том, что каждое слово имеет две вещи. Одна – это значение: грамматическое, лингвистическое, поверхностное, имеющееся в каждом словаре. Но никто не беспокоится о второй вещи: скрытый смысл.

Скрытый смысл – совершенно другая вещь. Например, «У человека есть судьба»; значение понятно, ну а как насчет скрытого смысла? Что является скрытым смыслом слова «судьба»? Существует так много скрытых смыслов. Один из них – это то, что человек вовсе не человек, а вещь, человек – не существо, поскольку у вещи может быть судьба. У стула может быть судьба; он сделан для определенной функции, он будет выполнять свою функцию. Человек не создан для какого-то предназначения. Он – не мебель.

Человек – это сознание.

У сознания не может быть какой-либо судьбы.

У сознания есть свобода.

Судьба прямо противоположна свободе; это ее скрытый смысл. Судьба означает, что вы – раб от рождения. Даже до того, как вы родились, печать вашего рабства уже окончательно поставлена; с вами покончено до того, как вы родились. Что касается скрытого смысла, то это – значение судьбы. На самом деле, вы никогда не рождались, так как перед рождением была смерть; это ваша судьба. Вы запрограммированы.

Благодаря этой идее судьбы астрологи, хироманты и всевозможные предсказатели будущего продолжают эксплуатировать человека. Если у вас есть судьба, то в этом случае может быть несколько путей для того, чтобы выяснить, что такое – судьба: возможно, по линиям ваших рук; возможно, по линиям на вашей голове; возможно, по линиям на ваших ногах или, возможно, по свидетельству о вашем рождении, по сочетанию и расположению звезд, планет. Должен быть какой-то способ для того, чтобы прочитать программу.

И самой странной вещью является то, что вы чувствуете себя счастливыми с астрологами, рассказывающими вам о вашем будущем. Вы действительно проявляете слишком большое любопытство для того, чтобы узнать будущее, даже не задумываясь о том, что иметь будущее означает, что вы мертвы. Если будущее уже установлено, то как возможна свобода? Если завтра что-то случится, то оно случится; я лишь жертва в руках какой-то неизвестной силы – я не хозяин самому себе.

Иметь судьбу означает, что вы – не хозяин самому себе.

Вы ничего не можете сделать со своей жизнью.

Это скрытые смыслы простого слова «судьба». Она оставляет вас мертвым. Она оставляет вас рабом. Она оставляет вас без волнения, так как все определено. Она оставляет вас без всякой надежды, так как на что вы можете надеяться? То, что случится, то случится, надеетесь вы или нет. Вы больше никоим образом не представляете никакого значения в своей собственной жизни. Даже назвать ее вашей *собственной* жизнью будет неправильно: судьба взяла из вас весь сок.

Вот что превращает человека в проблему.

Если сделано допущение о том, что «я – предопределенное существо», то в этом случае вы подобны сплавному лесу, так как вы не знаете, что такое судьба. Есть трудноуловимое, подсозна-

тельное чувство, что могут быть мудрые люди, которые знают, что такое судьба. Ваши родители, может быть, знают это, может быть, ваши учителя, ваши профессора, ваши священники, ваши монахи, ваши мессии. Эти люди должны знать это, поскольку *вы* этого не знаете.

Вы не знаете, потому что нет такой судьбы, которую можно знать, – но все эти люди устроили совершенно другое представление. Они говорят о том, что вы не знаете, потому что вы невежественны, но есть мудрые люди, которые знают – они воплощения Бога, люди, которые осознали самих себя, посланники Божьи. Это люди, которые знают. Единственный ваш разумный путь будет состоять в том, чтобы слушать их, и следовать им, и верить им, ведь вы не знаете, а они знают.

И конечно, те люди, которые притворяются, что они знают, также притворяются, что они имеют все полномочия прошлого: все священные писания; все другие пророки стоят за ними – они не одиноки. Они наследуют всю всемирную мудрость, и они – это последнее слово, возможно, заключительное слово. Они имеют вес.

Во времена Будды восемь человек старались занять – как во время политических кампаний – пост двадцать четвертого тиртханкары джайнов, так как этот пост был свободен. А двадцать три тиртханкары уже были в наличии, только один был оставлен для грядущей вселенной. Это была необычная возможность.

Президентские выборы происходят каждые пять лет, три года, четыре года; премьер-министр выбирается каждые четыре года, пять лет – если не вмешивается какой-нибудь убийца, – но это тоже условно. Двадцать процентов американских президентов были убиты; это не маленькое процентное отношение. И если это случилось в Америке за триста лет истории, то можете представить себе, что происходит во всем мире. И эти президенты были убиты врагами, людьми, которые принадлежали к другим, антагонистическим идеологиям.

Но если вы взгляните в историю, то будете удивлены. Королей убивают их собственные сыновья, королей заключают в тюрьму их собственные сыновья; братьев убивают их родные братья.

В Южной Индии есть, возможно, величайшая изваянная статуя в мире. Она находится в местности, называемой Гомтешвар. Это статуя джайнского санньясина, Бахубали. Слово *баху*-

бали означает «человек с сильными руками»; и он действительно был гигантом. Он был сыном царя, но царь стал монахом. Старшего царского сына звали Бхарат, и благодаря имени этого человека старейшее название Индии – Бхарат, земля Бхарата.

Бхарат был старшим сыном, а Бахубали был младшим сыном – всего было только двое сыновей. Бхарат, по традиции, был наследником царства. Когда отец стал монахом и отрекся от мира, то он не провозгласил, кто является его преемником. Когда его спросили об этом, он сказал: «Как я могу это сделать? Вещь, от которой я отрекаюсь... как я могу провозгласить одного из моих собственных сыновей наследником того, от чего я отрекся? Это для них: если они хотят его, то вот оно; я не забираю его с собой».

«Люди будут смеяться надо мной: “Если вы нашли это таким бесполезным, что просто отшвырнули его со своего пути... вы, должно быть, обладаете огромной алчностью, некоторой привязанностью, если все еще хотите, чтобы ваш старший сын стал царем”». Он сказал: «Царство просто ничего не стоит – никто не нуждается в том, чтобы унаследовать его. Если они хотят унаследовать, то это их дело».

Бхарат, видя, что его отец думал о том, что царство даже не стоит того, чтобы объявлять кого-то его преемником, разделил взгляды своего отца. Бахубали же был очень заинтересован в царстве; он был очень практичным человеком. И он был великим воином. Он прекрасно знал о том, что Бхарат должен был стать владельцем царства; а его шансы стать царем были равны нулю. Он мог блистать в других областях, но самым главным было то, что он являлся величайшим воином в стране. И, конечно, Бхарат не мог соперничать с ним – Бхарат был простым человеком.

Бахубали готовил себя к тому, чтобы быть величайшим воином. Но была беда, и беда была в том, что Бхарат не отрекся от мира по той простой причине, что не от чего было отречься; отец не дал ему никакого наследства. Это прекрасная притча. Отец не дал ему никакого наследства, думая, что оно бесполезно. Поэтому, от чего он должен был отречься? Он уже был в состоянии отречения.

Но необходимо было формальное заявление, исходящее от Бхарата, о том, что он отрекся от царства; только в этом случае Бахубали мог получить наследство. Если он не сделал формального заявления... а он не хотел его делать, поскольку он сказал:

«Если я не унаследовал царство сразу же, значит, я не владею им; как я могу отречься от чьей-то собственности?»

Прошел год, и Бахубали становился все более и более обеспокоенным, поскольку ситуация была очень странной. Отец ушел, старший брат медитировал в горах, а младший брат пребывал в забвении. Он не мог объявить себя царем; для этого Бхарат должен был формально отречься. По крайней мере, он должен сказать: «Я больше не заинтересован в наследстве», но он ушел в безмолвие и просто медитировал.

Бахубали пошел туда, очень рассерженный; а он был человек огромной силы. Он схватил Бхарата руками и собирался сбросить его в долину; даже части его тела не нашли бы. Но как только он поднял его, у него возникла мысль: «Что я делаю? И для чего? От этого царства отрекся мой отец; после того, как он прожил всю свою жизнь, он нашел его ничего не стоящим. Мой брат чрезвычайно любит меня, так сильно, что если я попрошу его сделать меня преемником, то он сам коронует меня. Но он также прав, потому что он не один. И даже сейчас, в то время, когда я поднял его, готовясь бросить вниз, он нисколько не сопротивлялся; он просто позволил поднять его, как будто мы играем».

Он вспомнил свое детство. В детстве он был так же силен, а Бхарат, хотя и был старше, но был слабым, болезненным ребенком; обычно Бахубали много раз поднимал его. Слезы навернулись на его глаза; что же он собирался сделать? Что же о нем скажет мир? Бахубали передумал.

Он сказал: «Я ошибался». Он опустил Бхарата и прикоснулся к его ногам; а Бхарат занялся, как и прежде, медитацией, как будто бы ничего не произошло. И это изменило всю жизнь Бахубали.

Он стоит рядом со своим братом; его статуя находится там, в Гомтешваре. Она имеет высоту в пятьдесят два фута, самая высокая статуя в мире и чрезвычайно красивая. Высотой в пятьдесят два фута... мизинец ноги имеет длину вашего тела – шесть футов. Вокруг имеются лестницы, поэтому можно увидеть ее со всех сторон, поскольку голова такая большая, что если вы видите ее с одной стороны, то вы не можете видеть ее с другой стороны; ее невозможно видеть целиком.

Статуя сделана из чистого белого мрамора. Она была высечена из целой горы мрамора. Она ниоткуда не была доставлена; это целая гора мрамора, из которой была высечена статуя,

ведь высота – пятьдесят два фута! Такой большой кусок невозможно было откуда-то доставить, и особенно две тысячи лет назад. И она стоит на высокой горе.

На статуе написана притча о том, что Бахубали был воином... Когда он начинал местную войну, то у него не было соперника. Он погружался в такую глубокую медитацию, что ползучие растения взбирались по его ногам. Они достигали его головы – цветы распускались, листья покрывали все его тело, так как ползучие растения не знали, что он был человеком; месяцами он стоял как столб. А в его ушах птицы свили гнезда.

Конечно, на этой большой статуе это очень легко устроить; устроено было все: из мрамора были высечены ползучие растения с цветами и листьями, обвивающими ноги и руки Бахубали. Из мрамора были вырезаны птичьи гнезда – в которых изредка птицы действительно свивали свои гнезда, так как где еще вы сможете найти уже готовые мраморные гнезда?

Когда я приехал туда, там действительно были два яйца в одном ухе, а на этих двух яйцах сидела птица. Уши такие большие; можете себе представить – человек высотой в пятьдесят два фута; какие же большие будут его уши? Вы можете усесться в ухе – что тогда говорить о птице? Вы можете отложить там яйца и сидеть на них. Я видел много статуй, почти все прекрасные статуи в Индии, но ничто не может сравниться с Бахубали.

Этот человек стал человеком, потому что он отменил свой поступок, который только что хотел совершить. Он доказал свою свободу. Он был почти на грани того, чтобы сбросить вниз Бхарата; но даже от последнего своего шага вы можете отступить; некому помешать вам. И человек, который был готов убить своего брата ради царства, – так как после его смерти он был бы свободен для того, чтобы быть царем, – он изменился настолько, что все забыл о царстве. Он погрузился в такую глубокую медитацию, что стал просветленным раньше, чем Бхарат.

А когда отец пришел и увидел, что оба его сына медитируют, и увидел Бахубали просветленным, то он был озадачен. Он никогда не думал о том, что Бахубали станет просветленным. Он был борцом, воином; он завоевал бы весь мир, – но стать просветленным... Даже его отец не мог поверить, что человек имеет столько свободы.

А что произошло с Бхаратом, который всегда был почти просветленным? Он был лишь на грани – и он все еще там. Что

мешало ему? Когда Бхарат открыл глаза и увидел своего отца и своего брата, – а его брат был ярким светом, покоем, таким глубоким непроницаемым безмолвием, – он спросил своего отца: «Что произошло? Я ведь пришел до него, и я медитировал здесь».

Отец сказал: «Ничего не случилось; лишь идея того, что ты сделал нечто беспрецедентное в истории, нечто уникальное. Были цари, которые отрекались от мира; были цари, которые не отрекались от мира. Ты – единственный царь, который даже не принял царство; вопрос об отречении даже не возникал. Ты уникален, а эта маленькая идея – тонкий слой эго, который предохраняет тебя».

«У твоего брата, хотя он грубый, неопытный, необразованный, не было таких идей. Он пришел для того, чтобы убить тебя, но в последний момент он увидел то, что он делает. И он не великий ученый или мыслитель, чтобы размышлять над этим: делать это или не делать. Он лишь увидел суть, простую суть, что 'это глупо', – и он отбросил эту идею».

«И он не представлял себе, что он отбросил эту идею, что он сберег своего брата, что он отрекся от царства; он все это просто сделал. У него не было идеи, ни малейшего признака идеи об отречении, о сохранении брата – ничего. Вот почему ты начал раньше его, а он добился успеха раньше тебя».

Если у человека есть судьба, то в этом случае нет возможности повернуть куда-то. А нам говорили на протяжении миллионов лет: «Вы имеете встроенную программу». Итак, откуда вы узнаете о том, что эта встроенная программа существует? Кто-то должен сказать вам это. Это манипуляторы, находящиеся вокруг вас; подобно пиявкам они продолжают сосать вашу кровь. И они продолжают пичкать вас идеями о том, что вы должны стать этим, вы должны стать тем, вы должны стать тем, кто не имеет ничего общего с вашей природой. Вот что сделало из человека проблему.

В действительности, человек может быть объяснением не только самого себя, но и всего существования, так как он – высочайшая вершина сознания.

Он находится на самой вершине существования; но он находится в столь многих запутанных положениях, в тупиках, что он сам не может разобраться, кем он является и что такое существование.

Человек живет проблематичной жизнью и умирает проблематичной смертью. С самого начала и до конца он – лишь

огромная проблема. Это создает беспокойство, мучение, напряженность, страдание и постоянное чувство того, что что-то упускается. И это чувство истинное. Не только что-то, а *все* упускается.

Но если вы лишь отступите на один шаг назад и посмотрите на эту ситуацию, то увидите, как создается эта проблема; в этом случае решить ее – это просто детская игра.

Мне вспомнилась притча. Однажды Гаутама Будда приходит на свою утреннюю беседу; как и каждый день его ждут десять тысяч санньясинов. Но сегодня там что-то удивительное. Все смущены и смотрят друг на друга, так как Будда пришел с носовым платком. Он очень ценный, – возможно, какой-то царь подарил ему этот носовой платок.

Но он не приемлет таких вещей, поэтому все смотрят, думают: «В чем дело? И почему он должен нести его в руке, держа перед собой, как бы говоря каждому: “Смотрите, хорошо смотрите?”» А затем он подходит и садится; и, держа носовой платок в руке, говорит своим санньясином: «Смотрите очень внимательно».

Все они смотрят. Смотреть не на что, только на красивый шелковый носовой платок. А затем Будда начинает завязывать узлы на носовом платке; он делает пять узлов. Стоит полное молчание... все просто смотрят на то, что он делает. Затем Будда спрашивает их: «Это тот же самый носовой платок, тот, который я принес с собой, или это другой носовой платок?»

Сарипутта, один из его старших учеников, встает и говорит: «Почему вы шутите с нами? Вы никогда не делали такую вещь. Это тот же самый платок».

Будда говорит: «Сарипутта, подумай еще раз – так как у носового платка, который я принес, не было узлов, а у этого пять узлов. Как же он может быть тем же самым?»

Сарипутта смог увидеть смысл. Он сказал: «Я сожалею. Я все понял. Хотя это тот же самый носовой платок, но теперь он в узлах – подобно страдающему человеку. Он – тот же самый человек; терзающийся человек – тот же самый человек, но весь в узлах».

Будда сказал: «Совершенно точно. Вот что я хочу показать вам: человек, который терзается, не отличается от Гаутамы Будды. Я – лишь носовой платок без узлов. Ты – носовой платок с пятью узлами». Конечно, у Будды есть философия о пяти основных проблемах, которые доставляют беспокойство челове-

ку: насилие, алчность, лживость, неосознанность и эго. Можно найти намного больше узлов; это – основные узлы согласно его философии.

Во-вторых, он сказал: «Я хотел бы спросить вас еще об одной вещи. Я пытаюсь развязать эти узлы. Взгляните на меня – это поможет развязать узлы?» Он потянул за оба конца носового платка; узлы сделались еще меньше и более тугими. Кто-то закричал: «Что вы делаете? Таким способом узлы никогда не развяжутся. Такой тонкий шелк, а вы так сильно тянете! Узлы становятся такими маленькими, что будет почти невозможно развязать их снова».

Будда сказал: «Вы можете так ясно понять все относительно этого носового платка – разве вы не можете понять самих себя? Разве вы не видите себя в такой же понятной ситуации? Вы тянули свои узлы или нет? Иначе, почему они продолжают становиться все меньше и меньше, туже и туже?»

Ребенок свободный, расслабленный. Взгляните на старика – одни узлы и узлы. Конечно, что бы вы ни делали, все неправильно. Вы тянете носовой платок. Вы стараетесь изо всех сил; ваше намерение хорошее, вы хотите развязать узлы. Вы очень огорчаетесь, но ваше деяние – это ваше собственное развязывание. Вы делаете вещи все более и более сложными, хуже и хуже. И чем более сложными они становятся, тем сильнее вы тянете, потому что вы думаете: “Что же еще делать?”»

Будда спросил: «Тогда я хочу спросить вас: “Что вы думаете о том, что я должен сделать?”»

Один монах встал и сказал: «Сначала я хотел бы подойти поближе и посмотреть, как были завязаны узлы».

Будда сказал: «Это научный путь. Прежде чем вы сможете что-то развязать, вы должны узнать, как это было сделано, так как если вы знаете, как это было сделано, то вы уже узнали все, что требуется для того, чтобы развязать это; вы должны лишь обратить процесс».

Монах взглянул на носовой платок и сказал: «Узлы были сделаны таким образом, что если мы расслабим носовой платок и позволим узлам стать более свободными, то поможем им развязаться; это не будет очень трудно. Это простые узлы».

Будда дал ему носовой платок, и человек развязал узлы один за одним. Будда сказал: «Сегодняшняя проповедь закончена. Я не собираюсь больше говорить сегодня. Идите и медитируйте».

те относительно своих узлов и о том, как вам удалось сделать их такими тугими. И сделайте все в обратном порядке».

Любая маленькая проблема... лишь взгляните на нее, на то, как вы старались решить ее; а она все время становится все хуже и хуже. Конечно, в вашем деянии есть нечто такое, что становится скорее пищей для ума, чем убийцей. Вы не отравляете его, вы питаете его, кормите его. И не старайтесь работать сразу над всеми узлами. Лишь выберите один маленький узел, самый маленький, который вы сможете обнаружить в себе; под самым маленьким я подразумеваю наиболее незначительный.

Люди имеют тенденцию выбирать самое значительное; даже когда они выбирают для того, чтобы решить свои проблемы, вначале они выбирают самую большую проблему. Ну, это просто глупо. Лишь станьте немного более осознающими, более бдительными. Начинайте с малых вещей, с очень малых вещей.

Во время чтения Буддой проповеди один человек, сидящий перед ним, постоянно шевелил пальцем ноги. Будда не был похож на меня; иначе он немедленно остановил бы его. Он терпел это, терпел, терпел, — но это было уж слишком, так как этот человек был прямо перед ним и продолжал, продолжал и продолжал это делать.

В конце концов Будда сказал: «Что происходит с пальцем вашей ноги?» В то мгновение, когда он сказал: «Что происходит с пальцем вашей ноги?», человек остановился. Будда сказал: «Вот что происходит с пальцем вашей ноги: вы не осознаете его. Не вы это делали, это происходило почти бессознательно. Это просто привычка; вы, должно быть, делаете это везде, где сидите. А теперь палец делает это сам по себе, зная о том, что хозяин нуждается в этом. Хозяин даже не осознает то, что происходит, так как в тот момент, когда я спросил вас об этом, палец сразу же остановился. Это означает, что в тот момент, когда ваше сознание перешло в палец, наступила полная пауза».

Итак, начинайте с таких малых вещей, в которые вложено не столь много средств. Люди начинают со своих эго — они хотят быть без эго. И вот, вы беретесь за такую большую проблему. Вы так малы, а проблема такая большая, что вы потерпите неудачу.

На самом деле, вы выбрали большую проблему, потому что *хотите* потерпеть неудачу, вы не хотите добиться успеха. Возможно, это также путь эго — выбирать самую большую проблему. Вы не обыкновенный человек, старающийся изменить маленькие вещи здесь и там; когда вы хотите изменить, то вы хотите

изменить *настоящую* проблему. Возможно, это — эго, входящее с заднего хода и обманывающее вас.

Сейчас выбирайте что-нибудь очень незначительное, что не имеет большого значения. Но вся прелесть в том, что самая маленькая проблема имеет такие же свойства, что и самая большая проблема, те же самые составляющие, что и самая большая проблема, и то же самое решение, что и самая большая проблема.

Все проблемы — это одна проблема.

Если вы можете решить маленькую проблему — разрушите ее, избавьтесь от нее, кончите с ней, — тогда вы узнаете средство, отмычку.

Теперь вы можете продолжать открывать все замки в своем доме. И не будет никаких огорчений.

Основной ключ — это осознание.

А решая маленькую проблему, вы начинаете изучать азбуку осознания.

Выберите что-то незначительное без вложения в него средств; с ним будет легче работать. А когда вы поработаете с этим, то вы будете удивлены: у вас есть секрет, весь секрет вашей сложной, завязанной в узлы жизни.

Решите проблему; в этом случае в вас родился человек.

До этого вы только проблема.

Второй вопрос?

Бхагаван,

В чем разница между существованием в качестве полого бамбука или флейты на губах Бога и существованием в качестве марионетки, манипулируемой Богом-кукольником?

Все это зависит от вас.

Почему же не быть полым бамбуком? Почему быть на губах Бога? Именно туда входит ваше эго. Вы не полый бамбук, вы уже полны всякого вздора; иначе, откуда вы произвели этого Бога? Это произошло от вашего вздора. Это существо, сделанное из вздора... должно быть, выскользнуло из вашего полого бамбука.

С другой стороны, я искал Бога и нигде не нахожу его след. А вы, люди, продолжаете встречать его везде. И вы не делали

ничего великого, а были лишь полым бамбуком, и туда приходит Бог – не только приходит, а прикладывает вас к своим губам.

В следующий раз, когда это случится, остановите его, так как всегда есть страх перед СПИДом, особенно приобретенным от губ Бога. Избегайте этого парня насколько возможно, так как вся его компания – это гомосексуалисты, и если целую вечность вы знаете компанию гомосексуалистов, то они обязаны сделать что-нибудь глупое, что-нибудь извращенное. Избегайте его; даже если вы встретите его, лишь скажите ему: «Пожалуйста, извините меня, но найдите какой-нибудь другой полый бамбук. Те дни прошли, так как в те дни не было страха перед СПИДом. Уходите!»

Полый бамбук на губах Бога... Вы не можете быть полыми; иначе полый бамбук – это более чем достаточно. Ничто больше не требуется, не требуются ничьи губы.

А затем страх появляется в вас, и возникает вопрос: «Какая разница между губами Бога и кукольным? Играть на флейте или играть со своими куклами – это одно и то же. Поэтому появляется страх, что, будучи флейтой в руках Бога, вы не что иное, как флейта. Из-за этого вначале вы хотели быть на губах Бога; теперь из-за этого же возникает вопрос, что вы лишь только марионетка. Поэтому, какая разница, является ли кукольник богом или дьяволом? Что касается вас, то это не имеет значения; вы лишь марионетка.

Кто играет песню посредством вас? Какая песня проходит через вас? Это имеет какое-нибудь значение? Вы лишь полый бамбук. В каждом случае вы лишь средство, а не цель; вас используют. Разницы нет, и ее не будет до тех пор, пока вы решаете оставаться лишь полым бамбуком.

Нет необходимости в каком-либо Боге или в каком-либо кукольнике. Вы можете раскачиваться на ветрах. Ветры, проходя через вас, могут петь и танцевать свои песни. Возможно случайно, ветер, проходя через вашу пустотелость, может создать благозвучную мелодию, но что касается вас, то вы полностью удовлетворены своей пустотелостью.

Красота – в этой пустотелости, в пустоте, в отсутствии чего-либо.

Но человек настолько идиотичен, что он испортит все то, что дается ему. Я сказал вам раньше, что надо быть полыми бамбуками. Но я знаю, что если я просто говорю вам: «Будьте полыми бамбуками», то именно это я и говорю сейчас: «Лишь

будьте полыми бамбуками». Но десять лет назад я говорил: «Будьте полыми бамбуками на губах Бога», так как иначе было очень трудно убедить вас быть, вообще, полыми бамбуками.

Был необходим какой-то Бог, были необходимы губы Бога. С вашей стороны было очень мило, что вы никогда не спрашивали о губной помаде, о том, какую марку губной помады использует Бог. Иначе я говорил бы также и об этом, так как, во всяком случае, я хотел, чтобы вы были полыми бамбуками. Поэтому, если вы хотели не непосредственный и немедленный подход и вы нуждались в какой-то бессмысленной поддержке, то я предоставлял их вам. Но я покончил со всем этим.

По моему мнению, полый бамбук – это святое.

Бог – это лишь абсурд.

Но вы желали абсурда, а без абсурда не было способа схватить вас. Я говорил: «Хорошо, введите абсурд в содержимое своего сердца. А позднее мы снова откачаем его оттуда». И именно это я делаю сейчас – снова откачиваю его.

Сейчас это будет проблемой для новых людей, которые будут слушать меня и читать меня. Они в затруднении. Вы не можете понять их затруднение. Вы можете охотно смеяться. Они не могут смеяться, так как они находятся в такой же ситуации, в какой когда-то были вы, но они не достигли цели. А что я могу поделаться? Мой корабль готов, и я должен отбыть. Поэтому, перед тем как я отбуду, я, по крайней мере, хочу, чтобы вы откачали весь абсурд, которым я наполнил вас.

Итак, я покончил с этим; а существование не может жаловаться мне: «Вы заполнили головы столь многих людей большим количеством мусора». Перед тем как я отбуду, я намереваюсь полностью опустошить ваши головы. Даже если я должен буду обезглавить вас, то я готов к этому, но мусор должен выйти из вас. Я ответствен за то, что вложил его; я должен быть ответствен за то, чтобы убрать его, поэтому вы оставлены просто полыми, одинокими, безмолвными.

А находиться в этом пространстве – это то, о чем печется вся религия.

Будьте, как если бы вы не находились в этом пространстве – а нашли то, что искали, что искали многие жизни подряд.

В вашей пустотелости все проблемы оставлены далеко позади.

Итак, не создавайте какую-то другую проблему, проблему Бога как кукольника. Они все кукольники, а вы всегда были на

чьих-то губах: на губах христианских кукольников, индусских кукольников, мусульманских кукольников. Теперь кончайте с этим. Будьте самими собой. Лишь смотрите на красоту и радость, будучи самими собой, и вы непременно удивитесь – так много красоты, и так много великолепия, и так много благословения возникает из ниоткуда и заполняет всю вашу пустотелость.

Все это ждет; и именно потому, что вы не пустотелы, это не может заполнить вас.

Когда все остальное было убрано из вас и ничего не оставлено, тогда внезапно из вашей самой сокровенной сердцевины возникает благоухание.

Беседа 20

ЯЗЫЧНИК: КОКОН СОЗНАНИЯ

17 февраля 1985 года

Бхагаван,

Были ли религиозными язычники?

Христиане придали такое обвинительное определение слову «язычник», что оно стало почти значением этого слова. Быть язычником, согласно христианам, значит быть нерелигиозным. Действительность говорит об обратном.

Христианство – это псевдорелигия.

Оно даже не религиозно, так как, по моему мнению, нерелигиозный человек, по крайней мере, является подлинным, а псевдорелигиозный человек неискренен, нечестен. Он лицемер. Поэтому вначале вы должны отбросить идею о язычниках, которую создало христианство.

Христианству всего лишь две тысячи лет; язычники жили миллионы лет. До того, как родилась любая религия, так называемые великие религии – индуизм, мусульманство, буддизм, христианство, – язычники жили по всему миру даже до того, как впервые были услышаны эти названия.

Язычник не нерелигиозен.

Он не антирелигиозен, он не псевдорелигиозен.

Он также и не религиозен; но при всех этих четырех категориях он больше всего приближается к религиозному человеку.

Язычник находится на предшествующей стадии религиозного самосознания.

До того, как человек станет религиозным, он должен отправиться назад, став язычником. Другого пути нет.

Что я имею в виду, говоря, что перед тем, как стать религиозным, человек должен пройти через состояние язычника? Я имею в виду то, что он должен стать свободным от всех псевдорелигий, псевдонерелигий, от всех видов идеологий, от чужих знаний. Он должен стать чистым, подобно Адаму и Еве, выходящим из райского сада.

Кем они были – иудеями, христианами, мусульманами? Единственное слово, которое можно применить к ним, – это язычники. Они были подобны маленьким детям.

Все дети – язычники. Вы изо всех сил стараетесь сделать из них христиан, иудеев, индусов; и, к сожалению, вы добиваетесь успеха, потому что ребенок настолько беззащитен и зависим от вас, что вы можете заставить его притвориться быть кем-то: католиком, протестантом, свидетелем Иеговы, любым абсурдом. Вы можете влиять на ребенка, так как человеческий ребенок наиболее беззащитный ребенок во всем царстве животных.

Человеческий ребенок не может выжить без своих родителей, без чьей-либо заботы, без чьей-либо теплоты и любви. Ему нужно все то, в чем нуждаются детеныши животных, – но кроме этого он нуждается в чем-то большем...

Было научно определено, что вы можете дать ребенку физическое питание, но если вы лишите его психологической пищи, то он умрет через три месяца. Если, например, никто не обнимает его, никто не старается прижать его к себе, а темной ночью он оставлен в одиночестве и никакая мать не дает ему свое тепло...

Вы можете накинуть на него электрические одеяла, но тепло материнского тела – не электричество, это не просто тепло, это нечто большее: это любовь, это забота. Ребенок чувствует, что его защищают, что в нем нуждаются, что ему надо выжить, так как кто-то любит его.

Ребенок, спрятанный в темноте под одеялами, без того, что его никто не прижимает к сердцу, начинает чувствовать, что на него не обращают внимания, его забыли, его покинули. Почему он должен продолжать жить? Для кого?

Он настолько беззащитен, что вы можете эксплуатировать его. А это беда, когда даже родители не были способны контролировать соблазн эксплуатировать беззащитного, хотя этот беззащитный – не кто иной, как их собственный ребенок. Возможно, они никогда не думают о том, что они делают.

Христианские родители думают, что они помогают ребенку стать христианином; иначе он будет потерян. Они никогда, ни секунды, не задумываются над вопросом: они христиане; они чего-то достигли или они также не потеряны?

В ум каждого родителя надо вложить простой вопрос: что бы вы ни делали, о чем бы вы ни думали, во что бы вы ни верили, разве это помогло вам достичь того пространства, которого, как вы хотели бы, должен достичь ваш ребенок? Если вы сами

пребываете в забвении, не зная, кто вы, откуда вы прибыли, куда вы направляетесь, чем вы занимаетесь...

Если у вас нет ответа, то, пожалуйста, будьте сострадательны к ребенку. Это ваш ребенок; по крайней мере, не позволяйте ему жить жизнью, которой жили вы. Одно определенно, что путь, которому вы следовали, никуда не привел.

Поэтому, по крайней мере, заставьте ребенка осознать: «Я напрасно потратил свою жизнь, и я не хотел бы, чтобы и ты также напрасно потратил свою жизнь. По крайней мере, попытайся использовать другой путь; даже если ты также тратишь свою жизнь, то, по крайней мере, будет удовлетворение, что ты попробовал что-то еще. Возможно, все потерпит неудачу, тогда проблемы нет. Но иди своим собственным путем».

Вот что я имею в виду, называя ребенка язычником.

По моему мнению, язычник – это тот, у кого ум представляет собой чистую грифельную доску, тот, у кого нет никакого представления о Боге, кто даже не спрашивает о Боге, тот, кто не беспокоится о рае и аде, кто не интересуется, прав ли Иисус, или Моисей, или Мухаммед. Это не его вопросы.

И помните одну основную вещь: если какой-то вопрос не ваш, то не поможет никакой ответ.

Это подобно тому, как если бы вы заставляли пить воду человека, которого не мучает жажда. Когда нет вопроса, то вбивание ответа в его голову является просто абсурдом. Некто не голоден, а вы с мечом в руках заставляете его: «Вы должны есть!» Почти во всех цивилизованных обществах так поступают даже относительно еды, одежды... «Вы должны сделать это».

Я вспоминаю свое детство... В джайнской семье ничего нельзя есть ночью; но в промежутке между восходом и закатом солнца вы можете есть, вы можете пить. Естественно, для этого есть определенное время, и вы не можете принимать пищу много раз за такой короткий промежуток времени. Поэтому в джайнской семье нет ничего подобного завтраку, так как если вы завтракаете, то возникнут трудности; затем, немного позже, около часа дня, должен быть ленч – так заведено во всем мире. Но если ленч в час дня, то ужин должен быть в пять, до заката солнца. Затем будет слишком маленький перерыв. Затем, как насчет перерыва, чтобы выпить кофе? Времени даже нет, чтобы сделать перерыв и выпить воды.

Поэтому единственный путь: отбросьте завтрак, съешьте свой ленч в одиннадцать, съешьте свой ужин в пять. По крайней мере, между двумя большими приемами пищи должен быть

шестичасовой перерыв. Это очень не научно, так как после пяти часов и до следующего утра в одиннадцать – очень большой перерыв.

Начинаешь привыкать; надо привыкать – другого пути нет, – так как в очень ортодоксальной джайнской семье после ужина всю оставшуюся пищу отдают нищим. Поэтому на кухне ничего не остается, и ночью, когда все спят, из еды ничего нельзя найти. Все должно быть съедено, так как нет смысла хранить еду; к завтрашнему дню она станет безвкусной. А вам придется ждать до одиннадцати часов.

В моем детстве чаю не очень отдавали предпочтение. В Индию он был завезен людьми с Запада. Чай попал в Индию после того, как он обошел весь мир. Из Китая он был завезен на Запад – Марко Поло вез целые мешки чая, – а из Европы чай попал в Индию. На самом деле, в Китае первым именем, связанным с историей чая, является индийское имя, Бодхидхарма; он был первым человеком, который выращивал чай. Действительно чай совершил кругосветное путешествие.

А поскольку он появился с помощью британцев... В Индии в народе существовал антагонизм относительно всего, что было связано с британцами; это естественно, они же были врагами. Они бесплатно распространяли чай и кофе даже с лотерейными билетами, которые находились в пакетах с чаем. Если вам попадался пакет с лотерейным билетом, то вы также получали выигрыш.

Индийцы в своей массе проявляли даже большую неохоту: зачем так много интересоваться распространением чая и кофе, вкладывая много денег и привлекая много людей к бесплатному распространению? Я видел это своими собственными глазами в своем родном городе. Все чайные компании участвовали в распространении, используя большие лотереи. Но постепенно благодаря этим лотереям люди стали раскрывать пакеты с чаем – и несколько бунтарских душ стали пить чай, а также кофе.

Вначале вкус не очень хороший; чай и кофе – не вкусные. Вы должны узнать этот вкус; но люди, которые пробовали, обнаружили, что это придает им бодрость. Индийцы по этой же причине курили табак. На самом деле, табак и чай содержат одинаковые ингредиенты, которые делают вас более оживленными, менее сонными, более бодрыми.

Поэтому постепенно... но на это ушли годы, и особенно в ортодоксальных домах. Мне, должно быть, было около двадцати

лет, когда я впервые увидел, как чай вошел в мой дом, так как моя бабушка была абсолютно против всей этой чепухи.

«Что там может быть хорошего, в этих сухих листьях? Пейте молоко, пейте ласси, – которое сделано из творога, – которое является пищей. Что это за чепуха? Какая там может быть пища? А эти люди, – говорила она обычно, – дурачат вас для того, чтобы вы стали слабыми. Они хотят иметь слабую страну, так как рабы не должны быть сильными».

Она была старой женщиной, но у нее были сильные идеи. До некоторой степени она была права; она говорила, что вы не должны становиться более слабыми, иначе вы никогда не будете свободными. Это рационально, что индийцы пили молоко и ели сладости, сделанные из молока или из творога, имея определенную идею о том, что телу нужна сила и уму нужна сила. «Итак, чай и кофе не могут придать вам силу, а эти люди распространяют эти вещи для того, чтобы отвлечь ваш ум».

И они преуспели в этом. Люди забыли о молоке, и ласси, и о других вещах, которые были действительно питательными, и люди стали привыкать к чаю и кофе. Поэтому в моем детстве по утрам не было даже чая и кофе. Завтрак на самом деле был ленчем.

Если вы думаете о слове «завтрак», – а он был действительно завтраком (английское слово завтрак – breakfast – может читаться как «прерывание поста» – break fast), так как с пяти часов вечера и до одиннадцати часов утра... *Ваш* завтрак не очень похож на завтрак, так как вы ложитесь спать, поев, пожевав – хотя бы, жуя жевательную резинку, ведь вы можете продолжать жевать ее даже во сне. А перед тем как встать, вы пьете чай в постели. Вначале чай, потом еще что-нибудь.

В Индии это было nonsensical. Вначале вы должны принять ванну, вы должны прочистить свой рот, вы должны сделать свои отправления обрядов.

Итак, даже дети... Когда я был ребенком, для меня это было трудно, и я думаю, что для всех детей должно быть трудно оставаться так долго голодным. К счастью, я жил с бабушкой с материнской стороны, которая была очень добродушной женщиной, и она все могла понять. Она сказала: «Я знаю, сколько много я страдала в детстве, поэтому не беспокойся. А если это грех, то я беру на себя ответственность, так как я даю это тебе».

И она приносила сладости и что-то еще и держала их рядом с моей кроватью даже ночью. Она портила меня в течение всей моей жизни. Даже в два часа ночи, если я чувствовал голод, то

мне надо было лишь обнаружить стол, и на нем я находил все то, что она там держала.

Это стало такой привычкой, что, когда я пошел в университет, все студенты были озадачены: «Какие же у тебя привычки? Каждый день ты приносишь сладости и держишь их рядом со своей кроватью, а среди ночи... Разве ты не можешь поесть раньше?»

Я сказал: «Это не имеет никакого значения. Среди ночи, когда я просыпаюсь в два часа – я делал это так много лет, что в два часа мой желудок просто дает мне сигнал. А если я не поем, то не могу спать. Поэтому лучше поесть, а затем отправляться спать».

Но все мои братья и сестры учились голодать. Я сказал своему отцу: «Это *ваша* религия; если вы выбрали для себя не есть ночью, то это ваше дело. Но эти дети не имеют никакого представления о каком-либо контракте с вами. Вы даже не предоставили им выбора, что “если ты мой ребенок, то ты должен оставаться голодным по много часов каждый день”. Итак, не навязывайте им эти вещи. Оставьте их в покое. Тогда согласно своей природе, если они почувствуют голод, то поедят».

А ситуация была странной. Например, когда я приходил в дом моего отца, который находился недалеко от дома моей бабушки, то, если уже настало время для принятия пищи, они старались заставить меня поесть. А я всегда был сыт, так как ночью перед тем, как пойти спать, я ел. Среди ночи я спал, утром я ел, поэтому я всегда был сыт; меня не интересовал их ленч.

А они заставляли меня, они говорили: «Ешь, иначе как ты выживешь?»

Я говорил: «Не беспокойтесь. Я выживаю – разве вы не видите, что выживаю? Вы можете взвесить меня и сравнить с любым вашим ребенком». И я был тяжелее любого их ребенка: ребенка моего отца, моего дяди, моего другого дяди. И я сказал: «Это достаточное доказательство; вы можете взвесить нас в любой момент. Вы морите голодом этих несчастных ребят». Но религия обманывает сама себя от поколения к поколению.

Все дети рождаются язычниками.

Надо отметить одну основную вещь: вы родились язычником.

Слово «язычник» означает нечто чистое – на вас ничего не написано: ни священного писания, ни дисциплины, ни доктрины, ни культа, ни кредо.

Вы были просто человеком; а затем люди начали отрезать: эта сторона длиннее, эта сторона короче... растягивая вас и стараясь что-то из вас сделать. Они не были заинтересованы в вас. Никто не заинтересован в вас вообще; каждый заинтересован в своей собственной идее, и он хочет навязать вам эту идею. Он думает и верит в то, что он навязывает ее, потому что любит вас.

По моему мнению, если это любовь, то что же тогда ненависть? Любовь должна означать только одну вещь, свободу, — а этот калека не дает вам свободу. Кто они такие, чтобы решать, какая мораль, какой характер, какая идеология правильны для вас? Но они решают все.

Во всем этом мире все решено одними людьми за других. Это очень странное место.

Мне вспомнилась маленькая притча. Это случилось во дворце императора Акбара — он был Великим Моголом, императором Индии. Он и его мудрецы стояли во дворце, что-то обсуждая. У него было девять мудрецов, отобранных со всей Индии; по каждой специализации у него был самый лучший человек. Их называли «его девятью сокровищами». Один из них был человек по имени Бирбал. Он был человеком с огромным чувством юмора; вот почему он был выбран. Его считали самым лучшим человеком, который имел глубочайшее чувство юмора.

В то время, когда они разговаривали, Акбар без всякой причины, из-за хандры, шлепнул Бирбала, который стоял рядом с ним. Бирбал никогда не терялся; он шлепнул человека, который стоял с другой стороны. Такое было качество этого человека; он был действительно разумным человеком. Тот человек не мог понять, что происходит: «Император шлепнул его; почему он шлепнул меня?»

Он был озадачен, и он спросил Бирбала: «Что ты подразумеваешь под этим?»

Бирбал сказал: «Не теряй времени: ударь кого-нибудь еще!»

Он сказал: «Что же происходит в этом мире?»

Бирбал сказал: «Ты не можешь вернуть удар первоисточнику. Иди вперед и ударь кого-нибудь еще, и пусть это передается; иначе ты будешь озадачен. А мир круглый...»

Вы будете удивлены тем, что Галилей только триста лет назад сделал открытие, что мир круглый. Но в Индии само слово «география» звучит *бхугол*. В течение тысяч лет само слово «география» было *бхугол*; *бхугол* означает «Земля круглая».

Открытие Галилея не такое уж и великое — или открытие Коперника, или Колумба. Все эти люди не имели представления

о том, что есть страна, в которой слово «география» просто означает «Мир круглый!»

Поэтому Бирбал сказал: «Мир круглый; не беспокойся; рано или поздно этот удар вернется к императору!» И случилось так, что удар вернулся в ту же самую ночь.

Он, должно быть, обошел многих людей; и каждый был огорошен и сказал: «Какой здесь смысл? Я ничего не сделал».

Другой же человек сказал: «И я ничего не сделал, но это началось из дворца. Просто говорят, что надо передавать удар дальше, не задерживайте его, потому что вас это вовсе не касается. Удар дошел до вас, передавайте его дальше, и с ним покончено. Вы не можете вернуться к первоисточнику.»

Это утверждение Бирбала: «Ты не можешь вернуться к первоисточнику, продолжай идти вперед. Если мир круглый, то удар вернется к нему». И он вернулся к нему от его самой любимой жены, так как ее любовник — у нее был любовник — ударил ее.

Она сказала: «Что ты подразумеваешь под этим?»

Он сказал: «Я ничего не подразумеваю; это продолжается по всей столице. Каждый получил удар; и говорят, что это началось от самого императора. А Бирбал говорит: “Не беспокойтесь; мир круглый; рано или поздно удар вернется к императору”».

Но она была личностью, которая могла ударить императора; кто же еще мог ударить его? Она ударила его, сильно ударила! Он сказал: «Что ты подразумеваешь под этим? Что ты делаешь? Кто сказал тебе?... Бирбал был здесь?»

Она сказала: «Нет, никого здесь не было, но удар достиг меня. Он ходил по всей столице; как я могу избежать его? Он дошел до меня с посланием о том, что ты это начал, и до тех пор, пока он не вернется к тебе, нет способа остановить его. Итак, с ним покончено».

На следующий день, сразу же, первая вещь, которую сделал император, был вопрос Бирбалу: «Ты просто нечто! Я думал, что хотя мир круглый, а то, что ты говоришь, звучит разумно... Но то, что удар достиг меня через двадцать четыре часа, — я никогда об этом не думал!»

Бирбал сказал: «Дело не в размышлении; такова реальность. Я наблюдал, как это постоянно происходит. Я не знаю, почему я — индус; просто это передал мне мой отец. А его отец это передал ему. Сейчас я должен передать это своим детям, иначе я завязну с этим бременем».

«Передавайте дальше, и вы остаетесь свободными. Каждый передает вещи. И вы не можете добраться до первоисточника. Итак, куда мне идти для того, чтобы найти своего отца? Он мертв. И даже если я смог бы найти его, он сказал бы: “Сын, что я могу поделаться? Мой отец мертв уже многие годы; я не могу найти его. Будет лучше, если ты дашь это какому-нибудь молодому человеку, который может нести эти вещи, а в свое время он передаст их дальше. Не беспокойся – именно так происходило веками”».

Каждая проблема продолжает передавать все свои искажения, путаницы, проблемы, заботы новому поколению. А новое поколение создает свои собственные проблемы, поэтому они продолжают накапливаться. Это подобно реке. Новые ручьи продолжают встречаться, и река продолжает становиться все больше, больше и больше.

Вот к чему сейчас это привело. В течение миллионов лет люди обрушивали все свои страдания и проблемы на своих детей. Сейчас это дошло до такой точки, когда бремя слишком велико. Оно может погубить все человечество.

Ваш вопрос значителен. Почему вы не можете видеть жизненные проблемы так ясно, как вижу их я? Давайте двигаться медленно. Во-первых, я могу ясно их видеть, потому что у меня нет никаких жизненных проблем. Имеются две стороны медали. Если вы чисты, если вы можете видеть, то ваши жизненные проблемы растворяются. Позвольте мне напомнить вам об использовании слова «растворяться». Я не говорю о том, что вы находите ответы, решения ваших проблем, нет. А я говорю только о жизненных проблемах; вот о чем вы спросили.

Самая важная вещь, касающаяся жизненных проблем, которую необходимо понять, следующая: они созданы неясностью вашего видения. Итак, это не значит, что вначале вы ясно видите их, затем вы находите решение, а после этого вы пытаетесь применить это решение. Нет, процесс не такой длинный; процесс очень простой и короткий.

В тот момент, когда вы можете ясно видеть свою жизненную проблему, она растворяется. Это не значит, что сейчас вы нашли ответ, который вы используете, и когда-нибудь вы добьетесь успеха в разрушении этой проблемы. Проблема состояла в неясности вашего видения. Вы сами были ее создателями.

Запомните опять: я говорю о жизненных проблемах. Я не говорю о том, что если ваш автомобиль сломался, то вам следует безмолвно сидеть и ясно видеть, в чем заключается проблема: проблема ясна; теперь делайте что-нибудь. Вопрос не в том, что

вы просто сидите под деревом и медитируете, а когда изредка открываете глаза, то смотрите, решена ли проблема или нет.

Это не жизненная проблема; это механическая проблема. Если шина вашего автомобиля проколота, то вам следует сменить колесо. Если вы просто сидите, то это не поможет; вам нужно встать и сменить колесо. Это не имеет ничего общего с вашим разумом и ясностью вашего видения; это имеет нечто общее с дорогой данного округа.

Что может ясность вашего видения сделать с дорогой данного округа? С другой стороны, не могут ли три тысячи медитирующих отремонтировать одну дорогу округа? Одной медитации будет достаточно – и утром вы обнаружите заасфальтированную дорогу.

Но вопрос касается только жизненных проблем. Например, вы ощущаете в себе ревность, злобу, вы ощущаете бессмысленность жизни. Вы тащитесь куда-то. Вы больше не чувствуете, что жизнь содержательна. Это жизненные проблемы, и они возникают из неясности вашего ума.

Поскольку эта неясность – источник возникновения проблем, то ясность уничтожает их. Если вы чисты, если вы можете ясно видеть, то проблема исчезнет.

Вы не должны ничего делать, кроме следующего. Надо просто смотреть, наблюдать за всем процессом: как возникает проблема, как она овладевает вами, как вы становитесь полностью омраченными ею, ослепленными ею; и как вы начинаете безумно действовать, в чем вы позднее раскаиваетесь. И когда позднее вы осознаете, что это было полнейшим безумием, вы говорите: «Я сделал это вопреки себе самому. Я никогда не хотел этого делать, но все же я сделал это. И даже когда я делал это, я знал, что я не хочу этого делать». Но это произошло так, как будто вами овладели...

Сама эта идея о том, что вами овладели привидения и духи, является не чем иным, как очень древним символическим способом сказать вам то, о чем я говорю вам. Человек, которым овладело привидение, не имеет ничего общего с привидением; это его собственное подсознание, его собственная зависть, его собственная злоба, ненависть, его собственный бессознательный ум. А его сознательный ум настолько мал, что подсознание преобладает над ним.

Представляется почти так, как если бы кто-то извне завладел вами, поскольку вы отождествляете с вашим сознательным умом – маленьким островом, – а океан со всех сторон забрызги-

вает вас, накрывает вас своей пеной. Естественно, вы думаете, что нечто извне завладело вами, и вы делаете вещи, которые не хотите делать.

Почти девяносто пять процентов убийц признались во всех судах мира... Ни один судья не верит им, так как ни один судья не является психоаналитиком. Таков этот безумный мир – убийцу судит человек, который изучил закон. Итак, что же закон должен поделаться с убийством? Есть ли какая-нибудь связь между законом и убийством? Вы думаете, что, изучая закон, вы становитесь убийцей или, изучая закон, вы становитесь способными понять, как случается убийство, почему один человек убивает другого?

Закон не имеет к этому никакого отношения. Вот почему я говорю, что это совершенно безумный мир. Судить должен психоаналитик, потому что он может понять, почему человек убивает. А когда человек говорит: «Меня покинул разум, когда я делал это. Я сожалею об этом, я не могу сейчас даже поверить, что я сделал это. Я *сделал* это, но я не могу поверить, как это стало возможным...»

Но ни один судья не поймет его. Ни у одного судьи нет способности к пониманию. Он сам сделал бы то же самое, – а знание всех законов не имеет значения. Действительно, юристы совершают больше незаконных актов в мире, чем кто-либо другой, поскольку они точно знают, как обойти законы, как отыскать лазейки. И ни один закон не совершенен, лазейки *существуют*. Необходимо лишь немного разума для того, чтобы отыскать лазейку, и в этом случае вы можете совершить что-то, не будучи пойманными.

В свои школьные годы я любил одного из моих мусульманских учителей, Маулану Рахимуддина. Он был ученым, и, конечно, человеком, которого можно было назвать мудрым. Он обычно руководил всеми экзаменами. Он был самым старым, самым главным учителем в школе. На каждом экзамене он приходил в экзаменационный зал, и первая вещь, которую он говорил, была, – а он был очень любящим стариком: «Мои мальчики, я должен сообщить вам о 'некоторых вещах'».

«Одна вещь следующая: списывание у кого-то – не преступление, это не грех, но быть пойманным – вот грех. Если вы принесли с собой шпаргалки, спрятанные в вашей одежде, или если вы принесли книги, спрятанные в ваших брюках и в ваших пиджаках, то я не возражаю. Лишь будьте осторожны, так как я нахожусь здесь для того, чтобы исполнить свой долг; я

приложу все усилия, чтобы поймать вас. А вы приложите все усилия, чтобы не быть пойманными».

«Но если вы боитесь, то я даю вам две минуты: я буду сидеть с закрытыми глазами на своем стуле, а вы лишь несите свои шпаргалки, свои записи и книги и складывайте их на стол. Две минуты для того, чтобы решить... Или вы отказываетесь от них и забываете о них, – когда вы пойдете домой, вы можете забрать их с собой, – или, если вы решаете оставить их у себя, будьте осторожны. Делайте это с моим благословением, но не будьте пойманными, поскольку если вы будете пойманы, то я не смогу помочь».

Он настолько запугивал студентов, когда сидел там с закрытыми глазами, что они приносили свои шпаргалки и записи и складывали их в кучу.

Я обычно никогда ничего не приносил, я обычно брал их с его стола. Студенты приносили свои вещи, а я стоял около его стола, отбирая те вещи, которые могли быть полезными. А весь зал был ошеломлен тем, что я делал, что сейчас я... Они знали меня – «он неизлечим». А в то время, когда я это делал, я говорил: «Маулана, не открывайте глаза, поскольку я вижу, что вы пытаетесь подсматривать». И он был вынужден держать свои глаза полностью закрытыми.

Я обычно сидел прямо напротив того места, где находился стул экзаменатора, прямо перед ним, так как это было самое подходящее место. Он никогда не ожидал, что прямо перед ним кто-то может что-то устроить.

Он ходил по всему залу и не интересовался мною, так как я выглядел таким невинным, сидя прямо перед ним. Кто же будет на этом месте списывать? Перед ним ничего подобного нельзя было сделать. Места воров были в задних рядах, они прятались по углам, и это были места, по которым он ходил и присматривал.

Когда я сдал вступительные экзамены в высшее учебное заведение, однажды я встретил его на дороге и сказал: «Маулана, я должен сказать вам одну вещь».

Он сказал: «Какую?»

Я сказал: «Вы должны начать смотреть на первую скамью, стоящую перед вами. Вот, куда вам...»

Он сказал: «Что ты имеешь в виду? Ведь там сидел *ты*?»

Я сказал: «Да, я сидел там, и я выбирал чужие шпаргалки, так как я не беспокоюсь о том, чтобы делать шпаргалки и все такое; другие делают их для меня. Они кладут их на ваш стол,

и когда вы держите свои глаза закрытыми, я выбираю то, что мне нужно».

«А как вы знаете, быть пойманным – преступление. Я просто даю вам совет: в будущем никогда не оставляйте первый ряд, переднюю линию, непроверенным, так как именно там будут сидеть те, кто знает, как надо делать определенные вещи. А вы продолжаете искать идиотов по углам. Разве разумный человек будет прятаться в углу?»

Он сказал: «Ты, действительно, обманывал меня! Вот почему ты обычно говорил: “Маулана, держите ваши глаза плотно закрытыми”. Я думал, что ты, должно быть, очень добродетелен. И я даже следовал твоему совету и держал глаза плотно закрытыми!»

Я сказал: «Конечно. Мне надо было, чтобы вы держали свои глаза плотно закрытыми, так как я должен был выбрать... это были шпаргалки других, а две минуты – это так мало времени».

Он сказал: «За всю мою жизнь никто не был способен обмануть меня. Как тебе это удавалось?»

Я сказал: «Это было так ясно, ведь я мог видеть. Первый день я ничего не делал; я просто наблюдал, и я видел. Было так ясно – то, что вы смотрели на места, где люди могли бы спрятаться, если бы они захотели что-то сделать. И вы абсолютно упускали из своего поля зрения одно место, – а оно было прямо перед вами. В тот день я решил, что это будет моим местом на каждом экзамене».

Он сказал: «Но как тебе удавалось всегда сидеть на этом месте? Ведь я, конечно, видел тебя каждый год на одном и том же месте».

Я сказал: «Это тоже очень легко. Не надо быть пойманным».

Он сказал: «Как ты это делал?»

Я сказал: «Прямо перед экзаменом я иду в зал и лишь прикрепляю свой экзаменационный номер на том столе; как бы то ни было, но я прикрепляю его к тому столу. А экзаменационный номер, который был на том столе, я переношу на другой стол. На следующий день я сижу там, и там мой экзаменационный номер. Никто не может возразить, проблемы нет. И это была единственная определяющая вещь. Это было так просто!»

Если вы ясно видите вещь, то или она исчезает, или если она не исчезает, то это означает, что она создана не вами. Она создана кем-то еще; а вы лишь просто глупы, неся на себе этот груз. Это не ваша проблема, это проблема кого-то другого.

Запомните это: только *ваши* проблемы растворятся в ясности вашего видения.

Но если вы несете в себе проблемы других людей, то в этом случае это очень трудно, так как эти проблемы не имеют ничего общего с вашим видением, с вашей ясностью. Поэтому эти проблемы, которые не исчезают, ясно указывают вам на то, что вы заимствовали их.

А вы постоянно заимствуете проблемы у других людей.

Ко мне приходят письма, в которых говорится: «Кто-то прошел мимо меня, и у меня возникло сильное чувство, что он рассержен на меня». Кто-то прошел мимо вас, и у вас появляется сильное чувство, что он рассержен на вас... По крайней мере, вы могли бы спросить этого человека: «Вы рассержены на меня? Поскольку у меня сильное чувство...» Вы оказываете ему, по меньшей мере, большую любезность до того, как определяете, что он рассержен на вас.

Он, может быть, вообще не интересуется вами, он, может быть, рассержен на что-то другое. Вы можете хорошенько рассмешить его. Но это возможно – он, может быть, рассержен на что-то другое, на кого-то другого, на самого себя, и вы можете получить сильное ощущение от его злобы. Его злоба может тронуть ваши чувства. Она, может быть, не адресована вам, так как эти эмоции не прямолинейны. Они не движутся от А к В, они движутся кругами, концентрическими кругами.

Когда вы бросаете камень в озеро, то возникают концентрические круги, и они продолжают распространяться вокруг; когда кто-то рассержен, то вокруг него существуют концентрические круги гнева. Некто проходит мимо него, и если он чувствителен, то этот некто может получить ощущение, что тот человек рассержен. И естественно, вы расшифровываете это ощущение так, как будто он рассержен на *вас*. Все-таки лучше задержать этого человека и спросить: «В чем дело? Ведь я чувствую глубокое беспокойство. Я чувствую, как волны гнева поднимаются вокруг вас. Я не знаю по отношению к кому, к чему, но по крайней мере будьте чисты: если они адресованы мне, то скажите мне об этом, так как я могу что-нибудь здесь сделать. Если они не адресованы мне, то спасибо. Идите своим путем, а я пойду своим путем».

Но люди так не делают. Вот почему я говорю, что вы не откровенны, вы не подлинны. Вот вы несете идею, и с этой идеей, когда бы вы ни проходили мимо этого человека, вы начинаете представлять себе, что он смотрит на вас с гневом или что он

движется с гневом. Это может быть лишь живое воображение, так как у вас есть определенная идея о том, что он был рассержен, поэтому он должен быть рассержен.

Итак, что бы он ни делал, вы будете стараться убедить себя в том, что это доказательство его гнева. Вы можете постоянно наращивать это и делать из ничего большую проблему. А теперь, уже позднее, даже если вы говорите ему, он может и не вспомнить о том, о чем вы говорите. Лучше быть очень непосредственным.

Не начинайте заимствовать проблемы у людей. А все это делают, — большинство ваших проблем — это проблемы кого-то другого. Другой человек, может быть, даже решил бы их или рассеял, а вы все еще несете их в себе.

Постарайтесь сохранить свою жизнь по возможности чистой и необремененной.

Ясность — это не нечто, что нуждается в особом таланте. Это не нечто, подобное таланту художника, поэта, музыканта. Каждый не может быть музыкантом, это ясно. В этом также нет необходимости, потому что уже достаточно шума. Нет необходимости и в том, чтобы каждый стал художником, так как почти каждая стена, каждая уборная, каждое место, где можно практиковаться в своем искусстве, уже заполнены им.

Вы найдете доказательство безумия человека везде. На железнодорожной станции вы идете в уборную и оглядываетесь: надписи на стенах стали разновидностью искусства. Это великие художники, те, кто занимается этой чепухой. Что это за тип людей, которые приходят в уборную для того, чтобы нарисовать и написать такие вещи — ужасные вещи? Но это, должно быть, в их умах, они, должно быть, везде носят это с собой.

Вы проходите мимо людей, которые бросают разный мусор. Они не бросают его в вас, они настолько сыты, что должны выбросить его, иначе они умрут. Они просто разгружают себя. Конечно, если они начнут выбрасывать мусор и подобные ему вещи на дорогу, то они будут схвачены муниципалитетом или полицией и доставлены в суд, обвиненные в загрязнении дороги. Но вещи, которые они выбрасывают, невидимы, ни один суд ничего не может с этим поделать. Ни одному полицейскому не был вручен инструмент для того, чтобы схватить надписи на стенах, которые люди разбрасывают вокруг.

Если они разбрасывают их в уборной, то весьма возможно, что они разбрасывают это в своем учреждении, поскольку для их ума это не имеет значения. В уборной им проще, так как дверь закрыта и они одни. Но они пришли подготовленными. Откуда

появляются эти краски и карандаши? Эти люди пришли совершенно готовыми, со всеми этими инструментами. Они разбрасывают свои надписи повсюду, и вы можете схватывать это.

Ум — очень чувствительное явление.

Вы можете проэкспериментировать с ним и будете удивлены. Вы можете сидеть в одной комнате и позволить кому-то, кто очень близок вам, дорог вашему сердцу, сидеть в другой комнате. Вы говорите этому человеку: «Сидите тихо в течение пяти минут, затем начинайте наносить на бумагу все то, что придет вам на ум: слово, животное, лицо человека или что-то еще... цветок, что-нибудь еще, треугольник, все, что угодно».

«Вы не вносите это, вы должны позволить этому появиться. Вы просто ждете с карандашом в руке, приложив его к бумаге; ждите в тишине пять минут, а затем ожидайте все то, что возникнет. Если возникнет треугольник, пусть на бумаге будет треугольник; если возникает морда лошади, пусть она будет на бумаге». Скажите человеку: «Нарисуйте десять вещей, а после десяти вещей открывайте дверь и идите в мою комнату», — или вы зайдете в его комнату.

Через пять минут вы также должны изобразить первую фигуру, затем вторую фигуру, затем третью фигуру — десять фигур. И вы будете удивлены, что если тот человек чувствительный, то чуть ли не девять изображенных предметов будут одинаковы; чем меньше человек чувствителен, тем меньше будет одинаковых предметов. Но почти тридцать три процента фигур, одна треть, будут одинаковы.

Если человек немного подготовлен посредством гипноза, тогда будет очень легко, тогда могут быть одинаковы сто процентов фигур. Вы лишь должны сказать человеку, чтобы он заснул глубоким сном на пять минут: «Закройте глаза и расслабьтесь и воспринимайте все, что я говорю».

Вы лишь осуществляете эту идею через пять минут, когда он выглядит расслабленным и его лицо выглядит расслабленным. Вы сможете увидеть, что его лицо сразу же теряет свой цвет. Это другое лицо. Его глаза другие, его губы изменились. Он в состоянии преднамеренного сна, но он способен слышать вас.

Вы лишь говорите ему: «Завтра мы собираемся провести эксперимент в двенадцать часов. Это эксперимент... И через те десять минут вы будете сверхвосприимчивы, поэтому все, что я буду рисовать на бумаге в своей комнате, вы будете сразу же рисовать на своей бумаге в своей комнате».

Это простые эксперименты, которые могут продемонстрировать, как мысль постоянно перескакивает от одного человека к другому человеку. Идя по дороге за человеком, лишь смотрите точно на его шею, которая является самой чувствительной точкой, — там, где начинается позвоночник, ваш позвоночный хребет, и ваши мысли встретятся. Это слияние.

Лишь смотрите на эту точку на шее в течение нескольких секунд, а затем мысленно скажите этому человеку: «Посмотрите назад», и человек немедленно посмотрит назад. Или мысленно скажите человеку: «Что-то зудит на вашей левой ноге». Он будет чесать свою левую ногу — и он будет также оглядываться вокруг, немного удивленный, поскольку что-то здесь не так.

Там ничего не было, никакого зуда, но возникла мысль о том, что «там зуд». Он может физически ощущать, что зуда нет, но мысль была такая ясная, и приказание было такое ясное, что перед тем, как он смог прекратить его, он чесался.

Лишь маленькие эксперименты... и вы будете удивлены, узнав о том, что мысли — это вещи. Они постоянно движутся, а вы постоянно принимаете их. Проблемы других людей прыгают на вас, и садятся вам на голову, и едят вашу голову, — а вы стараетесь решить их. Вы даже не осознаете, что это не ваши проблемы: вы не обязаны решать их.

Поэтому ясность — это просто небольшая бдительность, наблюдательность, попытка наблюдать то, что происходит внутри вас, вне вас, не вынося суждения о том, хорошо это или плохо. В тот момент, когда вы судите, вы забываете простой процесс быть бдительными. Судья никогда не может быть бдительным; его судейство встает на пути.

Поэтому не судите. Нет ничего хорошего, нет ничего плохого. В том, что касается вашего усилия создать ясный ум, все объекты имеют одинаковую ценность, одинаковый вес. Вы лишь наблюдатель без привязанности к этой идее или к другой идее. Лишь научитесь немного бдительности без привязанности.

И это может быть сделано в любое время: работая, не работая, прогуливаясь, сидя, принимая пищу, лежа на кровати, — любое время — это время для медитации.

И это есть медитация, которой я хочу, чтобы вы занялись.

Единственная вещь, которую я хочу, чтобы вы делали, — это практиковать этот простой способ достижения осознанности.

Ваши глубочайшие проблемы исчезнут. Вы осознаете, что поверхностные проблемы — не ваши. Вы начнете отдавать их обратно людям.

Случилось так, что от моего дома до школы было три пути. Два пути представляли собой большие дороги, но они были немного длиннее, а между этими двумя путями находилась очень маленькая улица. Только люди, которые жили там, ходили по этой улице, и больше никто; но поскольку это был кратчайший путь в школу, то он был моим обычным путем.

На этой улице находился маленький храм, и в нем жил старик, которого очень уважали в городе. Он постоянно носил с собой флейту и всегда играл на ней. Я слышал много великих флейтистов, а этот человек вообще не был известен как флейтист, но у его флейты было качество, которым он сам обладал. Это не было профессионально, искусно, но была огромная любовь. А то, что он пел, предназначалось не для кого-то другого, просто он делал это для собственного удовольствия.

Он был очень простым стариком. Никто даже не знал его имени, его знали просто как Бансиваля — человека с флейтой. В дневное время, в ночное время, в любое время... все время в мире принадлежало ему; он был лишь простой человек, живущий в храме и присматривавший за ним. Дважды в день он выходил просить милостыню, и это было все; затем он был свободен для того, чтобы играть на флейте.

Я обычно сидел в храме со стариком. Он никогда даже не спрашивал меня: «Почему? Ведь сюда никто не приходит». В тот день, когда он умирал, он спросил меня, так как в тот день я тоже был там один. Он сказал мне: «Я много раз думал о том, чтобы спросить тебя, — никто сюда не приходит; я бедный человек, простой нищий, — почему ты приходишь и сидишь здесь целыми часами, слушая мою флейту? А я даже не знаю, как на ней надо играть, я никогда не учился этому. У меня нет никакого учителя, который научил бы меня играть на флейте».

«Я нашел ее прямо на улице. Кто-то, должно быть, забыл ее там; она выпала или что-то в этом роде. Я спрашивал, кому она принадлежит. Никто не был готов взять ее, поэтому я сказал: «Хорошо, я попробую». Я начал играть, и постепенно я полюбил эти звуки».

«Но почему ты? В твоей школе у тебя есть класс музыки, учитель музыки; и там ты можешь всему научиться. Я хотел спросить тебя, но у меня как-то не было подходящего повода для этого. Но сегодня я беспомощен. Я умираю, и я не хочу умереть с вопросом в уме: «Почему ты обычно приходил сюда?»»

Я сказал: «Хорошо, что вы спросили. Я обычно приходил сюда, так как я шлялся по городу больше, чем какой-нибудь

другой мальчик. Я нахожусь в школе меньше, а больше нахожусь в городе! Я наблюдал за разными типами людей, сидел с разными людьми. Вы – единственный человек, с которым я ощущаю безмолвие. Вы ничто не швыряете в меня – и именно это я люблю».

Каждый что-то бросает, и все то, что они бросают, попадает в голову. Уйдут годы на то, чтобы прочистить ее. Но вы не оглядываетесь вокруг; иначе вы легко осознали бы, кто те люди, которые бросают в вас мусор, кто те люди, которые ничего в вас не бросают, кто те люди, которые просто бросают в вас несколько цветков, маленькую песню, лишь нежный легкий ветерок и проходят мимо.

А есть люди, просто безмолвные, не бросающие в вас вообще ничего. Я называю тех людей, которые не бросают в вас вещи, вашими друзьями.

Только друзья могут сидеть в безмолвии.

Только возлюбленные могут сидеть в безмолвии.

Но так называемые возлюбленные и друзья, которых вы знаете, изводят друг друга, говоря что-то наподобие: «Почему ты молчишь?» А если ты что-то говоришь, то возникает неприятность. Неприятность во что бы то ни стало.

Похоже на то, что в мире нет ни друзей, ни возлюбленных. В этом случае лучше идти к деревьям, сидеть рядом с животными; по крайней мере, они не будут бросать в вас никакой мусор.

Если вы сидите рядом с буйволицей, то она не будет говорить с вами о погоде – даже если она англичанка, это не имеет значения. Она не будет рассказывать вам о газете, которую вы тоже прочитали, – вам не придется выслушивать буйволицу, которая будет пересказывать вам заново.

А если вы сидите безмолвно, то она не станет изводить вас: «Человек, что ты делаешь здесь? Игнорируешь меня? Свою собственную буйволицу? А лишь вчера я видела, что ты с такой нежностью смотрел на другую буйволицу... Если это произойдет опять, то я сломаю тебе шею!» Нет, она не собирается ничего говорить. Вы можете смотреть на любую буйволицу или не смотреть на нее.

Сидите рядом с деревом. Вы будете ощущать себя намного более крепкими, напитанными, чистыми, безмолвными. Подружитесь с животными, птицами, деревьями, со скалами, поскольку сам человек находится в самом третьестепенном состоянии. И эта ситуация возникла из-за того, что мы не признали тот

простой факт, что каждый ребенок рождается язычником. Мы осудили это слово.

Язычник – это чистая душа, пока еще не оскверненная.

Становитесь язычником.

По моему мнению, это абсолютно непереносимое условие для того, чтобы стать религиозным.

Я не могу сказать, что язычник религиозен, но я определенно могу сказать, что язычник – это тот, кто наиболее близок к тому, чтобы быть религиозным. А кто-то другой – христианин, индус, мусульманин, джайна, буддист, – кто хочет стать религиозным, должен пройти через процесс бытия язычником. Это очищение абсолютно необходимо. Это огонь, который сожжет все то, что является в вас мусором.

Я люблю и уважаю слово «язычник» и хочу, чтобы оно было избавлено от того осуждения, которому его подвергли христиане. Да, язычник – это примитивный человек, подобный ребенку.

Язычник – неосведомленный человек, но быть неосведомленным не является грехом.

Язычник все еще аморальный.

Он не делает большого различия между тем, что морально и что аморально, по той простой причине, что он такой простой. Для того, чтобы делать различие между моральным и аморальным, требуется хитрый ум. А он очень простой. Если ему что-то нравится в вас, то он воспринимает это. Он не крадет это, ему просто нравится это.

Один из моих профессоров, профессор С.С.Рой, был очень озадачен, когда однажды я увидел на его столе книгу, *Новая модель Вселенной*, написанную П.Д.Успенским. Я разыскивал эту книгу. У меня были все остальные книги Успенского, не хватало только этой книги. Поэтому я взял эту книгу и сказал профессору Рою: «Эту книгу я забираю, и я не буду вам ее возвращать, так как я нуждаюсь в ней больше, чем вы».

Он сказал: «Это несколько странный критерий. Таким образом, теперь мы должны решить, кто нуждается в ней больше».

Я сказал: «Действительно, должен быть критерий, кто нуждается в ней больше. Я прекрасно знаю, что вы не имеете ничего общего с Успенским или с Гурджиевым – или вы *имеете* что-то общее с этими людьми?»

Он сказал: «Это правда, я не имею ничего общего с этими людьми».

Я сказал: «А я имею много общего с этими людьми. Здесь эта книга бесполезна. Вы, может быть, заплатили за нее, но вы заплатили за бесполезную для вас книгу, а я краду нечто очень полезное для себя. И вы все еще думаете, что платить деньги – это правильно, а воровство – это неправильно?»

Он сказал: «Я не хочу спорить с тобой, просто забирай книгу; это более легкий путь. Но то, что ты делаешь по отношению ко мне, не начинай делать по отношению еще к кому-либо. Это абсолютно аморально; ты, по крайней мере, должен предложить цену за эту книгу».

Я сказал: «Нет, потому что я бедный студент, а вы богатый профессор. По моему мнению... эта книга стоит пятьдесят две рупии; это означает, что в течение месяца я буду вынужден ходить, не принимая пищу. Пятьдесят две рупии – это стоимость моей еды. А для вас пятьдесят две рупии ничего не значат, вы зарабатываете две тысячи рупий в месяц».

Пятьдесят две – это ничто для вас, поэтому вы должны понимать – рупия в моей руке намного более ценна, чем в вашей руке. И я не беспокоюсь о том, что об этом говорит сберегательный банк; вы не можете отрицать тот факт, что пятьдесят две рупии означают для меня питание в течение месяца. Вы можете сказать, что эта книга означает для вас питание в течение месяца?»

Он сказал: «Я ничего не могу сказать. Ты просто забирай эту книгу, но не делай так больше ни с кем, потому что никто не поймет этого».

Я сказал: «Это я знаю, но я язычник, и я не верю в правильную и неправильную номинальную стоимость этой книги».

История о том, что я язычник и не верю ни в какую мораль или аморальность, обошла весь университет; я мог сделать все.

Один из моих профессоров, очень простой человек, услышал это – то, что я мог сделать все. Он очень рассердился, так как я обычно ходил в его дом. Его дом был прямо на моем пути от университетского факультета к общежитию, его дом был на том пути. А он был одинок, никакой семьи; он никогда не женился. Он был таким простым человеком; хорошо, что он никогда не женился. И я обычно заходил к нему, когда проходил мимо. Я заходил на его кухню – он был брамином, а брамины очень любят еду, поэтому он обычно готовил еду своими собственными руками.

Он был действительно религиозным человеком, безбрачным, делавшим себе еду своими собственными руками. Я ел все подряд; все, как я думал, было вкусно, а он просто сидел там. Он говорил: «Видишь ли, я готовил это с самого утра, а ты прикончил все это! А сегодня я слышал: говорят, ты не веришь ни в мораль, ни в аморальность».

Я сказал: «Вы должны были знать об этом раньше, так как я вел себя так по отношению к вам в течение двух лет. Вы думаете это аморально, что я даже не спрашиваю вас, принимали ли вы уже пищу или нет? Вы приготовили ее, и она только остывает, а я уже прикончил ее».

Он сказал: «Я думал много раз над тем, чтобы поднять вопрос о том, что... но вместо того, чтобы вступить с тобой в спор, лучше сделать всю снова; это проще, дешевле. Но ты это устроил с С.С.Роем, и это уж слишком, так как он семейный человек. Я одинок: если ты что-то ешь или берешь что-то из моей одежды, то это не такая уж большая проблема. Но он женатый человек, а ты взял книгу – он даже не прочитал ее! Он приобрел ее всего лишь днем раньше, он купил ее в моем присутствии в книжном магазине».

Я сказал: «Это не имеет значения, он может приобрести ее опять. Но почему вы так боитесь, слыша повсюду эту историю?»

Он сказал: «Я испугался того, что ты проделывал со мной такие же вещи. Я думал, что ты просто шутишь или просто по-дружески... я никогда не думал, что ты язычник».

Я сказал: «Но почему 'язычник' – такое нагоняющее страх слово?»

Все религии по всему миру нагнали большой страх относительно язычника: язычник – это тот, кто не верит ни в какие ценности. Это неправда. Язычник – это тот, кто изучает на своем опыте, что является ценностью, а что не является ценностью.

Язычник – это искатель, исследователь, невинное существо с вопросительным знаком.

Да, у него еще нет ответа, но он не лицемер. Он не будет притворяться, что чей-то ответ является его собственным. Он не следует никому, он просто будет следовать своему собственному естественному курсу.

Он упадет много раз, он собьется с пути много раз, но каждый раз он будет более зрелым. Каждый раз он возвращается на тропу, которая ведет к его естественному росту; он будет более зрелым, более сосредоточенным и каждый раз будет иметь меньше возможностей для падения.

Вот как он растет. Язычник, в конце концов, вырастает в религиозного человека. Тогда у него есть ценности, но это не те ценности, о которых вам говорят. У него есть свое собственное понятие о том, что — правильно, а что — неправильно. Оно может не совпадать с вашей моралью, так как ваша мораль — это мораль ума, поставленного в тупик. Его мораль — это мораль ясного ума. Ваша мораль лишь идет ощупью в темноте и как-то пытается найти путь. Его мораль — от залитых солнцем вершин.

Язычник — это первый шаг; а просветленный человек — это последний шаг в этом путешествии.

Я никогда не говорил вам о том, что я все время делал: старался сделать из всех вас язычников, — но не говоря вам об этом, так как люди буквально покрываются пятнами при слове «язычник». Это не то, чего следует бояться. Это нечто такое, чем надо гордиться.

Будьте язычником, а там увидим. Весь этот мир выглядит совершенно по-иному.

Будьте язычником, и тогда живите, и тогда жизнь имеет иной вкус.

Будьте язычником, и рост произойдет автоматически, естественно.

И настаивайте на том, что вы останетесь язычником. Это означает, что вы останетесь беспристрастным, непредубежденным, открытым, уязвимым, готовым принять истину, в каком бы виде она ни явилась. Но это должно прийти к вам, это должно быть вашим собственным. Только в этом случае это имеет какую-то ценность; иначе это вообще не имеет ценности.

Беседа 21

МОЕ ОТКРОВЕНИЕ — ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ

18 февраля 1985 года

Бхагаван,

Почему люди не прислушиваются к Вашим откровениям?

Нам надо многое выяснить перед тем, как углубиться в этот вопрос.

Прежде всего, слово люди... «Людей» как таковых нет. Есть американцы, русские, индийцы; есть христиане, индусы, мусульмане; есть социалисты, коммунисты, фашисты, – но где же люди? Это все скопление, это все не люди.

Скопление людей может существовать в трех разных формах. Наихудшей из них является толпа, а наихудшее в нашем мире заметнее всего. Толпа – это неорганизованное скопление. Этими толпами совершались величайшие преступления, потому что толпа действует абсолютно бессознательно. В толпе никто ни за что не отвечает: можно делать что угодно и не нести ответственности.

Я видел толпы, которые заживо сжигали людей, и я спросил тех, кто были членами толпы, и не просто молчаливыми членами, но активными участниками: «Вы отдаете себе отчет в том, что вы делаете – сжигаете заживо людей, детей, женщин только за то, что они принадлежат к другой толпе? Они мусульмане, вы – индусы; единственное различие в ярлыке, привешенном на толпе, ведь многие из них прежде были индусами, а завтра один из вас, возможно, станет мусульманином. Сменить ярлык не так уж и трудно».

Сколько мусульман пришло в Индию вначале – всего пять сотен? А теперь Индия самая большая в мире мусульманская страна. Вслед за индуизмом, ислам является крупнейшей религией в Индии. Половину Индии мусульмане уже завоевали – она стала Пакистаном. И в любой день по той же причине они могут потребовать себе оставшуюся часть Индии.

«Пятьсот мусульман – как они смогли превратиться в миллионы? Они все были индусами, но ярлыки сменились, насильственно, – а вы их убиваете. Но даже если они и не индусы,

они, по крайней мере, чьи-то матери, отцы, братья, сестры, сыновья, дочери, мужья, жены. А мать есть мать: не имеет значения, мусульманка она, индуска или христианка. Отношения между ней и ребенком те же самые, кем бы она ни была».

Вы знаете, что ответили мне те люди? Они сказали: «Мы ничего этого не осознавали. Сами по себе мы никогда бы так не поступили, но когда это делает вся толпа, то уже не имеет значения, участвуешь ты или нет; эти люди обречены на сожжение. И мы не знаем, как мы начали делать то, что не хотели делать. Мы никогда об этом не думали».

Вот он путь бессознательного в нас, подсознательного. Но бессознательность обширна; к ней принадлежит и толпа, и в любой момент, когда вами овладевает подсознание, вы становитесь частью толпы. И наоборот: в тот момент, когда вы становитесь частью толпы, вы проваливаетесь в темноту бессознательности. Затем вы можете делать что угодно, не чувствуя за это никакой ответственности.

Это нечто очень важное для понимания. Если мы хотим, чтобы мир стал лучше, то фактор толпы должен исчезнуть, потому что именно толпа продолжает ввергать вас все глубже и глубже в темноту. И эти толпы по всему миру – где же люди?

Вторая стадия скопления людей – это собственно «скопление»: немного организованное, немного неорганизованное.

И третья форма скопления – это организация – хорошо организованное скопление людей.

Проведите параллель с умом человека. Низшее, толпа, находится в бессознательном состоянии. Скопление находится где-то на уровне подсознания, на самой границе с сознанием; его не так много. Вы принадлежите либо толпе, либо организации. Возможно, на промежуточном этапе, проходя от толпы к организации, либо от организации к толпе, вы можете оказаться в скоплении. Это граница, подсознание; оно не велико.

Скопления не так опасны, как толпы, потому что в них присутствует немного смысла, немного сознательности и немного ответственности. Дорожное движение – это скопление: немного организованное, немного неорганизованное, – но это не толпа.

Высшей формой среди этих трех является организация: христианство, индуизм, ислам; коммунистическая партия, фашистская партия, социалистическая партия – политические, религиозные, философские организации. И неважно, под каким

предлогом они существуют, но это организованные массы – должным образом сформированные, отлично организованные.

Посмотрите на католическую церковь – это самая организованная из всех религий. Это почти военный лагерь – бюрократия, иерархия... Любая малейшая деталь диктуется свыше и должна соблюдаться, как приказано. Если вы не следуете этому, вас изгоняют. Вы теряете положение, власть, – но организация дает такое высокое положение и столько власти, что никто не хочет этим рисковать. Поэтому люди продолжают притворяться и не показывают своего истинного лица.

Вот эти три вида скопления людей, но ни одно из них не имеет чести быть названными «людьми».

Толпа ли это, скопление или организация, в качестве критерия для них существует одно: не допускается никакой индивидуальности.

В этом смысле самой опасной является организация, потому что она убивает вашу индивидуальность методически.

Скопление не так опасно; оно дает немного больше свободы. В этом смысле толпа еще менее опасна, потому что ее совершенно не волнуют отдельные личности. Это облако, темное облако. Здесь не существует «кто есть кто»: нет ни ведущего, ни ведомого. Здесь преобладает бессознательный инстинкт; а поскольку этот инстинкт есть у всех нас, толпа может действовать без всякого указания, без всякого папы, без всякой церкви. Но функция толпы может быть только разрушительной.

Для того чтобы созидать, нужно конкретное указание – не организация, а конкретное указание, конкретное сознание, конкретная индивидуальность. А для разрушения не нужно ничего. Можно стать орудием разрушения, не имея никакой квалификации. Никакого университетского диплома, ни мастерства, ни умения – ничего. Отсюда и такая привлекательность толпы – способность притягивать людей.

Можно стать великим лидером толпы, потому что никто не спросит вас о ваших способностях. Что великого в В.И. Ленине? Способность собирать вокруг себя толпу и манипулировать ее разрушительной способностью во имя своих политических целей.

То же самое можно сказать и о Мао Цзе-дуне – о другом так называемом великом политическом лидере. Его единственное умение заключается в том, чтобы внедрить в толпу определенную

идею. И проблем не возникает, потому что идеи эти разрушающие. Позвольте мне объяснить...

Перед завоеванием независимости Махатма Ганди был некоронованным королем Индии, потому что в этот период на повестке дня стоял вопрос разрушения: Британская Империя должна была быть уничтожена. Все были готовы, вся страна была за Махатму Ганди. Но что случилось? Даже Ганди не предполагал этого – не мог предположить, потому что не был настолько проницательным. Он был удивлен, ошеломлен.

Когда была завоевана независимость, та же толпа забыла о нем. Те же лидеры, которые были никем до независимости, – которые сменяли друг друга в его окружении в надежде получить долю власти в случае его победы, – эти лидеры стали премьер-министрами, министрами, губернаторами, генерал-губернаторами. И все они забыли о Ганди.

Ни один из учеников Ганди не проанализировал этот факт. Это очень важно, потому что со всеми политическими лидерами происходит то же самое. За период от начала революции до ее конца происходят огромные изменения. Сам Махатма Ганди говорит: «Я стал монетой, которая вышла из обращения».

«Монета, которая вышла из обращения...» Перед завоеванием независимости он обычно говорил, что хотел бы дожить до ста двадцати лет, чтобы увидеть Индию обновленной, восстановившей силы, полностью восстановленной. А после завоевания независимости он начал говорить: «Я не хочу жить так долго. Я молюсь Богу: 'Я достаточно пожил...'»

Какая перемена произошла с ним? Это то, ради чего он жил, теперь он победитель. Именно его ученики сейчас у власти, страна независима, империя, которую он хотел уничтожить, рухнула. И какого же еще успеха он ждет?

Но в этот решающий момент он понял, что ничего не знает о том, как работает человеческий ум. Он был лидером толпы, а толпу интересовало только разрушение. В данный же момент речь шла о созидании. Сменилось целое направление работы: надо было заново создавать страну.

Это была огромная работа, почти невозможная по своим размерам. Кто собирался слушать его? Было совсем не плохо нести флаг и кричать против Британского королевства; это было забавно. Да и вообще с Махатмой Ганди было весело, потому что он был против насилия, и британское правительство не могло применять насилие к его людям; в противном случае его осудил

бы весь мир: как можно стрелять в безоружных людей, подставляющих грудь навстречу пулям и говорящим: «Если вы хотите, вы можете нас убить, но рабами мы больше не будем».

Это было действительно забавно! Британское правительство было просто обескуражено, потому что ничего подобного раньше не случалось. Можно бить кого-то, стрелять в кого-то, если он совершил какое-либо преступление, но Ганди ничего подобного не совершал. Выкрикивание лозунгов против тех, кто вверг его страну в рабство, нельзя назвать преступлением; нести флаг своей страны – это не преступление.

И Ганди начал изобретать приемы, которые никак нельзя было назвать преступными, но по закону они все же таковыми *являлись*. Например, он основал движение под названием «Движение за соль». Соль в Индии – самый дешевый продукт, даже самые бедные могут его себе позволить, потому что пища бедняков состоит из хлеба, соли и *чатни* – небольшого количества соуса. Но соль необходима *всем*.

Ганди основал движение... «Это *наша* страна, это *наш* океан, и мы собираемся делать соль». Правительство Британии сохраняло контроль за производством соли, потому что это был один из самых потребляемых продуктов в стране. Они получали соль из морской воды. Море было индийское, люди были индийские, но производили соль *они*. И это производство было очень дешевым, но, принимая во внимание население Индии, оно имело огромное значение.

Ганди не собирался строить заводы, и в большом масштабе... Он просто отправился к морю и сказал людям, чтобы они сами начали производить соль из морской воды – вопреки закону.

А этот закон был абсолютно бессмысленным, потому что «это *наша* вода; если мы сами не можем брать свою собственную воду, то кто вы такие, чтобы брать ее? Это *наша* соль, это *наша* земля. Сегодня вы запрещаете нам производить соль, а завтра запретите нам сеять зерна на нашей собственной земле – потому что, раз море... Поскольку море ваше, то и земля тоже ваша: ну и убирали бы сами урожай, занимались бы земледелием. А что делать нам – просто быть зрителями?»

Это было настолько тонким местом в законе, что никто в целом мире не понял бы, что действия Ганди были чем-то незаконным; но они были незаконными по отношению к конституции. В *их* конституции было записано, что никто не имел права

производить соль, кроме правительства; это была монополия государства.

Но когда бедный человек на берегу моря делает соль, вы не сможете в него стрелять; не такое уж это и преступление, и весь мир осудит вас. Это было действительно забавно, всем в Индии это нравилось; но когда страна стала независимой, появилась настоящая проблема.

Ганди кричал: «Делайте это, делайте то!» Но никто не хотел его даже слушать, потому что та толпа не была способна что-либо создавать. И то, о чем я говорю, было одним из заблуждений Ганди: он верил в массу и не знал, что эта масса просто толпа; это не люди.

В своей жизни Ганди видел то, что никогда не хотел бы увидеть – как горят деревни, как убивают людей, режут, как скот, как насилуют женщин... Это был результат его движения ненасилия? Да, я хочу сказать, что это был результат его движения ненасилия, потому что он не имел ни малейшего представления о психологии человека.

Он говорил о неприменении насилия людям, которые не были людьми, они были просто толпой; а если они и следовали за лидером движения ненасилия, то только потому, что для этого им надо было проявить свое мужество, ведь рано или поздно они должны будут встретиться с пулями. Для того чтобы следовать за лидером движения ненасилия, вам не нужно ничего; просто флаг и хороший громкий голос для того, чтобы вопить и кричать. Больше ничего. И Ганди верил, что эти люди будут способны возродить страну.

Его собственные ближайшие ученики, придя к власти, перестали слушать его. Они слушали Ганди потому, что хотели быть рядом, когда придет время делить власть, в этом случае они не остались бы не у дел. Когда же они эту власть получили, Ганди стал для них никем.

В столице независимой Индии ее собственный революционный лидер был убит одним из индусов, – а Ганди был махатмой индусов. И никто не затруднил себя даже подумать, как все это могло произойти, почему те же самые массы стали настолько враждебными по отношению к Ганди, что люди, превозносившие его, стали его убийцами. Причина этого была проста: он требовал невозможного. Это было его заблуждением.

Он думал, что создал настолько великое движение, что теперь никто не помешает ему создать новую Индию. Но он

находился в зависимости от неправедных людей, которые не были заинтересованы в созидании, они были заинтересованы только в уничтожении... Они были готовы следовать за любым, кто повел бы их на разрушение.

Поэтому, если они были индусами, они следовали за индуистскими лидерами, убивая мусульман, сжигая мечети. Если же им случилось быть мусульманами, они следовали за мусульманскими лидерами, убивая индусов, разрушая их храмы. И Ганди просто остался один.

Он сам сказал: «Сегодня я чувствую себя гораздо более одиноким, чем когда-либо в своей жизни. Никто меня не слушает».

Но это не было ошибкой масс; это была ошибка самого Махатмы Ганди, потому что он основывал, обнадеживал и базировал все свои будущие программы на песке толпы. А на песке нельзя выстроить дворец.

Есть толпы – эти толпы не могут слушать меня. Есть скопления – наполовину толпа, наполовину организация, – они также не могут слушать меня. Та половина, которая тяготеет к толпе, не способна слушать; другой же половине мешает слушать ее организованность: ее религия, ее политика, ее вероисповедание, ее предрассудки – это мешает ей.

Организованная личность наиболее сложна. Этот человек почти глухой; у него нет ушей, чтобы слушать. Да, он может слышать, но необходимо четко уяснить разницу между способностями слышать и слушать.

Способность слышать дана нам от рождения; способность слушать – нет. Ее надо приобрести – это искусство. Для этого надо быть способным как-то себя организовать. Для того чтобы слышать, не требуется никакой специальной подготовки; достаточно быть таким, как вы есть. Работают ваши уши, этого достаточно. Можно пойти в больницу и проверить уши, и если врач не найдет никаких отклонений, вы можете нормально слышать – но не слушать.

Никакой врач не сможет выдать нужного документа на способность слушать, потому что он ничего об этом не знает. Он знает все об ухе, *посредством* которого мы можем слышать. Умение слушать – это внутреннее искусство... вы ведете себя настолько тихо, настолько бдительно, что, прислушиваясь к чему-нибудь, вы можете только слышать, больше ничего – ни

мысли, ни мнения, ни решения. Даже если то, что вы слышите, требует полной беспристрастности. Вы просто слышите и только.

Я слышал, что Муллу Насреддина в его преклонные годы сделали мировым судьей. Он разбирал в суде свое первое дело. Выслушав одну сторону, он сказал: «Подождите! Я собираюсь вынести решение».

Секретарь суда не мог поверить, что этого старого дурака сделали мировым судьей, а он не знал элементарной вещи, которую знал бы всякий, – что он, по крайней мере, должен выслушать обе стороны. Он может вынести любое решение, которое сочтет нужным, но для этого ему надо было бы выслушать и другую сторону.

Секретарь зашептал Насреддину в ухо: «Это неправильно; вы выслушали только половину дела. Вы должны выслушать другую сторону».

Насреддин сказал: «Ничего не выйдет! Я не хочу, чтобы меня запутывали. Слыша обе стороны, я непременно запутаюсь – это то, чего хотите вы. Вынести решение суда будет очень сложно. А сейчас ситуация абсолютно ясна, и я не собираюсь позволять кому-либо запутывать меня».

Он говорит как раз о том, что происходит внутри вас. Вы приходите к решению прежде, чем услышите все аспекты и возможности, услышите все, что относится к данной ситуации.

Почему вы христианин? Просмотрели ли вы все возможные варианты? Исследовали ли вы другие религии? Задумывались ли вы над тем, что на земле существуют триста разных религий; что, выбирая христианство, вы тем самым объявляете двести девяносто девять религий неправедными?

Вы даже не знаете, что это за религии, а уже решили, что они неправедные! В этом вы следуете за Муллой Насреддином. Но он был, по крайней мере, лучше вас; он услышал пятьдесят процентов от того, что требовалось. Вы же слышали только одну сторону, а есть еще двести девяносто девять.

И вовсе не обязательно, что любая из этих религий должна быть истинной. Они все могут не быть таковыми. Несомненно, все они не могут быть истинными, но все они могут быть неистинными. Настоящая, истинная религия, может быть, до сих пор и не появилась – или вы должны сами ее найти, – поэтому вы и не можете выбрать из уже имеющихся.

Вот что происходит. Вы идете в магазин готовой одежды – в предложенном ассортименте нет одежды, которая точно соот-

ветствовала бы вашему размеру, потому что вся она не была сделана конкретно для вас. Она была сделана для среднего человека. Путем математических выкладок было подсчитано, сколько существует средних размеров.

У одного из моих друзей такая большая нога, что ни в одной из обувных компаний не выпускается обуви такого размера. Он так расстроился. Я сказал: «Не надо так расстраиваться, это может привести тебя к глубокому пониманию. Ты не средний – никто не средний». Все носят одежду, не сделанную специально для них. Для кого-то она свободна, для кого-то тесна... очень близка по размеру, но не точно.

Вот почему я вынужден иметь целый отдел во главе с Гаян для того, чтобы шить мне одежду точно по размеру, ведь меня волнуют все мелочи. Вы можете спросить Гаян. Она вынуждена переделывать мои рубашки два раза, три раза – одну и ту же – четыре раза. Но она немка... Если я придирчивый, то она немка: она продолжает переделывать, я продолжаю находить дефекты. Но я не думаю, что буду способен взять верх над ней – в конце концов она справится.

Один из моих друзей из Японии начал присылать мне сандалии. В Японии невозможно найти обувь моего размера – у японцев ноги маленькие и, кроме того, тот вид сандалий, который я ношу, для мужчин не выпускается. Но я не верю, что сандалии могут быть мужскими и женскими. Они мне подходят по той простой причине, что мне не надо нагибаться, чтобы надеть их; я просто могу просунуть в них ноги и все. Я настолько ленив, что наклоняться и надевать... все это я не могу.

Поэтому я выбрал этот вид сандалий – просто два ремешка. Я просто вставляю в них ноги, и все в порядке. Но в Японии – они искали обувь для меня по всей стране; наконец они сказали, что найти необходимое крайне проблематично. Пришли сотни пар, но все они были малы, потому что это были женские сандалии и очень маленькие.

Тогда я был вынужден найти еще одну немку. Я верю в немцев! Когда я хочу что-либо сделать, я доверяю немцам! И так, я нашел Арпиту – она мой обувщик. Ей приходится преодолевать те же трудности, что и Гаян. Она сделает, я найду дефект, и она делает снова. И это продолжается... но они знают, что в конце концов у них получится, что наступит момент, когда все дефекты будут устранены и я буду вынужден принять изделие.

Поэтому они всегда победители, я всегда побежденный! Но

в целом весь этот процесс труден, труден для *них*. Я просто продолжаю сидеть на своем стуле! И не имеет значения, победитель я или побежденный. Они могут победить. Но при этом целыми месяцами они вынуждены много работать, только после они могут победить.

Все эти принципы, кредо, культы, которые вы выбрали или которые вас заставили выбрать, – вы думаете, они предназначены для вас? Могли бы вы, напрягая воображение, представить себе, что Иисус думал о *сиддхе* (совершенном человеке)? Я не могу. Я пробовал всеми возможными способами сделать это, но я не могу подтвердить, что Иисус думал о сиддхе.

Ману писал пять тысяч лет назад, и он писал для всего грядущего человечества. Что за мания величия была в этих людях? Но это *их* проблемы: они могут страдать манией величия и писать для целого человечества или даже для будущих поколений, для будущих свершений. Это их дело – они его могут делать, – но зачем вам надо быть такими глупыми, чтобы следовать за ними?

Ману не представлял себе, что за мир будет в будущем, но он расписал все подробно для каждого религиозного человека. Если вы не будете этому неукоснительно следовать, вы обречены; вы теряете человеческое достоинство.

Что касается меня, то я считаю, что вы теряете способность быть человеком, именно следуя Ману. Вы теряете честь называться частью «людей».

Толпы, скопления, организации – все они состоят из отдельных людей, личностей. «Люди» не позволят, чтобы ваше лицо было ложным, ваши мысли заимствованными, а черты, вам присущие, – мертвыми, полными условностей и традиционности.

Нет, до тех пор, пока вы не станете индивидуумом, вы не сможете стать частью слова «люди».

Вы не можете быть христианином, вы не можете быть иудеем, вы не можете быть индусом. Если вы хотите быть частью чрезвычайно важного слова «люди», вы можете быть только самими собой. Только индивидуальности и *только* индивидуальности...

Но быть индивидуальностью – это самое трудное в мире. Все было бы легче, но то, как дураки организовали мир, сделало это еще более невозможным.

Я слышал об одном *сардаре*, Притама Сингхе. Он был очень хорошо известен в деревне, в которой жил, и его известность зависела от одного... Это была маленькая деревня, поэтому в ней ничего нельзя было скрыть от людей. Чем меньше местечко, тем труднее что-то сделать тайно: все становится известным. Ничего нельзя сделать, никуда нельзя пойти без того, чтобы кто-то об этом не узнал.

Но сардар Притам Сингх был загадочным человеком. Каждая супружеская пара в деревне дралась между собой, — а в деревне нет необходимости при этом закрывать дверь, и так все знают. Так какой в этом смысл? Люди дерутся на улице; мужья колотят жен, жены мужей. И каждую ночь происходит одно и то же: из каждого дома можно слышать вопли, крики, всякого рода оскорбления.

Но вся деревня была озадачена тем, что из дома Притама Сингха был слышен только смех. В это невозможно было поверить. Никто ни разу не слышал ни крика, ни даже вскрика или звуков драки. Иногда смеялся сардар Притам Сингх, иногда сардани, — а смеялись они действительно громко.

В конце концов деревня решила: «Эта тайна слишком тяжела для нас, и мы не можем сопротивляться искушению: мы все пойдем к нему и спросим: «Сардар, объясни, почему ты смеешься — и как раз в то самое время, когда все мы деремся. Ну и выбрал ты время, чтобы смеяться! Ты что, смеешься над нами? Тогда когда же ты дерешься? Мы никогда не видели, чтобы ты дрался».

Сардар Притам усмехнулся и сказал: «Это секрет, я храню его на протяжении двадцати пяти лет, поэтому не надо настаивать».

Но они сказали: «Это невыносимо. Долгие годы мы несем тяжкий груз любопытства; сегодня все должно разрешиться. Это затрудняет нашу жизнь. Весь день в голове крутится мысль: «Почему сардар Притам Сингх смеется по ночам и почему так громко? Они оба? И они никогда между собой не дерутся — это странно, потому что семейным парам полагается драться; а иначе для чего вся эта женитьба? Какой толк? И если вы даже не деретесь, то что же вы делаете?»

Сардар Притам Сингх сказал: «Если вы так настаиваете, если этого хочет вся деревня, я скажу: я женат уже двадцать пять лет — и мы деремся каждый день».

Они сказали: «Что?»

Он сказал: «Да. Когда вы слышите наш смех — именно тогда мы и деремся: она бросает в меня что попало. Мы не верим в словесные драки — мы пенджабцы. Мы не верим в словесные ссоры. Какой смысл просто кричать, вопить, разговаривать?.. Этим ударить нельзя. Она бросается в меня разными предметами, а я, будучи сардаром, не могу ей ответить тем же — несмотря на то, что ей случилось быть моей женой. Это недостойно мужчины; поэтому все, что мне остается, — это защищаться.

«Она бросает, я защищаюсь. Если она промахивается, я смеюсь; если попадает, то смеется *она*! Такой вариант нас устраивает, дела идут прекрасно. Нам обоим это нравится».

Жители деревни пребывали в растерянности: что сказать? Но однажды им был преподнесен еще больший сюрприз: они увидели, что эти двое направляются в местный суд, все последовали за ними. В суде судья сказал: «Чего вы хотите?»

Сардар Притам Сингх сказал: «Я хочу развода».

«Но, — сказал судья, — я столько слышал о вас и вашем смехе, вы единственная семейная пара в окрестности, которая живет весело и смеется. Вы тоже хотите развестись с женой? Сколько вы уже женаты?»

Он сказал: «Двадцать пять лет».

Судья спросил: «Что заставило вас принять такое решение после двадцати пяти лет семейной жизни?»

Сардар сказал: «Я объясню вам. Она бросается в меня всякими вещами. Будучи женщиной и сардаром, я не могу бить женщину, несмотря на то, что она моя жена, поэтому я все время защищаюсь. Вот почему эти люди, которые живут в моей деревне, — все они пришли сюда, чтобы услышать, что произойдет. Они были озадачены все эти годы тем, почему мы смеемся. Причина проста: если она попадает в меня, она смеется; если она промахивается, смеюсь я».

Судья сказал: «Если все эти двадцать пять лет все было хорошо, что за беда сейчас?»

Сардар сказал: «Вы не понимаете. За двадцать пять лет она настолько в этом напрактиковалась, что у меня совсем не остается шансов для смеха. Каждый день смеется *она*. Это невыносимо; я не могу с ней оставаться».

Вот наши так называемые люди. Они дерутся — это бессознательно, они смеются — это глупо. Они идут на определенные компромиссы, чтобы выпутаться, но тщетно. Есть моменты, когда ни один компромисс не срабатывает. Ни муж не слышит,

что говорит жена, ни жена... У обоих есть уши, — но вас не учили искусству слушать. Никто не сказал вам, как надо слушать.

Когда я стал профессором, я прежде всего сделал следующее... Ежегодно в течение одного месяца я ничего не преподавал. Весь первый месяц те, кто хотел у меня учиться, должны были учиться слушать. Мне было выражено недовольство в том, что «это не является частью университетского курса, частью программы; нигде не упоминается, что в течение месяца студенты должны учиться слушать».

Заместитель ректора спросил меня: «Это правда, что вы заставляете студентов в течение месяца просто сидеть и учиться слушать?»

Я ответил: «Да. Что я могу сделать? Я несу на себе весь груз вашего общества. А они должны были бы делать это на раннем этапе их жизни; так им было бы легче».

«Но, — сказал он, — все они прекрасно слышат, их уши в порядке».

Я сказал: «Это не относится к ушам. В момент глубоких раздумий можно что-то услышать; способность слышать накладывается на процесс мышления — и это сбивает с мысли, искажает ее. И что у вас тогда получится, если то, что вы слышите, не является тем, что было сказано. Это нечто другое; это может быть просто противоположным по смыслу».

«Внутри вас скопились предрассудки, которые продолжают сортировать все то, что проходит через ваши уши. Они не пропускают то, что против них, и открывают путь только тому, что их поддерживает. При таком положении дел вы, по крайней мере, будете не способны понять философию. Я не касаюсь других предметов, но в моем предмете это невозможно, потому что основа философии — осмысливание проблемы во всех ее аспектах».

«Если у вас уже сложилось об этом мнение... Например, если мы обсуждаем Бога и вы думаете, что знаете, что Бог есть или что его нет, то вы не сможете понять проблему во всех аспектах: что будет означать, если Бог есть; что будет означать, если Бога нет; что будет означать, если остаться к этому вопросу совершенно равнодушным; что будет означать, если мы придем к заключению, что невозможно узнать, есть ли Бог или его нет, и мы остаемся агностиками? Существуют сотни других возможных вариантов; но только эти можно как следует обдумать, если

конечно не быть заранее настроенным на какую-то определенную идею».

Вначале студентам было очень трудно целый час сидеть в полной тишине и слушать: птицы на улице, любой шум — крики какого-нибудь профессора, шум от проезжающей машины или от взлетающего самолета, — а вы сидите и слушаете. Ничего не надо делать — только сидеть и слушать.

Многие из них покинули меня раньше, чем прошел месяц. Если начали занятия тридцать человек, то почти наверняка к концу их осталось бы десять. Но эти десять остались мне благодарны; и не за то, чему их научили потом, а за то, чему они научились за этот месяц. Все, чему их обучили, имело своим результатом диплом, а то, что они узнали за тот месяц, когда просто сидели и слушали, открыло им новый путь в видении мира, в ощущении, в бытии.

Я называю человека индивидуальностью, если он способен слушать.

Это означает, что он способен находиться в состоянии медитации.

Тогда он больше не просто человек, он личность.

Его никакими силами нельзя заставить делать то, чего не допускает его сознание. Он скорее умрет, чем сделает неверный шаг. Однажды получив эту способность, — вернее будет сказать, уже имея ее, — открыв ее однажды, ее уже невозможно забыть. Вы спрашиваете меня, почему люди не слушают то, что я говорю. Прежде всего, «людей» не существует, кому же тогда слушать? Я старался найти своих людей — это была работа всей моей жизни, просто найти людей.

Мне не нужны толпы, скопления, организации. Мне нужны индивидуальности — такие чистые, без предрассудков, готовые вобрать в себя все то, что я должен им сказать, не прикидывая, верно это или нет.

В этом и заключается одно из величайших переживаний жизни — когда все неправильное начинает расплавляться перед вашей бдительностью.

Ваша бдительность, ваша осознанность, ваша способность к медитации подобны лучам солнца для капель росы: все, что не нужно, испаряется. Вам не надо решать, что правильно, а что неправильно; неправильное исчезает само по себе, а то, что осталось, правильно.

Это совершенно новый путь существования.

Но люди уже сложили мнение о том, что хорошо, и о том, что плохо; надо делать то, что хорошо, а то, что плохо, делать не надо. Но до сих пор они продолжают делать то, что плохо, а то, что хорошо, не делают.

Даже такой человек, как святой Франциск, говорит: «Помоги мне, Господи, потому что я продолжаю делать то, что не должен, и избегаю делать то, что должен. Помоги мне!»

Такой человек, как святой Франциск... То же самое говорил и святой Августин, только немного другими словами: «Господи, позаботься обо мне. Я недостаточно силен для того, чтобы делать то, что правильно. Ты должен дать мне силу для этого. И я настолько слаб, что мне ничего не стоит поддаться искушению делать то, что неправильно. Помоги мне и защити меня».

Весь вопрос в том, что это святые; что же тогда говорить о простых человеческих существах? Как поведут себя они? Они почти всегда будут поступать неправильно. Естественно, они чувствуют себя виноватыми, жалкими — грешниками. Они падают в своих собственных глазах, теряют самоуважение. У них нет чувства собственного достоинства, а если они сами не считают себя достойными, то кто же другой так будет считать?

Если вы не уважаете сами себя, вы думаете, кто-то другой будет вас уважать? Если вы сами считаете себя никчемным, то вы будете удивлены: если вдруг кто-то подумает, что вы чего-то стоите, то вы начнете доказывать, что «нет, вы не правы, я никчемный».

Именно это и сделали для вас ваши религии — ни уважения, ни достоинства, ни гордости от того, что вы человек. Эти понятия не имеют ничего общего с эго; на самом деле, эго и нужно потому, что эти понятия отсутствуют.

Эго — это ошибочная замена реальному достоинству. Когда человек полон достоинства, его невозможно оскорбить, его невозможно перестать уважать. Вы можете относиться к нему неуважительно, но вы увидите, что это его не задевает, это вне вашей досягаемости.

Дионисий любил говорить: «Меня можно убить, но оскорбить меня нельзя». Сам Александр Великий ездил встречаться с Дионисием. Он направлялся в Индию, а Дионисий жил на границе Греции, буквально в двух милях в сторону от главной дороги.

Александр захотел, чтобы Дионисий прибыл к нему — что можно было ожидать от человека, подобного Александру. Он

послал гонцов к Дионисию: «Александр Великий хочет видеть тебя; он хочет встретиться с тобой, и мы прибыли, чтобы доставить тебя к нему».

Дионисий ответил: «Скажите Александру, что истинно великие не называют себя великими. Если он хочет знать, что означает величие, он должен прибыть сюда сам. Передайте ему также, что 'живым меня никто не сможет сдвинуть с этого места; меня можно доставить мертвым, но это будет уже не Дионисий. Если ты хочешь увидеть Дионисия, ты должен прибыть сюда'».

Когда это послание достигло Александра, он был немного шокирован и обижен, но также и заинтригован, и очень заинтересовался: что это за человек? А люди, которые к нему прибыли, сказали: «Это хорошо, сэр, что вы не едете, потому что этот человек все свое время проводит, лежа обнаженным на берегу реки. У него только один товарищ — собака, сидящая рядом с ним. И если вы не обидитесь, мы бы хотели вам сказать, что для вас будет лучше не появляться там, потому что время от времени он разговаривает и с собакой. Этот человек может быть сумасшедшим!»

Но все, что сказал Дионисий, эти люди передали Александру. Александр сказал: «Как бы то ни было, это всего лишь вопрос двух миль. И я хочу довести дело до конца; я не хочу всю жизнь мучаться вопросом, что за человек был этот Дионисий. Я так много о нем слышал; с самого рождения я слышу о нем».

Его учителем был Аристотель, а Дионисий непрерывно нападал на него. Аристотель дал определение человеку — «двуногое животное». Дионисий поймал птицу, оборвал все ее перья и послал Аристотелю с запиской: «Это то, что ты называешь двуногим животным, — это человек?»

Эту птицу доставили в тот момент, когда Аристотель учил Александра. С того времени Александр заинтересовался этим человеком. Дионисий просто сокрушил это определение Аристотеля — что человек есть двуногое животное. Прислав ему двуногое животное, Дионисий доказал: «ты не прав».

Затем Александр услышал, что Дионисий днем ходил с зажженной лампой и заглядывал всем в лица. Александр спросил, что он искал, и узнал, что Дионисий ответил: «Я ищу человека. Я вижу только толпу, а человек потерян».

Говорят, когда Дионисий умирал — по одну сторону от него сидела собака, а по другую стояла его лампа, — кто-то спросил его: «Дионисий, ты умираешь. Будь любезен, скажи нам, чем

завершился поиск всей твоей жизни? Ты нашел человека или нет?»

Дионисий ответил: «Да, я могу кое-что сказать. Я не нашел человека, но одно я могу оценить по достоинству – никто не украл мою лампу. По крайней мере, я могу сказать о человечестве то, что люди не так уж и плохи: никто из них не украл мою лампу! Я всегда опасался, что кто-нибудь украдет ее; вероятно, благодаря собаке никто на это не осмелился».

Александр поехал к Дионисию и увидел то, что ему описывали: Дионисий лежал обнаженным – он был красивым человеком и очень сильным, – а собака сидела возле его головы. Он не встретил Александра, как полагается встречать императора, завоевателя мира. Он даже не встал. Александр вынужден был представиться: «Я Александр, я пришел повидать тебя».

Дионисий сказал: «Хорошо, можешь меня повидать. А вот у меня нет совершенно никакого желания видеть тебя». И он спросил собаку: «А ты? Если ты хочешь увидеть Александра Великого, то вот он! Этот парень и есть Александр Великий». Александр сказал: «Я собираюсь завоевать Индию. Хочешь ли ты, чтобы я что-нибудь привез для тебя? Я могу».

Дионисий сказал: «Нет, я ни в чем не нуждаюсь. Но будь добр, отойди немного в сторону, ты загораживаешь мне солнце. Если ты сможешь это сделать, то это будет больше, чем можно ожидать от такого человека, как ты».

За свою жизнь Александр встречал не так уж и много людей подобной прямоты и достоинства – у которых ничего не было: ни власти, ни должности, ни даже одежды; ни учеников, ни церкви, ничего... только один спутник – собака. И Дионисий продолжал: «Если ты только сможешь сделать это: отойди в сторону, не загораживай солнце. И запомни: никогда и никому не мешай получать их солнце и тепло».

«И я говорю тебе, что ты никогда не станешь завоевателем мира и никогда не вернешься назад, домой, потому что дорога, которую ты выбрал, никогда не приведет тебя назад. Дальше и дальше... ты обнаружишь что-то еще, что надо завоевать, и еще: этому нет конца».

«Но я об одном хочу спросить тебя перед тем, как ты уйдешь: что ты собираешься делать, когда завоюешь мир?»

Александр сказал: «Что? Действительно, я никогда не думал об этом. Думаю, что буду отдыхать».

Дионисий посмотрел на собаку и сказал: «Ты слушаешь? Этот человек думает, что будет отдыхать после того, как завоюет мир! Это странно! Разве для того, чтобы отдыхать, необходимо сначала завоевать мир? Тогда как же я отдыхаю?»

Александр помнил это всю свою жизнь. Все, что сказал этот человек, было правдой: для того, чтобы отдыхать, никаких предварительных условий не требуется. Если вы хотите отдохнуть, вы можете отдыхать; у вас нет необходимости откладывать ваш отдых ни на минуту, потому что отдых не требует выполнения каких-либо предварительных условий. Все, что от вас требуется, – это желание отдохнуть – и отдыхайте! Не надо даже спрашивать, как это делать, потому что это просто уловка вашего разума, чтобы отложить ваш отдых.

В этом случае в это «как» вовлекается работа ума – способы, приемы, стратегия. Уже и отдых забыт, вы полностью вовлечены в процесс поиска способов; а их тысячи. Но для того, чтобы отдохнуть, эти способы не нужны. Отдых – это просто решение: вы захотели отдохнуть, вы отдыхаете.

Если вы хотите закрыть глаза, закрывайте. Разве вы спрашиваете, как это надо делать? Если вы хоть раз зададите себе такой вопрос, то несомненным будет одно: вы никогда больше не сможете закрыть глаза. Вы можете изучить тысячи разных способов, но вы больше никогда не сможете закрыть глаза. Если вы хотите закрыть глаза, закрывайте; это просто естественная способность. Отдых – это естественно. Напряжение ненормально.

В мире нет «людей». Вот что пытался найти Дионисий – человеческое лицо, – но он видел только маски. Он искал индивидуальности, но видел только личности. Он везде видел лицезмеров, но ни одной подлинной индивидуальности.

А почему он хотел найти человека? Причина была все та же: он хотел что-то сказать. Но кому говорить? Кто-то ведь должен слушать; иначе ваши слова будут обращены стенам.

Многие годы я обращал свои речи стенам. Где-то году в 1950, когда я впервые вошел в радиостудию для записи лекции... Они хотели транслировать ее по всей Индии, сделать радиопередачу, потому что я тогда был очень молод, а директор радиостудии слышал меня в университетских дебатах. Он не мог поверить в то, что я говорил, поэтому пригласил меня в студию записать любую тему, какую я предложу.

Очевидно, он волновался, потому что я находился в студии впервые. Мне никогда не доводилось говорить перед микрофоном в пустой комнате, поэтому он сказал: «Вам будет немного не по себе, раз или два так поначалу бывает. Это случается со всеми, поэтому не стоит волноваться».

Я сказал: «Я не буду испытывать ничего подобного, потому что я уже читал лекции стенам».

Он спросил: «Что вы имеете в виду?»

Я сказал: «В тот день, когда вы слушали меня, это произвело на вас впечатление, поэтому вы и пригласили меня сюда; для вас там были люди, для меня – только пустые скамьи. Люди куда-то исчезли. Их там не было. Зал был абсолютно пуст; только одни стены. Поэтому не стоит волноваться».

Он подумал, что я немного свихнулся, но сказал: «Хорошо, работайте. Я буду наблюдать за вами снаружи и подам сигнал, когда начинать и когда заканчивать».

Я сказал: «Не волнуйтесь. Просто скажите мне время, и я сам начну и сам закончу, иначе, стоя в окне – в него было вставлено стекло – и делая знаки, вы будете мне только мешать. Не беспокойте меня. Просто скажите время, когда я должен буду начать. Десять тридцать? Я начну в это время. В десять сорок я остановлюсь. Не беспокойтесь».

Он наблюдал снаружи и был очень озадачен, потому что все выглядело так, как будто я говорил с людьми, как говорю с вами! Он записывал на радио многих ораторов, но никогда не видел, чтобы люди жестикулировали и вели себя, как перед публикой.

Когда он вошел, он сказал: «Что вы делали?»

Я сказал: «Вопрос не в том, есть ли там люди или нет – их там *никогда* и не бывает. А без жестов я говорить не могу. Если вы будете держать мои руки, я не смогу сказать ни слова, потому что в свои лекции я вкладываю не просто часть себя, я вовлекаю все мое существо. Участие моих глаз, моих рук, участие всего тела. Все мое тело говорит, поддерживает то, что я говорю словами».

Он сказал: «Я не понимаю вас, потому что вначале вы сказали, что всегда читали лекции стенам. Этим я был озадачен. Но когда я увидел вас говорящим, я увидел, что вы говорили с людьми. Я даже заглянул в комнату посмотреть, есть ли там кто-нибудь».

Я говорил, многие слышали, немногие слушали; и мало-помалу я выбирал тех людей, которые имели способность

слушать. И теперь я говорю только тем, кто слушает. Теперь же я говорю не со стенами, я говорю с людьми.

Но задававший вопрос спрашивал, должно быть, о внешнем мире, о великом мире вокруг нас. С ним ничего нельзя сделать, никаким образом; эти люди не знают, как слушать. Я говорил с ними – я вовсе не пессимист – на протяжении тридцати лет я непрерывно боролся с ними, но, кажется, никто не слушает.

Мало-помалу я начал отбирать своих людей, и, отбирая, я стал посвящать их в санньясу, так что я мог распознавать их и знать, кто они. Я начал давать им имена, какие я сам мог запомнить, потому что мне трудно запомнить всевозможные трудные имена со всего мира. Истинной причиной было просто дать имена, которые я смог бы запомнить; иначе было невозможно. Здесь люди почти изо всех стран, всех языков: невозможно запомнить их имена.

Но когда я сам даю вам имя, это совсем другое дело. Когда я даю вам имя, я даю его по определенным причинам, за определенные качества, которые я вижу в вас, за определенные возможности, которые я вижу в вас, за определенные черты характера, которые присущи вам, – и все это становится взаимосвязанным.

Имя, которое я даю, знакомо мне, его смысл мне известен. Его смысл и ваш образ жизни, характер, возможности – все становится взаимосвязанным. Мне становится легче запоминать вас; иначе это очень трудно, почти невозможно.

Я дал вам красную одежду по той простой причине, чтобы я мог узнавать вас; все остальные объяснения этого просто ерунда. Просто, чтобы дать вам веские доводы – потому что люди будут вас спрашивать и вы должны будете привести веские доводы, – я старался из ничего создать философию. Но истинно только это, и ничто больше.

И последнее, что вы говорите: «Ваш откровения... почему люди не прислушиваются к Вашим откровениям?»

Мои откровения – это вовсе не то, к чему нужно прислушиваться.

Мои откровения – это не доктрина и не философия.

Мои откровения – это определенная алхимия.

Это наука трансформации.

Это только для тех, кто желает умереть таким, каков он есть, и снова появиться на свет в чем-то настолько новом, что они не могут сейчас просто вообразить. Поэтому слушать меня будут

готовы только немногие мужественные люди, потому что это становится рискованным. Послушав однажды, вы уже не сможете без этого. Вас затягивает помимо вашей воли; не издав ни единого звука, вы уже конченный человек!

Обладая способностью слушать, вы тем самым делаете первый шаг к новому рождению.

Итак, это не философия, из которой можно сделать пальто и хвастаться им.

Это не доктрина, в которой можно найти утешение по поводу волнующих вас вопросов; доктрина, которая может ослабить эти вопросы и мало-помалу свести на нет.

Нет, мои откровения – это не просто какое-то устное сообщение.

Это нечто намного более рискованное.

Это никак не меньше, чем смерть и новое рождение.

Беседа 22

КАК ВАМ УДАЕТСЯ ДЕЛАТЬ ЭТО?

19 февраля 1985 года

Бхагаван,

Как Вам удастся не делать этого?

Самое легкое в мире всегда является самым трудным. По той простой причине, что это легко, это и становится трудным.

Это не парадокс, а простая логика эго. Вы должны понять эту логику. Логика эго такова, что для доказательства его существования требуется попробовать делать что-то трудное. Если вы в этом преуспеете, то это значит, что вы удовлетворили эго. Если вы можете достичь невозможного, значит, вы величайший человек в истории человечества.

Сотни лет люди пытались достичь вершины высочайшего пика Гималаев. Погибли сотни альпинистов, но попытки покорить вершину не прекращались. Молодые люди из всех стран мира продолжали восхождение на Эверест, потому что высочайшая вершина Гималаев и всего мира по-прежнему оставалась вызовом человеческому эго. Она оставалась непокоренной.

Но ведь как таковой цели не было. Если взойти на Эверест и посмотреть вокруг, будешь чувствовать себя глупо: достигать нечего. Ни магазинов, некому даже сказать «привет!»... Абсолютно пустынно, только вечные льды, которые никогда не тают. А сама вершина настолько мала, что на ней вряд ли уместятся два человека.

Что там можно делать? Эдмунду Хиллари и Тенцингу потребовались годы, чтобы достичь вершины, — а сколько они там стояли? Не более пяти минут. Но даже пять минут показались бы пятью веками, потому что там замерзает все, даже время. А потом, после тех пяти минут, спуск на землю, где их уже ждут люди, машут руками, кричат — полные радости за то, что человек покорил непокоримое. Но каков выигрыш?

Этого выигрыша можно и не увидеть, но он есть — это то, что я называю логикой эго: Эдмунд Хиллари вошел в историю. И теперь уже никому не занять его места; больше никто не сможет стать первым покорителем Эвереста. Все остальные будут вторы-

ми, третьими, четвертыми, — но слава быть первым — это мощная подпитка для эго.

Первый человек, ступивший на Луну, первый человек, облетевший вокруг Луны... Я встречался с тем русским, Юрием Гагариным, который первым в истории человечества пролетел так близко от Луны. Без него было бы невозможно высадиться на Луне. Он подготовил почву. Он наблюдал и прикидывал, находясь в непосредственной близости от Луны, что должно быть сделано для посадки на нее. Он стал всемирно известен.

Его пригласили в Индию, он приехал, и даже индийские дураки... Можно ожидать от индийских дураков немного больше здравого смысла, потому что они самые старые, самые древние дураки; они-то уж должны были бы чему-то научиться. Но дураки есть дураки — современные, древние, индийские, американские. Они не принадлежат ни к какой нации, ни к какой касте. Они, таким образом, почти просветленные.

Я никогда не видел индийцев такими сумасшедшими! В Нью-Дели собрались миллионы, чтобы посмотреть на Юрия Гагарина. Ни на какого мудреца, или святого, или махатму не собиралось посмотреть такое количество народа. Столько любопытства!

Юрий Гагарин, должно быть, чувствовал себя в тысячу раз большим, чем он на самом деле был. Когда я с ним встретился, я спросил его: «Какую цель преследовали лично вы? Я не говорю о научном прогрессе — о том, что вы доставили ценнейшие материалы, которые помогут первому человеку высадиться на Луну, — с этим все в порядке. Какая цель была лично у вас?»

Он ответил: «Я никогда об этом не думал, но вы правильно поставили вопрос. Конечно, у меня была своя цель. Я стал всемирно известен, хотя сам ничего не *сделал*. Я не могу показать вам, что “вот это мое достижение”. Но я понял ваш вопрос и вижу, на что он нацелен».

«Да, это правда: я больше не тот Юрий Гагарин, каким был прежде. Я был обычным, простым человеком. Я никогда не думал, что меня будут приветствовать миллионы — и с такой потрясающей радостью, что я чувствую, что только теперь я живу; раньше я был мертвым».

Я сказал: «Это чувство не от того, что вы осознаете, что вы *есть*, потому что ваше сознание осталось тем же. Это ощущение второго рождения идет от вашего эго; ваше эго стало сильнее, оно

полностью удовлетворено. Это и есть ваш “выигрыш”. Но для тех, кто знает, это ваша потеря».

То, что для эго является выигрышем, то для души является потерей.

То, что является благословением для эго, является проклятием для души.

То, что имеет огромное значение для эго, является полнейшей ерундой для самой сердцевины вашего существа.

Логика эго заключается в том, что эго не затрагивают простые вещи. Ведь если вы скажете: «Я дышу!» – это вовсе не значит, что должны собраться толпы людей, чтобы приветствовать вас, чтобы сказать: «Тииртка, ты велик! Твое имя будет бессмертно, потому что ты можешь дышать».

Никто не скажет вам этого, – а если кто и скажет, то вы подумаете, что он насмехается, что он не ценит вас, – ведь дышать – это так просто. Вам даже не надо ничего *делать*; это происходит само собой. Это не ваша заслуга, так как же вы сможете чувствовать себя сильнее из-за этого? И наоборот, вы дышите: без дыхания вы были бы в небытии.

Способность дышать намного глубже, чем эго, намного существеннее эго и намного более экзистенциональна, чем эго. Эго ничего не может. Оно поверхностно – это просто мыльная пена на поверхности реки. Оно ничего не знает о глубине. Способность дышать относится к вашей самой глубинной части. Вот почему, даже когда вы спите, дыхание продолжается. Ему не нужно даже, чтобы вы просыпались.

Однажды я пришел навестить женщину, которая в течение девяти месяцев находилась в коме, но дышала нормально, даже в такой длительной коме; за все это время она ни на минуту не пришла в себя. И врачи говорили, что она может остаться в таком состоянии еще по крайней мере три года, пока не умрет. Но она жива. Она так мирно дышит; возможно, никогда раньше, до комы, она так мирно не дышала!

На свете так много внешних раздражителей, но для нее они не существуют. Она не может ни слышать, ни видеть, ни думать, – но она продолжает дышать. Способность дышать дана природой, а вовсе не заслуга эго; следовательно, в этом процессе эго проявить себя не может.

Вы видите проблему? Наиболее важное, наиболее существенное совершенно неинтересно для эго; оно совсем не заботится о дыхании. Те люди, которые озаботились процессом своего

собственного дыхания, осознали определенную истину – если вы делаете что-то трудное, эго никогда не покинет вас, потому что каждый шаг, дающийся с трудом, усиливает эго, а чем оно сильнее, тем дальше вы от самих себя.

Ваше эго – это дистанция между вами реальными и вами нереальными. Чем больше эго, тем больше эта дистанция; меньше дистанция, меньше ваше эго. Если этой дистанции нет вообще, эго исчезает, и с его исчезновением появляется ваше истинное лицо.

Что касается меня, то я думаю, что это наиболее важное открытие во всей истории открытий.

Я не имею в виду открытие атомной энергии, ядерного оружия или чего-либо подобного, более важного, чем открытие того, что при осознании такого простого естественного процесса, как дыхание, эго исчезает.

Вам не нужно отбрасывать эго.

Если вы попытаетесь это сделать, у вас не получится:

Кто собирается отбросить его?

То, что отбрасывается, не является вашим эго. Отбрасывающий внутри вас скажет: «Гляди-ка, я отбросил эго; теперь я смиренный человек, без эго, одухотворенный, святой». Отброшенное не играет роли; вся проблема в самом отбрасывающем.

Поэтому действительно *ничего* нельзя сделать для того, чтобы прийти в состояние недеяния.

Это так просто. Вопрос интересный, но ответ крайне прост. Рассматривая вопрос, можно подумать, что он очень сложен; но это не так. Если вы прикладываете какие-нибудь усилия, чтобы достигнуть состояния недеяния, то вы ввергаете себя в путаницу.

Это подобно собаке, пытающейся поймать свой хвост; время от времени каждая собака упражняется в этой йоге. Это прекрасное зрелище – упражнение по захвату ее собственного хвоста. Можно наблюдать все трудности этого упражнения, неудачные попытки: собака снова собирается с силами, берет лучший разбег, ищет решения, чтобы удачно выполнить упражнение – потому что как только она прыгнет, по непонятной причине хвост прыгает тоже! И чем быстрее собака пытается это сделать, тем быстрее движется хвост.

Но ведь бедная собака не может видеть, что хвост с ней соединен; и нет никакой возможности поймать его. Да и нет необходимости; он и так является ее частью, она уже владеет им.

Что же она пытается сделать? Пытается овладеть чем-то, чем уже владеет? Пытается получить что-то, чем она и так владеет?

Поймает собака свой хвост или нет, он всегда с ней; куда бы она ни направилась, он всегда с ней. Она даже не может убежать от него, поэтому нет необходимости его хватать. Даже если она захочет сбежать, это будет невозможно.

Возможно, некоторые собаки, которые верят в самоотречение, — вообще существуют всякие собаки, — видя бесконечные неудачные попытки схватить хвост, завладеть им, могут прийти к заключению, что вся эта затея с захватом хвоста иллюзорна, что это *майя*. «Не теряй времени; отрекайся от этого и убегай как можно быстрее — в пещеры, в монастыри — далеко в Гималаи, где не найти даже и следа этого хвоста. Тогда ты будешь свободна. Откажись от владения им!»

О том же самом думает человек, который отрекается от богатства, от своей жены, детей и сбегает. Но он этого не осознает. Можно увидеть, что собачий хвост прикреплен к нему; и куда бы ни направилась собака, туда же движется и хвост. Если посмотреть глубже, можно увидеть следующее: если муж отказывается от своей жены, детей, собственности, разве он поступает иначе?

Прежде всего, зачем ему было жениться? Должно быть, было что-то внутри него, что нуждалось в жене. Жена — это не что-то внешнее, это некая внутренняя потребность. В нем должна существовать некая внутренняя потребность иметь собственность; иначе зачем ему было все это наживать? В нем должна существовать некая внутренняя потребность в желании иметь детей; а иначе кто его заставляет их иметь?

На самом деле, весь мир пытается, все правительства пытаются: «Используйте методы контроля рождаемости». Никто не слушает. Это не значит, что люди не понимают, что им говорят, что они не видят роста населения в таких размерах, что эта земля может скоро погибнуть, — и не от ядерной войны, а от голода.

Но должно же быть нечто, некая важная потребность, которая заставляет человека хотеть иметь детей. И это ваши внутренние психические потребности. Хвост собаке можно отрезать — не такая уж это и большая проблема, — но никакое хирургическое вмешательство не поможет вашим потребностям. Они укоренились в вас намного глубже, чем хвост у собаки. Это просто внешний предмет, который можно убрать без каких-либо

больших потерь для собаки. Но ваши потребности, от которых вы бежите, будут с вами, куда бы вы ни направились.

Я знаком со всеми видами самоотречения. Однажды я был в Ришикеше в Гималаях и сидел под деревом, очень красивым деревом. Был жаркий солнечный полдень, а в тени дерева было так прохладно, и, несмотря на то что я должен был идти, я засиделся несколько дольше.

Подошел один старый индусский монах и сказал: «Что ты делаешь здесь под моим деревом?»

Я сказал: «*Ваше* дерево? Вы отказались от всего мира, а это дерево теперь ваше? Я не вижу вашей подписи или... Как вы докажете, что это дерево ваше?»

Он сказал: «Нет необходимости это доказывать; все вокруг знают. На протяжении тридцати лет я сижу под ним».

Я сказал: «Вы можете сидеть под ним тридцать лет, но дерево было здесь и до вас; теперь я сижу под ним, а дерево останется и дальше. Оно не имеет никакого отношения ни к вам, ни ко мне; у него нет понятия, кто его владелец. Вы просто заблуждаетесь!»

Он сказал: «Что ты говоришь? Ты сидишь здесь всего несколько часов и уже стал его владельцем, а я сижу здесь тридцать лет».

Я сказал: «Я не собираюсь становиться владельцем этого дерева, я скоро уйду; но не просто так. Вы должны будете извиниться перед деревом. Вы не купили его, вы не посадили его, вы не поливали его. На каком же основании вы становитесь его владельцем — просто потому, что сидите здесь тридцать лет, беспокоя его день и ночь?

Вы *в долгу* перед деревом, оно же ничего не должно вам. Вы видели от него только добро, а сами стали его владельцем! И это «владение» является тем, что вы оставили после себя. Ничего другого».

«Вы даже готовы прямо сейчас, здесь, подраться со мной. Тридцать лет назад вы бы дрались за дом, за клочок земли: “Это моя жена, это мой дом, это моя религия, это моя страна...”»

«Теперь же все сосредоточилось на этом бедном дереве. Вся ваша жажда собственности сконцентрировалась на нем. И не имеет значения, владеете ли вы целым королевством или просто маленьким деревом; собственность не имеет ничего общего с количеством, это ваша позиция».

Я сказал ему: «Вы старый человек, отказавшийся от всего, вы, должно быть, слышали известную историю о короле, который жил в древние времена. Один великий мудрец велел своему ученику отправиться ко двору короля и провести там несколько дней в качестве последнего испытания. Прежде чем мудрец объявит, что обучение закончено, ученик должен был провести несколько дней при дворе короля».

«Если этого хочет учитель...» Молодой человек отправился. Он думал: «Вероятно, король – великий мудрец; должно быть, более великий, чем мой учитель, если к нему посылают учеников на последний урок и последнее испытание».

«Странно, что мудрец, отказавшийся от всего, должен посылать своих учеников к человеку, который ни от чего не отказывается, который является просто обыкновенным властолюбивым человеком, непрерывно пытающимся завоевать другие страны; империалист, настолько привязанный к вещам, что не останавливается даже перед убийством тысяч людей. И меня послали к нему? В этом должен быть какой-то секрет».

«Он отправился. Был уже вечер, но его немедленно доставили к королю. Для короля настало время выпить, и женщины, красивые женщины вышли, чтобы танцевать. Его двор собирался отметить наступление вечера».

«Видя все это, молодой ученик был жутко шокирован, он сказал королю: “Я пришел провести здесь несколько дней, но я не могу оставаться здесь даже и нескольких минут. Я не мог подумать, что учитель посылает меня в такой ад!”»

«Король сказал: “Если твой учитель послал тебя, то на это должна быть какая-то причина. И не надо судить так скоро. Что ты потеряешь, проведя здесь два-три дня? И запомни, это твое последнее испытание. Без моего одобрения ты можешь провести в доме своего учителя всю свою жизнь, но так и не закончишь учебу. Так что лучше приди в себя; останься здесь на три дня. Тебя прислали сюда не для того, чтобы оценивать меня; тебя прислали сюда, чтобы я мог оценить тебя”».

«Это было уже слишком: этот человек собирался дать оценку *ему*, который отрекся от всего! Но что делать? Он был в затруднительном положении. Если он уйдет, его учитель будет огорчен. Но если уж так случилось, что он был вынужден прийти сюда, то будет лучше как-нибудь выдержать эти три дня и получить одобрение этого самонадеянного человека».

«Король сказал: “Остынь и приди в себя. Сначала прими хорошую ванну, которую я для тебя приготовил, потому что заранее получил послание о твоем прибытии. И не надо расстраиваться: в юности все слишком скоро на суд. Требуется опыт, чтобы научиться не судить или, по крайней мере, не судить поверхностно. А ты еще ничего не видел”».

«“Побудь здесь три дня, смотри, наблюдай. У тебя есть вся твоя жизнь, в которой ты можешь судить других, – нет проблем, – но сначала получи мое одобрение. Так что сначала думай о *моей* оценке и поступай соответственно, чтобы получить от меня благоприятный отзыв; в противном случае ты будешь вынужден приходить сюда снова и снова, всю свою жизнь. Итак, иди и прими ванну – я все приготовил”».

«Молодой человек никогда не бывал в королевской ванной; он никогда не видел такой красоты. Его ждали обнаженные женщины, чтобы сделать массаж... Он сказал: “Боже мой, испытание закончено; этот человек собирается за три дня убить меня!” И прежде чем он смог что-то сказать... А он действительно был на грани нервного расстройства: он убежал от женщин, а здесь он видит их *обнаженными*. Ему никогда прежде не доводилось видеть таких красивых женщин, и они собирались делать ему массаж!»

«Но прежде чем он смог что-то сказать, он обнаружил, что потерял дар речи, он не мог говорить. Он мог только сказать: “Аааахх!” – и ничего больше. А те женщины начали его раздевать. И прежде чем он смог что-нибудь сделать, он уже стоял обнаженный; эти четыре женщины полностью завладели им, погрузили его в ванну, полную розовой воды».

В Индии короли и очень богатые люди принимают ванны в розовой воде. Ночью в ванну кладут тысячи роз, так что вода наполняется их ароматом. Утром все лепестки собирают, роз вы уже не видите, но вас окружает облако их аромата.

«Никогда в жизни он не видел подобной роскоши. Ванна была сделана из золота; его тело облили драгоценными маслами и массировали. Ему до смерти хотелось куда-нибудь сбежать, но он чувствовал себя полностью парализованным».

«Потом король пригласил его отведать пищу, которую он никогда прежде не пробовал. Он всегда повторял: “Приучай себя к безвкусной пище”, – а здесь еда была такая вкусная! Одного запаха, аромата было достаточно, чтобы почувствовать голод».

«Король сказал: “Садись и ешь – и помни о том, как тебя приучали к безвкусной пище. Что особенного было в доме твоего учителя, где пища и так была безвкусной? Если ты мог помнить об этом там, так ты думаешь, это благодаря обучению? Пища была безвкусной; это поймет любой дурак. А ты вот *теперь* попробуй не почувствовать вкуса”».

«Молодой человек видел всю трудность своего положения, но также и свою цель. “Между прочим, – сказал король, – как ванна? Как тебе понравились женщины – они самые искусные массажистки из всех? Я думаю, ты должен быть удовлетворен”».

«Он сказал: “Удовлетворен! Я просто как-то пытаюсь пережить эти три дня – если я смогу выжить, но у меня нет большой надежды. Это первый вечер; три дня мне кажутся длиной в три жизни. А теперь эти лакомства! Я буду помнить их всю мою жизнь – и я должен от всего отказаться! А те прекрасные женщины – я их никогда не забуду. Что это за испытание? Вы готовите совсем другие ситуации, чем те, к которым я готовился все эти годы”».

«Затем подошло время выпить, и король сам предложил ему вина. Молодой человек сказал: “Это уже слишком – в доме моего учителя вино запрещено”».

«Король сказал: “Здесь тебе не дом твоего учителя, это дворец твоего экзаменатора. Если ты хочешь, чтобы я дал хороший отзыв, будь начеку и делай то, что я говорю. Твой учитель говорил тебе не терять сознания. Так и не теряй; пей и оставайся трезвым. А что толку в том, чтобы не пить и оставаться трезвым? Все так могут; все так и *делают*”».

«“Ты пей, и пей столько, сколько душа пожелает, потому что такой возможности у тебя больше не будет. И я говорю тебе, что это не имеет ничего общего с потерей сознания: я буду пить с тобой; в действительности я уже пью весь вечер – можешь ты сказать, что я нетрезв? Так что пей!”»

«Он вынужден был пить. А затем король повел его... Он чувствовал себя так, как будто это происходит не с ним, он вообще не понимал, что происходит, – опьянение, женщины, пища, красивая одежда, в которую его облачили после ванны... А затем король повел его в дом для гостей, где он должен был жить. Он не мог этому поверить: он думал, что, должно быть, попал на небеса – алкоголь многим дает иллюзию небес».

Возможно, поэтому все религии против алкоголя, ведь он может удовлетворить ваше желание попасть на небеса... Кто

захочет ходить в церкви, в соборы, в ашрамы и исполнять всякого рода странные ритуалы, когда увидеть небеса можно просто выпив вина?

«Молодой человек думал, что он, должно быть, на небесах; он совершенно забыл о том, что пришел сюда на испытания. Король показал ему его кровать, и в тот момент, когда молодой человек лег, он увидел обнаженный меч, подвешенный на тонкой нити прямо над ним. Весь хмель сразу прошел; внезапно он обнаружил, что находится не на небесах. Этот меч... Смерть может любого вернуть на землю откуда угодно!»

«Он спросил короля: “Зачем здесь этот меч?”»

«Король ответил: “Он здесь для того, чтобы привести тебя в сознание. Это твоя комната – теперь ложись спать. И если по милости божьей мы оба доживем до завтрашнего утра, мы встретимся снова”».

«Молодой человек сказал: “С вами ничего не случится, вы доживете; весь вопрос обо мне. Я думаю, что даже с Божьей помощью эта тонкая нить не выдержит такого тяжелого меча, который висит надо мной; он готов упасть в любой момент. Достаточно легкого дуновения, и я покойник!”»

«Король ответил: “Не волнуйся. Если ты умрешь – твой учитель говорил тебе о перевоплощении, – ты перевоплотишься во что-нибудь, родишься заново. И все, чему ты научился, уйдет с тобой. Так что не упускай последних мгновений. Может быть, он и упадет – я не могу ничего гарантировать. Как ты проведешь эти мгновения, твое дело. Оставайся трезвым, и если ты умрешь трезвым, ничего не будет лучше этого”».

«Но молодой человек сказал: “Я не хочу умирать. Я прибыл сюда только за тем, чтобы получить ваш отзыв, а вы просто отзывате меня из самой жизни!”»

«Король сказал: “Это и есть путь для получения отзыва. Ложись спать: чему быть, того не миновать – этому учит твой учитель. Как говорят индусы, даже лист не сдвинется с места без Божьей воли, поэтому, как же может меч без Божьей воли убить тебя? А по его воле, кинжалом или нет, ты все равно будешь убит”».

«“Так что ложись спать, как это делаю я. Над тобой висит только один обнаженный меч; надо мной их висят тысячи. Но скоро из соседней комнаты ты услышишь мой храп”».

«Молодой человек не смог заснуть всю ночь; и всю ночь он слышал храп короля. Утром король зашел в его комнату.

Молодой человек не спал, он просто лежал и глядел на кинжал; для него в целом мире не существовало ничего, кроме этого кинжала».

«Король сказал: “Я собираюсь принять омовение”, – прямо за дворцом протекала священная река индусов Ганг. – “Пойдем со мной на утреннюю прогулку и немного поплаваем в реке”. Они отправились. На молодом человеке не было ничего, кроме *ланготи*».

Ланготи – это просто маленький клочок одежды, нечто вроде очень короткого нижнего белья без единого стежка или шва. Надо просто взять узкую полоску ткани, обернуть ее вокруг талии и закрепить один конец впереди, а другой сзади, и ланготи готово.

Не требуется никакого шитья; ланготи можно сделать где угодно и когда угодно. И именно это полагается носить индусскому монаху, потому что шитье – дело сложное; оно предполагает чью-то помощь, денежные затраты, – а всего этого монаху следует избегать.

Индусский монах старается избегать всего, что возможно. У него остаются простейшие вещи, без чего нельзя обойтись: чаша для подаяний – которая изготавливается не из металла; ее делают из кокосового ореха, разрезанного на две половины, его твердая скорлупа становится чашей. Таким же образом, как и чашу, можно сделать и ланготи.

Также и посох – можно подумать, зачем он. Это из-за индийских собак. Их так много, и все они не любят людей в униформе. И хотя одежда монахов мало похожа на униформу, все же она является униформой, потому что все монахи с их чашами, ланготи и посохами выглядят одинаково.

Собаки относятся к униформе подозрительно; они думают, что что-то где-то не так. И, возможно, они правы, потому что в армии носят униформу, полицейские носят униформу, почтальоны носят униформу – и монахи носят униформу. Кажется, все плохие люди носят униформу. Так что посох абсолютно необходим, чтобы отгонять собак.

Так что я сказал старому индусскому монаху: «Итак, молодой человек взял с собой эти три предмета: ланготи, чашу для подаяний и посох. Утром он вышел из дворца, снова облачившись во все это, потому что его стесняли богатые одежды, которые предложил ему король».

«Он сказал: “Я могу носить их во дворце, но не на улице. Если кто-то увидит меня в этих одеждах, будет неудобно и вам и мне, так что позвольте мне остаться в моей обычной одежде”».

«Король сказал: “Поступай, как хочешь”. Итак, король отправился к реке в своей королевской одежде, а монах в своей униформе. Они оба сложили одежду на берегу Ганга и вошли в воду. В то время как они плавали, монах крикнул королю: “Ваш дворец горит!”»

«Король сказал: “Я увидел это раньше тебя, но здесь не о чем беспокоиться. Что можно сделать? Он *горит*, но ничего не случается без воли Божьей, так что не волнуйся; продолжай плавать”».

«Молодой человек сказал: “Что вы говорите! Я должен по крайней мере спасти одежду, которая лежит прямо возле дворца», – и он выбежал из воды спасать свои вещи. Дворец был объят пламенем, там была королевская одежда, а он беспокоился о своей униформе!»

«Король принял омовение. Дворец сгорел дотла – он был подожжен по его приказу. Монах не переставал трястись и дрожать, он говорил: “Какая большая потеря. Сколько миллионов рупий!...”»

«Но король сказал: “Не печалься; к тебе это не имеет отношения. *Твои* вещи в сохранности”».

«Молодой человек сказал: “Все мои вещи в полном порядке”».

«Король сказал: “Для тебя достаточно – ты и *будешь* печалиться о своих вещах: это твоя собственность, твое королевство. А вот мне все равно, если сгорит все мое королевство; это не имеет значения – потому что, когда меня здесь не было, весь мир уже был и королевство было. Однажды меня здесь не станет, а вот мир по-прежнему останется. Я здесь просто посетитель, созерцатель. Зачем же мне тоже вмешиваться во все?”»

«“Но ты должен запомнить, что ты еще не приобрел способность отказаться от всего; ты пока еще не стал созерцателем. Ты не смог даже просто смотреть на пожар в *моем* доме. А если бы твоя униформа – которая мало похожа на униформу – загорелась, я думаю ты бы сошел с ума! Ты и так на грани помешательства из-за таких больших потерь... Но какое это имеет отношение к тебе?”»

«“Ты был шокирован, когда увидел, что я пью, но даже в это время я простой созерцатель. Ты был шокирован, увидев

меня окруженным красивыми женщинами; но, даже глядя на их танцы, я остаюсь только созерцателем. А вот ты совсем не созерцатель. И за два дня тебе надо им стать. Времени мало, очень мало. Будь созерцателем, потому что, прежде чем я дам тебе положительный отзыв, ты должен будешь доказать, что стал им»».

«Монах спросил: “Как я должен это доказать?”»

«Король ответил: “Тренируй себя сегодня на всем. Ведь все устроено так, что поможет тебе созерцать. Просто смотри. Не пытайся устраниться, не пытайся сдерживаться, не пытайся сражаться, не пытайся избегать: просто наблюдай, пусть все идет как идет”».

«И в последний день было устроено последнее испытание, связанное с предстоящим красивым танцем. Молодому человеку дали в руки чашу, полную масла, — настолько полную, что если бы он хотя бы слегка двинулся, масло расплескалось бы. Танцоры образовали круг — все танцующие женщины были обнаженными, — а в центре сидел король. И бедняге монаху, который держал драгоценную чашу, полную масла, сказали: “Если хотя бы одна капля масла прольется на пол, тебя постигнет неудача”».

«А было столько искушения взглянуть на то, что происходило, — так много красивых танцовщиц! Но если хоть одна капля из этой чаши... буквально на одно мгновение ослабить внимание... Он проходил мимо женщин, обходил вокруг — и по мере того, как он делал шаг за шагом, он становился осторожнее. Он забыл про танец; была только чаша, масло и бдительность...»

Бдительность — вещь простая.

Но в состоянии бдительности нет удовлетворения вашего эго.

Так же обстоит дело в случае медитации.

Есть разные названия — бдительность, свидетельство, медитация, осознанность, наблюдательность, — разные названия для одного явления; и все это происходит, когда вы находитесь в состоянии недеяния. А вопрос вот в чем: как себя вести в состоянии недеяния?

Если вы спрашиваете «как», вы промахиваетесь мимо цели, потому что «как» подразумевает действие, — а вы меня спрашиваете: «Скажите, что надо *делать* для того, чтобы достичь состояния недеяния».

Если вы пойдете к любому священнику, он скажет вам, что делать, и говоря вам, что делать, он доказывает, что ничего не знает.

Я не могу сказать вам, что делать.

Я могу только объяснить, что выполнение какого-либо действия не поможет. Вы должны будете это понять. Путем этого понимания и возникает недеяние.

Недеяние — это то, что случается.

Оно не зависит от вас, от того, что вы можете заявить: «Я сделал это. Я достиг этого». Вы только можете сказать: «Это случилось, когда меня там не было. Потому что всякий раз, когда я там оказываюсь, этого не происходит».

Лев Толстой, один из мудрейших людей России нашего века, написал книгу *Что нам теперь делать?*, и это была одна из книг, которая сделала Мохандаса Карамчанду Ганди Махатмой Ганди.

Махатма Ганди провозгласил троих людей своими учителями. Первым был Лев Толстой, вторым был Генри Торо, а третьим был Эмерсон. Все эти трое были истинными христианами.

Это очень странно, что Ганди находился под влиянием этих трех фанатичных христиан. Ганди причинил безмерный вред Индии: он искажал понимание восточной религии, неосознанно смешивая ее с фанатичными идеями христианства. Эти люди оказывали на него влияние, и он начал толковать восточные религии согласно этим идеям.

Много раз за свою жизнь он был готов принять христианство. И было бы намного лучше, если бы он это сделал. По крайней мере, тогда он не стал бы осквернять восточную мысль идеями, гораздо менее значительными.

Но его политики отговорили его, потому что, если бы он стал христианином, он потерял бы своих индусских последователей. Для того чтобы его последователи-индуисты остались с ним, он не переменял веру, но его мышление — это мышление христианина; у него нет понимания восточной мысли.

Он получил образование в Англии, затем работал в Южной Африке, опять-таки под управлением английского правительства. И общался он только с христианскими миссионерами. Один из самых известных миссионеров-христиан тех дней, К.Ф.Эндрюс, был ближайшим другом Ганди. Но Ганди не мог принять христианство, потому что, стань он христианином, все индусы бросили бы его немедленно и навсегда.

Его сын Харидас Ганди восстал против своего отца – потому что этого отца было слишком много, он был действительно опасным отцом... Он хотел формировать вас полностью в соответствии со своими идеями. Я симпатизирую Харидасу Ганди, его сыну, потому что Харидас хотел ходить в школу; но Махатма Ганди не позволил, потому что считал всю систему образования коррумпированной.

Это правда, она коррумпирована, но разве есть выбор? Оставаться необразованным? Пока вы создаете новую систему образования, ничего не остается, как пользоваться старой; это вынужденное зло. Так что будь внимателен, будь осторожен – но запрещать детям ходить в школу...

Вы будете удивлены: все дети Ганди остались без образования, кроме Харидаса, потому что он сбежал из дома. Известны тысячи случаев, когда дети сбежали из дома, потому что их отцы принуждали их получать образование, но это единственный случай, когда сын сбежал из дома, потому что он хотел учиться, а его отец был абсолютно против любого рода образования.

Ганди был разгневан. Он так много говорил о ненасилии, о любви и сострадании, но сам не обладал ничем подобным; он был очень разгневан. А какое преступление совершил его сын? Он был принят в высшее учебное заведение. Харидас думал, что, раз уж он начал учебу, его отец может злиться на него, кричать, даже побить; но сколько это может продолжаться? Все изменится. Но Ганди не был покладистым.

Он заявил, что Харидас должен оставить его дом; он отрекся от своего сына. Но Харидас был мужественным. Он сказал: «Хорошо, я приму мусульманскую веру, потому что мой отец постоянно твердит о том, что все индусы и мусульмане братья; что и *Коран*, и *Гита*, и *Библия* говорят об одном и том же; что есть один Бог, но имена у него разные – так что посмотрим».

Он стал мусульманином, а Ганди так разгневался, что сказал своей жене: «Я не хочу больше видеть его лица». Когда Харидас это услышал, он сказал: «Но ведь индусы, мусульмане, христиане – все они братья, и во всех этих книгах написано одно и то же. Что же случилось?»

Харидас изменил свое имя на Абдуллу. Его новое имя было Хаджи Абдулла Ганди. Хаджи эквивалентно Махатме. Он отправился в Мекку совершить хадж. Хадж – это паломничество; вы идете в Мекку, туда, где была основана мусульманская религия и где Мухаммед построил первую мечеть.

Безусловно, для каждого мусульманина необходимо совершить хадж; хадж означает святое паломничество. Если этого не сделать, то нельзя считаться истинным, подлинным мусульманином. А того, кто это совершает, называют хаджи; он становится святым. Совершив паломничество в Мекку и обойдя семь раз вокруг камня, вы становитесь мудрецом.

Абдулла – это просто перевод на арабский имени Харидас. Харидас означает слуга Бога; то же самое значение имеет и Абдаллах. Аллах означает Бог, *абд* означает слуга: Абдулла. И Харидас попросил сохранить имя. Хаджи означает махатма, Абдулла означает Харидас, а фамилию он оставил, потому что «Ганди» не имеет ничего общего с индусской религией.

В Индии существует странный обычай: профессия постепенно становится фамилией. Ганди просто означает – тот, кто продает благовония. Кто-то среди его предков был продавцом благовоний. *Ганд* означает благовоние, поэтому *Ганди* означает – тот, кто продает благовония. Это ничего общего не имеет с индуизмом; есть еще Ганди парсы – вот почему Индира была тоже Ганди.

Она не имела никакого отношения к Махатме Ганди. Она вышла замуж за парса Фероуза Ганди; она даже не была замужем за индусом. Родители Фероуза, должно быть, продавали духи. Они никак не связаны ни с какой религией – любой может их продавать, – но когда вы продаете духи в Индии, мало-помалу вы становитесь Ганди. Вот как появляются индийские фамилии. Ваше дело, ваша профессия постепенно закрепляется за вами. Так что Абдулла сохранил «Ганди», потому что это никак не связано с индуизмом.

Только один раз пересеклись пути Махатмы Ганди и Абдуллы Ганди, это случилось на вокзале в Катни. Ганди ехал на поезде, а Абдулла должен был сесть на поезд в Катни. Тысячи людей пришли увидеть Ганди, и тысячи людей, мусульман, пришли проводить Хаджи Абдуллу Ганди, потому что они провозгласили его святым – в противоположность Ганди.

То, что сын Ганди не верил в индуизм и считал ислам высшей религией, имело большое значение для этих людей. Поэтому они выкрикивали лозунги в честь Хаджи Абдуллы Ганди: «Да здравствует Хаджи Абдулла Ганди!»

Когда их процессия поравнялась с купе Ганди – он стоял лицом к толпе, – он повернулся к ним спиной. Он не взглянет в лицо своему сыну – и этот человек говорит о сострадании,

доброте, любви, ненасилии! И не только это – его жена, в конце концов, была матерью. Она хотела сказать Харидасу по крайней мере пару слов, но Ганди остановил ее. Он сказал: «Выбирай. Если ты скажешь ему хоть одно слово, ты тоже уйдешь с ним».

Это и есть проявление эго. Кастурба, его жена, молчала, но не могла сказать ни единого слова. Абдулла остановился, увидев спину своего отца. Этим было сказано все: глядя на залитое слезами лицо матери, он подумал, что будет лучше ничего не говорить, не приносить новых бед старой женщине; он прошел мимо.

В тот день, когда Ганди был убит... Харидас был именно тем человеком, который должен был бы зажечь погребальный костер Ганди, но его отвергли – он перестал быть индусом. Он прошел весь путь позади всех, он присутствовал там, где сжигали тело Ганди, но никто не признал его, даже его братья.

Один из сыновей Ганди, Рамдас, был расположен ко мне. Я спросил его: «Теперь твой отец мертв, что же воздвигает стену между тобой и Харидасом? Если это только вопрос эго – кто должен подойти первым, тогда я смогу это устроить, я знаю Харидаса. И насколько я знаю, Харидас чрезвычайно мужественный человек – бороться с бессердечным отцом, лицемером, который не был махатмой, который не мог быть махатмой».

«Харидас бросил твоему отцу вызов: “Если вы говорите, что все религии одинаковы, то почему столько суеты вокруг моего вступления в мусульманскую веру?” Ведь вы постоянно думали о принятии христианства; если ваш сын стал мусульманином, то что в этом плохого?»

Рамдас сказал: «Я могу это понять, но всю свою жизнь отец говорил нам: “Никогда не относитесь к Харидасу как к брату”, – и теперь, когда он умер, я буду чувствовать себя виноватым, если пойду против его воли. Но вы *правы*».

Я сказал: «Я могу привести Харидаса, потому что он никогда не был против кого-либо – ни против Махатмы Ганди, ни против тебя, ни против матери, ни против других братьев. Он просто показал Ганди простой факт, что “того, чему вы учите, на самом деле не существует; то, что вы говорите, не означает, что вы так живете”».

Но вот он путь эго. Оно говорит об одном, но делает прямо противоположное. Оно даже может притвориться своей собственной противоположностью: оно может притвориться смиренным. А это именно то, куда и ведет вопрос.

Если вы спрашиваете меня, что делать, чтобы достичь состояния недеяния... Для этого не надо делать ничего. Недеяние – это не *достижение*, это просто ваша натура. Когда вы ничего не делаете, оно и есть.

Если кто-нибудь вбежит сейчас в эту комнату и спросит: «Что мне надо сделать, чтобы остановиться, чтобы я мог тоже сидеть, как вы?» Что вы ответите этому человеку? Бежать – это действие; сидеть – это недействие. Вам ничего не надо делать для того, чтобы сидеть, вы должны просто прекратить свой бег; не бегите! Или же если для вас это невозможно, то есть другой вариант, бежать до тех пор, пока рано или поздно вы просто упадете. Сколько же можно бежать?

Так что в мире существует только два типа людей, которые бездействуют: к одному типу относятся люди, которые с помощью ясного понимания приходят к расслаблению и находят это состояние недеяния, покоя и тишины; и другой тип людей, которые будут проходить тысячи миль, будут истязать себя любым возможным образом, выполнять упражнения йоги, стоять на голове, поститься, умирать от голода, отказываться от всех земных благ, сдерживать свои чувства, молиться, уходить в монастыри и делать другие глупости. И в конце концов, просто устав и истощившись, они сядут – и это будет именно то.

Они могут подумать, что ко всему этому они пришли через свои активные действия. Но это не так – все это произошло вопреки их действиям. Иначе говоря, они так натренируются, что могут и дальше продолжать свои действия, потому что чем больше бегать, тем совершеннее становится бег.

И этому нет конца: вы становитесь все более искусными, более подвижными, все более и более ловкими. Вы продолжаете искать новые пути. Вы насытились одним, теперь вам надо другое. А в мире существуют миллионы всяких возможностей, которые вы можете испытать.

Для того чтобы бездействовать, не нужно ничего, никаких приемов.

Вам надо просто понять природу недеяния.

Не задавайте абсурдных вопросов. Просто постарайтесь понять, что путем выполнения каких-либо действий будет удовлетворяться ваше эго. Что бы вы ни делали – молились, постились, ходили в церковь, становились монахами, – что бы вы ни делали, действие – это пища для эго, а ваше эго – это барьер между вами и жизнью, между вами и реальностью.

Не надо ничего *делать*.

Почему вы не можете просто жить, не делая всей этой бессмыслицы?

Ешьте, когда голодны.

Пейте, когда вас мучит жажда.

Ложитесь спать, когда клонит ко сну.

Вставайте, когда проснулись.

А все остальное забудьте!

Делайте только то, что необходимо.

Живите простой, обычной жизнью.

И вы это найдете.

Иисус говорит: «Ищите и найдете».

Я говорю вам: «Ищите, и вы никогда не найдете».

Иисус говорит: «Просите, и вам воздастся».

Я говорю вам: «Просите, и вам никогда не воздастся».

Иисус говорит: «Стучите, и дверь откроется».

Я говорю вам: «Стучите, и дверь никогда не откроется».

В действительности же нет никакой необходимости стучать: двери открыты.

Входите!

Беседа 23

В «КЛУБЕ ЛЬВОВ» ВЫ НИКОГДА НЕ ВСТРЕТИТЕ ЛЬВА

20 февраля 1985 года

Бхагаван,

Почему люди так фанатично стремятся объединяться в разного рода группы и организации: религиозные, общественные и политические?

Человеческий ум — это сосуд Пандоры.

В нем заключена вся эволюция от низшего создания до высшего гения. Все эти проявления человеческого ума существуют одновременно, они живут рядом друг с другом, функционируют параллельно. Это вовсе не значит, что есть что-то прошлое, что-то настоящее, что-то будущее: что касается мозга, в нем все существует параллельно, одновременно.

Это надо очень хорошо понять, потому что, не поняв этого, нельзя разрешить этот вопрос. В вас живет как дурак, так и гений. Конечно же дурак в нас гораздо более могущественный, потому что история его существования длиннее, а у гения голос очень тихий и слабый. Вы существуете в диапазоне от Хомейни до Эйнштейна; и вся беда в том, что Хомейни занимает большую часть, гораздо большую, чем Альберт Эйнштейн, его часть очень мала.

Представьте себе человеческий ум в виде пирамиды. Ее основание составляют Хомейни, миллионы ему подобных, и по мере того, как вы поднимаетесь выше, людей становится все меньше и меньше. На вершине их уже не миллиарды, не миллионы, а всего лишь дюжины — и на самом пике, возможно, одна единственная индивидуальность.

Но запомните, что разница между Хомейни и Эйнштейном не качественная, а только количественная, потому что часть Хомейни является Альбертом Эйнштейном, а большая часть Альберта Эйнштейна является также и Хомейни.

Как раз на днях были опубликованы результаты трехлетних исследований мозга Альберта Эйнштейна. Потребовалось три года, чтобы только сосчитать количество клеток его мозга.

В «КЛУБЕ ЛЬВОВ» НИКОГДА НЕ ВСТРЕТИШЬ ЛЬВА

В каждом мозге миллионы клеток выполняют различную работу: это удивительный мир.

До сих пор неизвестно, как может данная клетка выполнять определенную функцию. Эта клетка думает, эта мечтает, эта сочиняет стихи, эта рисует. В чем заключается разница между этими группами клеток? Что касается химии и физиологии, то все они одинаковы; кажется, не должно быть никакой разницы. Но есть клетки, которые думают, есть клетки, которые заведуют воображением, есть математические клетки и есть клетки философские. Это целый мир.

Три года подсчетов клеток мозга Альберта Эйнштейна — и очень важный результат. В его мозге были найдены клетки определенного рода — их двадцать семь процентов, больше, чем в мозге среднего человека. У этого вида клеток была только одна функция: кормить, питать думающие клетки. Никаких непосредственных функций, только питание думающих клеток. И этих питающих клеток было обнаружено двадцать семь процентов, больше, чем у обычного среднего человека.

И вся разница теперь в количестве, а не в качестве: те двадцать семь процентов клеток могут вырасти и у вас. А почему только двадцать семь? Могут вырасти и двести семьдесят процентов, потому что то, как они растут, факт установленный и хорошо известный.

В белых мышах были выращены все виды клеток. Если белой мыши предоставляется возможность заниматься с большим количеством предметов, то она начинает наращивать количество питающих клеток, потому что она вынуждена думать. Если поместить ее в лабиринт, из которого она должна найти выход, то есть поместить в ящик, в котором где-то спрятана пища, и мышь должна отыскать путь в разного рода ходах, чтобы эту пищу найти, запомнив при этом все пути, то, конечно, здесь начинается определенного рода процесс мышления. И чем больше мышь думает, тем больше потребность в питающих клетках.

Природа дает вам все, что вам требуется.

Все, что у вас есть, дано вам не каким-то богом или судьбой; это было создано вашими потребностями.

Но во всем этом есть нечто неожиданное и обидное: вся разница между Эйнштейном и Хомейни заключается только в количестве. И что это количество не является чем-то особенным,

его можно создать: старик Хомейни просто должен начать играть в шахматы, карты...

Религии убивают те самые питающие клетки, потому что велят вам верить.

Верить значит: не думать, не играть в идеи. Не стараться все узнавать самому.

Иисус это уже нашел, Будда об этом уже сказал – почему же вы должны без всякой необходимости об этом думать? В этом случае та часть, которая делает из человека Эйнштейна, просто не развивается: вы остаетесь средним. И люди средних способностей составляют основу человечества.

Итак, я называю ум человека сосудом Пандоры. Также и по другой причине – потому что то, что произошло в процессе эволюции, оставило внутри вас свои следы. Вы по-прежнему боитесь темноты. Этому страху, должно быть, миллионы лет; он не имеет ничего общего с современным миром. Действительно, очень трудно найти темный угол в таком месте, как Нью-Йорк, где все ярко освещено. Люди могут быть темными, а места, где они живут, нет.

Почему в нас жив этот страх темноты? Ведь в современной жизни темнота не несет с собой страха. Темнота несет успокоение, расслабление, восстановление сил. Вместо того, чтобы бояться ее, вы должны любить ее. Но сама идея любви к темноте абсурдна. Где-то глубоко в вашем сердце живет пещерный человек, который боится темноты.

Боязнь темноты приходит из тех времен, когда еще не был открыт огонь. То были времена темноты, и темнота стала почти синонимом зла. Везде зло изображается как нечто темное, черное. Темнота стала синонимом смерти. Везде смерть изображается черным цветом.

Причина очень понятна: прежде чем был открыт огонь, ночь была самым опасным временем. Если вы смогли пережить одну ночь, вы совершили нечто из ряда вон выходящее, потому что ночью выходят на охоту дикие животные, которые готовы напасть на вас. Вы не можете спать, вы должны бодрствовать – одного страха перед дикими зверями достаточно, чтобы вы не спали. И до тех пор, пока они нападали в темноте, человек был беспомощен.

Итак, темнота стала злом и синонимом смерти. И этот страх настолько глубоко проник в сердце, что и по сей день, когда

темнота полностью преобразилась... Дикие звери не нападают на вас в темноте, темнота не приносит вам ни зла, ни смерти. Она приносит только успокоительный сон, забирает всю вашу усталость, скопившуюся за день; делает вас опять молодыми, полными жизни и энергии, готовыми встретить солнце нового дня. Но наше отношение к темноте остается тем же. Так же и в остальном.

В прошлом, на протяжении всей эволюции, человек должен был стать частью определенной группы, организации, общества, племени по одной простой причине: потому что в одиночку он был беспомощен. Одному, когда весь дикий мир против тебя, было трудно противостоять ему. Вместе с толпой вы чувствуете себя более защищенным, в большей безопасности.

Вы должны запомнить, что человек – самое слабое и беспомощное животное в мире и из-за его слабости и выросла вся наша цивилизация. Поэтому не надо считать нашу слабость проклятием; она доказала, что является нашим великим, величайшим благом.

Львы не могут создать общество, львы не могут создать культуру, потому что у них нет необходимости объединяться. Лев достаточно могуществен и в одиночку. Овцы собираются в стадо; львы же нет. Каждый лев имеет свою территорию, где он владыка. У них есть своя специфика объявления данной территории своей собственностью. Все животные – они метят определенное пространство. И запах от их меток дает понять другим животным, что это граница, преграда. За пределами этой границы все в порядке; но малейший шаг внутрь грозит опасностью.

Львы любят быть одни по одной простой причине: они достаточно сильны для любого зверя. Теперь, если подумать о человеке... его тело не так сильно, как у животного. Его ногти не так сильны, чтобы с их помощью можно было бы убить кого-то из животных. Его зубы недостаточно сильны, чтобы рвать сырое мясо животного, убитого своими же руками. Он не может ни убить своими руками, ни есть сырое мясо. Все его части тела слабее, чем у других животных. Он не может бегать наравне с лошадью, или собакой, или бизоном, или волком, или оленем: он просто никто.

Хорошо, что древние люди не участвуют в ваших олимпийских забегах; иначе ваши сильнейшие бегуны выглядели бы не лучшим образом. Вы не можете прыгать как обезьяна с одного

дерева на другое. Они передвигаются подобным образом многие мии; им не надо касаться земли. Вы не можете сразиться даже с обезьяной.

С этим надо согласиться: человек – самое слабое животное на земле. И это является основой всего его поведения, поступков, его объединений в группы. Он должен быть частью чего-то большего, чем он сам; только тогда он может чувствовать себя в безопасности.

Он должен был изобрести все виды оружия. Никакое животное не озаботило себя изобретением оружия. В этом нет необходимости: их лап, зубов, когтей вполне достаточно. С самых первых дней человек должен был изобретать оружие – сначала из камня, горной породы, затем мало-помалу из металла.

Затем человек должен был прийти к тому, что даже с оружием в руках он не может сражаться со львом или с другим животным вплотную. Он был вынужден изобрести стрелы для того, чтобы стрелять на расстоянии – подходить близко было опасно. Можно иметь оружие, но оно не будет эффективно против слона. Он подхватит и вас, и ваше оружие и зашвырнет куда-нибудь на полмили.

Стрельба на расстоянии в том или ином виде стала необходимой. Вот так мы и пришли к ядерному оружию. Теперь же мы полностью изолировали человека от оружия; вы просто нажимаете кнопку, и ракета взлетает. Вам вовсе не обязательно знать, где она находится; она следует своему запрограммированному курсу. Она достигнет Кремля или Белого Дома; это зависит от встроенной программы.

Не имеет значения, кто нажимает на кнопку; он может располагаться на расстоянии многих миль. Он должен располагаться на расстоянии многих миль, поскольку в конце концов человек – не папа, он погрешим: может последовать ответный удар. Ракеты могут находиться где-нибудь в Техасе, а кнопки, выключатели, где-нибудь в Белом Доме.

Человек создал дистанцию между собой и врагом, и в конце концов он должен был создать также дистанцию между собой и оружием, потому что оружие стало слишком опасным. Быть рядом с ним означало подвергать себя ненужному риску.

Но все развивается очень логично. Человек подчинил себе всех животных. Только в этом смысле можно сказать: «Благос-

ловен будь слабый, ибо он унаследует царствие земное». Люди унаследовали его только в этом смысле, и ни в каком ином религиозном смысле. Слабость человека доказала его силу.

Человек должен был думать, должен был решать. Было слишком много проблем, и он не мог найти решения естественным путем – отсюда следует процесс мышления. Сам процесс мышления означает то, что вы поставлены перед проблемой, к которой природа не дала ключа. У всех животных есть ключи. У них никогда не бывает проблем. Когда бы они ни встретились с неожиданностью, они всегда точно знают, что делать; поэтому мышление у них не развивается.

Человек оставлен без готовых решений, один на один с бесчисленным количеством проблем: он вынужден думать.

На протяжении миллионов лет его думающие клетки становились все более и более действенными, но на своем пути он также собирал и грязь разного рода, и всякие страхи. Это было необходимо, этого нельзя было избежать; но беда в том, что прошло время, вы завершили этот путь, а грязь осталась.

Теперь уже человек может быть один. Теперь ему нет необходимости быть фанатически преданным какой-либо религиозной группе, какой-либо политической идеологии – христианству, индуизму, мусульманству, коммунизму, фашизму, – нет нужды.

Но большинство состоит из идиотов. Они продолжают жить своим прошлым. Говорят, история повторяется. Это так, поскольку касается девяноста девяти процентов человечества; иначе и быть не может. Она и должна повторяться, потому что люди продолжают держаться за свое прошлое и продолжают снова и снова делать одно и то же.

Они собираются в группы; и это должно накладывать на вас определенные обязанности, зачем иначе группе вваливать на себя вашу ношу? Вы должны за это заплатить. Почему группа должна беспокоиться о вашей безопасности? Вы должны что-то для нее сделать – это ваша преданность ей. Вы говорите: «Я готов умереть за тебя. Если ты готов умереть за меня, я готов умереть за тебя». Это простая сделка.

Но почему именно *фанатически* преданные? Они должны быть фанатически преданными, потому что если начать поступать осознанно, быть бдительным, то тут же увидишь, что все это сплошная глупость.

Нет никакой необходимости принадлежать к нацистской партии Адольфа Гитлера. Но такая страна, как Германия, одна из наиболее образованных, культурных, утонченных, — страна, которая дала миру длинный перечень мыслителей и философов, — пала жертвой полного идиота. И такой человек, как Мартин Хайдеггер, один из наиболее выдающихся философов этого столетия, возможно *самый* выдающийся, был последователем Адольфа Гитлера.

Этому нельзя верить. Это просто непостижимо, говоря о таком человеке, как Хайдеггер, которому не было равных во всем мире: его современники рядом с ним выглядели пигмеями. Его мышление было настолько всеобъемлющим, что он не смог завершить ни одной книги.

Хайдеггер начинал, писал первую часть, а затем весь мир ждал появления второй части; но она никогда не появится по той причине, что по окончании первой части он ставил перед собой столько вопросов, что теперь уж и не знал, в какую сторону двигаться, куда идти, что делать, как решить все это. Он просто хранил молчание и начинал другую книгу!

И этим он занимался всю свою жизнь. Первая часть, вторая часть; третья часть пропущена — книга не завершена. Но даже эти незавершенные куски являются выдающимися созданиями ума. Изыщество логики и глубина проникновения... Но даже этот человек не смог разглядеть в Адольфе Гитлере сумасшедшего. И он тоже был фанатически предан Гитлеру.

Откуда идет это побуждение к фанатической преданности? Оно идет от ваших сомнений.

Вы не можете быть действительно уверены, что все, что вы делаете, правильно, поэтому вы должны это преувеличить. Вы должны громко кричать, так, чтобы *самому* услышать; вы должны убеждать других, так, чтобы *самому* убедиться. Вы должны других обращать в свою веру, тогда, видя, что вы обратили в свою веру тысячи людей, вы успокаиваетесь: должно быть, есть правда в том, что вы говорите; иначе почему так много людей убеждены в этом? Вы можете быть дураком, но так много людей сразу не могут быть дураками.

Так же и Адольф Гитлер: он мог думать, что он дурак, но как насчет Мартина Хайдеггера? Он убедил Хайдеггера; теперь не надо никаких доказательств. Этот человек является достаточным доказательством того, что все, что говорит Гитлер, правда.

Это взаимообразный процесс, порочный круг. Вы становитесь более уверенными, имея больше фанатически преданных людей, а став более уверенными, вы начинаете собирать вокруг себя больше людей.

Адольф Гитлер говорит в своей автобиографии, что не важно, что вы говорите — правильно это или нет, правда или ложь, — просто продолжайте повторять это с убеждением. Никого не волнует разумность и логика.

Сколько таких людей в мире, кто понимает, что есть разумность, что есть логика? Просто продолжайте повторять с силой и выразительностью. Эти люди ищут убежденности, а не правды. Они ищут кого-нибудь, кто знает. А как они смогут почувствовать, что вы знаете, если вы говорите «если», «но», «возможно»?

Вот почему Махавира в Индии не мог собрать много последователей — потому что он начинал каждое из своих высказываний с «возможно». Он был прав, он был абсолютно корректен, но таким путем не найдешь последователей. Даже те, кто следовал за ним, постепенно оставили его: «Возможно... этот человек говорит о «возможном» — возможно, Бог *есть*». Можно ли собрать последователей, преданных вашему «возможно»? Они хотят определенности, они хотят гарантий.

Махавира был слишком мудр для всех этих идиотов. Он обращался к людям, как к равным себе. То, что он говорил, мог бы понять Альберт Эйнштейн, потому что он тоже говорит «возможно».

В этом вся суть теории относительности: ничего нельзя сказать с определенностью, потому что все относительно, нет ничего абсолютного. Вы можете назвать это светом? Только относительно. В сравнении с более ярким светом он может быть тусклым. В сравнении со светом в миллионы раз более ярким наш свет может быть просто черной дырой, темнотой.

Что такое темнота? Меньше света. Есть животные, кошки, которые отлично передвигаются в темном доме. В вашем доме чужой кот будет двигаться в темноте намного лучше вас. Вы будете спотыкаться, но кошачьи глаза могут улавливать даже малейшие лучи света.

Сова видит только ночью; день для нее слишком ярок. Днем сове нужны темные очки; без них она ничего не увидит, день слишком ярок. Когда для вас утро, для совы вечер. Так что есть

что? Подумайте о сове, и вы поймете смысл слова «возможно»: возможно это вечер; а что касается совы, то это утро. Чем темнее становится ночь, тем лучше видит сова. Полночь для совы становится полуднем.

Все вещи относительны; поэтому сказать что-то с уверенностью, значит, показать свою глупость. Вот почему Махавира впервые в истории человечества использовал такой странный подход, за двадцать пять веков до Эйнштейна. Его словом для «возможно» было слово *съят*. Его философия стала известна как *съятвад*, «философия возможного». Вы задаете любой вопрос; он никогда не ответит вам с определенностью. Вы можете прийти к нему с какой-нибудь определенностью; покидая его, вы будете пребывать в гораздо большей неопределенности. Ну и кто же захочет следовать за таким человеком?

За Адольфом Гитлером будут следовать, потому что он лишает вас неопределенности, которая беспокоит вас подобно ране. Вы дрожите изнутри; вы не знаете, что представляет собой эта жизнь. Но кто-то знает, и вы можете последовать за этим кем-то: с вас сняли тяжкую ношу неопределенности. Все, что от вас требуется, это фанатическая вера.

Фанатическая вера служит обеим сторонам. Лидеру она нужна, потому что он сам подобен вам, глубоко внутри его бьет дрожь; он ничего не знает. Все, что он знает, это то, что он может кричать лучше вас, что он может выражаться более ясно, чем вы, что он, по крайней мере, может излагать, если что-то знает, что он хороший актер и утонченный лицемер. Но в глубине души он знает, что дрожит. Ему нужна огромная поддержка, которая поможет ему избавиться от его страха, которая убедит его в том, что он все знает.

Я как-то слышал: случилось так, что однажды умер журналист и пришел он к воротам рая. Журналистам не полагается приходить туда; как это случилось, я не знаю. Страж ворот посмотрел на него и спросил: «Ты журналист?»

Он ответил: «Конечно, и как представитель прессы я могу быть допущен в любое место. Позволь мне войти».

Страж ворот сказал: «С этим небольшие затруднения. Во-первых, у нас в раю нет газет, потому что нет никаких новостей — ни преступлений, ни пьянства, ни изнасилований. Здесь только святые, засушенные, замороженные от вечности до вечности. Так что какие здесь могут быть новости? А потом у нас

есть лимит на журналистов. Их должно быть не более десяти, и их уже десять. Так что ты должен войти в другие ворота по ту сторону дороги».

Журналист сказал: «Можешь ли ты оказать мне небольшую любезность? Я покину рай через двадцать четыре часа, но дай мне шанс по крайней мере на экскурсию. Если ты не можешь выдать мне зеленую карточку постоянного жителя, позволь хотя бы совершить суточную экскурсию. Это ведь не слишком большая просьба. Я прибыл издалека, окажи мне милость. И дай одно обещание: если я смогу убедить тех десятерых журналистов или хотя бы одного из них покинуть рай и уйти туда, где должен быть я, ты позволишь мне остаться здесь?»

Страж сказал: «С этим не будет проблем. Если ты сможешь убедить кого-нибудь перейти в другое место, то сам можешь оставаться. Для нас это не имеет значения; журналистов должно быть десять».

Человек сказал: «Тогда дай мне двадцать четыре часа».

Он вошел и стал говорить со всеми, кого встречал. «Вы слышали, что в аду собираются издавать новую ежедневную газету, самую большую из когда-либо существовавших? Им требуется главный редактор, редакционная коллегия, разного рода журналисты, редакторы еженедельных приложений, литературные редакторы — вы не слышали?»

И они сказали: «Мы ничего не слышали, но это великолепно. В этом гнилом месте каким-то образом давным-давно в самом начале был опубликован один единственный выпуск газеты, и с тех пор ничего больше не случалось, так что только тот первый выпуск... Мы снова и снова перечитываем его, а что еще делать? Эта новая газета — прекрасная идея!»

Журналист сагитировал всех десятерых. На следующий день, когда кончились отпущенные ему двадцать четыре часа, он подошел к воротам. Страж ворот тут же закрыл ворота и сказал: «Оставайся там!»

Журналист спросил: «Почему?»

Страж сказал: «Ты ловкач. Те десять журналистов сбежали; и теперь я не позволю тебе уйти. Здесь должен оставаться хотя бы один журналист».

Журналист сказал: «Но я не могу здесь оставаться».

Страж ворот сказал: «Ты ненормальный? Ты распространил слух, который является абсолютной ложью. Те люди

вдохновились идеей, что получают там высокие посты, и снова чувствуют волнение, — но тебе-то зачем туда надо?»

Он ответил: «Кто знает, может, в этом что-то есть. Я не могу остаться. И ты не сможешь меня остановить, потому что мое присутствие здесь не предполагалось; я всего лишь турист на двадцать четыре часа. Вспомни, таким был наш первоначальный договор — что я пробуду внутри двадцать четыре часа, а потом уйду. Ты не можешь остановить меня, ты не можешь нарушить слово».

Но страж сопротивлялся: «Ты распространил слух; он абсолютно не соответствует действительности. И не надо доставлять мне неприятности, потому что начальство, вся бюрократия, непременно спросит меня: ‘Где все десять журналистов?’ Время от времени они проводят перепись, и: ‘Ни одного журналиста? Вся квота пропала? Куда они подевались?’»

«По крайней мере, я могу показать тебя начальству: ‘Этот тот человек, который убедил их уйти; и они сбежали’. А поскольку такого никогда не случалось — чтобы кто-нибудь убегал из рая в ад, — мы не запирали двери изнутри. Никто не убегает; любой может открыть дверь и выглянуть наружу, нет проблем. Кто собирается в ад? А какого-то третьего места здесь нет. Так что двери были, как всегда, открыты, и они сбежали. Они просто сказали мне: ‘До свидания, обратно мы не вернемся’. Я не могу позволить тебе уйти».

Но журналист был упрям. Он сказал: «Тогда я немедленно пойду к начальству и расскажу все, как было: что мне никто не давал права здесь находиться, у меня нет зеленой карточки — я просто турист, — а страж ворот не позволяет мне уйти».

Страж понял; так и есть. Он сказал: «Хорошо, иди. Перепись длится вечность — здесь все длится вечность. Тем временем может подвернется какой-нибудь новый журналист. Но странно, что ты себя убедил тем слухом, который сам же и придумал».

Человек сказал: «Когда те десять журналистов в это верят, — может быть, я и был этому виной, но в этом должно что-то быть. Должна быть доля правды; иначе, как можно убедить десять журналистов, да еще в переходе из рая в ад? Здесь просто обязана быть доля правды».

Лидеру постоянно необходимо снова и снова убеждаться в том, что то, что он говорит, — правда. Для этого ему нужно, чтобы

число преданных ему людей росло. И чем более фанатично они ему преданы, тем больше он убеждается в своей правоте. Если они готовы умереть или убить, совершить крестовый поход, вести *джихад* — священную войну, — это делает его уверенным.

И — по замкнутому кругу — его уверенность убеждает последователей, потому что он начинает говорить громче, он становится более упрямым; он становится абсолютно уверенным. Из его языка исчезают все эти «если» и «но»: все, что он говорит, *есть* правда. И движение по этому порочному кругу продолжается. Это делает лидера фанатиком, его последователей фанатиками. И лидер, и его последователи психологически нуждаются друг в друге; они находятся в одной лодке.

Я слышал... Президент Рональд Рейган совершал утреннюю прогулку со своим любимцем шимпанзе. На берегу сидел человек, он был в недоумении и спросил: «Мистер президент, вас не смущает, что вас могут увидеть в общественном месте вместе с этим шимпанзе?»

Рональд Рейган спросил: «Почему? Почему меня должно это смущать?»

Человек сказал: «А тебя кто спрашивает? Я спрашиваю президента».

Шимпанзе и президент не многим отличаются друг от друга, они оба в одной лодке.

У людей есть психологическая потребность чувствовать уверенность. Постоянное ощущение зыбкой почвы под ногами затрудняет их жизнь. Она и так трудна — все вокруг неопределенно и небезопасно; вокруг одни проблемы и никаких решений. Это дает шанс тем немногим хитрым людям, которые могут делать вид, что у них есть именно тот товар, в котором вы нуждаетесь.

Единственное качество, нужное лидеру, заключается в том, чтобы он всегда был впереди толпы. Он должен постоянно наблюдать, куда направляется эта толпа, и быть впереди ее. Это сохраняет в толпе чувство того, что лидер ведет ее.

А лидеру нужно иметь лишь столько ума, чтобы улавливать настроение людей, чувствовать, куда они движутся. Куда бы ни подул ветер, настоящий лидер никогда не упустит шанс: он всегда во главе толпы.

Мыслители здесь не нужны, потому что мыслитель начнет думать, идет ли толпа в правильном направлении или идет ли он

сам в правильном направлении. Если он начнет так думать, он больше не будет лидером, он будет один. Толпа последовала бы за каким-нибудь идиотом, которого не волнует, куда вы идете: вы можете направляться в ад – но *он* лидер, он во главе.

Единственным качеством лидера является способность оценивать, чувствовать настроение толпы. Это не так сложно, потому что толпа непрерывно и громко говорит о том, что она хочет, куда она хочет идти, каковы ее нужды. Вы просто должны быть внимательны и должны суметь сложить вместе все голоса; тогда не будет проблем, вы будете во главе толпы.

И продолжайте обещать все, что бы они ни попросили – никто не просит вас выполнять ваши обещания; они просят только, чтобы им обещали. Кто просил вас выполнить ваши обещания? Продолжайте давать обещания и не волнуйтесь по поводу того, что однажды они вас схватят и спросят про них. Этого никогда не будет, потому что как только они к вам пристанут, вы тут же можете дать им еще большее обещание.

А память человеческая очень короткая. Кто помнит, что вы обещали пять лет назад? За пять лет в Ганге утекло столько воды, кого это тревожит? За пять лет так все изменилось. Не волнуйтесь, просто продолжайте давать все больше и больше обещаний.

Недавно я прочитал – после трагической гибели Индиры Ганди вся Индия встала перед чудовищными проблемами. Эти проблемы существовали на протяжении последних сорока лет, но из-за убийства Индиры Ганди все они всплыли на поверхность.

На протяжении двадцати пяти лет сами индийцы продавали все свои секреты всем, кто хотел их купить, – обычный рынок. Индийцы в некотором роде очень специфические люди. Никто в мире никогда подобного не делал. Америка изо всех сил старается, засылает своих шпионов в Советский Союз, а там их ловят, убивают, сажают в тюрьму. Советский Союз продолжает засылать своих шпионов в Америку...

Каждая страна продолжает всюду рассылать своих шпионов, потому что никто не знает, что будет: тот, кто сегодня друг, может завтра стать врагом. Поэтому каждая страна имеет свою шпионскую сеть – каждая страна, которая может себе это позволить, – особенно Америка и Советский Союз. Обе эти страны владеют разветвленной шпионской сетью по всему миру.

Но в Индии случилось нечто особенное. На протяжении двадцати пяти лет группа индийцев, в которую входили самые высокие чины кабинета Индиры Ганди, продавала секреты всем, кто был готов купить. И настолько дешево, что невозможно даже представить... Проект в пятьсот миллионов долларов – весь его секрет был продан за пятьдесят долларов. И не *вы* их просите продать свои секреты, сами *индийцы* просят вас купить. И это продолжалось в течение двадцати пяти лет!

Одно французское агентство, которое покупало секреты – для этих секретов не было применения сегодня, но они сказали: «Они так дешевы, нам это не нанесет ущерба. В любой момент Индия может быть в состоянии войны с какой-нибудь страной; тогда-то мы и сможем получить хорошие деньги за все эти секреты». Так что они собирают секреты для будущих времен. Хороший бизнес, потому что пятидесятидолларовый секрет они продадут за пятьдесят тысяч долларов или даже больше. Никакой другой бизнес так хорошо не оплачивается.

В этом французском агентстве сказали: «Индира Ганди решит что-нибудь, и через *четыре* часа этот секрет уже у нас». А только Индира и три члена ее кабинета знали этот секрет. Четверо знали, – но это ничего не значит, потому что из этих трех высших членов кабинета, которым она доверяла, возможно, один, возможно, двое, возможно, все трое вовлечены в продажу секретов.

Наиболее вероятно, что все трое, тогда никто никого не раскроет; тогда они должны будут хранить факт продажи секретов в тайне. Они выдавали секреты, – но делали это все, так что кто об этом скажет? Они будут молчать. А вот если бы только один выдавал секреты, тогда остальные двое были бы опасны.

Теперь люди удивляются, остались ли у Индии какие-нибудь секреты, потому что на протяжении двадцати пяти лет, *каждый* день бумаги уходили на продажу. И это было обнаружено тогда, когда грузовик, полный секретных бумаг, пересекал индийскую границу. Он был остановлен; здесь и обнаружилось, что он вез секретную информацию. Какого рода информацию? Секреты высшего уровня!

Поскольку в Индии правительственные документы перевязываются оранжевой лентой, то группа из двадцати пяти человек, которые теперь арестованы, была названа «кружок оранжевой ленты». И это было известно всему миру – кроме Индии!

Раджив предстал перед большими трудностями. Вся бюрократия каждого штата со своим языком желает независимости – и действительно, кажется, нет причин, почему им не быть независимыми. По существу Индия приняла разделение единой страны на Пакистан и Индию по религиозным соображениям, теперь прецедент: вы уже приняли в самом начале своей независимости разделение на религиозной основе, приняли то, что две религии не могут существовать вместе, что они должны иметь свои собственные страны.

Теперь сикхизм – это уже другая религия, ее приверженцы хотят иметь свою собственную страну. Согласно вашим собственным правилам им должно быть выделено собственное государство. А если вы им его не дадите, то почему вы согласились дать свое государство мусульманам?

Завтра парси запросят: «Мы хотим, чтобы Бомбей был нашей собственной независимой страной». Безусловно, они создали Бомбей и они в Бомбее являются всем. Они абсолютно правы: у них другая религия, полностью чуждая. Сикхизм, в конце концов, родился в Индии; парси пришли из Ирана – они верят в Заратустру. Им необходимо отделиться в суверенное государство на религиозной основе.

Христиане – третья великая религия: индусы, мусульмане, христиане, – и в двух штатах большинство населения христиане. В Керале восемьдесят процентов населения христиане; почему бы и им не иметь свое собственное государство? В Ассаме они требуют создания самостоятельной страны, Нагалэнда, потому что все коренные жители Ассама приняли христианство.

Скоро и джайнизм запросит: «Хотя нас и немного, – скажут они, – все же мы религия и одна из древнейших религий, возможно, самая древняя в мире. Нам нужно свое государство, пусть даже маленькое; но нам нужна своя страна».

И если религия может стать причиной для разделения страны, то почему такой причиной не может стать язык? Я думаю, что это намного важнее. Ведь так было. Когда Индия была разделена, Пакистан тогда состоял из двух частей: одна часть с одной стороны Индии, Пенджаб и Синд, а другая с другой стороны, Бенгал. Это была необычная страна, состоящая из двух частей, отстоящих друг от друга на две тысячи миль.

Но вскоре на языковой основе Бангладеш стал самостоятельным государством. Его жители мусульмане, и Пакистан –

мусульманское государство; но в Пакистане говорят на трех языках: пенджаби, синди и урду, – а бенгальцы говорят на бенгали. Они говорят: «У нас другая культура, у нас другой язык, и мы не можем, чтобы над нами доминировали небенгальцы».

В конце концов началась война, и они разделились. Это произошло на языковой основе. А Индира Ганди для того, чтобы ослабить Пакистан, поддерживала Бангладеш, потому что если станет два государства, Пакистан станет слабее, он станет вполтину меньше.

Сегодня в Индии тридцать языков, основных языков, и каждый язык занимает такую территорию, какую может занимать целая страна. Германия, Англия, Италия, Франция – это небольшие страны по сравнению с лингвистическими группами в Индии. Например, тамилы: Мадрас имеет территорию и население намного больше, чем обе Германии вместе взятые. Махараштра по размеру как две Англии.

И все тридцать языков имеют настолько большие территории и население, что каждый может образовать свое государство. Если вы не понимаете языка друг друга, зачем продолжать насильно держать их вместе?

Смотрите: прошло сорок лет, а в Индии так и не решили, какой язык будет государственным – как можно это решить?

В конституции записали, что национальным языком будет хинди, но есть еще двадцать девять соперничающих языков. И странная вещь: все готовы в качестве государственного языка признать скорее английский, чем любой из индийских – по той простой причине, что английский будет чужим для всех, но ни один индийский язык для этого не приемлем.

Потому что если хинди станет государственным языком, то те люди, чьи матери говорят на хинди, будут иметь совсем другой вес в политике. Другие, которые будут вынуждены учить хинди, никогда не будут достаточно подготовленными, чтобы стать национальными лидерами, премьер-министрами, президентами, – это будет очень трудно.

И это так, потому что до сих пор все премьер-министры были из провинций, говорящих на хинди. Вся власть остается в руках людей, говорящих на хинди. Так что остальные двадцать девять языковых групп навсегда останутся рабами.

Рано или поздно они захотят отделиться; они уже говорят об этом – Ассам и Пенджаб уже просят независимости. Скоро их примеру последуют и остальные.

А бедность в стране продолжает все больше и больше расти. Раджив отлично знает, что его младший брат Санджай Ганди пытался ввести принудительный контроль над рождаемостью, а в результате из-за его упрямства... и это можно сделать только *принудительно*. Как долго можно убеждать индийцев о пользе контроля над рождаемостью? Они одни тем временем составят все население Земли.

Вы будете продолжать их убеждать, а они будут продолжать размножаться.

К концу этого столетия каждый четвертый человек земли будет индийцем. Сейчас по народонаселению Индию немного опережает Китай, но к концу столетия Китай будет далеко позади. Дело в том, что в Китае контроль над рождаемостью был введен насильственно – в основном с помощью армии. Убеждение здесь не поможет.

Санджай так и поступил, но не нашел поддержки, да ему это было и не по силам, затея эта провалилась. И не только сама идея провалилась, из-за этого Индира потерпела поражение на выборах – три года она не была у власти.

Теперь Раджив не может снова повторить подобную ошибку; он не может навязать контроль над рождаемостью. Но без принудительного контроля страна обречена на вымирание... в течение десяти лет умрут миллионы индийцев, просто умрут от голода.

Все эти проблемы... На что я хочу обратить ваше внимание, так это на то, что все эти проблемы вышли на первый план, а Раджив о них совсем не говорит. О чем он говорит... Это просто лозунги, с которыми он победил на выборах – победил с большим превосходством.

Никогда раньше... ни его мать, ни дед по материнской линии – эти могущественные люди Джавахарлал и Индира, – никто из них не имел такого большинства, как он. Он может ничего не делать.

Восемьдесят пять процентов членов парламента – его сторонники.

В двух провинциях выборы не состоялись – в Пенджабе и Ассаме – из-за непрекращающихся народных волнений. Если бы

эти провинции участвовали в выборах, то на стороне Раджива было бы более девяноста процентов членов парламента. Нельзя себе представить более подавляющего большинства... можно ничего не делать!

Но он ничего не говорит о назревших проблемах, потому что говорить о них опасно. Он раздает обещания. Он победил на выборах только своими обещаниями типа: «Я хочу привести мою страну в двадцать первый век», – если выживете! Я не думаю, что бы кто-нибудь напомнил ему: «Если вы выживете, вы захотите привести страну в двадцать первый век».

А как насчет *двадцатого* века?

Люди такие доверчивые. На них произвело впечатление, что впервые появился лидер, который говорит, что в двадцать первом веке Индия будет мировой державой.

Он говорит о привнесении в страну новейших технологий, последних научных достижений – и, кажется, убедил страну в том, что он будет способен выполнить эти обещания. Где он собирается взять новейшие технологии? Где он возьмет деньги? И где те специалисты, которые будут внедрять новшества? Где ученые?

В Индии не осталось ни одного ученого. Как только человек сформируется как ученый, он немедленно уезжает из страны – здесь ему нечего делать.

Я спросил доктора Корану, который является лауреатом Нобелевской премии в области математики: «Почему вы не остались в Индии?»

Он ответил: «А что бы я там делал? Мне необходима соответствующая атмосфера для занятий высшей математикой. Здесь же я даже не могу с кем-нибудь поговорить о высшей математике! Останься я здесь, я бы покончил с собой».

Ни великого ученого, ни великого доктора, ни инженера, ни профессора – кто бы ни стал способен помогать своей стране, вынужден уезжать, потому что страна не может питать личность. И личности нечего делать в Индии, потому что для нее нет никаких условий.

Я так долго жил в этой стране. Но Раджив не говорит обо всех этих проблемах, он только дает обещания. А люди верят во все эти обещания, люди хотят верить. У них ничего нет, кроме надежды.

Так что лидеры все время подают опиум надежды, и люди становятся наркоманами. Фанатичная преданность группам и организациям – политическим, религиозным или любым другим – это разновидность наркомании, это наркотик, аналогичный любому другому.

Христиане, окруженные другими христианами, чувствуют себя как дома. Это наркомания, психологический наркотик.

При виде санньясина в красной одежде что-то в психике людей начинает дрожать – сразу появляются вопросы. Вот человек, который не верит в Христа: «Разве можно не верить в Христа? Разве можно *выжить* без веры в Христа?» Подозрения, сомнения...

Почему они сердятся на вас? Они не сердятся на вас, они, в действительности, вас боятся. И для того, чтобы скрыть свой страх, они вынуждены показывать гнев.

Гнев всегда скрывает страх. Люди пользуются разными приемами.

Есть люди, которые начинают смеяться, чтобы остановить слезы. Смеясь, вы забываете, они забывают... и слезы остаются скрытыми.

В гневе остается скрытым их страх.

Они очень фанатичны, они защищаются... Вы ничего не сделали, достаточно одного вашего присутствия – и они немедленно напрягаются. Они знают, что их вера не прибавляет им опыта, они боятся, что вы можете нанести им глубокую рану. Каким-то образом им надо от вас спрятаться – они христиане, и Христос является спасителем, единственным *спасителем*, единственным *настоящим* спасителем, у них есть их священное писание, с ними их Бог, поэтому чего бояться? Они построили себе уютный психологический дом, и в него внезапно, как слон в посудную лавку, входит санньясин в красном!

Один из моих учителей, который меня очень любил... во время моей учебы в школе он был единственным учителем, с кем я был близок. Поэтому, когда я поступил в университет и на каникулы приезжал домой, я всегда приходил проведать его.

Однажды он сказал: «Я тебя жду. Это странно, что я тебя жду, зная, что сейчас каникулы и ты приедешь. Твой приезд подобен свежему бризу. В моем преклонном возрасте ты снова напомнил мне о моей юности и юношеских мечтах. Но когда ты появляешься, мне становится страшно, и я начинаю молить

Бога: 'Пусть он уходит как можно скорее!' Потому что ты порождаешь сомнения – ты *есть* мое самое большое сомнение. Одного взгляда на тебя достаточно, чтобы начали подниматься все мои сомнения. Кое-как я их подавляю, с тобой же делать это очень трудно».

Он сказал: «Странно, но твоего прихода в мой дом достаточно, чтобы все мои попытки подавления стали тщетными и все мои сомнения снова подняли головы. И я знаю, что не знаю Бога, и я знаю, что все мои молитвы бесполезны, – их никто не слышит. Но я продолжаю молиться три раза в день: утром, днем и вечером. Но когда здесь ты, я не могу совершать свои молитвы так же, как я это делаю в любой другой день».

Я сказал: «Но я не мешаю вашим молитвам!»

Он сказал: «Не то чтобы ты мешаешь им. Просто ты сидишь здесь, а я совершаю молитву – это несовместимо. Я знаю, что то, что я делаю, глупо, и я знаю, что ты думаешь. Ты, должно быть, думаешь, что этот старый дурак продолжает совершать... я знаю, что то, что я делаю, в твоих глазах не пользуется уважением. И вся беда в том, что в глубине души я согласен с тобой. Но сейчас я уже слишком стар и не могу измениться – становится страшно. Я не могу это прекратить. Много раз я думал: 'Почему бы мне не прекратить молиться?' Но я молюсь уже на протяжении семидесяти пяти лет...»

В то время ему было что-то около девятидесяти лет. «Я уже так давно молюсь. И прекратить сейчас, на пороге смерти? Но кто знает?.. Если этот мальчик рядом со мной и Бог действительно существует, тогда я буду в затруднении: я не смогу поднять на Бога глаза, если в последний момент прекращу молиться. Поэтому я думаю, поскольку я делал это всю мою жизнь, позволь мне продолжить – так это или не так. Если не так, ничего не случится. Во всяком случае, сейчас я не у дел и целый день свободен. А если Бог есть, то все в порядке, мои молитвы достигли цели».

Я сказал: «Это не поможет. Если Бог *есть*, то молитвы такого рода бесполезны. Вы думаете, что можете обмануть Бога? Что он не спросит с вас? Вы молитесь с мыслью, что если его нет, хорошо, а если есть, то вы можете сказать, что... вы думаете, что можете обмануть Бога?»

Он сказал: «В этом вся и беда. Вот почему я говорю тебе, пожалуйста, не приходи! Я не могу это бросить, но не могу и

продолжать. А сейчас ты создал еще и третью проблему: даже если я и молюсь, это бесполезно! Потому что ты прав: если Бог есть, он узнает о том, что этот старик пытается обмануть его».

Я сказал: «Это намного хуже, чем вообще не молиться. Будьте, по крайней мере, честным. И я не думаю, что быть честным – это против религии. Просто будьте честным; если нет, то лучше вообще не молитесь!»

Он сказал: «С тобой я снова чувствую себя молодым, сильным. Но когда ты уходишь, я снова становлюсь старым, смерть подступает ближе, и уже не время пересаживаться в другую лодку. Можно упасть между лодками. Будет лучше остаться с тем, что делал до сих пор... пусть случится то, что должно будет случиться. Просто продолжать. И я не одинок – со мной двести миллионов индусов. Это так, со мной двести миллионов индусов».

Я сказал: «Да, это так. С вами двести миллионов индусов, а я один. Но один-единственный человек может уничтожить все ваши двести миллионов индусов, если их религия основана на лжи».

«Вы поступили опрометчиво – вы не должны были слушать меня!»

Это и есть фанатизм: не слушайте ничего, что против вас. Прежде чем кто-то что-нибудь скажет, начинайте так громко кричать, чтобы слышен был только ваш голос. Читайте только свои книги, слушайте только то, что говорит ваша церковь, ваш храм, синагога.

Фанатизм – это просто прием, чтобы защитить вас от сомнений.

И хотя от них можно защититься, но их нельзя уничтожить.

А теперь и в этом нет нужды.

Человек миновал те ступени, когда нуждался в толпе. Теперь он может существовать индивидуально. Это не означает, что у вас не должно быть клубов, что у вас не должно быть обществ, но и нет нужды быть им фанатически преданными.

Вы можете быть ротарианцем; но это не означает фанатической преданности – того, что готовы умереть за «Ротари-клуб». Это будет действительно небывалый пример мученичества – некто умирающий за «Ротари-клуб»!

Вы вовсе не должны отдавать жизнь за «Ротари-клуб», за «Клуб львов»... вам нет необходимости умирать за христианство, ислам, индуизм, коммунизм, социализм. Вы можете иметь связь с людьми, вы можете вступать в диалог с людьми, вы можете встречаться с людьми, общаться с людьми одних с вами интересов, но нет никакой необходимости создавать вокруг этого суету. Никаких крестовых походов, никаких священных войн...

Да, вы можете остаться нацией, но это не значит, что надо на деле создавать то множество границ, которое есть на карте. Они только на карте, не надо их видеть на земле. Вот когда вы становитесь слепыми.

Прекрасно, что есть столько наций, так и должно быть, но вовсе не обязательно, чтобы существовало столько же безумий.

Прекрасно, что люди могут поклоняться так, как они хотят, молиться так, как они хотят, иметь свои собственные книги, любить своих собственных мессий, в этом нет проблем. Но не создавайте из этого проблемы для других людей. Это ваше личное право. Вам что-то нравится, вы предпочитаете определенные духи – прекрасно; если кому-то другому они не нравятся, то это не делает его вашим врагом.

Это ваши симпатии, – а у кого-то другие. Но разница не означает антагонизма, она означает только то, что у кого-то есть другой взгляд на вещи, другое ощущение. И нет необходимости ни в каком фанатизме, нет необходимости ни в какой жертвенности. Если в нашем мире мы научимся создавать организации без жертвенности и фанатизма, то это будет прекрасный мир.

Сами по себе организации не так уж и плохи.

Организации без жертвенности, без фанатичного отношения поддерживают порядок в мире. А порядок действительно нужен. В мире, где столько миллионов людей, нельзя жить без порядка.

Я назвал этот порядок «коммуной». Я дал такое название, чтобы подчеркнуть его отличие от организации, политической партии, религиозного культа. Я назвал его просто «коммуна», где люди сходных взглядов живут дружно, несмотря на все различия между ними.

Им не надо стирать эти различия, чтобы стать членами коммуны, иначе это уже станет жертвенностью. Все их различия принимаются, эти различия есть качества, присущие их индивидуальностям.

И это в самом деле делает коммуну богатой — где столько людей с таким обилием разных качеств, талантов, способностей, чувствований живут вместе, не калеча и не уничтожая друг друга.

Наоборот, они помогают друг другу стать совершенными индивидуальностями, уникальными индивидуальностями...

Беседа 24

КЛЮЧ К НЕОСОЗНАННОСТИ: ПРОДОЛЖАЙТЕ ДУМАТЬ

21 февраля 1985 года

Бхагаван,

Я был шокирован, когда услышал от Вас, что пирамида человечества состоит только из аятоллы Хомейни и Альберта Эйнштейна и нет качественного различия между ними. Нет ли третьей альтернативы?

Я также шокирован, но человек бессилен против действительности.

А правда состоит в том, что нет качественного различия между аятоллой Хомейни и Альбертом Эйнштейном; если бы была хоть маленькая возможность некоторого качественного различия, то я с удовольствием заявил бы об этом. Но это вовсе не значит, что оба являются личностями одного типа.

Аятолла Хомейни сумасшедший.

Альберт Эйнштейн – сверхгений, наиболее пронизательный ум, когда-либо созданный человечеством.

Так я и не говорю, что они люди одного типа, но – что тут поделаешь? – они оба принадлежат к одному кругу. Аятолла Хомейни – нижний в ряду, Альберт Эйнштейн – верхний, но различия только в уровнях; это та же самая пирамида. Аятолла Хомейни, Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Бенито Муссолини, Мао Цзе-дун – все они такие же люди, как и Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Жан-Поль Сартр, Карл Ясперс. Они принадлежат к одному человечеству, к одному уму. Но Аятолла Хомейни и его компания больны. Ум тот же самый, но больной ум, перевернутый. Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел здоровы. Это тот же самый ум, но в правильной форме; в такой, какая должна быть.

Но нельзя сказать, что они принадлежат к двум различным категориям; это будет ложью – утешением. Вам не следует быть шокированными, мне не следует быть шокированным, все должны быть счастливы, но разрушить истину ради такого глупого утешения – это не поможет никому.

Но почему вы смотрите только с одной стороны? Существует много аспектов, которые надо рассмотреть. Почему вы не

понимаете это как великое откровение? Вы думали только об одном, вот почему вы оказались шокированными. Я тоже шокирован, но я также взволнован, восторжен.

Вы думаете только об одном – о том, что Альберт Эйнштейн низведен до уровня аятоллы Хомейни. Но почему вы не можете видеть другую возможность, что аятолла Хомейни может быть поднят до уровня Альберта Эйнштейна?

Я открываю потрясающую возможность для этих сумасшедших людей. И эти сумасшедшие люди доминируют над человечеством; надо что-то делать.

Человечество как таковое не плохое, не злое, но один аятолла Хомейни может привести целую страну к сумасшествию, к идиотизму. Имена, слова, принципы, которые эти люди используют, чтобы скрыть свое сумасшествие и глупость, – прекрасны.

Аятолла Хомейни целый день цитирует священный *Коран*. Ему не надо читать; он запомнил его – весь священный *Коран*. Он постоянно цитирует из священного *Корана*, и те, кто слушает его и следует за ним, верят, что он пророк, посланник Бога, посланный, чтобы помочь исламу преуспеть. Вот во что верят все религии: у человечества есть будущее лишь в том случае, если именно они преуспеют; в противном случае будущего нет, человек обречен.

А то, что он делает так по-варварски, так уродливо, так бесчеловечно... Людей постоянно убивают, постоянно обезглавливают. Людей избивают до смерти на перекрестках перед тысячами зрителей – и все эти зрители радуются, потому что это успех ислама.

Аятолла Хомейни говорит, что все сделанное в соответствии с принципами ислама – правильно. Нет другого пути, нет другого критерия решить, что правильно или неправильно. Есть только один путь: следовать принципам ислама. А те исламские принципы, по меньшей мере, просто варварские.

Отрубить человеку голову – это по-исламски. Если человек не верит в приход Мухаммеда, то ему лучше умереть. Жить не мусульманином хуже, чем умереть, потому что смерть может изменить его образ жизни. Возможно, в этом теле с этим умом человек неспособен к тому, чтобы стать мусульманином, поэтому это тело и ум должны быть уничтожены. Они – препятствие к его спасению. А умереть от рук воинов ислама – само по себе есть слава. Вы должны быть горды: вас постигла великая смерть. Вы не достигли великой жизни, но вы достигли великой смерти.

Итак, человек, убитый исламскими убийцами, — счастлив. И люди, которые убивают его, также приобретают великую доблесть, потому что нет иного мотива, кроме как — они пытаются помочь человеку изменить его бытие. Они делают путь человека к Богу ясным и чистым. Они делают работу Бога: в раю они рождаются святыми. Итак, оба извлекают пользу. Как может что-то быть неправильным и преступным, когда обе стороны чрезвычайно удовлетворены, духовно обогатились?

Понимаете ли вы коварство людей? Но аятолла Хомейни имеет такой же ум, как и вы, он все равно что свихнулся. Но это можно исправить.

Это случается во всем мире... Недавно в Ватикане одна молодая женщина прыгнула с базилики Святого Петра — самого высокого храма в христианском мире — и убила себя. Никто не знает почему. Но когда я услышал это, то моей непосредственной реакцией было то, что эта женщина заявила тем самым о чем-то важном.

Все человечество собирается умереть в Ватикане, прыгнув с базилики Святого Петра. Эта женщина — пионер. Она просто сказала, что это произойдет со всем человечеством. И они делают все, чтобы это случилось, — папа, кардиналы, епископы, священники.

Как раз сегодня, очень уважаемый гуманист, католическая монахиня Сестра Джудит Ваугхан была изгнана из католической церкви. Она руководит в Калифорнии приютом для бедных женщин, покинутых женщин, отвергнутых женщин. И она помогла тысячам женщин. Но работа всей ее жизни — ничто; она просто совершила маленькую ошибку, ошибку в глазах христианской бюрократии.

Она подписала газетную рекламу в пользу абортов. Газета попросила тех, кто пользуется уважением, подписать и отослать обратно в газету рекламную статью, чтобы они могли сказать, что не все христиане против абортов. Сестра Джудит подписала ее — и это великий грех.

Эта женщина работала всю свою жизнь, помогла тысячам женщин, уважаема во всей Калифорнии, и она понимает проблемы женщин — аборты, дети, сироты — больше, чем те идиоты, которые изгнали ее из церкви. И они не только изгнали ее из церкви, они отлучили ее от приюта, который она создала для бедных женщин, страдающих женщин. Ей не разрешено входить в церковь, в приют, и она больше не монахиня. Никого не беспокоит даже то, что ее деятельность была гуманна.

Больше населения означает больше проблем — и вы не в состоянии разрешить существующие проблемы. Каждый ребенок приносит с собой тысячи проблем. На земле уже появилось больше людей, чем она может выдержать. Даже у стран, подобных Америке, есть проблемы, которые должны были бы давно исчезнуть в мире, что же говорить о третьем мире, бедном мире? Африка, Латинская Америка, Азия — что же говорить об этих странах?

В Америке тридцать пять миллионов неграмотных взрослых. В двадцатом веке в богатейшей — технологически, научно, культурно — стране мира все еще тридцать пять миллионов необразованных взрослых, они не могут прочесть газету. А вы продолжаете производить людей. Вы не можете разрешить простых проблем, — а есть и сложные проблемы.

Тысячи погибших при взрыве газа в Бхопале. Все женщины, которые были беременными и не умерли, теперь начали рожать детей. Тысячи детей покидают лоно мертвыми, или уродами, или слепыми, или умственно отсталыми. Некоторые из родившихся живыми умирают в течение шести недель. Врачи и ученые не думали, что газ мог действовать на утробный плод столь опасно.

И это был только маленький взрыв. Когда произойдут ваши ядерные взрывы и атомные взрывы, как они будут действовать на вас — невообразимо. И это будет воздействовать не только на вас; это будет воздействовать на все последующие поколения. Это будет воздействовать на все будущее человечества.

Кто создает эти проблемы? Ум. Тот же ум может решить их.

Итак, когда я говорю, что аятолла Хомейни и Альберт Эйнштейн принадлежат к тому же самому ряду... если вы подумаете, что Альберт Эйнштейн подобен аятолле Хомейни, то вы будете лишь шокированы. Но если вы также подумаете, что аятолла Хомейни способен быть Альбертом Эйнштейном, тогда вы будете возбуждены, как и я.

Но я рассказал только о пирамиде разума. Я не рассказал о людях, у которых отключен разум, я не рассказал о тех, кто занимается медитацией. Они качественно отличаются от первых двух групп.

Человек медитации так же далек от аятоллы Хомейни, как и от Альберта Эйнштейна, потому что он далек от самого ума.

Пирамида была составлена только из людей, живущих умом, — так не унывайте. Вы можете выпрыгнуть из пирамиды; никто не заставляет вас быть в ней. Это ваше решение, быть в ней

или не быть в ней. Вы можете стать наблюдателем. Вы стоите вне пирамиды и наблюдаете всю происходящую глупую игру.

Я не часть пирамиды. Вот почему я могу рассказывать о пирамиде, описывать ее во всех деталях со всех сторон, ведь я просто наблюдатель. Я могу двигаться вокруг пирамиды, я могу видеть все ее грани. Я могу видеть ее самую глубокую глубину, я могу видеть ее самую высокую вершину – потому что я не в ней.

Если вы находитесь внутри, то вы не можете наблюдать ее во всей полноте; вы должны быть вне ее. И были подобные люди в прошлые века – очень мало, но это не имеет значения: если даже единственный человек может бежать из пирамиды, этого достаточно, чтобы доказать потенциальную возможность. И многие бежали из нее.

Только маленькое усилие с вашей стороны, немного расторопности, и вы можете выскользнуть из ума, – ведь пирамида не сделана из чего-то твердого; ее кирпичи сделаны из мыслей. Вы окружены стенами из мыслей. Это так легко – выйти из них. Вам не надо даже делать отверстие в стене, вам не надо даже открывать дверь: вы должны просто стоять молча и смотреть, существует ли стена действительно или только кажется.

На Востоке это называют миражом; он только кажется настоящим. Чем ближе вы подходите к нему и лучше рассматриваете его, тем скорее он исчезает. Мысли – наименее материальная вещь в мире; они не заключают в себе никакого материала. Мысли – это только святые или несвятые духи. Если вы боитесь духа, то дух весьма материален.

Я вспоминаю свое детство. В моем родном городе был монастырь, принадлежащий религии Кабира. Нигде в мире они не известны, но в Индии есть *пантхи* Кабира – последователи Кабира.

В моем родном городе был монастырь, в котором задолго до меня жил очень знаменитый последователь Кабира, Сахибдас. И он оставил большой монастырь, огромный храм и множество пещер для медитирующих. Это очень красивые пещеры, потому что монастырь расположен очень близко к реке. Он сделал эти пещеры в небольших холмах у реки, и внутри пещер есть маленькие пруды. Вы можете войти внутрь пещеры, перейти из одной пещеры в другую, хотя некоторые изолированы; или вода заполнила их полностью, или земля обвалилась. Но это прекрасное зрелище.

И просто сидеть в тех пещерах... они так безмолвны – даже ветерок не проникает туда. Их сделали как раз нужного размера,

так что человек может жить в тех пещерах и не испытывать недостатка кислорода, ведь воздух не проходит в них снаружи. Размеры пещеры достаточны, чтобы обеспечивать вас кислородом по крайней мере три месяца. В те пещеры людей посылали медитировать.

Я был очень молод; Сахибдас, должно быть, умер за двадцать или тридцать лет до того, как я родился. Но его преемник, Сатьясахиб – его я знаю очень хорошо – был идиотом. Так случается, по какой-то особенной причине, – святые почему-то притягивают идиотов.

Я не святой, так что вам не надо беспокоиться! Но святые привлекают идиотов; возможно, существует определенный баланс, который природа должна сохранять: если имеется святой, то необходимо определенное количество идиотов, чтобы сохранять баланс, равновесие. Природа верит в баланс; она все постоянно приводит в равновесие.

Этот Сатьясахиб был совершенным идиотом, но он очень дружил с моим отцом. Так вот, благодаря моему отцу я начал ходить туда и осматривать те пещеры. Это был действительно громадный монастырь, и человек – его глава – должен был иметь большое влияние.

В то время в монастыре не было никого, кроме Сатьясахиба, его преемника; все ушли. Огромные сады, поля и монастырь расположены в очень изолированном месте, очень зеленом и совсем рядом с рекой. Учителя Сатьясахиба похоронили на территории монастыря.

В Индии многие религии не кремируют своих святых; всех остальных кремируют. И некоторые религии – например, *пантхи* Кабира – не кремируют своих святых, потому что их тела были в контакте с такой великой душой, что они должны стать живой памятью чего-то такого великого, что было бы неправильно уничтожать их.

Их тела должны быть похоронены точно так же, как это делается у христиан и у мусульман: делают *самадхи*, могилу. Это не называют могилой, это называют самадхи – то же самое слово, которое используют для обозначения определенного состояния сознания. Ведь этот человек достиг самадхи, его могила – не просто могила; это символ самадхи, предельного сознания.

Монастырь был огромным, и в нем жил только один человек. А самадхи последователей Кабира, пантхов Кабира, закрыты не полностью; у них одна сторона отодвигающаяся, так

что каждый год тело может быть извлечено и каждый год последователи могут снова поклоняться святому.

Один из моих учителей был атеистом. Я сказал ему: «Ваш атеизм совершенно хорош, но верите ли вы в духов, в привидения или нет?»

Он ответил: «Привидения? Я не верю даже в Бога, почему я должен верить в привидения? Они не существуют».

Я сказал: «Прежде чем говорить это, дайте мне возможность доказать, что они существуют, потому что я встречался с привидением, видел его, говорил с ним. И это призрак такого великого человека – Сахибдаса».

Он ответил: «Все это чепуха! Вы должно быть позаимствовали идею у этого идиота Сатьясахиба. Он все время говорит о своем гуру; никто не слушает, но он продолжает говорить. И я видел, что ты ходишь туда».

Я сказал: «Вы действительно видели меня идущим туда, но вы не знаете, что я встречался с его учителем, чего сам он был не в состоянии сделать».

Мой учитель посмотрел на меня с подозрением, но мой голос звучал так же, как всегда – так же уверенно. Я сказал: «Нет проблемы, нет необходимости обсуждать это. Дискуссия будет позже; сначала давайте повстречаемся с привидением...»

Он начал слегка побаиваться. Я сказал: «Не бойтесь, я буду с вами, и там будут три или четыре моих друга, потому что мы должны будем отодвинуть тяжелую дверь; затем мы должны будем вытащить тело».

Он спросил: «Все это надо сделать?»

Я сказал: «Да, все это надо сделать. Тело надо вытащить; только тогда я могу просить Сахибдаса материализоваться. Только одного вы должны избегать: никакого шума, потому что если преемник, Сатьясахиб, поднимется, то тогда будут неприятности, потому что это сильно противоречит их религии. Только один день в году – в день смерти – они могут извлекать тело. А это абсолютно против их религии, и будут очень большие неприятности».

«Итак, будьте очень спокойны и безмолвны. А если возникнет ситуация, в которой вы должны будете убежать, тогда не ждите никого и никого не зовите; просто убегайте. Просто будьте осторожны, ведь это неприятно: призрак иногда хватается за вас, особенно вашу одежду. Так что будьте осторожны».

Этот учитель был бенгальцем – носил длинную куртку и дхоти, – а бенгальцы носят очень свободные одежды. Всякого,

от кого нет никакой пользы, кто не может бегать, кто не может выполнять никакой тяжелой работы, называют «Бенгальский Бабу». В Индии быть названным «Бенгальским Бабу» – оскорбление. Существуют две крайности. Если кто-то называет вас «сардарджи», то это оскорбление. Это означает, что у вас нет ума, – не в том смысле, что вы медитирующий, а в смысле, что вы аятолла Хомейни. Или если кто-то называет вас «Бенгальский Бабу», то это означает, что от вас просто нет пользы.

И у бенгальцев странные одеяния: их дхоти так свободны, что если они побегут, то непременно упадут. Они постоянно носят зонтик, двенадцать месяцев в году. Идет ли дождь, нет ли – не имеет значения, жарко или нет – не имеет значения. А в Индии сезоны очень постоянны; вам нет нужды носить зонтик весь год. Во всей Индии никто не носит зонтик круглый год, но Бенгальские Бабу – почему-то это стало частью их стиля. Они постоянно носят зонтик, ненужный багаж, без всякой причины.

Итак, я сказал моему учителю – его фамилия была Бхаттачарья, – я сказал: «Сэр, оставьте ваш зонтик, потому что если он схватит ваш зонтик... – эти призраки *хватают* вещи».

Он ответил: «Я не могу оставить мой зонтик. Без моего зонтика я чувствую себя как бы голым или как будто чего-то постоянно не хватает».

«И еще, – сказал я, – вы должны сделать ваше дхоти плотно облегающим, потому что если оно спадет, то вам придется бежать голым. А призраки есть призраки: они не придают большого значения вашим манерам, вашему этикету. Он может схватить ваше дхоти, и вы должны будете бежать без него».

Он ответил: «Но ведь он же святой!»

Я сказал: «Он *и есть* святой, но он также и призрак. Но это ваше дело, если вы хотите, то можете прийти так, как хотите».

Когда он пришел, на нем было дхоти такое тесное, какое только он мог себе позволить. Они делают фасон... дхоти можно сделать на разные фасоны. Жители штата Махараштра делают наилучшие; тогда дхоти выполняет почти те же функции, что и пижама – которая может действовать двояко. В ней вы можете бегать, в ней вы можете работать.

Бенгальцы делают наихудшие. С одной стороны, сзади у них есть складка, такая широкая, что ниспадает, касаясь пола, с другой стороны и спереди есть складка, которая тоже ниспадает, касаясь пола. Ну, просто всякая ерунда.

Мы вышли в середине ночи. Мы выбрали темную ночь, когда не было луны, потому что если бы преемник увидел нас...

И мне нужна была темная ночь для призраков, потому что у меня был приготовлен молодой человек, готовый быть призраком и схватить дхоти Бхаттачарья, если он придет без своего зонтика.

Могила была большой, ведь пантхи должны были вытаскивать тело; оно было в гробу, который надо было вытаскивать. Но могила была достаточно большой, чтобы сбоку у гроба мог лечь мой призрак. Итак, все было подготовлено для того, чтобы в тот самый момент, когда мы будем вытаскивать своего человека, один из нас уронит что-нибудь, а кто-нибудь пронзительно закричит, и мы все побежим. И прежде чем Бхаттачарья сможет увидеть, кто был призраком, призрак схватит что-нибудь у него. Так все и случилось.

Все прошло очень хорошо. Призрак схватил его дхоти, и Бхаттачарья... Вы не поверите, что может случиться с человеком, когда он действительно испуган: он сам бросил свое дхоти. Он не ждал, чтобы дхоти упало; он сам сбросил его. Дхоти, зонтик... Призрак даже не схватил зонтик, потому что лежал внизу, а зонтик был наверху, под рукой у Бхаттачарья. Но Бхаттачарья подумал: «Кто знает? Он может прыгнуть за зонтиком! А когда он начал снимать свою куртку, я сказал: «Призрак удовлетворен – пошли!»

Спустя два дня я спросил его: «Как насчет вашего атеизма?»

Он ответил: «Все это была чепуха; я был глупец. Ты прав – Бог *существует*. Но какая странная ночь!»

Я сказал: «Вы должны, по крайней мере, поблагодарить меня – я спас вашу куртку».

Он ответил: «Это я помню. Я сбрасывал ее, потому что если бы призрак начал хватать что-нибудь, я был бы пойман. Я подумал: “Я оставлю все, тогда я смогу, по крайней мере, добраться до своего дома. Самое большее, люди будут смеяться и я буду смущен”. И я *был* смущен: когда я добрался сюда в моей куртке...»

Мы так все приготовили, что там должны были быть люди; иначе кто будет смотреть посреди ночи? В городе, маленьком городе, все люди ложатся спать в девять, самое позднее в десять. В тот день не было кинофильма, так что около девяти город должен был быть почти пустынным. Итак, мы сделали приготовления: «Должно произойти что-то действительно замечательное: вы просто ждите. Около двенадцати вы увидите Бхаттачарью, идущего домой голым».

Они говорили: «Голым!»

Мы отвечали: «Но не говорите никому. Он будет даже без своего зонтика!»

Таким образом, люди были взволнованы и они ждали – все, лежа в постелях. Летом в Индии люди спят на улицах. Все лежали, но бодрствовали, и как только Бхаттачарья появился, там была большая толпа: факелы, и лампы, и люди.

Бхаттачарья был в испарине и просто дрожал, поэтому мы должны были сказать людям: «Это нехорошо – вам надо уйти. Он встретил призрака, а теперь вы волнуете его. Он может умереть; он был так потрясен».

Мы привели его домой, устроили ему хорошее холодное купание и вылили на него столько ковшей воды, сколько смогли, чтобы привести его в чувство. Привести его в чувство было очень трудно, но, наконец, он сказал: «Да, теперь я чувствую себя лучше, но где тот призрак?»

Я ответил: «Тот призрак ушел. Мы закрыли гроб».

«А мой зонтик и дхоти?»

Я сказал: «Мы принесли их, потому что мы умоляли призрака: “Бхаттачарья очень беден, а вы святой. Это достаточное наказание для атеиста, большего и не надо”, – таким образом, он отдал их обратно вам».

С того дня мы видели, что каждый день утром Бхаттачарья ходил класть цветы на эту самадхи, и молиться, и отправлять там обряды.

Я спросил: «Не стали ли вы пантхи Кабира?»

Он ответил: «Я должен стать пантхи Кабира. Я читаю священные книги пантхов Кабира, рассказывающие о Кабуре, песни Кабира – они действительно прекрасны. Но я должен поблагодарить вас, – сказал он мне. – Если бы вы не устроили эту встречу с призраком, я бы так и умер атеистом».

Призраков не существует, но миллионы людей верят в их существование; они не только верят, они видели призраков, они встречали их. Но все эти встречи – такие же, они приготовлены. И это так легко.

Ваши мысли подобны призракам.

Вы просто продолжаете верить в них, никогда не пытаетесь противостоять, никогда не поворачиваясь к ним, чтобы пристально рассмотреть их. Вы просто удивитесь тому, что мысль, на которую вы пристально смотрите, просто улетучится. Она не может вынести вашей бдительности.

Поэтому есть третья альтернатива. Вам не надо быть ни аятоллой Хомейни, ни Альбертом Эйнштейном. Альберт Эй-

нштейн хороший человек, но хороший и плохой – это две стороны одной монеты; рай и ад, Бог и дьявол – две стороны одной монеты. Одна не может существовать без другой.

Но есть третья альтернатива: вам не надо быть таким или другим, а это значит действительно быть самим собой.

Быть вне пирамиды ума – значит войти в храм вашего существования.

Пирамида – для мертвых. Фактически пирамиды были сделаны как могилы для египетских царей и цариц. Они – кладбища; и когда я употребляю слово «пирамида» для ума, я делаю это сознательно. Ум – это тоже кладбище мертвых вещей, прошлых воспоминаний, переживаний, теней... все это тени. Но мало-помалу они становятся такими тусклыми, что создают темный занавес вокруг вас.

Если вы хотите убежать от своей тени, то, как вы думаете, что вам надо делать? Бежать? Тогда вы будете в том же самом положении, что и Бхаттачарья. Тень будет следовать за вами, куда бы вы ни пошли, она будет с вами; это *ваша* тень. И тень не существо; она – призрак.

Единственный способ избавиться от нее – повернуться назад, взглянуть на нее и попытаться найти, есть ли в ней какое-либо содержание. Нет ничего! Чистая отрицательность. Она существует просто потому, что вы стоите на пути солнечных лучей, солнечные лучи не могут пройти; и отсутствие солнца создает тень.

Точно такая ситуация и с вашими мыслями. Поскольку вы не бдительны, поскольку вы не молчаливы, поскольку вы не можете ясно видеть вещи без какого-либо возмущения, постольку и мысли ваши являются заменой вашей осознанности.

Если вы не станете осознающими, мысли будут продолжаться.

Мне очень нравится одна история – я не знаю, правда это или нет. Один из великих буддийских ученых, Бхадант Ананда Каусальяян, слушая меня, рассказывающего эту историю, пришел навестить меня в тот же самый вечер и сказал: «Всю мою жизнь я посвятил буддийским священным писаниям, – а он мировой авторитет по буддийским священным писаниям, – но вы странный человек: когда бы вы ни пришли...»

Он жил в Нагпуре, а я проезжал через Нагпур по крайней мере два или три раза в год; когда бы я ни ехал в Южную Индию, я проезжал через Нагпур. И у меня было много друзей в Нагпуре,

так что, когда бы я ни был там, всегда проводились две или три лекции, беседы, дискуссии.

Он сказал: «Всегда, когда бы вы ни приезжали, вы всегда приносите новую историю про Будду! Где вы берете эти истории – ведь я читал все буддийские священные писания, я проверял и не нашел ни единого случая, ни одной из этих историй, нигде?»

Я ответил: «Не волнуйтесь. Меня не беспокоит, правдивы эти истории или нет; что меня беспокоит, так это то, выразительны эти истории или нет. Какое имеет значение, случилось это исторически или нет? Что важно, так это: возможны они потенциально или нет?»

Он ответил: «Это значит у вас абсолютно другой критерий. Я никогда не слышал об этом критерии: “потенциально возможно”».

Я ответил: «Если вы не слышали, я могу повторить ее снова. Послушайте хорошенько».

Это была история, которая очень озадачила его... Утром он пришел снова – я не думаю, что он мог спать, – и сказал: «Рассказ просто не историчен».

Я ответил: «Меня это не волнует! Меня даже не волнует, существовал Будда или нет – какое мне до этого дело? Если Будды вообще не было, то это его дело. *Меня* это никоим образом не волнует. Миллионы людей не были рождены: ну и что? Одним нерожденным больше – мы бы даже не заметили, что Гаутама Будда был потерян».

«Но, – сказал я, – почему *вы* беспокоитесь? Забудьте этот рассказ, если вы не хотите его, если он не понравился вам».

Он ответил: «В этом-то и трудность – я нахожу удовольствие в рассказе, мне он понравился. Мне хотелось бы, чтобы рассказ соответствовал действительности».

Я сказал: «Это невозможно – я не могу творить историю. Я не могу переписать заново ваши священные книги; у меня нет ни времени, ни желания. Но если вам понравился рассказ и вы понимаете его значительность, то я расскажу вам одну вещь, – но никому не говорите, потому что никто не поверит».

Он спросил: «Что?»

Я сказал: «Подвиньтесь ближе ко мне». Итак, я прошептал ему прямо в ухо: «Я Будда, и я рассказываю вам свою собственную историю. Не говорите никому, потому что никто не поверит в это. И даже если вы расскажете это, я буду отрицать, что когда-либо говорил вам это».

Он сказал: «Вы – нечто! Вы прямо сейчас... вы говорите мне!..»

Я ответил: «У вас нет никаких свидетелей. Здесь нет никого, мы одни, и я просто буду отрицать, будто что-нибудь говорил. И почему я должен говорить такие вещи? Будда умер двадцать пять веков назад: я никакой не призрак, я – это просто я».

Это тот рассказ, который оставил его озадаченным. Когда бы я ни пришел туда, он говорит: «Если можете как-нибудь помочь мне... Где вы взяли его?»

Я ответил: «Я ничего не беру из “верных источников”; у меня свои собственные пути поисков, создания, придумывания. Я не связан обязательством строго придерживаться истории, строго придерживаться того или этого. Все, что я чувствую значимым, что может служить признаком правды, я подбираю повсюду и вкладываю в чьи-либо уста».

Вот эта история. Будда идет из одной деревни в другую, а по пути – день жаркий, лето – он почувствовал жажду. Он стар, поэтому он просит Ананду: «Ананда, извини меня, но тебе придется вернуться назад. В двух или трех милях позади мы прошли маленький ручей, а меня очень мучает жажда: пойдя, принеси мне воды».

Ананда ответил: «Не надо извиняться. Это мне в радость – служить тебе любым способом. Это я обязан тебе, а не ты мне. Ты отдохни под этим *сааловым* деревом, а я пойду».

Он пошел обратно. Он точно знал, где ручей, они только что прошли его. И когда они проходили по берегу ручья, он был кристально чистым – у горного потока особенная чистота. Но когда Ананда вернулся к ручью, чтобы набрать воды, две повозки, запряженные волами, переехали через ручей и весь поток был мутным; вся грязь, что была на дне, поднялась к поверхности. Старые листья, гнилые листья плавали на поверхности. Он не мог даже представить себе, что можно набрать такой воды, чтобы напоить Будду.

Поэтому он вернулся и сказал Будде: «Вот такое положение. Я не мог принести такую воду для тебя, но не огорчайся. В четырех милях впереди ты сможешь отдохнуть, я знаю большую реку, и из нее я принесу тебе воды. Хотя это будет позже, а тебя мучает жажда, но что еще я могу сделать?»

Будда ответил: «Нет, я хочу воды из *того* ручья. Ты напрасно потратил время; ты должен был принести воду».

«Но, – сказал Ананда, – вода грязная и мутная; гнилые листья плавают по ней. Как я могу принести ее?»

Будда ответил: «Пойди и принеси ее».

Когда Учитель говорит, то... Ананда пошел обратно неохотно, но был удивлен: за это время листья уплыли. Вода продолжала течь, и листья были унесены; пыль и ил осели – совсем немного осталось. Но Ананда понял сказанное; он сел на берегу ручья.

Вот что Будда имел в виду: «Иди назад». И, видя, что все изменилось... Если бы он просто подождал, вскоре там была бы кристально чистая вода.

Он подождал, и вскоре там была чистая вода. И он принес воды.

Будда сказал: «Ананда, ты понял, что я имел в виду?»

Ананда заплакал. Он ответил: «Да, я понял. В действительности, я не сказал тебе: когда я ходил первый раз и увидел всю эту картину – эти две повозки, запряженные буйволами, переезжающие через ручей как раз впереди меня, прямо передо мной, портящие весь ручей, – я вошел в ручей, чтобы дать ему отстояться от мути. И чем больше я пытался очистить его, тем более мутным он становился. Чем дальше я входил в ручей, тем больше поднималось мути, больше листьев».

«Видя, что невозможно очистить его от мути, я вернулся – я не рассказал этого тебе. Прости меня, я был глуп. Это не метод для очищения ручья от мути и возвращения его в естественное состояние. Я должен был просто ждать на берегу, я должен был просто наблюдать».

«Все случилось само собой. Листья уплыли вниз по течению, а муть осела. И, просто сидя и наблюдая за ручьем, я понял смысл твоих слов: этот ручей – поток моего ума, все гнилые мысли, прошедшие, мертвые, грязь, а я продолжаю пытаться очистить их. Прыжок в него делает его хуже, чем он был прежде, и создает пессимистическую позицию, что, “возможно, в этой жизни я не достигну того состояния, о котором говорил Будда, – состояния не-ума”».

«Но сегодня, когда я гляжу на этот поток, великая надежда просыпается во мне: возможно поток моего ума также очистится от мути тем же самым путем. И, просто сидя там, я получил маленький проблеск».

Будда сказал: «Меня не мучает жажда, это *тебя* мучает жажда. И ты был послан не принести мне воды, ты был послан понять некое откровение. В то время, когда мы шли, я видел те две запряженные волами повозки на вершине холма, и я знал,

когда они будут проходить, поэтому я послал тебя в нужное время принести воды».

Просто сидите рядом с потоком своего ума.

Ничего не делайте; от вас ничего не ждут.

Просто сохраняйте безмолвие, спокойствие, как будто это не ваше дело. И то, что происходит в вашем уме, происходит где-то.

Ум – это не *вы*; это кто-то другой.

Вы только наблюдатель.

И просто несколько мимолетных проблесков подготовят вас к тому, чтобы выбраться из пирамиды без какой-либо борьбы, без какого-либо усилия, без каких-либо занятий. Вы просто встаете и выходите.

Нет привидений, поэтому никто не собирается хватать вас за одежду и зонтик и тащить вас обратно.

Вы будете удивлены, услышав, что через несколько дней я рассказал все Бхаттачарье; он не поверил мне. Он сказал: «Вы больше не сможете обмануть меня».

Я ответил: «На этот раз вы были обмануты».

Он сказал: «Нет, я сам повстречался с призраком и видел, что все это значит». Он сказал: «Я знаю, что вы пытаетесь; вы пытаетесь организовать еще одну встречу».

«Я верю! Я не хочу сталкиваться с призраком; я столкнулся раз и навсегда. Я останусь верующим до последнего вздоха. Никто теперь не может убедить меня, вы убедили меня навсегда!»

Я пытался много раз, но чем больше я пытался, тем больше он говорил: «Чего вы от меня хотите? Сперва вы пытаетесь убедить меня, что есть привидение, есть Бог, есть то, есть это. Теперь вы пытаетесь убедить меня, что ничего нет».

Я сказал: «Я могу устроить другую встречу и все объяснить: как это было устроено, кто лежал внутри, как мы вытащили его, как вещи были брошены, как было стянуто ваше дхоти...»

Он ответил: «Я не хочу... Существует привидение или нет, я не хочу никаких встреч».

По прошествии двадцати лет он встретил меня на железнодорожной станции. Я просто смотрел на книжный киоск, и он тоже рассматривал его.

Я сказал: «Бхаттачарья, это так замечательно видеть вас! Вы все еще верите?»

Он ответил: «Не говорите ничего против религии. Я стал очень искренним верующим, но я должен сказать, что перестаю вам верить».

Я сказал: «Это конечно правильно, доверие ко мне исчезает, потому что я устроил все это. Но теперь вы так стары; по крайней мере, теперь вы должны попытаться понять, что все это была шутка».

Он ответил: «Не упоминайте вовсе то событие, потому что даже при воспоминании о нем все мое существо начинает трепетать. Та ночь преобразила все мое существо».

Я сказал: «Это называется преображением? Вы раньше были лучше! Это настоящий упадок».

Он ответил: «Как бы то ни было, я совершенно удовлетворен».

Люди продолжают верить во что угодно, что является утешением. Их призраки, их боги, их рай и ад – все это просто утешение. Их святые, праведники, мудрецы – все это утешение. Правдивому человеку необходимо мужество, чтобы выбраться из всей этой нелепой путаницы. И единственный путь выйти оттуда – это стать очевидцем своего собственного мыслительного процесса. И это легко, это самая легкая вещь в мире. Вы просто должны сделать это однажды; но вы никогда не пытаетесь, даже один раз, и вы продолжаете думать, что это самая трудная вещь.

Я тоже думал, что это очень трудная вещь, потому что все говорили мне об этом, об этом я читал в каждой книге, – что это такое великое, трудное явление; оно соединяет жизни вместе для того, чтобы человек вошел в состояние не-ума. Когда каждый говорит об этом и нет ни единого исключения, то очень естественно, что вы можете начать верить в это.

Но я немного эксцентричен. Моя логика не следует обычным курсом, она движется зигзагом. Коль скоро я убедился, что все говорят, что это трудно, все священные книги говорят, что это трудно... Мой разум действует по-другому.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, – возможно, никто и не пытался; в противном случае должны быть различные мнения. Кто-то будет говорить, что это трудно; кто-то будет говорить, что это более трудно, чем то; кто-то будет говорить, что это менее трудно, чем то. Не может быть, чтобы во всем мире была такая единодушная поддержка того, что это трудно.

Единственная возможность – это то, что никто и не пытался, но никто не хочет признаться в своем невежестве. Тогда наилучший курс – согласиться с коллективным общим мнением, что это трудно, очень трудно; это собирает жизни вместе.

Я отбросил эту идею, я сказал: «Это должно случиться в этой жизни; в противном случае я не дам этому случиться ни в

какой другой жизни, я буду бороться против этого. Или эта жизнь, или никогда». «Теперь или никогда» – стало моим постоянным подходом, и день, когда я решил: «Теперь или никогда», настал. Тогда я был просто поражен: до чего люди одурачены.

Простейшая вещь была сделана наиболее невозможной, – а эта простейшая вещь открывает дверь для третьей альтернативы.

Она изымает вас из пирамиды: вы больше не ум. И потом, только вы знаете, кто вы есть на самом деле. А знать это – значит достичь всего, что стоит достижения.

Второй вопрос.

Бхагаван,

Готова ли Америка получить Ваше откровение?

Никто никогда не готов получить такое откровение, как мое. Это не ошибка людей, это сама природа откровения.

Я говорю вам: «Будьте самими собой».

Это наиболее естественная вещь в мире.

Я говорю вам: «Будьте безмолвны».

Это не требует ни таланта, ни гениальности.

Я говорю вам: «Живите всецело данным моментом».

Это не требует квалификации.

Мое откровение очень просто, но природа откровения такова, что никто никогда не готов для него. Вы настроены против него.

Так что это не имеет ничего общего с Америкой. Все человечество в точно таком же положении – различные имена, различные ярлыки, но состояние то же самое. Все они захвачены паразитами. Эти паразиты – политики, эти паразиты – религии всех видов. Вы можете найти их любого размера, любой формы, любого цвета. Что бы вы ни предпочли, какой бы вид паразита вы ни захотели, чтобы сосал вас, все они имеются в наличии.

А те паразиты подготавливают вас против откровений, подобных моему, потому что или могу существовать я, может существовать мое откровение, или могут существовать эти паразиты. Мы не можем существовать вместе.

Когда Иисус появился, были ли евреи готовы для его

откровения? Если это то, что вы называете готовностью, тогда это хорошо, что Америка не готова для моего откровения, потому что мне совершенно неинтересно быть распятым.

У меня свой собственный стиль жизни, и я выберу свой собственный стиль смерти. Тот вид смерти, несение креста на своих собственных плечах, просто не устраивает меня. Это очень примитивно.

Готовы ли были индусы для откровения Будды? Куда исчезло это откровение? Индусы здесь, но учение Будды в Индии полностью исчезло. Индусы были гораздо более умными, чем евреи: они не распяли Гаутаму Будду. Это была их хитрость. Они знали, они были древней расой и совершенно хорошо знали, что распятие Будды сделает его демаркационной линией в истории. Распятие было бы наилучшей рекламой, возможной в то время. Не было других средств массовой информации.

А смерть была такой вещью, что когда вы убили кого-нибудь, то это значило, что вы боялись его учения, боялись его существования, боялись его пребывания здесь еще на годы. Так бояться – зачем, если вы правы? Должно быть, вы неправы.

Распятие Иисуса доказало, что евреи неправы, неправы навсегда. Прав ли был Иисус или нет, это полностью отдельный вопрос. Я знаю, что он был не прав, но евреи доказали его правоту распяв его. Это была их глупость, и они долго страдали за это. Они все еще страдают за это.

Как раз сегодня я узнал новость о том, что папа встретился с верховным раввином евреев, чтобы отпраздновать декларацию, которая была сделана в 1965 году Ватиканским Собором о том, что христиане не являются антисемитами, что христиане и евреи – братья.

Двадцать лет прошло с 1965 года, так что они отмечали двадцатилетнюю годовщину декларации о том, что евреи и христиане братья, что все евреи не в ответе за распятие Христа. Это предположение чего-то стоит.

Это значит, что до 1965 года все папы ошибались; это значит, что они ошибались на протяжении почти всей христианской истории, кроме этих двадцати лет. Двадцать веков против двадцати лет – все папы, которые были «непогрешимыми», все ошибались, потому что они все были антисемитами, они вели священные войны против евреев. И никогда до 1965 года не говорилось, что евреи и христиане братья, они были врагами.

Если христиане не антисемиты, то кто антисемит? Именно я! Я просто удивляюсь... Я не имею никакого отношения к

христианам, я не имею никакого отношения к евреям, — а один раввин объявил меня антисемитом. Я антисемит! А папа заявляет, что евреи и христиане — братья!

Но в эти двадцать веков, с тех пор как распяли Иисуса, ни один из высокопоставленных раввинов не заявил, что Иисус прав, — или хотя бы, что Иисус был в своем уме; а это длинный путь от мысли, что он был прав. В двадцатом веке не было авторитетного раввина, который сказал бы, что распятие его было ошибкой. Они все еще считают, что это было абсолютно правильным; он получил то, что заслужил.

Но почему в 1965 году папа вдруг стал таким любезным по отношению к врагам? Какая политика за всем этим? Политика ясна. Теперь проблема не между христианами и евреями: проблема между коммунизмом и капитализмом.

Полярности изменились, проблемы изменились. Сейчас бессмысленно бороться против евреев, потому что вы убивали бы людей своего собственного лагеря. Теперь бывшие враги могут стать друзьями, потому что бывшие друзья становятся врагами.

Россия была наиболее ортодоксальной христианской страной во всем мире. Ватикан — ничто перед Русской Православной Церковью. Россия была оплотом ортодоксального христианства. Россия стала коммунистической, и все христианство просто исчезло. Польша, Чехословакия, Югославия, Китай — постепенно страны становились коммунистическими.

Папа теперь говорит, что евреи и христиане братья. Я могу предсказать, что скоро он скажет, что индусы тоже братья, мусульмане тоже братья, буддисты тоже братья — все религии братья; нет необходимости бороться. Теперь проблема не между религиями. Нет больше вопроса — какая религия будет управлять миром; вопрос в том — коммунизм или антикоммунистические силы будут управлять миром.

Поэтому забудьте все об Иисусе; он распят, вы ничего не можете поделать с этим. И ради этого сына плотника, молодого хиппи, к чему беспокоиться?

По существу, это очень важно, что раввины и священники сделали совместное заявление. Эти раввины были теми, кто решил единодушно, что распятие будет. Но священники очень легко могут менять свои лица, и теперь они сделали это. Они имеют достаточно наглости, чтобы сказать, что все евреи не ответственны за это. Тогда вся верховная власть раввинов не представляет всех евреев? Тогда кто вы и на каком основании вы

делаете эти заявления, что мы братья — потому что не все евреи и христиане представлены?

Когда Иисус был единодушно распят всеми раввинами, даже ни один раввин не протестовал против этого; единственным человеком, который протестовал против этого, был Понтий Пилат, римский язычник, который не был ни христианином, ни иудеем, который вообще не верил в религию, который думал, что все это чепуха.

Это был единственный человек, который пытался спасти Иисуса — потому что на том не было преступления, он не сделал ничего. Может быть, он был немножко сумасшедшим, скандальным, может быть, говорил вещи, которые не надо было говорить, но он ничего не сделал, но он не нанес никому ущерба. И спасти его пытался только римский язычник, но ни один еврей не был готов к этому.

Теперь эти раввины имеют достаточно наглости, чтобы заявлять, что все евреи не ответственны за распятие Иисуса. Тогда ваша декларация — это тоже просто *ваша* декларация. Она не представляет всех евреев или всех христиан.

Но почему раввины, епископы и римский папа... Все священники; этот момент должен быть отмечен. Все они священники: их насущные интересы одни и те же. Иисус ни для кого не имеет значения. Раввины две тысячи лет назад убили Иисуса, потому что он разрушал их священство. Теперь евреи никоим образом не боятся Иисуса.

Христиане — зачем они должны нести без нужды старое недовольство? Глубоко внутри они понимают, что они сделали бы то же самое. Если бы Иисус вернулся снова и вдруг заявил в Ватикане: «Я вернулся, как и говорил вам прежде — рожденный сын Божий», — как вы думаете, что римский папа, и его епископы, и его кардиналы, и его комитеты, что они будут делать? Я не могу придумать ничего, кроме другого распятия.

Сейчас интересы христианских епископов и священников те же самые, что и у иудейских раввинов. Если они говорят правду, что они братья... Братья-паразиты! И вот почему Иисус не приходит.

Он обещал, а я думаю, что он человек своего слова; никогда не сомневался в истинности его намерения. Почему он не приходит? Он знает совершенно хорошо, что одного распятия достаточно. Он не такой идиот; он, может быть, сумасшедший. Но он не идиот. Он знает совершенно хорошо, что это будет даже

более болезненно – быть распятым своими собственными священниками.

Было некоторое утешение, по крайней мере, в то время, что священники не были его последователями. Он мог молиться Богу: «Прости им, ибо они не ведают, что творят». Если христианский папа, и епископы, и кардиналы распнут его, то у него не будет даже молитвы. Что он скажет Богу: «Прости им, потому что они знают, что творят?»

Священники всех религий раньше или позже приходят к компромиссу. Теперь нет антагонизма между буддистами, джайнами, индусами. Когда их основатели были живы, между ними была борьба; воевали целые страны. Теперь борьбы нет совсем.

Индусские ученые приходят для бесед в храмы джайнов, джайнские ученые идут для бесед в храмы индусов; во всем этом нет проблемы. А это были два лагеря врагов: они были готовы полностью уничтожить друг друга. Но как только появляется живой человек с новым откровением, так никто не готов, никто не подготовлен принять его.

Когда же человек ушел, то все готовы воспринять его откровение, уважать его, потому что мертвый мессия не может причинить вам вреда. Но живой мессия уничтожит вас полностью и создаст вас заново.

Беседа 25

РЕЛИГИЙ, КАК И БОЛЕЗНЕЙ, – МНОГО; ИСТИНА, КАК И ЗДОРОВЬЕ, – ОДНА

22 февраля 1985 года

Бхагаван,

Что такое религия и почему в мире так много религий? Возможно ли иметь одну религию для всего человечества?

Религия – это просто вид науки, но с одним отличием: наука спрашивает об объективной реальности – той, которая существует вне вас.

Наука исключает самих ученых. Она спрашивает обо всем, кроме самих спрашивающих.

Религия спрашивает о спрашивающих.

Это вопрос о внутреннем, субъективном.

Чрезвычайно удивительно, что ученые никогда не беспокоились о сознании, которое осуществляет все исследования, изобретения, открытия. Это кажется абсолютно абсурдным, что вы не обеспокоены наиболее существенной действительностью в мире, поскольку человек – единственный, кто обладает субъективностью, у кого есть внутренний мир.

Стул, стол – они существуют. Но они не знают, что они существуют, внутри них нет познающего. Они существуют для вас, не для себя. В них нет никого, они лишь только средства. Вы можете использовать их, плохо обращаться с ними, это не имеет значения, потому что нет никого внутри, кому можно было бы причинить боль, кто почувствовал бы себя плохо, кто мог бы отреагировать.

Человек – это единственное явление с глубокой внутренней сущностью. Все остальное – поверхностно. Все остальное – просто поверхность; за поверхностью нет ничего. Это просто как шелуха на луковице: вы снимаете один слой и находите другой слой; вы снимаете этот слой и находите еще один. Вы продолжаете снимать слой за слоем, и в конце ничего не остается у вас в руках. Вы можете продолжать снимать кожуру, в конце концов вы никого не найдете там.

И наука очень точна, очень логична; но ученый странным образом отстраняет себя от своих исследований. Он выносит себя

за скобки. Он – единственный источник, и он ни во что не включен из того, что делает. Он исполнитель, он свидетель, он искатель, но *он* не существует.

Ученый не верит в то, что он существует, по той простой причине, что он не может поставить себя как объект исследования перед собой. Как можете вы принять себя в качестве объекта исследований? Просто попробуйте.

Вы выпрыгиваете перед собой, но того, из кого вы выпрыгнули, больше нет, он выпрыгнул. И снова перед вами никого нет. Вы все время прыгаете... Ученый заключает, что вы не можете поставить себя перед собой, потому что вас нет. Если бы вы были просто как другие предметы – скалы, деревья, все существование, – вы были бы в состоянии поставить себя на стол. Но вся эта идея делает ученого выглядящим глупо.

Ученый все время думает, что он очень умный, очень понятливый, и, конечно, так оно и есть в том, что касается *вещей*. Но есть область, в которой он плохо разбирается. Он верит в вещи, а поскольку он – не вещь, то это очевидно доказывает, что его нет. Существуют только вещи, кроме вещей, нет ничего; и если вы показываете что-то, что не является вещью и все же существует, то он не поверит в это.

Сначала вы должны доказать вещественность. Но это невозможно – сознание не вещь. Что мы можем поделать? Но просто то, что это не вещь, не означает, что это не существует.

Один слепой человек был приведен к Гаутаме Будде; он был логик и очень одаренный человек. Многие ученые пытались доказать ему существование света; все они пытались, но напрасно. Он всегда побеждал – в каждой аргументации, в каждой дискуссии, в каждой дебатах. Он стал знаменитым.

Все знают, что свет есть, но это невозможно доказать слепому по той простой причине, что для слепого должны быть выполнены определенные условия, чтобы доказать ему существование чего-нибудь.

У него только четыре органа чувств вместо пяти, у него нет способности видеть. И нет способа доказать ему, что у него нет этой способности. Как вы можете доказать это? Вы не можете показать ему: «Другие люди имеют глаза, а ты нет». В этом истинная проблема – в том, что вы не можете показать ему; если бы вы могли показать ему, то не было бы проблемы. Он мог бы увидеть глаза других людей, так почему бы не увидеть и свет?

Итак, сначала он сказал: «Вы все пытаетесь доказать мне что-то, чего не существует. Глаз нет. А если существуют, то просто дайте мне понюхать их, я могу различать запахи. Дайте мне попробовать их на вкус, я могу различать вкус. У меня есть четыре чувства... И то же самое о свете. Все это просто ложь. Если свет существует, то ударьте по нему чем-нибудь, он зазвучит. Все, что существует, будет звучать, если по нему ударить чем-нибудь. Я не слышу звука. Или, по крайней мере, положите его в мои руки. Я могу чувствовать тяжелое ли это, шероховатое ли, гладкое ли».

Но как положить свет ему в руки? Как дать ему почувствовать его вкус? Какой у света вкус? Какой у света запах? Но вы не можете сказать, что он абсолютно не прав. Что он может сделать? У него нет глаз. Все, что у него есть, он готов использовать, а вы не в состоянии дать ему доказательство, которое он может оценить.

Подобная ситуация и с учеными, если не хуже. Ученый наблюдает, экспериментирует, но он не готов поверить в то, что в нем есть наблюдатель. Это нечто будет наблюдать за вами: «Как это возможно?»

Наблюдение – один из методов науки; конечно, наблюдатель необходим. Для наблюдения необходимы три вещи: наблюдаемое, объект; процесс наблюдения; и наблюдатель, от которого начинается процесс наблюдения. Наблюдение – это связь между объектом и наблюдателем; между познаваемым и познающим происходит процесс познания.

Ученый готов воспринять познаваемое, он готов воспринять знание; но он не готов воспринять познающего по той простой причине, что познающий сам не может быть сделан объектом познания – и он верит только в объективную реальность.

Если вы взглянете на это подобным образом, то наука будет выглядеть таким идиотским подходом, основанным на такой глупой идее; даже маленький ребенок может понять это. Но вы можете также понять затруднение. Ученый тоже чувствует это в моменты, когда он не полностью ученый, а немного и человек. Он может видеть суть; но эта проблема заключается в том, что если что-то *не наблюдается*, то его существование не доказано. Оно остается только предположительным.

Поле деятельности религии – это та область, которую наука постоянно отрицает: познать познающего, увидеть смотрящего,

почувствовать чувствующего, осознать сознание. Определенно, это гораздо более великое приключение, чем любая наука, потому что это происходит внутри самого ученого. Ученый может отправиться к истокам, может найти самую отдаленную границу объективной реальности, но он останется абсолютно несведущим относительно самого себя.

В Индии есть маленькие глиняные лампы, это не что иное, как маленькие чаши, сделанные из глины и наполненные маслом. В них есть простота и красота, но также и проблема. Из-за этой проблемы в Индии есть пословица: *Дийя тале андхера* – «Под лампой – темнота». Вот чашка, вот пламя в ней, оно распространяет повсюду свет, везде, но под самой лампой – темнота.

Странно, но это абсолютно точно в отношении ученого: он освещает все, но под собой, в себе – темнота, возможно, темнее, чем в ком-нибудь еще. Кажется, как если бы он освещал весь мир, а вся темнота, которую он изгнал из всех углов, сконцентрировалась в его собственном существе.

Вы спрашиваете меня, что такое религия?

Религия должна осветить тот темный внутренний мир, которого наука не может достигнуть, где наука не может даже надеяться что-нибудь найти.

Религия приходит в эту темноту и рассеивает ее.

Поэтому-то переживание религии называют просветлением.

В тот момент, когда темнота внутри вас исчезает, вы преобразуетесь, превращаетесь в новое существо. Вся ваша жизнь останется той же, но с некоторым отличием, а отличие таково, что действительно создает отличие.

Вы будете есть, когда голодны, вы будете спать, когда устали; но эти простые акты имеют совсем другое сопутствующее значение, другое качество, другую интенсивность, другую особенность. Вы будете спать, и все-таки вы бодрствуете. Вы будете потрясюще любящими, но вы никогда не влюбитесь, потому что влюбиться (по-английски, буквально, – упасть в любовь) несет в себе противоположность в терминах. В любви должны подниматься, не падать. Вы будете постоянно любящими, изливающими свою любовь – и не только на того, кто связан с вами.

Обычная любовь персонально ориентирована: вы любите свою мать, вы любите своего брата, вы любите свою жену, вы

любите своего сына. Любовь просветленного человека персонально не ориентирована; это просто его особенность, его аромат. Даже если мимо пройдет незнакомец, то и на него будет распространяться эта любовь, как и на всякого другого. Вне зависимости от того, воспринимает он ее или нет, это действует на него. Он может держать свои двери открытыми, он может оставаться твердым, неуязвимым, закрытым; но это его действие.

Человек, который знает себя, просто подобен вам.

Он другой, но только с одним отличием: Его дом освещен, а ваш дом темен.

У вас есть все возможности осветить его. Все есть, вы просто должны включить свет. Вы должны найти выключатель, что также не очень трудно – ведь это *ваш* дом.

Человек открывал миллионы звезд в своем прошлом, пытаясь даже разузнать о будущем, – и неспособен отыскать в себе маленький выключатель, который может сделать всю его жизнь потрясающим экстазом.

Религия – это поиск вашего внутреннего света, вашей внутренней сути.

Это такой же большой поиск, как и наука, но намного более глубокий, более высокий.

Религия – это высочайший поиск.

Это самое захватывающее приключение, в котором может участвовать человек.

И найденное – это безмерное сокровище из всего того, что является прекрасным, блаженным, мирным, вечным, бессмертным.

Это *ваше* царствие.

Я не назову это царствием Божьим. Кто этот парень, Бог? И какое отношение к вашему царствию имеет Бог? Это *ваше* царствие.

Иисус заставляет вас чувствовать себя бедняком, нищим. Вы блаженны – почему? Потому что вы унаследуете царствие Божье. Оно не ваше, оно чье-то еще; оно зависит от его милости. Так продолжайте молиться, умоляя господ: «Будь милостивым». Оставайтесь нищими. Иисус *делает* вас нищими, и почти все религии делают то же самое. Поэтому-то я и называю все эти религии псевдорелигиями. Это не истинные религии.

Истинная религия делает вас императором.

Это не значит, что вы унаследуете чье-то царство, – ведь все унаследованное может быть отнято. И будет соревнование: кто получает первым, кто получает больше, кто получает более высокое положение?

В последнюю ночь, когда Иисус уходил от своих учеников, ему был задан точно такой же вопрос; «Господь, ты теперь уходишь. Одна вещь осталась неустроенной, – а вы должны помнить, что все они были евреями; дело, в конце концов, есть дело. – Мы так долго следовали за тобой...» – а они следовали за ним именно ради наследования царства Божьего.

А вопрос вот в чем – их было двенадцать. Конечно, они принимают в расчет, что Иисус – сын Божий, так что он будет на правильной стороне, он будет вторым в царстве Божьем... – «но кто будет третьим? Ты должен выбрать для своих двенадцати учеников, кто какое положение будет занимать там».

Итак, если вы говорите в терминах царств, которые вы унаследуете, тогда все эти вопросы просты: «Кто унаследует больше?» И существует постоянный страх, что если вы делаете что-то неправильно, вы можете потерять это, так что продолжайте молить господ.

Это то, что во всем мире делают христиане, индусы, мусульмане. Очень странная ситуация... *все* они говорят: «Будь смиренным. Не желай страстно имущества, не будь привязанным к вещам; довольствуйся тем, что имеешь, тем, кто ты есть». Но почему все эти люди везде молятся? Утром, вечером, весь день напролет, миллионы людей молятся, тратятся миллионы часов. Для чего? Наследство.

Так много людей... Я как-то сказал своему отцу: «Я не хочу никакого наследства».

Он сказал: «Что?!»

Я ответил: «Разделенное между столькими людьми, оно становится почти ничем. Так много миллионов людей было раньше, так много миллионов людей существует теперь, и мир все еще не закончился; еще миллионы людей будут здесь. Только подумайте, простая арифметика: при стольких миллионах людей, какая доля царства будет *моим* наследством?»

Он сказал: «Ты никогда не перестанешь задавать безумные вопросы!»

Я ответил: «Это не безумный вопрос. Я сын бизнесмена, я просто спрашиваю – это просто бизнес. Если я собираюсь

посвящать столько часов в день... какая отдача будет от этого? Я не думаю, что Бог хотя бы узнает меня в такой толпе в судный день. Представляете себе эту толпу?»

«Я не думаю, что кто-нибудь будет беспокоиться о том, какие грехи я совершил и какие добродетельные дела я сделал. В такой толпе... и все должно быть решено в двадцать четыре часа – один судный день. Я не думаю, что будет какой-нибудь суд в этот день. И не только мужчины, столько же будет и женщин. Будет столько шума и болтовни, а встреча людей – так много жизней они не встречались... Вы просто представьте ситуацию!»

«И какой суд может быть в этот день? Кто-нибудь побеспокоится о Боге? Люди будут искать своих друзей и жен, и каждый должен иметь миллионы жен в миллионах жизней и миллионы детей. Я не думаю... – сказал я отцу. – ...Я абсолютно уверен, что в этот день в особенности не будет никакого суда. Кто будет слушать?»

Но все эти люди молятся, потому что псевдорелигии создали в вас нищих. А нищий никогда не может быть религиозным: только император может быть религиозным; поэтому я и говорю вам о том, что религия – это предельная роскошь.

Вы должны полностью отбросить мысль о том, чтобы быть бедняком и нищим; вы не бедны.

И царство не где-нибудь в будущем, в чьих-то там руках, так что вы должны умолять его, и массировать ему ноги, и умасливать его. Оно внутри вас; оно уже здесь. Просто немного поищите в себе... И это то, что и является религией: немного поискать внутри.

Но псевдорелигии продолжают насиловать вас точно так же, как это делает и наука. Наука, по крайней мере, объективна и приносит некоторые результаты, потому что она связана с вещами. Псевдорелигия – наихудшее из того, что может произойти. Это не религия, это не исследование внутри; это не наука, это не исследование в объективном существовании. Тогда что же это?

Это исследование чего-то, что находится внутри, но пытаются найти это снаружи; то, что находится внутри, ищется снаружи. Это и есть псевдорелигия.

Наука немного слепа в отношении самого ученого, но в отношении всего остального она имеет очень ясное восприятие.

Религия абсолютно восприимчива, потому что она – абсолютная осознанность.

Псевдорелигии нет нигде, – ни здесь, ни там. Она ни объективна, ни субъективна. Это жульничество, это обман людей. И псевдорелигия всегда боролась против науки и против истинной религии.

Как раз на днях в Афинах десять тысяч священников греческой православной церкви отправились с маршем протеста в столицу – кажется, двадцатый век никогда не придет – из-за того, что в учебнике греческих университетов упомянут Дарвин и его теория о том, что человек эволюционировал от животных. Против этого учебника, говоря, что он должен быть немедленно запрещен, эти епископы, и кардиналы, и высшие священники; все маршировали в черных мантиях – великий день оплакивания того, что этот глупец Чарльз Дарвин все еще остается в учебниках.

И они требовали, у них были плакаты со словами: «Все, что против Бога и Божьей церкви, не будет дозволено. Все, что против Бога, должно быть запрещено во всех общеобразовательных институтах, а Греция должна быть объявлена христианской страной».

Эти люди против Чарльза Дарвина. Нет проблем, любой может быть против Чарльза Дарвина. Но вашими действиями вы точно доказываете, что вы хотите изъять из учебников. Такое поведение не свойственно человеку. Если у вас есть мужество и интеллект, докажите, что Чарльз Дарвин ошибается.

Прошло так много лет, прошел почти целый век: за целый век все христианские мыслители, теологи, профессора – а их можно считать на миллионы – не смогли доказать, что этот один человек ошибается.

На каком основании вы хотите, чтобы эта теория была изъята из учебников? Просто, потому что вы так сказали? Просто, потому что она идет против теории христиан – вот в чем беда.

Бог создал мир за шесть дней, а Чарльз Дарвин говорит, что мир эволюционирует – вот в чем беда. Вы, должно быть, не поняли, в чем в точности заключается проблема. Их не беспокоит, что вы произошли от обезьян, это не имеет значения. Если Бог может сделать человека из грязи... Вот что значит слово

гуманный: из гумуса, грязи; слово Адам тоже означает «из грязи».

Если это не оскорбительно, что Бог создал человека на грязном ранчо... Вот почему это место называется «Ранчо Большая Грязь», ведь там произошло величайшее событие. Нет, это не оскорбление.

Бог создал женщину из ребра мужчины... Он не смог найти ничего другого? До чего замечательная идея – ребро мужчины! Итак, если это не оскорбление, тогда в чем проблема, если Чарльз Дарвин думает, что человек медленно эволюционировал из обезьяны? Обезьяны, кажется, должны быть намного лучше, чем грязь; по крайней мере, они живые, на самом деле *очень* живые... разумные существа. Что в этом неправильного? И если мужчина или женщина могут быть созданы из ребра... обезьяна, по крайней мере, имеет все органы, не только ребра. Нет, это не проблема.

Люди подумали, что эти священники, эти христиане против теории эволюции потому, что обезьяны – это оскорбительно. Нет, проблема в том, что Бог сотворил человека; сотворение и эволюция не могут идти вместе. Это противоположные слова.

Сотворение означает конечный продукт; в шесть дней Бог закончил мир. Он сделал последнее, окончательное прикосновение, и после этого он не беспокоился ни о чем. Это просто как с фабрики, со сборочного конвейера автомобиль сходит полностью законченным. Он не эволюционирует впоследствии – вырастают две руки, исчезает хвост, и странные вещи начинают происходить с ним, – нет, он *законченный* продукт.

Идея религий заключается в том, что Бог создал мир как законченный продукт. Теперь нет вопроса об эволюции: обезьяны были созданы им обезьянами, человек был создан им человеком, деревья были созданы им деревьями; и не было эволюции.

Нет прогресса, вещи статичны. Они там, где они всегда были. Нет движения. Фактически, если вы углубляетесь в это, время теряет все свое значение. Вашим часам нет необходимости все время бессмысленно тикать, потому что ничто не меняется; все является законченным продуктом.

Чарльз Дарвин ненамеренно... потому что он сам был ортодоксальным христианином, он не осознавал того, что он делает. Это случилось так, как если бы человек в бессознатель-

ном состоянии продолжал делать что-то, иногда даже против своей собственной философии, своей собственной религии. Он не осознавал, что он делает что-то против Бога. Он был очень богобоязненным человеком. Он не думал, что идея эволюции идет против Бога. Но она против.

Она подразумевает, что никогда не было никакого сотворения. Вещи никогда не существовали как законченный продукт, они всегда эволюционировали. Эволюция – это непрерывный, постоянно идущий, вечный процесс. Мы не достигли конца. Никогда не было никакого начала, никогда не будет никакого конца. Это эволюция – постоянное развитие, непрерывность. Это создает трудности, она перечеркивает всю идею сотворения.

Итак, эти псевдорелигии боролись против науки. Все, что идет против их священных писаний, должно быть запрещено. Все, что становится выше, что становится более гуманным, более разумным, должно быть подавлено.

Приблизительно двадцать лет назад в Америке прекратили молитвы в школах и других образовательных учреждениях, потому что демократическому правительству не следует поддерживать какую-либо веру. Если вы поддерживаете какую-либо веру, то чью веру вы собираетесь поддерживать? При демократии это, естественно, будет вера большинства, но тогда кто будет защищать права меньшинства?

Если христиане в большинстве, страна является христианской; тогда кто будет заботиться о евреях, мусульманах, индусах, буддистах – о меньшинствах? Их детей будут заставлять творить христианские молитвы, читать христианские священные книги, ходить в христианские церковные школы, держать экзамены в них. И все это против них.

Это просто против индивидуальной свободы, это не демократично. Итак, это был огромный шаг, когда молящиеся были распущены, остановлены. Но христиане страстно желали – и теперь у них есть президент, такой же фанатичный, как и любой обычный христианин. Теперь он поддерживает закон, по которому принудительно вводится одна минута молчания во всех общественных образовательных учреждениях: школах, колледжах, университетах.

На первый взгляд здесь, кажется, нет проблемы. Молчание, в общем-то, различно; одна минута молчания – она ни еврейская, ни христианская, ни индуистская, но тогда вы слишком глупы.

Стратегия состоит в том, что христианские священники говорят детям в их религиозных братствах: «Используйте эту одну минуту для христианской молитвы. Оставайтесь молчащими, а внутри повторяйте по памяти молитву». Теперь молитву приводят через заднюю дверь. Вот как работают политики!

Первым делом Рональд Рейган должен доказать, что он сам может оставаться молчащим в течение одной минуты. И теперь есть приборы, так что это не проблема проверить, молчите вы или нет. Это совсем как кардиограмма: к вашему лбу прикрепляются провода и прибор начинает рисовать график — думаете вы или нет. Если вы думаете, тогда на графике будут длинные зубцы, маленькие зубцы, большие зубцы. Если вы не думаете, тогда на графике будет гармоничная плавная кривая.

Теперь это так просто определить, думает молчащий человек или нет. Просто держать рот закрытым теперь недостаточно.

Сперва Рональд Рейган должен доказать, что он может оставаться молчащим в течение одной минуты. Но никто не просит его. Двадцать один штат в Америке уже принял закон о том, что одна минута молчания во всех общественных учебных заведениях обязательна; просто намек президента, и все они готовы. А священники делают свою работу, говоря: «Используйте эту одну минуту», — так возвращается молитва.

Эти псевдорелигии развращают человеческий разум любым способом. Они дали вам ненаучные идеи, антинаучные идеи. Они также дали вам ортодоксальные, старые, мертвые, устаревшие идеологии, которые не дают вам стать современными.

И наиболее вредно из того, что они делают, это то, что они не дают вам разобраться, что же такое религия, потому что, прежде чем вы найдете, что такое религия, вы уже — христиане, индусы, мусульмане. Ребенок не имеет шанса исследовать, сомневаться, спрашивать.

Когда ребенок так податлив, что вы можете выгравировать на нем что угодно, тогда вы и гравируете. А позже, когда он становится тверже... эта гравировка остается с ним на всю жизнь. Трудно изгладить ее, очень трудно освободиться от нее; она становится почти частью его костей и мозга.

Вы спрашиваете меня, почему так много религий. Религий существует так же много, как много существует болезней. Существует только один вид здоровья, вам не нужны к нему прилагательные. Если кто-нибудь спрашивает: «Как ваше здо-

ровье?» — вы отвечаете: «Я совершенно здоров». Он не спрашивает вас: «Какого вида ваше здоровье?» Если вас спросят: «Какого вида ваше здоровье?» — вы будете удивлены. Вы ответите: «Просто здоров! Здоровье — это просто здоровье, чувство здоровья, ощущение, что все как надо, что все идет спокойно, что я счастлив, что я не могу подумать, что может быть лучше, чем есть».

Много ли существует видов здоровья? Нет, существует только один вид: здоровье. Но болезней — миллионы.

То же самое относится и к истине: истина одна. Но существуют миллионы видов лжи, потому что ложь зависит от вас; вы можете продолжать выдумывать их столько, сколько хотите. Болезни зависят от вас. Вы можете продолжать жить неправильно, неправильно питаться, делать неправильные вещи, и вы можете все время создавать новые болезни.

То же самое и со здоровьем — всегда новое, но оно всегда было тем же самым. Вы можете называть его самым древним и в то же время самым последним, самым новым.

Пять тысяч лет назад кто-то был здоров, и теперь вы здоровы; вы думаете здесь будет какая-то разница? Он был не вашего цвета, он не знал вашего языка, и прошли пять тысяч лет; но если кто-то был здоров, неважно, кто он был, на каком бы языке он ни говорил, какого бы цвета он ни был, мужчина или женщина, молодой или старый, если он был здоров, тогда вы знаете, по крайней мере, о нем одно — он был *здоров*.

Это чувство здоровья вы можете испытать. Вам ничего не надо знать об этом человеке, хорош ли он собой, уродлив ли, низок ли, высок ли — не имеет значения; одна вещь похожа: он здоров и вы здоровы. Лишь это одно одинаково.

Но болезни... каждый день продолжают появляться новые болезни. Существуют миллионы болезней, и будет намного больше, так как человек становится все более изобретательным.

Вы никогда не пойдете к доктору, если чувствуете себя здоровым, не пойдете, говоря: «Вот уже две недели я чувствую себя здоровым, должно быть, что-то не так?»

Фактически, в древнем Китае была лишь одна вещь заслуживающая упоминания; возможно, через некоторое время в будущем она может быть использована снова. Конфуций оказал на Китай наибольшее влияние. Одна из его идей была... и она была осуществлена, на века она осталась действующей. Идея

была вот в чем: доктору должны платить за сохранение пациента здоровым, не за исцеление его. Если доктору платят за ваше исцеление, тогда его естественный интерес в том, чтобы вы оставались больны. Чем сильнее вы больны, тем лучше; чем больше людей больны, тем лучше. Вы создаете дихотомию в разуме целителя.

Сначала вы учите врача тому, что его работа – сохранять людям здоровье: «Ваша задача продлевать их жизнь, энергию, молодость». Но если насущный интерес врача будет в том, чтобы все оставались здоровыми, молодыми, никто не болел, тогда он умрет с голоду. Если все здоровы, тогда доктора будут больны, совершенно больны, больны смертельно. Что же им делать?

Нет, насущный интерес врача идет против философии, которой он был обучен. Его интерес в том, чтобы люди оставались больными, чем больше заболеваний, тем лучше. Отсюда вы поймете одну странную вещь: если бедный человек заболит, то ему станет лучше скорее, чем богатому человеку. Странно... почему бедному человеку станет лучше скорее? Да потому что доктор хочет избавиться от него, ему не нужно тратить напрасно время. У бедного человека нет денег; напротив, он просит у доктора немного денег на лекарства.

Если доктор прописывает фрукты, молоко, то и это, бедный человек говорит: «Тогда дайте мне немного денег. Когда у меня будут деньги, я верну их». А доктор знает, что он не сможет вернуть их. Итак, дайте ему лекарства, дайте ему фрукты – лучше вылечить его поскорее.

Но если заболевает более богатый человек, тогда все становится очень длительным. Возможно, доктор молится Богу: «Сохрани его больным». Возможно, он разбавляет лекарства; и в странах, подобных Индии, вам не надо ничего делать, потому что никто не знает, что есть в пакете. Вы делаете инъекции, а это просто чистая вода. Таким образом, фармакологи чрезвычайно полезны в сохранении людей больными.

Идея Конфуция чрезвычайно важна; он говорит, что каждый должен платить доктору ежемесячную плату за сохранение своего здоровья. Если человек остается здоровым весь месяц, тогда он платит определенное количество денег доктору. Если он заболевает, тогда плата соответственно уменьшается.

Очень странно вначале, потому что по всему миру мы делаем прямо противоположное, – но очень логично, очень

здорово. И Конфуций во многих отношениях – здравомыслящий человек. У каждого должен быть свой врач, и каждый должен платить врачу за сохранение своего здоровья, не за излечение. Если он заболевает, тогда расходы несет доктор – лекарства и все затраты, и его заработная плата будет также уменьшена, потому что он не заботился о человеке.

Это продолжалось столетия. И это работало хорошо, потрясая хорошо для обоих; для врачей, для пациентов, для обоих работало хорошо. Доктора не были так тяжело обременены. И пациенты были совершенно счастливы, потому что насущный интерес доктора не был направлен против них, он был в их пользу.

Итак, доктор не был заинтересован в том, чтобы они так или иначе заболели и зависели от лекарств. Он прописывал больше упражнений – прогулки, плавание, спорт, – так они и оставались здоровыми. И столетия, пока оставалось влияние Конфуция, Китай был, должно быть, самой здоровой страной в мире.

Точно такая же ситуация и с псевдорелигиями. Псевдорелигии хотят, чтобы вы были духовно больны. Они не хотят, чтобы вы были полны света, они хотят, чтобы вы были заполнены тьмой, грустью, болью; в этом их насущный интерес.

Если люди действительно счастливы и радостны, тогда церкви будут пусты, синагоги исчезнут. Кто будет платить всем этим раввинам и всем этим епископам? За что? Кто собирается слушать их глупые советы?

Псевдорелигии живы только потому, что вы не осведомлены в подлинной религии. Следовательно, если где-то появляется кто-то с подлинной идеей религии, то немедленно все псевдорелигии выступают против него. Это должно быть взято как указатель. Иудей может быть против христианина, христианин может быть против иудея, мусульманин может быть против индуса; это нормально, это просто лавочники борются между собой, конкуренты борются между собой.

Но вы не найдете, чтобы все эти так называемые религии были против одного человека. А если вы где-то найдете это, то будьте немного настороже и внимательны: этот один человек должен иметь нечто такое, что больно задевает все псевдорелигии одинаковым образом. Он больно задевает их ложную сущность. И теперь это больше не вопрос христиан, индусов или мусульман; имеется лишь один вопрос.

Кто-то сказал: «В Америке правительственные источники полагают, что вы засланы сюда Советским Союзом». А в Советском Союзе мои книги запрещены! У меня есть несколько санньясинов оттуда, конечно подпольно, но они встречаются, а одна женщина была поймана, потому что она была курьером, перевозившим книги, журналы и другие вещи. И они изводили ее всеми возможными способами.

Они хотели, чтобы она призналась, что я американский агент, готовящий людей и засылающий их в коммунистические страны для саботажа. Она сказала: «Но это абсолютно абсурдно!» Она сообщила мне: «Это странно. В Америке думают, что вы из Советского Союза, а в Советском Союзе люди думают, что вы американский агент!»

Я ответил: «Это не ново. То же самое случилось и в Индии: индусы были против меня, джайны были против меня, буддисты были против меня, мусульмане были против меня, христиане были против меня, парсы были против меня. Все это религии, которые против меня».

И меня много раз спрашивали: «Можно понять, что одна религия против вас, но все религии?»

Затем и коммунистическая партия присоединилась к ним. Коммунистическая партия опубликовала книгу против меня. Тогда это было действительно весело: люди, которые верят в Бога, они против меня; люди, которые не верят в Бога, и они против меня; материалисты против меня, идеалисты против меня. Идеалисты думают, что я материалист; материалисты думают, что я идеалист. И никто не спрашивает меня, кто я на самом деле. Они решают сами, но все они против меня.

Но в одном пункте они согласны: если я должен быть уничтожен, то все они будут вместе. Не будет ни различий, ни теологических проблем, ни старинных раздоров и борьбы, ничего. Они все будут согласны, что этот человек должен быть уничтожен по той простой причине, что я не выступаю против какого-либо единственного принципа, я выступаю против коренной причины: ложной сущности религий.

А почему была вовлечена в это коммунистическая партия? Потому что я сказал, что коммунизм – это материалистическая псевдорелигия, как и фашизм был псевдорелигией.

Теперь последователи Адольфа Гитлера говорят, что он был перевоплощением пророка Илии. И я получил от них письма,

говорящие: «Вы не должны высказываться против Адольфа Гитлера, потому что это задевает наши религиозные чувства».

Я сказал: «Мой Бог, невозможно выступать даже против Адольфа Гитлера!» Я никогда не думал, даже в самых сумасшедших моих идеях я никогда не думал, что это будет задевать религиозные чувства людей. Политические чувства я мог бы понять, но нет политических чувств, существуют только политические идеи.

Да, если я говорю против Иисуса, чьи-то религиозные чувства могут быть задеты. Но вот письмо от президента Американской Нацистской партии и его угроза: «Вы должны прекратить высказывания против Адольфа Гитлера, потому что это не имеет ничего общего с политикой, это наши религиозные чувства».

Адольф Гитлер – религиозный лидер... Если бы эти люди победили, то вы можете себе представить: Адольф Гитлер, Бенито Муссолини – эти люди были бы выставлены в церквях, синагогах, в храмах. Кришна, и Иисус, и Будда были бы выброшены прочь, и вы поклонялись бы этим людям.

И это не притянута за волосы. Это случилось в России. Россия была одной из наиболее ортодоксальных христианских стран. Что случилось после революции? Теперь поклоняются могиле Ленина, а пока Сталин был жив, поклонялись его статуям, его портретам. Книга Карла Маркса *Капитал* стала священной книгой коммунистов. И с *Капиталом* случилось то же самое несчастье, какое случается со всякой священной книгой: ее никто не читает.

Стать священной книгой – это самое большое несчастье, какое может произойти с любой книгой, потому что тогда никто не читает ее. Она слишком священна, чтобы ее читать; просто поклоняться ей, положить несколько цветов на нее.

Маленького мальчика спросили в школе: «Можешь ли ты рассказать нам, что такое Библия?» – потому что несколько дней учитель объяснял, что такое Библия.

Мальчик встал и сказал: «Да, я могу рассказать вам. В моей Библии сестра хранит свои любовные письма, а мама хранит локоны волос моего папы».

Учитель спросил: «Твой папа умер?»

Мальчик ответил: «Мой папа не умер, но у него выпали волосы, это просто память. Она хранит волосы, которые были у

него. А мой папа хранит там билеты в кино, на скачки, лотерейные билеты – в моей Библии так много вещей*. В ней нет Иисуса, в ней нет Моисея. Вот значительные вещи, находящиеся в ней.

Священная книга в конце концов достигает этого состояния. Чем святее она становится, тем меньше ее читают.

Эти книги я, по крайней мере, прочитал, потому что для меня они не святы, это просто книги, подобные всякой другой, – они плохо написаны, не великие шедевры. Невозможно даже и сравнивать их со Львом Толстым, или Достоевским, или Чеховым, или Горьким – естественно, потому что Лука и Марк, эти бедные парни, что они могут сделать, чтобы стать Достоевским, Толстым? Это невозможно. Фактически, все, что они сделали, восхитительно; неграмотные, бедные, ничего не знающие – по крайней мере, они собрали все, что говорил Иисус.

И что мог Иисус сказать именно в тех четырех Евангелиях? И те четыре Евангелия могут быть сжаты, потому что все они повторяются, все четыре: четыре версии той же самой личности, четыре журналиста передают одну речь. Каждое немного отличается, но это та же самая вещь.

Вся Библия может быть сжата в маленькую открытку, все, что существенно, может быть написано на открытке. И даже тогда эти существенные вещи не подлинны, они все заимствованы. Иисус цитирует; они все в кавычках. Он цитирует старых пророков, а те старые пророки цитируют других старых пророков. Это очень странная история... Кто тот парень, который начал всю эту чепуху? Его очень трудно найти; они все цитируют.

Библия не очень стара, но в Индии есть очень древние книги; они также все цитируют. Даже *Риг Веда*, которой, как полагают, по крайней мере пять тысяч лет... даже согласно христианским теологам, весь интерес которых заключается в том, чтобы приблизить время ее создания как можно ближе к настоящему времени, потому что у них есть одна проблема. Эта проблема состоит в том, что Библия говорит, что Бог создал мир за четыре тысячи четыре года до рождения Иисуса. Если есть книга, которая старше, то это создаст трудности. Итак, весь интерес христианских теологов – снизить ее возраст; но они не могут сделать больше, чем это.

Действительно, согласно индусским астрологам – и это, кажется, должно быть очень научное наблюдение – *Риг Веда*

описывает расположение звезд, которое было девятью тысяч лет назад. Относительно этого западная астрономия согласна: то расположение звезд, то конкретное расположение, было девятью тысяч лет назад. А оно описано так точно, что невозможно, чтобы книга, написанная пять тысяч лет назад, могла описать что-то, что произошло за восемьдесят пять тысяч лет до этого. Нет способа описать это, и с такой точностью. Просто по памяти от поколения к поколению было передано это... но тогда мир тоже должен существовать задолго до четырех тысяч лет до рождения Иисуса.

Это делает возраст мира равным только шести тысячам лет. В Индии есть города, которым, согласно западным ученым, семь тысяч лет. И если города были там, а города такие, что вы не в состоянии поверить!.. И, глядя на сегодняшнюю Индию, это становится даже более невероятным.

Я побывал в Моханджодро и Харрапуре; оба теперь в Пакистане. Кажется, что Моханджодро должен был быть великим городом своего времени; семь раз его разрушали стихийные бедствия, но как именно, до сих пор не решено. Но люди были действительно отважны; они создавали его снова, и снова, и снова.

Город существует в семи слоях. Когда был найден первый слой, думали, что это все, что есть, что это весь город. И просто случайно, пока копали первый слой города, нашли, что кажется должен быть также и другой слой, на семь метров ниже. Семь метров грязи покрывали предшествующий город; должно было произойти ужасное наводнение, чтобы принести так много ила, что весь город был покрыт им. В Моханджодро вскоре были найдены семь слоев. Сейчас подошли к последнему слою; теперь уже нет другого уровня. Каждый раз там было наводнение. Никогда не узнают, как много тысяч лет потребовалось для того, чтобы город был семь раз разрушен и восстановлен заново.

Прекрасно видно, что дороги были больше, чем в современном Бомбее, намного шире. Город не был просто примитивным видом города. Дома были с ваннами, которых нет в сегодняшней Индии, по крайней мере в девятью восемью процентах домов.

Ванные комнаты – современное явление. Даже всего лишь две сотни лет назад в Европе не было ванных комнат; отхожие места были действительно отхожими местами. И когда впервые в Америке сотню лет назад были сделаны первые ванные, был

такой шум! Это было против религии, иметь ванную в доме, отхожее место внутри дома – это был грех.

Это обсуждалось в парламенте. С громадным трудом Верховный Суд решил, что если кто-то хочет иметь ванную в *своем* доме, то он это может; если он хочет ванную в доме, то это никого не касается. Если вы не хотите идти в его дом, не ходите. Но это его личная свобода.

За сотню лет мы далеко ушли. Последняя разработка из Скандинавии – комната в ванной комнате. Мне понравилась эта идея. Почему пристроенная ванная комната? Ванная больше, комната внутри *нее*. Это должно быть и в нашей коммуне в первую очередь. Это войдет в историю, и, возможно, снова будут трудности в парламенте: «Эти люди делают теперь слишком много – помещают свою комнату и рабочий кабинет в ванной!»

Но в Моханджодро имеются ванные комнаты, подземные канализационные системы, трубопроводы – не металлические, а сделанные из глины, – трубопроводы, подводящие воду в ванные, горячую воду и холодную; плавательные бассейны, и по крайней мере трехэтажные здания... семь тысяч лет назад.

Эта культура должна была быть на земле по крайней мере в течение двух – трех тысяч лет; иначе, как могли разработать все эти вещи?

Все эти священные книги я прочел. Одна вещь одинаково ясна в *каждой* священной книге: она ложна, она не основана на подлинном переживании; это действительно стратегия держать людей в невежестве относительно подлинного переживания, потому что если подлинное переживание становится достоянием людей, все духовенство теряет свой ореол, свою власть, свое положение. А духовенство – одна из крупнейших профессий в мире, наиболее уважаемая профессия и, возможно, старейшая профессия.

Люди говорят, что проституция является старейшей профессией. Я так не думаю, потому что как без священника вы можете быть проституткой? Кто будет называть ее проституткой? Кто будет осуждать ее как проститутку? Священник нужен прежде проститутки. Фактически, проститутка является продуктом духовенства. Священник должен осуждать секс, должен осуждать любую внебрачную связь, должен осуждать добрачные связи. *Все это* необходимо, чтобы создать проституцию, – он должен осуждать проституцию.

Духовенство кажется старейшей эксплуататорской профессией, и, определенно, намного худшей, чем проституция, ведь проститутка, по крайней мере, предлагает вам что-то. И я не думаю, что она абсолютно бесполезна. Возможно, из-за проституции большинство ваших браков стабильно; она спасает ваши браки.

Жены не беспокоятся, если муж ходит к проститутке, потому что это только сексуальная связь, нет проблемы. Он приобретает определенный товар, вот и все. Но если муж ходит к другой женщине, которая не проститутка и которая не может быть куплена, тогда жена пугается, тогда она выходит из себя, покрывается пятнами. Тогда есть опасность.

Проститутка никогда не конкурент, она не будет думать как конкурент. И эта бедная женщина спасает ваши браки, предотвращает много изнасилований, случающихся в обществе, потому что те люди, для которых она достижима, если бы она была не достижима, искали бы другую женщину. Они не станут просто сидеть тихо, ничего не делать, и пусть трава вырастет сама. Для них трава вовсе не растет; так можно просидеть вечность.

Проститутка спасает многих женщин от изнасилования. И эта бедная женщина приведена в такое положение всем вашим обществом и осуждена. Вы привели ее в это положение. Ни одно общество не разрешило женщине экономическую свободу; ни одно общество не разрешило женщине образование, культуру, равенство с мужчиной. Вы не оставили ей ничего; кроме своего тела, ей нечего продать.

И за это положение священник несет наибольшую ответственность. Если кто и отправится к черту, то это священник, а не проститутка, потому что это *он* вызывает все эти вещи.

Все святые писания и все священники делают одну вещь, просто одну вещь: пытаются спрятать подлинную религию, которая прорывается, несмотря на все их усилия. Но они продолжают прятать ее.

Они делают две вещи, чтобы спрятать ее. Во-первых, они борются с ней. Они пытаются распять ее, они пытаются убить ее.

Я видел кепки и свитеры с изображением моей головы на них, голова перечеркнута. Они были распроданы – должно быть, в миллионах экземплярах, ведь их сделали в Гонконге, в Тайбее. Когда Гонконг и Тайбей или Корея производят что-либо, они производят это миллионами, никак не меньше. Они не могут

поместить меня на крест, это было бы слишком грубо и отталкивающе, но желание есть. Это желание просматривается в тех картинках, плакатах; мысль та же.

Первое – это уничтожить человека любым возможным способом. Это то, что они делают здесь. Они говорят, что этот город противозаконен, потому что он смешивает религию и государство. Теперь они принимают закон в законодательном собрании штата о том, что наша школа не должна получать никаких субсидий от правительства, потому что, они говорят, это религиозная школа. Все христианские школы получают субсидии; все учителя – христиане, все учащиеся – христиане, и нет проблемы.

Наши школы вовсе не учат религии, потому что мы не обретаем никакой религии таким путем. Наши учителя даже не носят малу в школе, когда они идут учить.

Я видел фильм о Верховном Суде Америки и о том, как он постепенно дрейфует, все в большей и большей степени защищая правительство, чем человека. А причина, почему они так делают, в том, что в Америке... Верховный Суд состоит из девяти судей; они назначаются президентом, и это пожизненное назначение. Это условие было сделано таким, чтобы никто не мог оказывать на них давление. Если однажды судья назначен, то он назначен на всю свою жизнь; поэтому вы не можете оказывать на него давление. Какое давление вы можете оказывать на него?

Вы не можете выгнать его с работы. Нет более высокого поста, на который вы можете помешать ему продвигаться, и вы не можете понизить его в должности. Ему ничего нельзя сделать, вот почему возникла эта идея. Но они забыли одну вещь: этот замечательный день, когда президент должен назначать судью. И по случайному стечению обстоятельств пятеро из девяти судей уходят в отставку в этом году; срок их службы закончился.

Теперь у Рональда Рейгана есть власть назначить пятерых из девяти судей Верховного Суда: пятеро будут его людьми. Это отнимает всю независимость и славу Верховного Суда. Теперь они танцуют под дудку Рональда Рейгана. Поскольку он хотел, чтобы эта одна минута молчания была введена, суд не смог отклонить это, несмотря на то, что тот же самый суд за двадцать лет до этого запретил молитву, которая продолжалась два столетия.

Этот фильм носит исследовательский характер; он вертится вокруг проблемы, исследует учителей, директоров школ... И я был удивлен, что открыто, в средствах массовой информации, учителя заявляют... одна женщина-учитель заявила: «Я двадцать четыре часа в сутки христианка, даже когда я учу, я христианка. И я буду продолжать учить моим убеждениям. И христианство не религия, это способ жизни».

Если христианство – способ жизни, тогда все религии – способы жизни. В чем проблема? И если христианин может сказать: «Я двадцать четыре часа в сутки христианин, тогда почему еврей не должен быть двадцать четыре часа в сутки евреем? А что касается моих людей, они работают по крайней мере вдвое больше, чем другие. Они сорок восемь часов в сутки раджнишисты; в двадцать четыре часа они делают сорокавосемичасовую работу.

И это не только способ жизни, это также и способ смерти, потому что мы имеем свой стиль в жизни, мы имеем свой стиль в смерти. Но мы не учим никакой религии, потому что у нас нет никаких убеждений. А эта женщина говорит открыто, что она будет продолжать, что бы ни решало правительство или Верховный Суд, она будет продолжать учить своим убеждениям.

Эти школы будут все время получать субсидии от правительства, и все школы, почти все, в таком же положении. Но закон против только нашей школы, одной единственной школы, одной маленькой школы.

Они прежде всего будут стараться уничтожить нас всеми возможными способами.

Когда я приехал сюда в первый раз, я видел каждый пятнадцатый день месяца, что дорогу, принадлежащую округу, ремонтируют. Но в последние два года они прекратили делать ремонт этой дороги, потому что этой дорогой пользуются наши люди, таким образом: «Пусть они терпят, сколько смогут».

Первое усилие псевдорелигий будет – уничтожить. И когда они преуспели в убийстве человека или некоторым образом в камуфлировании его откровения, тогда вторая вещь – восхвалять его, сделать из его учений великую религию. Это покажется вам очень противоречивым, но так они работают.

Убить подлинного человека, подлинное откровение, а затем извратить все, что он сказал; наложить на это комментарии,

сделать из этого великую теологию так, чтобы все, что он сказал, потерялось в суматохе; сделать из этого религию.

Опять новая работа для новых священников – они не пропустят этого момента. Иисуса распинают, а папу радушно приветствуют. На самом деле они должны распинать каждого папу, просто чтобы доказать, что именно они последователи Иисуса, его представители. Что-то должно быть сделано. Если вы не хотите распять полностью, просто отрежьте чью-нибудь голову, чьи-нибудь руки, чьи-нибудь ноги, но делайте что-нибудь, чтобы доказать, что этот человек представляет Иисуса, который был распят... представляет его, по крайней мере, частично.

Но их радушно принимают. Когда последний папа приехал в Индию, то это была проблема. Президент Индии приехал в Бомбей встречать его – доктор Радхакришнан был президентом. После, в Дели, я спросил его: «Вы никогда не ездили встречать шанкарачарью, вы никогда не ездили встречать главу джайнов или буддистов. Вы индус, и вы последователь шанкарачарьи Южной Индии. Вы никогда не ездили в аэропорт Дели, чтобы встречать его, когда он приезжал в Дели. Почему же вы едете встречать папу?»

Он ответил: «Это политика».

Я сказал: «Тогда, если вы прямой человек, отрекитесь от этой политики и публично разоблачите ее». Папу должен встречать президент, потому что папа контролирует шестьсот миллионов католиков во всем мире, – и страны, которые он контролирует, – богатейшие в мире. «Итак, это не папа, кого вы едете встречать. Вы не пошли бы встречать Иисуса, вы были бы одним из тех, кто распял Иисуса. Его представитель встречен, радушно принят, а вам даже не стыдно».

Но именно это происходит во всем мире: везде, куда приезжает папа, – торжественная встреча, встреча на красном ковре. Иисусу не устроили и единственной торжественной встречи. Даже маленького красного коврика не расстелили. Единственным приветствием было то, что он должен был сам нести свой крест, а он не был сильным человеком, и крест был по-настоящему большим и тяжелым. Он три раза падал на пути, но они не разрешили никому поддерживать его. Его хлестали бичами и говорили: «Поднимайся! Вот твое учение. Ты говорил

людям, что каждый должен сам нести свой крест, теперь неси его».

Таким было приветствие, которое он получил.

Стоило Иисусу умереть, как открыли новое предприятие. На его смерти начали новую религию, новый источник занятости для духовенства; и действительно, это обернулось большим бизнесом. Насколько я знаю, евреи все еще обижаются; они упустили величайшую благоприятную возможность. Это был их собственный парень, кто учредил всю эту фирму, а другие пожинают плоды! Они упустили свой шанс.

Итак, сначала псевдорелигии убьют действительно религиозного человека, источник. А затем духовенство соберется вокруг и создаст еще одну псевдорелигию. Вот почему псевдорелигий продолжает становиться больше, и больше, и больше; их уже три сотни на земле.

А вы спрашиваете меня, возможно ли иметь одну религию для всего человечества? Это невозможно и не нужно, потому что идея монополии всегда присутствовала.

Мусульмане пытаются сделать весь мир мусульманским, так чтобы была одна религия. Христиане пытаются обратить весь мир в христианство, так, чтобы была только одна религия. Все эти люди пытаются иметь одну религию для всего человечества.

Нет, даже поддержать эту идею опасно, потому что это просто означает истреблять других. Но кто мы? Если кто-то хочет оставить индуизм, или ислам, или христианство, тогда это его выбор. И никому до этого нет дела. Религия – это частное дело, личное дело. Вам нравится определенный цветок, а мне он не нравится, но это не значит, что мы враги.

Нет необходимости, чтобы была только одна религия.

Но может быть одна религиозность.

Люди могут принадлежать к различным видам религий, но, тем не менее, они могут нести одно и то же качество религиозности. Тогда нет проблем с тем, идут ли они в церковь, или в синагогу, или в храм, или никуда. Они могут никуда не ходить, собственный их дом – храм.

Это возможно – не только возможно, это должно быть сделано фактически существующим – может быть одна религиозность для всего человечества, но эта религиозность может принимать так много форм как это возможно. Я люблю мир,

полный разнообразия, полный красок, полный различных ароматов. Нет необходимости организовывать все человечество по одному образцу, по одной модели. Это будет уродливо. Это не делает человека богатым, это делает человека крайне бедным.

Итак, это немного сложно. Но вы должны понять меня.

Я допускаю так много религий, как это возможно. Фактически, я буду рад, чтобы каждый человек мог иметь свою собственную религию – столько религий, сколько человек в мире, но все имеют одно и то же качество религиозности. Могут быть миллионы влюбленных, но качество любви одно и то же; имеются миллионы разумных людей, но качество разумности одно и то же.

Осветите свое внутреннее бытие, и ваша жизнь начнет распространяющиеся колебания, которые точно такие же; с кем бы ни случилось просветление, в том возникнут такие же колебания. И вы будете способны легко распознавать людей, какого бы цвета они ни были, каким бы ни был их язык, какой бы ни была их страна, вы будете в состоянии немедленно распознать, что дом этого человека светел.

Вы можете видеть это даже снаружи; даже из окон свет показывает, что внутри светло. Вам даже не надо входить в дом. Дом может иметь любую форму, любой цвет, любую окраску, любую архитектуру, – это не имеет значения. Что имеет значение, так это то, показывают окна свет или нет, наполнены ваши глаза светом или нет, излучает ваше существо религиозность или нет.

Беседа 26

НЕВИННОСТЬ ОБЫЧНО ВНЕ ЗАКОНА

23 февраля 1985 года

Бхагаван,

Что такое испорченность? Она заложена с рождения или приобретается?

Природа абсолютно невинна.

В ней нет ничего, что можно было бы назвать испорченностью.

Испорченность — это нечто, произведенное человеком.

Ребенок рождается абсолютно невинным, в нем нет и следа испорченности. Испорченность порождается обществом в его собственных целях. Оно не хочет, чтобы его окружали невинные люди, потому что нет ничего более опасного, более мятежного, чем невинность.

Все общества боятся невинных людей, потому что они не поддержат ничего, что идет против их невинности, их природы. Следовательно, первое, что делает каждое общество, — портит ребенка. Чем раньше это делается, тем лучше, потому что чем взрослее становится ребенок, тем становится все труднее и труднее его портить.

Ребенок должен быть испорчен на самой ранней стадии, когда он беспомощен, уязвим, когда нет сомнений в его голове, когда он просто верит в родителей, в учителей, в соседей. Он не может и подумать о том, что эти люди собираются уничтожить его. И эти люди, кроме того, не подозревают, что губят своего собственного ребенка.

Это общество слепых людей, людей, идущих во сне.

Они продолжают идти, не зная куда и зачем.

Они продолжают спотыкаться, ранить себя и других, даже не признавая, что все это странствие — абсолютный абсурд. Жизнь — сейчас и здесь, жизнь — это не странствие. Это не цель, находящаяся где-то далеко, которую еще нужно достичь. Но это все — часть испорченности, возможно, наиболее важная часть.

Каждого ребенка учат, что он не то, чем он должен быть. Это и есть начало трагедии.

Я повторю: каждого ребенка учат, что он не то, чем он должен быть. Вы начали создавать различие между «есть» и «должно быть»: «есть» — осуждается, «должно быть» — ценится. «Есть» — это правда, а «должно быть» — ваша воображаемая идея.

Вы сделали ребенка больным, шизофреником. Теперь ему никогда не будет легче, он никогда не узнает, что такое расслабиться. Вы сделали его напряженным на всю жизнь просто потому, что он не может быть никем другим, кроме себя. Он не может противостоять природе, никто не может. Природа — это ваша жизнь, ваш опыт, не существует ничего вне природы. Нет дорог, пересекающих границы природы, так что вы останетесь тем, кто вы есть. Но это осуждается.

Вы не можете стать тем, кем вас уговаривают стать.

Вы — человек.

И все культуры, и все общества пытаются поставить вас на этот путь.

Между этими двумя словами стоит целый мир испорченности.

Когда я говорю, что вы — человек, это означает, что вам не надо становиться кем-то еще. Вы должны просто расцветать, раскрываться.

Что бы ни было внутри вас, пусть оно станет проявляться.

В ребенке это заложено с рождения; если он развивается естественно, то это превратится в действительность. Но ни одному ребенку не позволяют расти естественно. Каждого ребенка насильно заставляют становиться тем, кем он никогда не может стать, тем, кто далек от него. Это не его вина. Он очень старается; и чем больше он старается, тем сильнее будет его поражение.

По всему миру можно видеть людей печальных, с вытянутыми лицами. В чем же их несчастье? Что же произошло неправильного со всем миром?

Есть старинная притча. Человек постоянно молился Богу: «Я, должно быть, самый несчастный, самый презираемый человек в мире. Ты не мог бы дать мне что-нибудь другое несчастье? Я не прошу о многом. Я не прошу тебя сделать меня блаженным, благословенным; мне это безразлично. Вся моя жизнь молящегося, поклоняющегося человека... по крайней мере, ты можешь сделать одно: поменяй мою судьбу с кем-нибудь

другим, на чью-нибудь другую судьбу, потому что я знаю, нет никого, кто находится в худшей ситуации, чем я».

И так же чувствует себя почти каждый, потому что сам себя знает изнутри. Ваше страдание, вашу боль, ваши раны вы знаете изнутри. Вы знаете, сколько слез вы пролили вашими собственными глазами. Вы знаете, что то лицо, которое вы показываете миру, — это не ваше истинное лицо. Вы знаете, что улыбка на ваших губах нанесена так же, как помада. Возможно, помада более естественна, по крайней мере в ней есть некая материальная основа. Ваша улыбка — даже не естественна. Она — просто упражнение для губ, и больше ничего.

Но вам сказали, чтобы вы выглядели счастливыми, выглядели изящными, выглядели умными; выглядели похожими на кого-то особенного, а не на какого-нибудь простака. Вас сделали лицемером, и вы прекрасно поняли, что за то, что вы являетесь лицемером, платят. И бессмысленно, и бесполезно открывать свои раны перед другими, потому что никто вам не поможет.

В противном случае вы станете посмешищем, вы будете выглядеть идиотом. Лучше прятать все то, что безобразно, глубоко в основе вашего подсознания, и показывать на поверхности, по крайней мере, то, чего от вас ждут, но не то, чем вы не можете быть; так что вы вынуждены быть актером.

Все общества превращают своих людей в актеров. Они превратили мир в огромную сцену бессмысленной драмы. Большинство этих людей просто продолжают репетировать. У них нет даже возможности стать в этой убогой драме президентом, премьер-министром, но они все продолжают репетировать.

Этот человек просил Бога: «Ты должен что-нибудь сделать; теперь я не могу больше терпеть». Этой ночью ему приснился сон. Он слышал божественный голос: «Каждому следует собрать все свое страдание, несчастье, боль, раны и все, от чего он хочет избавиться. Положить все в мешок и пойти в храм».

Человек подумал, что его молитвы были услышаны. Он собрал все. Он должен был нести огромный мешок. Размер мешка был больше него; нести было очень трудно. Но это он носил в себе всю свою жизнь. Теперь он смог увидеть, сколько всего было. У него никогда не было силы воли, чтобы посмотреть в себя, сколько грязи скопилось внутри. Впервые видя это, он не мог поверить, что он нес весь груз. Теперь он смог увидеть, почему он был грустным, почему он тащился, не танцевал. Как

жизнь может стать песней со всем этим внутри? Она может быть только лицемерием.

Он спешил, таща свой большой мешок. Но что он увидел... ведь божественный голос был не только для него. Все люди со всех сторон несли... И ему стало не по себе, потому что он всегда думал об этих людях, что они счастливы. Он видел человека, которого знал; тот всегда шутил и улыбался, — но мешок этого человека был больше, чем его собственный! Он не мог поверить своим глазам, когда он увидел, что люди тащат мешки большие, чем у него. Смотря на мешки других людей, он начал ощущать небольшую гордость, что его не так велик.

И потом в храме божественный голос сказал: «Повесьте свои мешки вокруг храма и слушайте меня внимательно», и они повесили все свои мешки. Но человек испугался. Он хотел — но у него не хватало смелости — сказать Богу: «Пожалуйста, пусть у меня останется мой мешок, потому что, по крайней мере, я знаком с ним, я знаю, что находится внутри него. Во-первых, любой другой мешок больше моего. Во-вторых, я не знаю, что они несут. Я был одурачен, ведь они были веселыми и счастливыми, и пели, и танцевали и я думал, что жизнь для них — праздник, что только я один страдал. Но сейчас я знаю: все лицемеры».

«Этот человек — президент, и я думал, что, по крайней мере, он должен быть счастлив на самой вершине лестницы. Теперь, что еще можно ожидать? Я — жалкий, потому что я не стою даже на первой ступени лестницы. Я не могу надеяться стать президентом, по крайней мере, не в следующих жизнях. Мешок этого человека так же велик, как и его положение, — конечно, это же был мешок президента. — Я не хочу быть президентом, если к этому прилагается такой мешок».

Он видел богатейшего человека, он видел величайшего артиста, мировую знаменитость, он видел лауреата Нобелевской премии, и он сказал: «Боже мой! Я без основания страдал. Если бы я знал подноготную этих людей, я бы наслаждался собой. Я тратил жизнь без какой-либо причины».

Теперь он боялся только одного — что он может взять мешок кого-нибудь другого. Потом голос сказал: «Все вы закройте глаза и с закрытыми глазами — свет не должен проникать — выберите себе чей-нибудь мешок, какой хотите». И он увидел, что до того, как свет был выключен, все бросились к своим мешкам. Не было ни одного исключения; каждый бросился к своему мешку. Это

было даже больше чем удивительно: как он бросился к своему мешку, так и все...

Он спросил у соседей: «Почему вы бросились?»

Они ответили: «Мы, по крайней мере, знаем, что находится в наших мешках, и мы привыкли к этому. Это, к тому же, наши страдания, наши раны. И человек моментально приспосабливается — мы стали приспосабливаться ко всему этому. Теперь в наши годы приобретать страдания кого-то другого и создавать новые оправдания в жизни будет слишком».

На этом его сон прервался. Он был в испарине, дрожал, прижимал свою потную подушку к груди. Возможно, она была его мешком во сне.

Эта притча значительна. Если бы был способ видеть людей насквозь, если бы было окно, которое можно было открыть и заглянуть в сердца людей, можно было бы заключить только одно: все находятся в одной лодке. Все страдают. И причины их страдания — основы их страдания — не отличаются. Подробности могут отличаться; вы страдали со своей женой, кто-то еще страдал со своей — не имеет значения: оба страдали в определенном отношении. Это отношение — одинаково.

А почему они страдали? Основная причина — одинакова. Первая причина — это то, что вы живете жизнью шизофреника. Отсюда начинается испорченность. Вы представляете из себя одно, а должны вести себя как кто-то другой. Естественно, вы должны постоянно лгать, вы должны постоянно быть обманщиком людей. Обман будет осуждаться обществом, ложь будет осуждаться обществом, но общество и породило все это. Очень странное общество.

Архиепископ Дублина, в Ирландии, осудил правительство Ирландии за то, что ирландский парламент собирался представить билль, который стал известен как «Пиллюльный билль». Они хотят, чтобы каждый ребенок, достигший восемнадцати лет, был официально обучен принимать таблетки или другие средства контроля рождаемости, контрацептивы из медицинских магазинов и аптек.

По сей день в Ирландии это вне закона, это преступление. Только парам, соединенным церковью, официально разрешается пользоваться контрацептивами — да и то по рецепту врача. Да и это — не то, что было в обиходе многие годы. Это было разрешено только пять лет назад, в 1979 году. Пять лет назад даже это было преступлением; женатые пары также не могли пользоваться

контрацептивами. Пять лет назад это перестало быть преступлением. Теперь они хотят, чтобы молодые люди, юноши и девушки, были освобождены от этой ненужной криминальности и нелегальности.

Просто посмотрите на все это в целом, чтобы понять, что такое испорченность и кто ее создает. Если пять лет назад вы пользовались контрацептивами, даже если вы были женаты, то вы были преступниками. В чем состоит преступление? Если это было преступлением, то как тогда просто изменением парламентом закона это перестало быть преступлением? Теперь это законно. Но для неженатых женщины или мужчины это все еще преступление. Ни один доктор не может помочь неженатой паре: он совершил бы преступление. Если вы пользуетесь контрацептивами и вы не женаты, вы совершаете преступление.

Сколько сейчас людей совершают преступление только потому, что нескольких глупых политиков угораздило решить, что это незаконно? Сколько людей вынуждены делать то, что выглядит злом? Кто решает?

Если этот билль сейчас провалится — что наиболее вероятно, потому что архиепископ римской католической церкви обладает огромным влиянием в Ирландии; если он будет против, то все католичество будет против. А эти политики — попрошайки, они зависят от голосов избирателей. Каждые пять лет они стоят у вашей двери. Если они не прислушиваются к вам, то они прямо сейчас проигрывают следующие выборы.

Они не смогут пропустить билль. Религия настаивает на законе о том, что молодым людям, не вступившим в брак, следует продолжать совершать преступление. Или они должны подавить секс, они должны подавить природу, а это подавление и начинает создавать извращение, — ведь природе ничего не известно о ваших странных идеях морали. Природа — абсолютно вне морали. Природа будет постоянно заставлять молодых людей быть привлекательными друг для друга. Это выше их — это заложено в их химизме, в их физиологии, в их гормонах; что они могут поделать?

Они сейчас стоят перед дилеммой: если они следуют природе, то это приведет к неприятностям. Девушка может забеременеть; они могут быть пойманы, осуждены всеми — церковью, обществом, государством. Они потеряют всякое уважение. Или они должны найти способы, которые будут незаконными, должны приобретать контрацептивы.

Раньше я жил некоторое время около кинотеатра. Когда нечем было заняться, я сидел на своем балконе и наблюдал толпу людей всех сортов, идущих в кинотеатр и выходящих из него. Однажды я увидел маленького ребенка, ему было не больше восьми, девяти лет, с усами. Я удивился, что случилось? Я спустился с балкона и последовал за ребенком. Он, увидев, что я за ним следую, начал почти бежать. Я сказал: «Не бойся. Я не причиню тебе вреда и ничего не сделаю».

Он сказал: «Просто не говорите никому».

Я сказал: «Но я тебя не знаю».

Он сказал: «Вы меня знаете, но из-за моих усов не можете меня узнать». Затем я присмотрелся: он оказался сыном доктора, которого я знал очень хорошо. Я сказал: «Да, я тебя знаю».

Он сказал: «Пожалуйста, не говорите моему отцу».

«Но, — сказал я, — какое это имеет отношение к твоим усам?»

Он сказал: «Усы потому, что только взрослые могут смотреть этот фильм».

Итак, я сказал: «Ты думаешь, что можешь обмануть людей?»

Он сказал: «Думаю? Я уже там был три раза. Это четвертый».

Вот вы и приучаете маленького ребенка к испорченности. Если фильм такой, что маленькому ребенку не следует его смотреть, тогда никому не следует его смотреть, тогда этот фильм не должен существовать. Но если взрослые могут его смотреть, тогда и ребенок имеет полное право, потому что он станет взрослым рано или поздно. Лучше ознакомиться с действительностью с самого начала; ему не должны запрещать. И в любом случае он найдет способ посмотреть его; он уже видел его четыре раза.

Если фильм не был бы запрещен, возможно, он мог бы посмотреть его один раз или мог бы даже не интересоваться им — потому что он смотрел не каждый фильм, который идет здесь. Я спросил его: «Ты смотришь каждый фильм по четыре раза?»

Он сказал: «Нет, я не смотрю каждый фильм, но так как этот запрещен, то я должен был его посмотреть».

Я сказал: «Откуда ты достаешь деньги — насколько я знаю твоего отца, он не даст тебе ни одного пайса на какой-нибудь фильм, не говоря уж об этом?»

Мальчик сказал: «Было бы желание, а способ всегда найдется. По правде говоря, мой отец тоже смотрел его четыре раза; каждый раз, когда я приходил, он тоже был в зале, но он не мог узнать меня из-за моих усов. Он смотрел, подозревал, — но я курил, и он отбросил сомнения. Его сын не мог курить, и эти усы... Я видел его, он видел меня. Я его узнал, он меня не узнал. И я вынужден был украсть деньги...»

Теперь он должен красть деньги — вы делаете его вором без надобности. Он должен вести себя, подражая кому-то другому с усами и сигаретой; он должен притворяться взрослым. А потом он обнаруживает, что его отец тоже здесь, значит, не только он интересуется фильмом, его отец тоже интересуется. Четыре дня подряд они смотрели его, потому что он шел в городе четыре дня. Каждый день они были там.

Он сказал: «Пожалуйста, не говорите».

Я сказал: «Не волнуйся. Я действительно понимаю... Ты поступил совершенно правильно, в этом нет ничего неправильного. Все это общество заставляет тебя так поступить; оно не предоставляет ни одного пути, кроме испорченности».

Невероятно, что в Америке, в двадцатом веке, человек был приговорен судом по обвинению в изнасиловании к пятидесяти годам тюрьмы — или к кастрации. Великое американское общество, великая демократия! Просто рассмотрим выбор, который ему предоставляют. Пятьдесят лет тюрьмы; он должен быть по крайней мере тридцатилетним, я предполагаю: пятьдесят лет тюрьмы означают, что он там и умрет. Это пожизненное заключение. И даже если он выживет и возвратится после пятидесяти лет тюрьмы, на что он может надеяться? Ему, выброшенному в мир, который стал абсолютно для него незнакомым за эти пятьдесят лет, будет восемьдесят лет.

Людей, которых он знал, не будет в живых. Люди, которые будут его окружать, не поймут его, никто не будет в состоянии его понять; будет определенная пустота. Он умрет на какой-нибудь улице, как бродяга. Нет никакого смысла...

Альтернативой является кастрация, когда отрезаются половые органы.

Даже если было установлено, что он совершил изнасилование, — а если нет? Изнасилование — это одна из проблем, которую не так-то просто разрешить и осудить; существует так много сложностей. Но сначала, просто ради доказательства, давайте допустим, что известно, что он совершил насилие. Встает вопрос:

почему он должен преодолеть такие трудности, чтобы удовлетворить такое простое желание? Секс – это очень простой аспект. Нет недостатка в женщинах и мужчинах, нет необходимости ни для кого в изнасиловании.

Но то, как общество противостоит сексу, делает его серьезной проблемой. Он должен быть просто игрой, – а так оно в точности и есть. Двое играют в теннис, нет никаких проблем. Никто никогда не слышал, чтобы кто-то насиловал... в теннисе не встает вопрос о насилии. Можно играть; нет необходимости насиловать. Когда двое играют в теннис, они используют свои тела, свой ум. Что они делают, когда занимаются любовью? – просто между ними нет сетки. И все контрацептивы – это не более чем теннисная сетка! Контрацептивы делают это действительно игрой, игрой через сетку.

Сетка была пропущена. Бог не снабдил ею Адама и Еву. Возможно, из-за гнева он забрал сетку себе; с другой стороны, выбрасывая этих двоих несчастных людей из Эдемского сада, ему следовало, по крайней мере, обеспечить их всем необходимым для жизни.

Общество все время делает вас очень озабоченным насчет секса. Оно все время заставляет вас подавлять вашу энергию. Есть предел подавления; после этого предела энергия забирается. Когда бы человек ни совершал насилие, он не в своем уме по той простой причине, что насилие не может решить его проблем. Насилие не может доставить ему удовольствие, которое требует вся его физиология. Насилие не может дать ему тепла, любви, восприимчивости, в которой он нуждается. Просто нет удовлетворения его нужд.

Но вы не оставили другого пути. Вы поставили человека в такие условия, что он просто взрывается, как вулкан. Видя женщину в безлюдном месте, он забывает о последствиях. Он забывает об аде, о Боге, Библии, церкви, суде, конституции; он забывает все. Он не в себе, он – не он; он становится почти животным.

И это не способ заниматься любовью: женщина визжит, кричит и пытается убежать. Это можно назвать битвой, это нельзя назвать любовью. Он натравливает себя не женщину, явно применяя физическую силу. Он вмешался в независимость другого человека, и он ничего не получил от этого – он получает кастрацию или пятьдесят лет тюрьмы. Вот тот оргазм, который

он получил. И общество ответственно за все: полиция, суд и закон – все они представляют общество.

Это очень хитрый путь разрушения личности. С одной стороны, принуждать быть преступниками, с другой стороны, быть готовым наказать. Но это наказание не кажется сострадательным, это наказание, кажется типом мести.

Если человек изнасиловал и это преступление, то суд, который присудил его кастрировать, – в какую категорию вы собираетесь поставить этот суд? Он ничем не отличается от насильника. Общество мстит. Общество несправедливо, оно не рассматривает проблему целиком.

Если посмотреть на проблему целиком, то все так сложно: может быть, женщина хотела быть изнасилованной, что тогда? Как общество создает насильников, так то же общество создает подавленных женщин, до того подавленных, что если кто-нибудь приближается к ней с дружескими намерениями, она отказывает вопреки самой себе. Она надеялась, что кто-нибудь приблизится и будет любить ее, но когда кто-то на самом деле приближается к ней, она отказывает ему, потому что вся ее обусловленность заключается в том, что это что-то злое, нечто от дьявола.

Внезапно этот человек перестает быть человеческим существом, им овладевает дьявол, и, естественно, она сжимается от страха. Но сколько она может сжиматься? Мало-помалу люди прекращают приближаться к ней; мало-помалу она начинает стареть. Мало-помалу она становится толстой, потому что когда женщина не любима, она начинает много есть. Поглощение пищи – это замена любви.

Возможно, вы наблюдали это: если вы находитесь в очень любовных и нежных отношениях, то вы не будете есть слишком много, вам никогда не будет нужна диета. Любовь питает вас настолько, что нет необходимости продолжать набивать себя чем попало. Если нет любви, то вы чувствуете такую пустоту. Эта пустота причиняет боль, вы хотите заполнить ее чем-нибудь. А почему вы выбираете пищу – потому что любовь и пища психологически связаны?

Ребенок получает от материнской груди пищу и любовь вместе, одновременно. Всякий раз, когда мать любит, она дает ему свою грудь, а когда мать не любит, злится, она отнимает от него свою грудь. Материнская грудь была первым соприкосновением ребенка с телом другого человека.

Не странно, что всех художников, скульпторов, поэтов так преследует женская грудь. Кажется абсолютно невероятным, что миллионы лет художники пишут женскую грудь, скульпторы проводят всю свою жизнь, высекая камни, мрамор... Если вы были в индийских храмах, таких как Кхаджурахо, вы не можете поверить.

Тридцать храмов все еще стоят. Их должно быть на сто больше, там есть руины. Но только эти тридцать... Уже один храм невероятен; подумать же о тридцати, и у вас закружится голова. Только в одном храме, если начать считать скульптуры обнаженных женщин, вы сойдёте со счета. Надо будет пересчитывать снова и снова, так как на каждом столбе по тысяче, на каждой стене, везде; ни один дюйм не обходится без скульптуры.

И такие огромные груди, существующие только в воображении, — такие огромные груди не существуют, не могут существовать. Женщина должна вставать с таким весом! А задача груди — давать молоко ребенку; если грудь такая округлая, ни один ребенок не выживет. Потому что — попробуйте — на абсолютно круглой груди несчастный, маленький ребенок, если он попытается пить, его нос будет закрыт. Ребенку нужна продолговатая грудь, некруглая. Круглая грудь — несомненно убийца, потому что он не сможет дышать. Он должен выбирать либо дышать, либо брать пищу у матери; он не может делать эти два дела одновременно.

И Кхаджурахо не единственное место. В Индии тысячи храмов повсюду: Пури, Конарак, Эллора — красивая скульптура, но от нездорового ума.

Почему все эти художники, великие художники мира, продолжают изображать грудь? Где-то они терпели лишения, где-то их не любила мать. И в большей или меньшей степени каждый ребенок был оторван от груди раньше своего срока. Только в первобытных обществах ребенок питается от материнской груди столько, сколько он хочет; и именно в этих обществах никого не преследует грудь. У них нет ни одного изображения груди, нет ни одной скульптуры груди, нет ни одного стихотворения, песни, ничего. Грудь вовсе не занимает их воображение.

Из-за груди любовь и пища глубоко в сознании связаны друг с другом. Так что, когда вы не влюблены, вы начинаете есть, набивать себя. Когда вы влюблены, это набивание исчезает само собой, нет необходимости. Любовь — это такое питание, такое

неуловимое, невидимое питание, что никому нет дела до жевания жвачки.

Я не могу представить себе, что человеческие существа жуют жвачку. Неужели целый мир сошел с ума? Жевательная резинка не может дать вам питания, но, должно быть, дает что-то, что-то психологическое. Возможно, это замещение груди, вы продолжаете использовать губы. Весь мир курит сигареты и сигары. Это тоже замещение, потому что когда горячий, теплый дым сигареты проникает внутрь, чувствуется нечто похожее на проникновение молока. И сигара в губах...

Только посмотрите на Черчилля. Он выглядит как задержавшийся в развитии человек, — все еще с маминым соском во рту! Эта сигара — не что иное, как сосок материнской груди. И можно увидеть его тело и его лицо — вот чистый пример того, что он обделен любовью. Он набивает себя; он самый упитанный человек этого столетия.

Женщина — сколько она может подавлять свое естественное желание быть любимой, быть приласканной, быть оцененной? Она начинает стареть, она начинает толстеть, она начинает бояться: жизнь ускользает из ее рук. Теперь она может бессознательно надеяться, что кто-нибудь, по крайней мере, изнасилует ее. Не то чтобы она будет думать об этом сознательно; сознательно она читает Библию, ходит в церковь. Сознательно вот что она делает: она ходит в церковь, слушает проповедь, исповедуется священнику.

Я слышал о женщине, которая каждое воскресенье приходила исповедоваться католическому священнику. Первый раз это было нормально. Во второй раз священник был немного смущен, потому что это была та же самая история, что ее изнасиловали. Священник сказал ей: «Но это не ваша вина. Вам не надо исповедоваться: насильник должен прийти исповедоваться».

Она сказала: «Но есть причина, по которой я пришла исповедоваться: мне это понравилось! И это заставило меня почувствовать вину, что мне понравилось».

Она пришла снова, в третий раз. Священник сказал: «Снова!»

Она сказала: «Нет, это все опять про старое».

Священник сказал: «Тогда почему?.. Вы уже исповедовались в этом».

Но она сказала: «Неприятность в том, что мне понравилось *исповедаться*; и теперь *это* заставляет меня чувствовать вину. Это было так забавно описывать!»

Вот оно – ваше общество. А вы меня спрашиваете: «Является ли испорченность естественной, заложенной с рождения, или она приобретается?» Она не заложена с рождения, и ее не приобретают: это нечто, чему учат. И пожалуйста, запомните разницу и мое ударение.

Это не то, чему учатся, потому что никто добровольно этому не учится. Это вбивается, это преподается, и если вы это не выучите, вас всячески наказывают. А затем похмелье, неоконченные переживания, которые преследуют вас, как тень.

В парке три старых человека сидели, просто разговаривая. Нечего больше было делать; все остальное было окончено, осталась только болтовня. И это было их обычное занятие: каждый день приходить сюда, садиться здесь и болтать до заката солнца.

Один человек сказал: «Вот что я вам всегда хотел сказать... Так как вы мои лучшие друзья, было бы неискренне вам не сказать. Однажды так произошло, что я подсматривал в замочную скважину ванной комнаты, когда женщина, пришедшая к нам в гости, принимала душ. И моя бабушка поймала меня с поличным и отшлепала».

Другой старый приятель сказал: «Ну и что – это случается с каждым в детстве. Это произошло и со мной и должно было произойти с другими моими друзьями».

Другой друг тоже сказал: «Так оно и есть... ты – идиот. Что за невидаль! Это происходит со всеми. Можешь ли ты найти ребенка, который не подсматривал в замочную скважину когда-нибудь?»

Он сказал: «Вы не поняли. Это произошло сегодня утром. И я хотел вам рассказать, но...»

Вот восьмидесятилетний старик, подсматривающий в замочную скважину ванной комнаты... Нет, тут не над чем смеяться, тут надо кричать и плакать. Какой тип общества мы создали? И этот человек только жертва, как и все остальные – только жертвы. А общество продолжает навязывать эти безумные идеи людям.

Человек будет оставаться испорченным, пока мы не прекратим вмешиваться в его природу. Испорченность – это следствие. Если где-то кто-то испортился, это означает, что в его природу

вмешались. И никогда не смогут найти настоящего виновного; задержат несчастного человека, который является жертвой.

В наших судах люди, которых судят и осуждают, сажают в тюрьму или даже приговаривают к смерти, – жертвы, жертвы общества, которое принудило их последовать определенному пути, идти по определенному пути, которого они никогда не желали. Они всегда сопротивлялись. Каждый ребенок сопротивляется столько, сколько он может, но у него есть предел; он не может сопротивляться слишком долго. И он зависит от вас.

Во времена моего детства, это было каждодневной проблемой. Я должен был повторять каждый день моим родителям, моим дядям: «Вам не следует извлекать выгоду из того, что я от вас зависим. Это безобразие. И вам следует помнить, что однажды вы будете зависеть от меня. Тогда что вы хотите, что бы я с вами делал? Сейчас я – ребенок, вы можете принудить меня делать то, что вы хотите. Я буду делать все, что в моих силах, чтобы не подчиняться, если это против моей природы, против моего желания, но пока я в ваших руках; вы можете заставить меня делать чего-нибудь».

Например, они брали меня в храм, и я просто стоял там, а они все падали ниц, как это принято в Индии. Все части тела должны касаться земли у ног Бога. Я же просто стоял, а они говорили: «Это неправильно, и ты смущаешь нас, потому что все говорят: 'Кажется, этот мальчик странный: когда все отдают дань уважения, он просто прямо стоит, как будто ему сказали оставаться на страже'».

Я сказал моему дяде: «Вы можете меня сильно ударить, сбить меня с ног. Если вы не справитесь в одиночку, то можете позвать двух или трех человек. Вы можете бросить меня на землю, преклонить мою голову к ногам вашего Бога и удовлетвориться, но запомните, это не моя дань уважения. Вы можете заставить мое тело, но не можете заставить меня. Да и это тоже вы не всегда сможете сделать. Вскоре все изменится».

В Индии есть пословица: «Иногда лодка находится на реке, иногда река находится на лодке». Я сказал: «Не забывайте. Иногда река на лодке. Конечно, сейчас лодка на реке. Вскоре вы постареете; у меня будет вся сила, и вся власть, и все деньги, и вообще все, а вы будете старыми и зависимыми от меня. Тогда, как вы хотите, чтобы я с вами себя вел? Вы просто думайте об этом и, помня об этом, делайте то, что хотите».

«Если я хочу уважать, оставь это мне. Уважение – это не то, к чему можно принудить».

Но к этому принуждали, и таким неувловимым способом, что вы даже не подозревали, что вас принуждают. Вы проделывали это так, как будто вы делали это с удовольствием. Вы подражали вашему отцу, вашей матери; если они поклонялись Иисусу, то и вы начинали поклоняться Иисусу. Это один из аргументов в пользу Чарльза Дарвина.

Обезьяны – это имитаторы, и, смотря на человека, можно быть уверенным, что девяносто девять процентов населения – имитаторы. Они просто подражают другим. У них нет храбрости стоять одним: это страшно. Даже такие люди, как Дж.Кришнамурти, обладающие огромными познаниями... но если посмотреть глубоко на вещи, о которых не задумываются, вы будете удивлены.

В Индии он носит индийскую одежду. Почему? За пределами Индии он носит западную одежду. Вы хотите быть частью общества, в котором вы находитесь. Если люди в Индии его увидят в западной одежде, с галстуком, то ни один индеец не дотронется до его ног, ни один индеец и не подумает даже, что он – религиозный человек. Так что галстук исчезает, как только он приземляется в Бомбее, а как только он вылетает назад в Англию, галстук снова появляется. На самом деле, у себя в школе, в Блеквуде, в Англии, он носил голубые джинсы. Ему девяносто лет, но он хочет, чтобы хиппи знали: «Я с вами, я вечно молод».

Только представьте себе Дж.Кришнамурти в голубых джинсах в обтяжку в Индии. В Индии никого никогда не распинали, но Кришнамурти распнут немедленно – не по религиозным причинам, просто за галстук и джинсы. И этот человек, путешествуя по всему миру, представляет индийскую мудрость. Индия этого бы не простила. В Индии он ходит в традиционной индийской одежде: куртка, дхоти, вокруг него шаль – точно так, как жили мудрецы, точно так же.

Что за психология стоит за этим? У вас нет храбрости стоять одному, у вас нет храбрости просто быть самим собой. Я не против голубых джинсов; если они вам нравятся, это прекрасно. Но тогда не будьте таким трусом. Предполагается, что вы обладатель смелых мыслей; просто будьте самим собой. Неоцененный ли вы или ценимый, уважаемый или неуважаемый, не имеет значения. Но именно это и порождает неприятности. Это имеет

большое значение для маленького ребенка. Если это имеет значение для девяностолетнего старика, то что говорить о маленьком ребенке?

В Индии одежда различается: мусульмане носят свою одежду, индусы свою, пенджабцы свою, бенгальцы свою, в Южной Индии носят свою, определенную, одежду – и это очень сложно... Например, в Южной Индии можно ходить обмотанным шалью лунги; совсем как дхоти, которым вы обматываете себя. И не только это, они подтягивают ее наверх и складывают, так что она становится выше колен. Даже в университетах профессора ходят преподавать в такой одежде.

Мне нравится лунги, потому что она очень проста, простейшая: не надо кроить, не надо сшивать, ничего; просто любой кусок ткани может быть превращен в лунги запросто. Но я не был в Южной Индии, я был в Центральной, где лунги надевают только бродяги, бездельники, антиобщественные элементы. Это знак того, что человек не заботится об обществе, что ему нет дела, что о нем думают.

Когда я начал ходить в университет в лунги – когда я поступил в университет, – все замирало на мгновение: студенты выходили из классов, профессора выходили из классов. Как только я проходил по коридору, все вставали, я всколыхнул всех – прекрасный прием!

Вышел заместитель ректора: «Что случилось? Вышел весь университет. Прервали занятия на середине, вышли профессора. И тишина». Он увидел меня, и я всколыхнул его, у него даже не было слов, чтобы прореагировать на меня.

Я сказал: «По крайней мере, вам следует отреагировать. Все эти люди пришли посмотреть на мою лунги». Я думаю им понравилось, потому что каждый день профессора приходили в красивых одеждах, дорогих одеждах. Заместитель ректора был очень разборчив в своей одежде и очень знаменит.

У него было триста шестьдесят пять одежд, по одной на каждый день; за целый год вы никогда не увидели бы его в одинаковой одежде. Он был так помешан на вещах, так озабочен, что никогда не был женат. Однажды я его спросил: «Это как-то связано с вашей одеждой?»

Он сказал: «Как вы догадались?»

Я сказал: «В этом состоит моя работа, это мое исследование; я продолжаю исследовать, как вещи связаны между собой. У меня есть предчувствие, что из-за вещей вы не вступили в брак».

Он сказал: «Это правда, так как я думал снова и снова – это было просто, – или я могу завести жену, или я могу завести полный дом моих собственных вещей; оба фактора не могли существовать вместе. Она пришла бы и начала командовать. И, на самом деле, у меня не оставалось бы достаточно жалования: у нее были бы свои вещи, и она бы сказала: ‘У тебя есть все для полной жизни’. В конце концов я решил, что для меня лучше быть с моими вещами. Я их люблю». Это было почти помешательство. Он сказал: «Я могу пожертвовать всем ради моих вещей».

Если бы вы пришли к нему домой, то были бы удивлены: во всем доме нет ничего, кроме вещей, – он, его слуга и вещи.

Я сказал: «Даже когда *вы* вышли, никто не ушел. Только посмотрите... бедное лунги – самая бедная одежда – вывела их наружу. И я собираюсь приходить в лунги каждый день».

Он сказал: «Прекрасная шутка, один день – это сработает, но не носите это слишком долго».

Я сказал: «Когда я что-то делаю, то делаю это до конца».

Он сказал: «Что вы имеете в виду? Вы подразумеваете, что собираетесь приходить в лунги каждый день?»

Я сказал: «Именно это я и намереваюсь делать. Если я вам надоел, то я могу даже прийти без лунги. Это я вам обещаю. Если я вам вообще надоел, если вы попытаетесь утверждать, что это неправильно для профессора, и то, и другое, то меня это не волнует... Если вы можете помолчать, я буду ходить в лунги, если же вы начнете что-нибудь делать против меня – мой перевод или еще что-нибудь, – то тогда лунги снимается. Я приду... и тогда вы увидите настоящую сцену».

И это была такая веселая сцена, потому что все студенты начали хлопать, когда это услышали, и он так смутился, он просто вернулся назад в свою комнату. Он никогда не говорил ни единого слова о лунги. Я спрашивал много раз: «Как насчет моего лунги? Что-нибудь было предпринято против него или нет?»

Он говорил: «Только оставьте меня в покое – делайте то, что пожелаете. И я не хочу ничего говорить, потому что все, сказанное вам, опасно; никто никогда не знает, как вы это воспримите. Я не говорил: ‘Прекратите носить лунги’. Я говорил: ‘Возвращайтесь к своим старым одеждам’».

Я сказал: «Они ушли, а то, что ушло, то ушло – я никогда не оглядываюсь назад. Сейчас я намереваюсь ходить в лунги».

Сначала я ходил в лунги с длинной мантией. Потом, однажды, я бросил мантию и начал использовать только повязку. Снова было большое представление, но он держался холодно. Все выходили, а он не выходил, возможно, потому, что он боялся, что я сниму лунги. Он не выходил из своей комнаты. Я постучался в его дверь. Он сказал: «Вы уже это сделали?»

Я сказал: «Еще нет. Вы можете выйти».

Он открыл дверь только для того, чтобы увидеть, одет ли я или я снял с себя все. Он сказал: «Итак, вы сменили теперь и мантию тоже?»

Я сказал: «Я сменил и ее тоже. У вас есть что сказать?»

Он сказал: «Я не хочу произносить ни единого слова. О вас я даже не говорю с другими. Журналисты звонят и спрашивают: ‘Как такое было допущено в университете – ведь это станет прецедентом, и студенты могут начать ходить в лунги, и другие преподаватели могут начать ходить в лунги?’».

«Я им говорю: ‘Что бы ни случилось... даже если все начнут ходить в лунги, со мной будет все в порядке. Я не собираюсь его беспокоить, потому что он угрожает мне тем, что если я его как-нибудь побеспокою, он может прийти голым. И он говорит, что нудизм – это духовно приемлемый способ жизни в Индии. Махавира был голым, двадцать четыре тиртханкары джайнов были голыми, тысячи монахов до сих пор голые, и если тиртханкара мог быть голым, то почему профессор не может? В любом случае нудизм в Индии не может быть не уважаем’».

Так что он сказал: «Я говорю людям: ‘Если он хочет действительно создать хаос... и у него есть последователи, также в университете; многие студенты готовы делать то, что он им скажет. Так что лучше оставить его в покое’».

Я обнаруживал повсюду в своей жизни, что если вы немного готовы пожертвовать уважением к вам, то вы можете следовать с легкостью по своему пути. Общество играло с вами. Оно поставило уважение на слишком высокий пьедестал в вашем уме, а напротив него – все то, что оно не хочет, чтобы вы делали. Так что если вы делаете такие вещи, то вы теряете уважение. Однажды вы готовы сказать: «Меня не волнует уважение», и общество абсолютно бессильно сделать что-либо против вас.

Дети в любом случае вынуждены, и в будущем тоже, оставаться испорченными. Но испорченность можно сбросить в одно мгновение, потому что она не является вашей природой и вы не принесли ее с собой. Она была вам навязана, она – ваша

тяжелая ноша. Вы можете избавиться от нее, вы можете выбросить ее прочь. Вы только будьте готовы к нескольким фактам, будьте готовы к неуважению. Но что есть уважение? Если у вас нет самого себя, то что такое уважение?

Есть только одно уважение – самоуважение.

А у вас нет вас самих.

Вы не можете иметь какое-либо уважение; у вас нет уважения даже в своих глазах.

Целый мир может делать вид, что уважает вас, потому что это определенная сделка: вы делаете то, что хочет общество, а общество будет вас уважать. Это просто бизнес, и проигравший вы, потому что уважение – это всего лишь горячий воздух. А то, что вы даете взамен, – ваше твердое бытие.

Ради уважения вы совершаете самоубийство.

Это должно быть решением одного момента. Это не то, о чем должно думать годами: избавиться от уважения или просто быть самим собой... Это не вопрос веков. Если вы собираетесь думать годами, то вы продумаете вечность, а проблема останется той же самой.

Это единственный момент понимания, видения, как вы были обмануты. И как только вы увидите это, выбросьте прочь все уважение. Скажите всему миру: «Я готов быть неуважаемым целым миром, но я не готов быть неуважаемым самим собой. Я собираюсь начать новую жизнь самоуважения».

И для меня это – начало религиозного человека.

Беседа 27

ОДНА МА, ОДИН СВАМИ – И МЫ МОЖЕМ НАЧИНАТЬ ВСЮ ИГРУ СНАЧАЛА

24 февраля 1985 года

Бхагаван,

Уцелеет ли наш мир в третьей мировой войне?

У меня нет надежды, но вопреки всему я надеюсь.

Многое следует принять во внимание.

Во-первых, возможно, это хорошо, что не уцелеет. Мир настолько прогнил, стал настолько уродлив, что если он уцелеет и останется таким же, то это будет хуже, чем если бы он не уцелел.

Наш мир находится почти в такой же ситуации, как и тысячи людей... повсюду они всего лишь выживают, потому что они еще могут дышать. Они могут поддерживать дыхание в больницах со всеми видами медицинской помощи; дыхание же не их собственное – им нужны разные механические приборы, чтобы помогать им дышать.

Вы зовете к такой жизни? Это не более чем выживание, не жизнь – и такое выживание хуже, чем смерть, потому что смерть, по крайней мере, открывает новую дверь, очищает от старого, сгнившего хлама. Вот она действительная функция смерти: процесс очищения.

Все стареет, гниет, становится грязным, и приходит время, когда продолжение – уже не радость; это чистая мука, агония для вас и для всех, кто связан с вами. Вы уже никак не можете быть творцом, – а не будучи творцом, вы не найдете себе никакого оправдания в том, что являетесь обузой для многих людей. Смерть будет освобождением.

Возможно, наш мир подошел к точке, где выживание будет опасно; лучше, чтобы глава была закончена.

Мы наделали достаточно глупостей.

Мы причинили достаточно вреда природе, себе. Мы были помехой на земле.

Вся наша история – это история преступлений: человек против человека, человек против природы.

Что мы творили здесь? Почему мы должны беспокоиться о выживании?

Я понимаю, что есть желание продолжать жить вне зависимости от того, есть этому оправдание или нет. Есть страстное желание жить. Люди продолжают жить, совершенно точно зная, что нет абсолютно никакой необходимости обременять землю; что завтра не принесет вам никаких хороших новостей, что каждый день вы будете разрушаться, каждый день вы будете становиться все более отвратительными, каждый день будет еще более мрачным и темным. И все же есть биологический инстинкт к продолжению жизни.

Люди живут в разного рода обстоятельствах: они слепы, они искалечены, они парализованы – и все же они боятся смерти. Я был озадачен: что может смерть отнять у таких людей? Жизнь отобрала у них почти все, не осталось ничего, кроме агонии, страдания, боли. Что они теряют? Смерть будет другом, заберет весь этот ад, в котором они живут. Но нет; слепые, искалеченные, парализованные, глухие, немые... тем не менее некий странный инстинкт заставляет стремиться к жизни.

Этот вопрос также исходит из того же самого инстинкта. Он существует в каждом; имеется коллективная воля к выживанию. Но что вы сделали за те тысячелетия, что вы пробыли здесь? Можете ли вы подтвердить, что ваше присутствие здесь, на земле, было созидательным вкладом в существование? Оно сделало жизнь более счастливой, более мирной, более любящей? Оно изменило природу к чему-нибудь лучшему?

Что вы делали на протяжении тысяч лет, кроме уничтожения, убийств, пыток, кровопролития – и под красивыми, добрыми именами: именем Бога, именем истины, именем религии? Кажется, вы хотите уничтожать и разрушать, и вам достаточно любого предлога.

Среди басен Эзопа есть прекрасная маленькая басня. Молодой ягненок пьет воду из ручья, а мимо идет старый лев. Время завтрака. Старый лев находится как раз в нескольких шагах над ягненком, он стоит на скале. Но нужно какое-то оправдание – нельзя просто так прыгнуть на бедного маленького ягненка и позавтракать им. Человек может сделать так, человек постоянно делает так, но животные не настолько неразумны. Лев шествует вниз, к ручью, и говорит: «Эй, малыш! Как дела?»

И ягненок отвечает: «Благодаря вашей милости у меня все хорошо».

Старый лев чувствует себя несколько озадаченным – с чего начать? Он говорит: «А ты помнишь, что твой отец оскорбил меня?»

Ягненок отвечает: «Вы, должно быть, ошибаетесь, потому что я родился, когда мой отец уже умер. Я понятия не имею, что случилось между вами и моим отцом. И что я могу поделать? Я извиняюсь, хотя в том нет моей вины, я тогда еще не родился».

Лев начинает по-настоящему сердиться. Он говорит: «Ты наглец: я пришел сюда пить воду, а ты ее мутишь!»

Ягненок отвечает: «Пожалуйста, взгляните; вы стоите выше по течению. Я не могу мутить вам воду, это вы мутите мою воду. Как можно... ведь вода, в которой я стою, течет вниз, она не попадает к вам. Извините меня, вы плохо видите, – возможно, вам нужны очки».

Лев теперь по-настоящему сердится на то, что это... это уж слишком. Он окончательно отбрасывает всю аргументацию и разговоры, всю цивилизованность и культуру, прыгает на ягненка и говорит: «Твои родители не научили тебя, как следует разговаривать со старшими, и я собираюсь наказать тебя за это. Ты должен молчать, а ты отвечаешь. Это оскорбление!» И он позавтракал ягненком. Любые оправдания... И такова вся ваша история.

Басни Эзопа потрясающе прекрасны. Они не о животных, они о вас; они о звере, находящемся внутри вас.

Возможно, это к лучшему, что этот мир не выживет. Но я говорю: «возможно» – запомните это. И еще раз: *возможно*.

Все в мире рождается, растет, становится молодым, стареет, умирает. Это путь природы. Планеты рождаются, живут миллионы лет, но однажды, рано или поздно, приходит смерть. Везде, где есть рождение, есть и смерть. Они два полюса одной реальности.

Если человечество выживает... вы не должны принимать как данное то, что оно будет выживать всегда. Ничто не выживает навсегда, все имеет свое время. И как взгляну я на человечество, кажется мне, что мы, возможно, уже просрочили свое время. Мы уже прожили больше, чем заслуживаем.

Этот надвигающийся кризис третьей мировой войны не является чем-то спустившимся с небес. Он идет через нас. Мы привносим его в существование.

Все ваши великие политики, ваши папы, священники – все они усердно трудятся, чтобы приблизить третью мировую войну. Семьдесят пять процентов американского бюджета идет на третью мировую войну. Тысячи людей умирают, даже в Америке, от голода, холода, на улицах, – а семьдесят пять процентов

бюджета идет на то, чтобы разрушить тех, кто как-то ухитряется быть одетым, сытым и не умирать на улицах.

И после всего правительство должно заботиться о каждом; те семьдесят пять процентов гарантируют вашу смерть, смерть тех, кто сможет избежать голода, голодной смерти, холода, болезни. Правительство существует для народа, с помощью народа, из народа... оно должно заботиться обо всех вас, оно должно покончить со всеми вами.

И Америка – богатейшая страна. Но и бедные страны, такие как Индия, делают то же самое; семьдесят пять процентов их бюджета... Так и должно быть, потому что если Америка вкладывает так много энергии в войну, если Россия вкладывает столько же энергии в войну, то как могут бедные люди, бедные страны позволить себе *не* вкладывать столько же энергии в войну? Они просто следуют примеру этих великих лидеров.

Их люди умирают, – но кого волнуют умирающие люди? Кого беспокоят голодные люди? Суть вопроса – как вызвать всеобщее разрушение человечества.

И что же это за проблемы, которые вызвали столь решительный шаг? Демократия и коммунизм. И то, и другое – прекрасные идеологии, но только идеологии, не реальность.

Коммунизм – это диктатура пролетариата, правление бедных, беднейших. Казалось бы, совершенно по-христиански: «Блаженны нищие...» – лишь с небольшим отличием.

Иисус говорит, что они унаследуют царствие Божье после смерти. Возможно, Иисус ждет третьей мировой войны, потому что по-другому суметь собрать всех бедных в одном месте в одно время будет очень трудно. Третья мировая война сделает это очень легко: люди умрут почти одновременно. Самое большее – это займет десять минут; по всему миру за десять минут все будут мертвы. Это небольшая разница.

И это, во всяком случае, должен быть напряженный момент – так много душ рвутся в царствие Божье. Умрете ли вы на десять минут раньше или на десять минут позже – большой разницы нет. В любом случае толпа будет велика и огромна, – возможно, это и есть время, которого ждет Иисус для того, чтобы забрать беднейших в царствие Божье.

Маркс же просто спустил эту идею вниз на землю. Он сказал: «Кто знает, что случится после смерти? Почему не дать бедным унаследовать царствие Божье здесь и теперь?» Я думаю, он очень прагматичный христианин. И оба евреи: Иисус был евреем, Карл Маркс был евреем. Это тот же самый ум. Иисус –

это первый коммунист, потому что он был против богатых людей больше, чем сам Карл Маркс. Не Карл Маркс написал: «Верблюд пройдет в игольное ушко, но богатый не пройдет во врата рая». Это было написано Иисусом.

Я не думаю даже, что Карл Маркс согласился бы с этим, потому что это просто абсурд. И кто сказал Иисусу, что все верблюды богатые или все верблюды бедные? Есть богатые верблюды и есть бедные верблюды.

В Индии есть большая пустыня... это Раджастан, и я путешествовал по этой пустыне. Есть бедные верблюды, и есть богатые верблюды. Я не имел представления об этом факте, пока сам не узнал об этом. Каждый караван, идущий по пустыне, имеет два вида верблюдов, и вам не отличить один от другого.

Бедные верблюды – это те, которые взяты в караван просто для того, чтобы когда понадобится вода, убить их. Их единственная функция состоит в том, что они являются водоносами. Верблюд способен выпить так много воды, что он может выжить шесть недель совсем без питья. Так много воды он запасает. Бывает, что вам негде взять воду, тогда единственный путь – вскрыть верблюда и взять воду из его резервуара.

Я узнал об этом только потому, что я думал, что приходится убивать любого верблюда, когда это необходимо. Но это не так, верблюды разделены на два класса. Единственная функция нищих верблюдов – это носить воду и быть убитыми, когда возникнет необходимость.

Теперь мне интересно, знал ли об этом Иисус или нет, потому что он говорит о верблюдах так, как если бы верблюды были бесклассовым обществом: «Верблюд может пройти сквозь игольное ушко...» Но какой верблюд? Возможно, бедный верблюд вовсе не сможет достичь игольного ушка; он будет убит до этого. Только богатый верблюд сумеет добраться туда.

И это утверждение абсурдно, потому что если верблюд может пройти сквозь игольное ушко, я не вижу, почему богатый человек не может пройти. А когда вы умрете, тогда какая разница между бедным и богатым человеком – ведь богатство останется позади точно так же, как и бедность останется позади? Или вы думаете, что бедный человек будет нести свою бедность после смерти, а богатый человек свое богатство?

Просто разденьте богатого человека и бедного человека, обрежьте их головы, бороды, уничтожьте все внешние различия между ними, и вы будете в затруднении, если вам придется решать, кто из них богатый, а кто бедный. Весьма вероятно,

бедный человек будет принят вами за богатого, потому что у него меньше морщин на лбу, порожденных заботами.

Раздетый, он будет выглядеть гораздо более спортивным, чем богатый человек. Богатый человек может спрятать свое бесформенное тело под красивыми одеждами, бедный не может. Бедный человек может выглядеть более прекрасным, чем богатый, потому что красота богатого в большей или меньшей степени нарисована. Красота бедного натуральна.

Я вспомнил одного из моих друзей, который был в концентрационном лагере в Германии. Он еврей... Странно, что у меня друзей-евреев больше, чем у кого бы то ни было еще. Много раз я думал, что эти люди не похожи на людей, которые могли распять Иисуса. Одна треть моих санньясинов – евреи. Я посвятил в санньясу много раввинов.

Этот еврейский друг рассказывал мне, что он выжил только потому, что война закончилась до даты, назначенной для его смерти. Германия потерпела поражение, и все заключенные были освобождены. Как раз за два дня до этой даты – двумя днями позже, и он был бы только черным дымом в небе. Но он видел тысячи исчезнувших через трубу газовой камеры.

Он говорил мне: «Многие вещи, которые были непонятны и могли оставаться непонятными в течение всей моей жизни, стали ясными. Этот концентрационный лагерь многому научил меня. Во-первых, тому, что моя смерть стала приближаться и мои друзья начали исчезать – каждый день исчезало по несколько номеров...»

Люди были известны по номерам, а не по именам. Все, что создавало разницу между ними, было отброшено. Врач, профессор, предприниматель, инженер, нищий – вы не сумели бы сказать, кто из них кто.

Это был один из основных моментов в концентрационном лагере: разрушить вашу личность до такой степени... Даже люди с золотыми зубами – золото забиралось, потому что оно создавало различие, вы выглядели богаче.

А перед тем, как они шли на встречу со смертью, их брили и вся их одежда отбиралась. Все – их обувь, их часы, одежда... все отбиралось. А затем они шли по длинному коридору с зеркальными стенами.

Мой друг говорил, что то было многое открывающее переживание – видеть себя обнаженным с сотнями обнаженных, обритых людей. Вы не можете узнать себя в толпе. Кто вы в этой толпе? Вы смотрите в зеркало и не можете сказать «это я». Они

все выглядят одинаково. Так что вся разница была только в «персоне». Вся разница была в оболочке, но не в сущности. Богач, нищий – они оба были абсолютно похожи.

Так вот, он говорит: «Это дало мне почувствовать, что человек рождается бесклассовым и принуждается обществом к тому, чтобы стать частью класса, касты, религии; другими словами, ребенок приходит в мир без касты, без национальности, без религии и без друзей или врагов – он приходит без какой-либо идеологии. И глубоко внутри он остается таким же. Стоит вам только снять с него оболочку, и вы найдете того же самого человека».

Если это происходит, стоит лишь снять ваши одежды, то что же будет в том случае, когда будет удалено также и ваше тело? Существуют ли бедные души и богатые души и на каком основании они будут бедными или богатыми – ведь их банковские счета не будут больше учитываться?

На каком основании Иисус говорит эту бессмыслицу: «Блаженны нищие...»? Похоже, Маркс приводит Иисуса в здравый рассудок. Он говорит: «Если бедные собираются унаследовать царствие Божье, то почему не здесь? Если они действительно наследники, то давайте начнем прямо теперь, в этой жизни. Зачем ждать смерти?»

Идея коммунизма неплоха – все должны иметь равные возможности для развития, потребности каждого должны быть удовлетворены, каждому – по потребностям. Что в этом такого неверного, что ради этого весь мир должен быть разрушен? И это только идея; она нигде не была реализована – ни в России, ни в Китае, ни где бы то ни было еще.

Кажется, по самой природе вашего так называемого человека невозможно реализовать ее, потому что обязательно будут хитрые люди, обязательно будут невинные люди – и хитрый будет всегда эксплуатировать невинного. С этим ничего не поделаешь. Всегда будут предприимчивые люди и ленивые люди. Ну и ленивый останется далеко позади. Что можно поделать с этим? Как можно обеспечить равные возможности неравных людей?

Можно поставить ленивого человека на одной линии с олимпийским чемпионом по бегу и сказать им: «Мы дали вам равные возможности, точно по сигналу колокола или по свистку – равные возможности – вы побежите». Вы даете равные возможности, но эти люди-то не равны. Ленивый не выиграет в

соревновании. И это не будет его виной. Что он может поделать? Он родился ленивым, точно так же как другой родился бегуном.

Итак, коммунизм невозможен. Это невыполнимая идея. А те, кто будет у власти, диктаторы... ведь все бедные люди не могут быть диктаторами. Когда вы читаете Карла Маркса, кажется, что будет диктатура пролетариата, диктатура бедных. Но могут ли быть миллионы диктаторов? Это предел, когда диктатура представлена одним диктатором. Будет бюрократия, иерархия. Будут маленькие диктаторы, затем чуть побольше, затем еще чуть побольше. И затем на самой вершине будет самый большой диктатор.

Фактически, Иосиф Сталин имел больше власти, чем любой человек за всю историю человечества. Странно: в безвластном, равном, бесклассовом обществе Иосиф Сталин стал самым могущественным человеком за всю историю.

Я не думаю, чтобы кто-нибудь убил так много людей, как Иосиф Сталин: по крайней мере один миллион, без всяких сомнений и без труда. Он единственный человек, кто превратил целую страну в концентрационный лагерь. Адольф Гитлер – ничто по сравнению с ним. Адольф Гитлер создал несколько концентрационных лагерей, но вся страна не была концентрационным лагерем. Фактически, вся страна даже не знала, что были концентрационные лагеря. Они были расположены в пустынных районах. О них стало известно только после того, как мировая война закончилась.

Иосиф Сталин гораздо умнее. Он не делал маленькие концентрационные лагеря; он просто всю страну сделал концентрационным лагерем, так что никто даже не представлял, что он в тюрьме. Как можно представить себе, что вы в заключении? Границы так далеко от вас, Россия занимает одну шестую часть суши всего мира, крупнейший кусок земли. Тысячи миль от железного занавеса; вы никогда не узнаете о нем. И это не тот железный занавес, который можно увидеть; он совершенно невидим.

Вся Россия живет в абсолютном рабстве. Такого рабства мир никогда не знал прежде. Невозможно протестовать против этого. Впервые протест стал абсолютно невозможен. В России, если не импортировать туда революцию, ничего сделать нельзя, – а импортировать революции невозможно. Внутри же нет возможности для революции, потому что за каждым шпионит по крайней мере столько людей, сколько он знает.

Жена шпионит за мужем, а муж шпионит за женой, потому

что муж принадлежит к коммунистической ячейке, в которой он становится тем более уважаемым, чем больше он сообщает о своей жене, своих детях, о своих братьях, отце, матери. Он становится более уважаемым, он приобретает власть; он становится более значительным членом ячейки. Он имеет шансы подняться в иерархии.

Жена – член женского коммунистического союза, где у нее имеются те же самые возможности; это рост для нее. И они сумели внедрить в сознание каждого ребенка идею о том, что коммунизм обладает приоритетом. Не имеет значения, шпионите ли вы за своим отцом или за своей матерью; если вы шпионите ради коммунистической идеи, вы патриот, вы *истинный* сын советской земли, коммунистического общества.

Для маленьких детей, для различных возрастных групп, у них много союзов... Пятилетний ребенок пойдет и скажет, что его отец сказал что-то против правительства; и это донесение дойдет куда надо, и в ту же ночь отец исчезнет с земли – вы никогда не услышите его снова.

Люди боятся говорить со своими женами, со своими сыновьями, со своими друзьями, потому что никто не знает, кто предаст их. «И стены имеют уши» – это только поговорка во всех языках, но в русском она стала действительностью; стены *имеют* уши.

Коммунизма нет нигде, и люди, находящиеся у власти, остаются у власти все эти шестьдесят лет с тех пор, как произошла революция. Та же самая группа управляет страной шестьдесят лет непрерывно. Один за другим; если один умрет, то другой, следующий за ним, из той же самой группы придет к власти. А с другого конца один человек переводится в группу. Но группа та же самая, что пришла к власти в 1917 году. Сейчас 1985 год: та же группа у власти – вы не можете выгнать ее.

В России нет забастовок, потому что как вы можете бастовать? Правительство – коммунистическое, профсоюз – коммунистический, ведь существует только одна партия. И их объяснение очень правильное. Они говорят, что когда есть только один класс, то как может быть много партий? Один класс – одна партия.

В классово разделенном обществе существует много партий, потому что существуют сталкивающиеся интересы, но в России нет сталкивающихся интересов. Все равны, их интересы одинаковы, поэтому у них одна партия. Вся страна, вся промышленность, все – собственность правительства.

Коммунистическая партия – это правительство, коммунистическая партия – это профсоюз, коммунистическая партия – это все. Бастовать невозможно. Против кого? Кто будет бастовать? Вы не можете протестовать. Вы не можете использовать даже словесный протест.

Революция произошла в 1917 году; с тех пор нет необходимости ни в какой революции. Это уже прошло. Было необходимо свергнуть старое общество, которое и было свергнуто. Теперь пришло новое общество.

Коммунизма нет. Люди, которые у власти, богаты, богаче, чем когда-либо. А люди, у которых власти нет, беднее чем когда-либо. Но они не могут даже сказать этого. Да, старые классы исчезли, но появились новые классы: те, у кого власть есть, и те, у кого власти нет. Были богатые и бедные; теперь есть имеющие власть и лишенные власти; а быть лишенным власти – это еще большая бедность. И группа людей, имеющих власть, стала намного больше и богаче – и в их руках власть *абсолютная*.

Теперь против этого общества борется другая группа, демократия. Но это также только идеология: «Для народа, из народа, с помощью народа» – но где существует такое? Вы где-нибудь видели демократию? Она вовсе нигде не существует. Это только фасад, внешний вид.

Да, страны, подобные Америке, имеют двухпартийную систему, но вы заметили – обе партии имеют почти одинаковые программы. Какие различия в их программах? Очень странно...

Одна партия управляет четыре года; люди сыты этим по горло, им надоело видеть все те же лица по телевизору, в газетах все те же речи, те же лозунги, те же обещания; нет никакой возможности выполнить хотя бы что-нибудь. Проблемы продолжают увеличиваться, и люди сыты по горло: «Вам даны были четыре года, а вы потратили их напрасно».

Другая партия – в которой люди того же самого типа, идеи того же самого типа – приобретает симпатии. Нет разницы ни в людях, ни в идеологиях. Но это игра, очень психологическая игра.

Память людей очень коротка; четыре года – долгое время. Одна партия терпит поражение, потому что она надоела людям, и ничего не поделаешь. Другая партия приобрела симпатии. Чего же еще делать? Вы должны выбирать между двумя разновидностями тупиц!

За всю свою жизнь я никогда не голосовал. Вся моя семья была политически ориентирована. Все они были борцами за

свободу; они сидели в тюрьмах, страдали, — естественно, когда страна стала свободной, они нашли себя в политике. Мои дяди говорили мне: «Ты образованный человек — почему ты не пользуешься своим правом голосования? Ведь это право создавать правительство или менять правительство».

Я отвечал: «Я понимаю, но менять одного тупицу на другого тупицу просто бесполезно. Это не имеет значения; это просто смена имен, а все остается тем же самым». Фактически, лучше сохранить прежнего тупицу, потому что рано или поздно он накопит достаточно богатства, власти, репутации, славы; он станет менее жадным. Очевидно, всегда есть точка насыщения.

Когда вы заменяете прежнего тупицу, вы даете власть новому тупице — один был республиканцем, другой является демократом; новый тупица немедленно бросается в накопительство и берет так много, как только может, потому что четыре года скоро закончатся и люди будут также сыты им по горло.

Итак, на протяжении четырех лет он эксплуатирует все, что может. Тем временем другая партия завоевывает симпатии. Это игра. А люди забывчивы: «Эту партию мы уже отвергали». Сколько раз в Америке отвергались республиканцы? А сколько раз отвергались демократы? И сколько раз вы собираетесь делать то же самое снова и снова?

Просто подсчитайте: сколько раз за две сотни лет эта самая партия отвергалась? Если у вас есть сколько-нибудь рассудка, то партию, отвергнутую однажды, надо бы отвергнуть навсегда! У нее нет разумности, в ней нет потенциала, нет идеологии; с ней должно быть покончено. Но две партии продолжают избираться, сменять друг друга... И это очень тонкий заговор. Они, как кажется, выступают друг против друга — и они дурачат всю страну.

В России одна партия, в Америке две партии, — но разницы нет. В Америке вам надо дурачить людей каждые четыре года; в России они одурачены раз и навсегда. Они освободились от необходимости одурачивать — так в чем дело? Я не вижу никакой разницы, но это *кажется* демократичным.

В Индии, когда кто-нибудь умирает, его тело должно быть отнесено в крематорий, потому что в Индии тела умерших сжигают. Для переноски тела изготавливают бамбуковые носилки, и четыре человека несут носилки. По пути случается так, что вы располагаете вес носилок на одном плече; через какое-то время вы хотите поменять плечо, потому что чувствуете, что устали, — и вы подставляете другое плечо. Это не уменьшает

тяжесть, но дает некоторое облегчение; по крайней мере, на некоторое время вы чувствуете, что груз как бы не давит. Снова после нескольких ярдов вы начинаете чувствовать вес на другом плече; снова меняете.

Я ходил на похороны каких угодно людей потому что, по крайней мере, в смерти не должно особенно волновать, кто именно умер. В жизни вы можете сохранять различия: это ваш друг, а это ваш враг, это ваша мать, а это ваш отец. Но, по крайней мере, в смерти вам следует отбросить всю эту чепуху. Надо просто сказать последнее прощай, кем бы он ни был...

Моя семья была против; они сказали мне: «Это неправильно, не по обычаю. Если не знаешь человека, если не знаком с ним, если не приглашен...»

Я сказал: «Вы говорите чепуху! Как может мертвый пригласить вас?»

А они сказали: «Мы не говорим о том, чтобы умерший приглашал тебя, но его родственники».

Я сказал: «Почему я должен беспокоиться о его родственниках и их приглашении? Я не собираюсь устраивать проводы *и.м.* Когда придет их время, я приду, но я хожу и к нищим, и к самым богатым людям, к любимым». Я получал удовольствие от всего путешествия. Стоило пройти две или три мили — ведь место, где происходило сожжение, находилось в двух, трех милях за городом.

И я видел людей, несущих тело вдоль всего этого пути, и я спросил их: «Зачем вы все время так делаете — ведь ваша ноша все та же? *Это* плечо ваше, и *это* плечо ваше: к чему эта двухпартийная система?»

Они сказали: «Двухпартийная система?»

Я сказал: «Да, это демократический путь, это демократия. Это плечо — республиканцы, это плечо — демократы. Оба плеча ваши, и оба устанут, и оба будут выполнять ту же самую работу. Кого вы пытаетесь обмануть?»

В России, я полагаю, лучше: они несут мертвое тело на головах — однопартийная система. Они отбросили старую модель плеч — просто на своих головах. К тому же это выглядит более уважительным.

Нигде не существует ни демократии, ни коммунизма.

Они оба притворяются существующими, и ради этих двух притворщиков весь мир должен умереть.

Если люди настолько глупы, что не могут видеть этого притворства, то я думаю, что, возможно, это и хорошо, что они

должны умереть. Почему мы должны беспокоиться? Мы не собираемся жить вечно. Что касается любой индивидуальности, то она смертна. А когда вы умрете, то какое вам дело до того, продолжает жить общество или нет? Для вас в тот момент, когда вы закрываете глаза, все закончено: третья мировая война произошла.

Я настойчиво пытался постичь... Если я умер, то имеет ли значение, продолжает мир жить или нет? И почему я должен беспокоиться и напрасно терять время моей жизни? Я должен наслаждаться прямо сейчас. Одна вещь несомненна, это то, что я не буду здесь всегда. Если после меня случится потоп, пусть случится!

И люди, кажется, почти заслужили это. Они всеми способами доказывают свою глупость.

Даже великий, гигантский мыслитель, Артур Кестлер, пришел к гипотезе, что, возможно, в самом начале человеческой истории что-то в человеческом мозгу пошло не так. Механизм неисправен, поэтому все идет неправильно. Даже с добрыми намерениями идет неправильно.

Когда человек, подобный Артуру Кестлеру, говорит что-то, вы должны обдумать это дважды. Это работа всей его жизни. Думая обо всей истории человека, он находит, что во все времена, в каждом обществе, в каждой культуре, в каждой цивилизации где-то что-то идет не так; и каждый индивидуум в своей индивидуальной жизни постоянно поступает неправильно.

Кажется, существует что-то встроенное, что заставляет людей идти неправильно, и если мы не изменим это, то, возможно, нет надежды.

Никто не знает, какая гайка, какой болт ослаблен или туго затянут. Никто не знает, никто не взглянул в этом направлении. Но что-то, кажется, определенно неправильно. Тот, кто имеет хоть немножко рассудка, может увидеть это.

Весь мир теперь готов жить изобильно, роскошно; наука готова обеспечить вас пищей, одеждой, благосостоянием, медициной, долгой жизнью – всем. Но все научные проекты игнорируются; единственные принятые проекты – для войны.

Жизнь, кажется, никого не интересует. Смерть кажется чрезвычайно привлекательной.

Я разговаривал с Индирой Ганди, и я сказал ей: «Индия так бедна, вы не можете надеяться стать мировой силой; для этого нет возможности. Вы не можете состязаться с Россией или Америкой. Вам надо триста лет, чтобы стать такой державой, как

Америка сейчас. Но эти триста лет Америка не собирается просто сидеть и ждать, когда вы наберете скорость».

«За эти триста лет Америка уйдет от вас на девятьсот лет вперед. Понимаете ли вы эту простую вещь?»

Она ответила: «Я могу понять это».

Я сказал: «Если вы можете понять это, то прекратите все ваши проекты для комиссии по атомной энергии, атомным электростанциям и ядерным вооружениям. Что за чепуху вы делаете? Вы не можете соревноваться с ядерными державами. Если бы была хоть какая-то надежда, я сказал бы: хорошо, идите вперед; пусть люди голодают – они голодают миллионы лет, они могут потерпеть еще несколько сот лет. И любым путем, голодая или не голодая, все придут к смерти; дайте им умереть, забудьте о них. Идите вперед и состязайтесь».

«Но у вас нет силы для соревнования. Тогда не будет ли мудрым курс на то, чтобы Индия объявила себя интернациональной страной, чтобы мы убрали границы, убрали саму идею о том, что вы должны приезжать в страну с разрешением, что вам нужен паспорт. Нет, мы просто открыли всю страну для всего мира. Все, кто хочет приехать, – добро пожаловать. Мы так бедны, что мы не можем быть еще беднее».

«Но это будет прецедентом, и это будет исторический момент: одна страна торжественно заявляет, что нет больше нации, что она принадлежит всему миру».

«Вы не можете победить Китай, вы не можете победить Россию или Америку. Если вы не можете победить, почему не избрать какой-то другой курс? Заявить: “Мы беззащитны, мы распускаем наши вооруженные силы, мы отправляем наших солдат на поля, на фабрики. Мы больше не играем в войну; мы больше не участвуем в этом”».

Она ответила: «Тогда любой может напасть».

Я сказал: «Любой может напасть *теперь* – что это меняет? На самом деле, тогда напасть на Индию будет труднее, потому что будет всемирное осуждение. Страна, которая объявляет себя беззащитной, распускает свои армии и отправляет их на поля и фабрики, приветствует всякого, кто хочет приехать, вложить деньги, развивать промышленность, делать что-нибудь... Будет почти невозможно для всякого напасть на Индию, потому что весь мир будет против такого захватчика».

«На вашей стороне будет столько симпатий и так много друзей, что никто не осмелится. Прямо сейчас любой может напасть на вас. И на вас уже напал Китай; Китай уже оккупирует

тысячи миль земли, а Индия не имеет даже мужества поднять вопрос: «Пожалуйста, верните эту землю»».

Отец Индиры, пандит Джавахарлал Неру, сказал: «Эта земля бесплодна, даже трава не растет там». Я написал ему письмо, говоря: «Если даже трава не растет там и она бесплодна, почему вы сначала пошли воевать? Вы должны были сказать китайцам: “Можете оккупировать столько территории, сколько можете. Даже трава не растет. Если вы сумеете вырастить что-нибудь, хорошо, потому что для нас она бесполезна в любом случае. Мы даем ее вам как дар”».

«Что может быть более приличествующим джентльмену – отдать ее им как дар лучше, чем быть побежденными. Почему вы стали воевать? Вы потом узнали, что там трава не растет, что это пустынная земля?»

«На вас могут напасть, – сказал я Индире. – На вас уже напали, а ваши вооружения и ваши армии не помогли. Даже сильнейшие государства подвергались нападению. Мы видели, как даже могущественная нация, подобная Германии, терпела поражение, как могущественная нация, подобная Японии, терпела поражение. Мы знаем, что пять лет Германия побеждала все большие нации».

«Если вы примете мое предложение, вы взойдете на вершину; вы докажете истинную мудрость в самом точном значении слова. И вы докажете, что это не только разговоры, будто Индия страна мудрости; вы докажете этим, что вы действительно мудры. Где вы не можете победить, лучший путь – отбросить саму идею борьбы».

Я рассказал ей один случай, который очень сильно поразил меня. В школе, где я учился, каждый год проводились соревнования по борьбе. Там были и другие соревнования, борьба была одним из них. Это были районные соревнования, таким образом, со всего района по крайней мере тридцать школ должны были прислать своих борцов.

И так случилось, что борец, который был выбран от моей школы, показал себя действительно странным человеком. Он вышел бороться с противником и, увидев, что тот вдвое больше его, просто лег плашмя на землю, даже не коснувшись противника.

Все были потрясены: «Что это? Что это за вид борьбы?» А он все улыбался, так что люди не могли даже смеяться и улыбаться из-за его улыбки.

Он сказал: «Глупо бороться с этим человеком – он переломает все мои кости. Нет никакого шанса победить, но, по крайней мере, я могу достойно отказаться от участия. Я счастлив, все счастливы, он счастлив. И я не потерпел поражения, он не может заявить, что он победил меня».

Мне понравился этот молодой человек; я очень подружился с ним, и я сказал: «Вот она истинная разумность». Вся школа осуждала его, все учителя осуждали его.

Директор вызвал его и тоже осудил: «Это... вы думаете это шутка? Вы сделали всю школу посмешищем района. А мы были победителями три года подряд».

Борец пришел ко мне и сказал: «Это трудно. Все, – кроме вас, никто не поддержал меня».

Я ответил: «Пойдем вместе со мной к директору». И я сказал директору: «Пожалуйста, повторите то, что вы сказали ему».

Директор спросил: «Зачем?»

Я ответил: «Потому что этот человек кажется мудрее, чем любой ваш преподаватель, включая вас. Что было сутью его борьбы? Его поражение было несомненно. Но он спас вас от поражения школы. Вы не потерпели поражения; вы не победитель, но вы и не потерпели поражения. И он сделал всю ситуацию веселой, а не такой, над которой надо плакать и рыдать».

«На самом деле, это он поставил противника в глупое положение, потому что, стоя готовым к борьбе, он выглядел так глупо, что всякий раз, когда я использую слово “глупый”, я немедленно представляю ту картину. Он не смог понять и постичь, что произошло! Этот человек лежал плашмя, потому что это обычай в Индии: человек должен лежать плашмя, вся его спина, плечи касаются земли. Пока этого не случилось, борьба продолжается; один из двух борцов должен коснуться земли».

«Тот человек стоял, а этот человек смеялся и спросил: “Ну, чего ты хочешь теперь? Можно мне встать? Или если это неприятно тебе, я могу лежать – в этом нет проблемы”. И вся толпа, что пришла смотреть борьбу, на мгновение была ошеломлена».

Я сказал директору: «Этот парень сделал нечто естественное. Он хороший борец, он победил на школьных соревнованиях; он нанес поражение всем борцам нашей школы. Он хороший борец – вы не можете сказать, что он не может бороться, – но эта ситуация была такой ясной, ведь его противник был вдвое больше него. Он выглядел как профессиональный борец, и я сомневаюсь», – и мои сомнения оказались справедливыми... «Я

полагаю, что он нанят, что в действительности он не учится в школе, потому что его возраст кажется...

И я сказал директору: «Это надо расследовать. Я не думаю, что этот человек учится в школе». И это было действительно так – он *был* нанят; и школа, от которой он выступал, была так далеко, что, конечно, в нашем городе никто не знал этого человека, никто не знал, учится он где-нибудь или нет. А иногда это случается; несколько человек все время проваливаются на экзаменах и остаются позади.

В моей школе был один человек, который проваливался на экзаменах одиннадцать лет на самом первом курсе. Люди, которые учились с ним, стали учителями, – а он так никогда и не закончил учебу. Но директор, преподаватели, школа – все хотели, чтобы он оставался; они говорили: «Не бросай учебу», потому что он был силен во многих вещах.

Я видел много людей, играющих в хоккей, но этот человек был просто волшебником. В Америке хоккей не такая популярная игра, как футбол, но в Индии – благодаря Британии – хоккей наиболее значительная игра. И вот, этот человек... Я видел много людей, играющих в хоккей, но волшебная манера его игры была такова, что мяч, казалось, почти приклеивался к его клюшке.

А когда он двигался, его движения были так стремительны, так быстры, что вы не могли уследить за ним. Где он шел... что он делал, все было таким быстрым, стремительным, и мяч все время оставался как приклеенный, почти как приклеенный к его клюшке. Я даже пытался понять, не использует ли он на самом деле какой-нибудь клей или что-то, что заставляет мяч оставаться прилипшим, – и он все время так легко двигался.

Но ничего такого не было; просто его движения были действительно тренированными. Одиннадцать лет непрерывных тренировок... любой был просто ребенком перед ним. Так что школа была счастлива, что он продолжал проваливаться на экзаменах, потому что он делал школу чемпионом всей провинции.

Так мы думали, что, возможно, тот борец проваливался на экзаменах или еще что-нибудь; но обнаружилось, что он был нанят: он был профессиональным борцом. Тогда я сказал моему директору: «Чего вы теперь хотите? Вы должны извиниться перед тем парнем. То, что он сделал, было абсолютно правильным, и теперь вы должны подать в суд против той школы. Приз должен быть возвращен в нашу школу», – потому что то было финальное соревнование между нашей школой и той школой.

И мы пошли в суд; мы выиграли дело и получили приз обратно. И я сказал: «Все это было сделано благодаря спонтанному пониманию этого молодого человека, благодаря пониманию того, что в тот момент вся эта борьба была бесполезной».

Я сказал Индире: «Индия находится в таких же условиях, вы можете сделать это историческим моментом, беспрецедентной вещью, ведь нет страны, которая когда-либо осмелилась... И вы ничего не потеряете, так как что вы можете потерять? Вы не будете атакованы теми, кто хотел бы напасть; прямо сейчас они могут напасть».

«А как только вы сделаете это, пригласите ООН; скажите, что ООН может быть только в Индии и нигде больше, потому что это единственная нейтральная страна, единственная страна, которая отбросила все свои национальные претензии, являясь необычной нацией. Это единственная страна, которая принадлежит всему человечеству. Пусть ООН будет здесь. Подчините все ваши войска и все ваши вооруженные силы ООН и скажите им, чтобы использовали те войска для мира на планете, для дружбы во всем мире».

Она ответила: «Я понимаю вас – вы всегда правы, я всегда ошибаюсь, – но что делать? Это уже слишком – у меня нет столько мужества, чтобы сделать это. Только человек, подобный вам, может делать подобные вещи, но такой человек, как вы, совсем не интересуется политикой».

«Мой отец говорил вам: “Идите в политику”». Я говорила вам: “Идите в политику”, а вы говорите, что не хотите участвовать в этой грязной игре. Но без участия в этой грязной игре вы не можете быть в положении, в котором нахожусь я. А находясь в этом положении, я должна принимать во внимание тысячу и одну вещь, потому что если я скажу подобное, то позади меня есть люди, которые не упустят такой возможности, которые просто выволокут меня из министерства и скажут: “Эта женщина сумасшедшая!”»

«И это будет выглядеть как сумасшествие, потому что никто не делал этого прежде. Они немедленно захватят власть, говоря: “Эту женщину надо лечить”, и никто не будет слушать меня».

Она хотела прийти ко мне. Так много раз она выкраивала время, а затем в последний момент она сообщала мне: «Это трудно, потому что люди вокруг меня не позволят мне даже прийти к вам, потому что они говорят: “Даже визит к этому человеку повлияет на ваше политическое положение в стране”».

«Никто не будет беспокоиться, что произошло между вами, о чем вы говорили, – никто не будет интересоваться этим – просто вашего визита к этому человеку достаточно, чтобы повлиять на ваше положение; даже ваш пост премьер-министра будет отобран». Они все против вас; а я ничего не могу сделать против них».

В день, когда она была убита, я думал: «Что же теперь все те люди? Они не смогли спасти тебя от террористического акта. Они воспрепятствовали тебе встретиться со мной; они не могут предохранить тебя от смерти. Так как *теперь* насчет позиции?»

На самом деле, если бы я был на ее месте, я рискнул бы даже быть объявленным сумасшедшим. На это стоило бы пойти. Я рискнул бы даже быть вывоченным из министерства. По крайней мере, в летописях осталось бы, что один человек сделал все от него зависящее, чтобы принести немного здравого смысла человечеству.

Но сейчас это человечество так бесчувственно, что если его уничтожить, то, возможно, этому самое время. Но я не пессимист. Я неизлечимо оптимистичный человек. Я все еще надеюсь вопреки всему. Возможно, все человечество не сможет выжить, но немногие, немногие избранные могут спастись. И этого достаточно.

Весь мир начался только с одной пары – Адама и Евы. Если мы можем спасти просто одну пару – одного *свами*, одну *ма*, этого будет достаточно! И столько мы можем спасти.

Итак, нет необходимости беспокоиться. Пусть весь мир идет ко всем чертям. У нас будет, по крайней мере, одна *ма* и один *свами*, и они могут начать всю игру снова!

Беседа 28

СПИД: БОЛЕЗНЬ СИРОТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

25 февраля 1985 года

Бхагаван,

Не будете ли Вы так добры рассказать о СПИДе?

Я ничего не знаю даже о первой помощи, а вы спрашиваете меня о СПИДе (по-английски первая помощь – first aids, а СПИД – AIDS). Но, кажется, мне нужно что-то сказать об этом. А в мире, где люди, ничего не знающие о себе, могут рассуждать о Боге, где люди, ничего не понимающие в географии Земли, могут говорить о рае и аде, не будет и для меня зазорным высказать свое мнение, несмотря на то, что я не врач. Но болезнь, сегодня называемая СПИДом, – это не только болезнь. Это нечто большее, нечто выходящее за рамки медицинской специализации.

Насколько мне кажется, эта болезнь не принадлежит той же категории, что и все остальные болезни; отсюда и опасность этого заболевания. Возможно, она убьет две трети человечества. В основном эта болезнь заключается в неспособности сопротивляться заболеваниям. Человек мало-помалу обнаруживает, что он подвержен воздействию всех видов инфекций и у него нет внутреннего сопротивления для борьбы со всеми этими инфекциями.

Для меня это означает, что человечество теряет волю к жизни.

Если человек теряет волю к жизни, то его сопротивляемость немедленно падает, ведь его тело следует за умом. Тело – это очень консервативный слуга; оно служит уму по-религиозному. Если ум теряет желание жить, то это отражается на теле потерей сопротивления к болезням, к смерти. Конечно, врача никогда не будет беспокоить воля к жизни – вот почему я подумал, что будет лучше, если я выскажусь по этой проблеме.

Она становится такой широкомасштабной проблемой во всем мире, что любое проникновение в суть проблемы в любом

направлении может принести огромную помощь. Только в Америке в этом году зарегистрировано четыреста тысяч человек, зараженных СПИДом, и каждый год эта цифра будет расти вдвое. В следующем году она достигнет восьмисот тысяч, а затем одного миллиона шестисот тысяч; так и будет продолжаться дальше. Только в этом году Америке необходимо пятьсот миллионов долларов для помощи инфицированным, и до сих пор нет надежды на их спасение.

В самом начале полагалось, что это заболевание гомосексуалистов. И по всему миру исследователи поддерживали идею о том, что это что-то гомосексуальное; и было обнаружено, что женщины болеют реже мужчин.

Но только вчера сообщение из Южной Африки изменило эту точку зрения. Южная Африка наиболее заинтересована в исследовании этой болезни, потому что Южная Африка – наиболее зараженная зона. Такое впечатление, что черное население заболевает в два раза чаще, чем белое. Южная Африка страдает от огромной эпидемии СПИДа; поэтому они и исследуют эту болезнь. Для них это вопрос жизни и смерти.

Их сообщение довольно странное. Оно гласит, что СПИД – это совсем не заболевание гомосексуалистов, это заболевание гетеросексуальное, и оно возникает, если люди постоянно меняют партнеров – встречаясь со многими женщинами, со многими мужчинами, постоянно меняя партнеров. Такая постоянная смена партнеров является причиной этого заболевания. Согласно их исследованиям гомосексуальность здесь не причем. Теперь все исследователи из Европы и Америки стоят на своей позиции, а сообщение из Южной Африки противостоит им.

Для меня это очень важно. Здесь нет ничего общего с гомосексуальностью и гетеросексуальностью. Несомненно, это как-то связано с сексом. А почему это связано с сексом? Потому что в сексе коренится воля к жизни. Если исчезает воля к жизни, то секс становится наиболее уязвимой зоной жизни, в которую приглашается смерть.

Запомните лучше, что я не человек медицины, и все, что говорю, исходит из совершенно иной точки зрения. Но гораздо более вероятно то, что мои слова ближе к истине, чем то, что говорят так называемые исследователи, потому что их исследования поверхностны. Они думают только о случаях заболевания; они собирают данные и факты.

Это не мой путь — я не собиратель данных и фактов.

Моя задача — не в исследовании, а в интуиции, понимании.

Я стараюсь в каждую проблему заглянуть так глубоко, как это возможно.

Я просто игнорирую поверхностное — поле деятельности исследователей.

Мою работу можно назвать проникновение, преследование, а не исследование.

Я стараюсь проникнуть глубоко, и я ясно вижу, что секс — это явление, наиболее тесно связанное с волей к жизни. Если воля к жизни снижается, то секс становится уязвимым; так что это не вопрос гомосексуальности или гетеросексуальности.

В Европе и Америке обратили на это внимание из-за совпадения первых случаев заболевания с гомосексуальностью; возможно, гомосексуалисты больше потеряли воли к жизни, чем гетеросексуалисты. Все исследование было ограничено Калифорнией, и большинство жертв оказались евреями; очевидно, исследователи обнаружили, что это связано с гомосексуальностью. Если у какого-нибудь гетеросексуала обнаруживались симптомы, то, естественно, предполагалось, что он заразился от гомосексуального партнера.

Калифорния — очень глупая часть мира, а в том, что касается секса, это самая извращенная часть мира. Можно также сказать, самая авангардная, прогрессивная, революционная, но эти красивые слова не спрячут истины: Калифорния стала слишком извращенной.

Почему это произошло, это извращение? И почему это произошло именно в Калифорнии? Потому что Калифорния — это одно из самых культурных, цивилизованных, богатых обществ. Естественно, у них есть все, о чем вы мечтаете, все, что вы желаете, — и именно там и возникает проблема воли к жизни.

Когда голодаешь, думаешь о получении работы, еды, нет времени, чтобы думать о жизни и смерти. Вы не задумываетесь о смысле существования. Это невозможно: голодный человек не может думать о красоте, живописи, музыке. Приведите человека, умирающего от голода, в музей, полный прекрасных шедевров искусства. Вы думаете, что он обратит внимание на красоту? Голод его не даст этой возможности. Все это роскошь. Только после того, как будут удовлетворены основные потребности,

человек сталкивается с реальными проблемами жизни. Бедные страны не знают реальных проблем.

Следовательно, когда я говорю, что богатейший человек является самым бедным, то можно понять, что я имею в виду, говоря это. Богатый человек сталкивается с неразрешимыми проблемами жизни и увязает в них; от них некуда деться. У бедного человека всегда есть, чем заняться, чего достигнуть, кем стать. Никого не волнует философия, теология, искусство. Для него это слишком много, его интересуют очень мирские, мелкие понятия. И для него невозможно перестроить свое сознание и начать думать и размышлять о существовании, бытии — просто невозможно.

Калифорния, к сожалению, одна из счастливейших частей мира во всех отношениях: там самые красивые люди, красивая земля и там достигнут пик роскоши. Именно там и возникает вопрос. Все уже сделано; так что же еще делать? Вот с этого момента и начинаются извращения.

Вы познали много женщин и поняли, что все они одинаковы. Как только выключаешь свет, все женщины похожи одна на другую. Когда выключен свет, тогда если женщина уйдет в другую комнату и придет ваша жена, — а вы не заметили, — то вы переспите даже со своей женой, одаривая ее прекрасными словами, не зная, что вы разговариваете со своей женой. Что вы делаете! Если кто-нибудь узнает, что вы произносили эти прекрасные слова — выученные по голливудским фильмам — своей собственной жене, они наверняка подумают, что вы сошли с ума. Эти слова предназначены для чужих жен, не для *своей*. Но в темноте нет разницы.

Если мужчина знает много женщин, женщина знает многих мужчин, то одно можно сказать точно — все это одно и то же, повторение. Разница — поверхностна, а в том, что касается сексуального контакта, разницы между ними нет никакой: нос немного длиннее, или немного светлее волосы, блеее лицо или немного загорелое — какая во всем этом разница, когда занимаешься любовью с женщиной? Да, до совокупления все это создает разницу. И продолжает вносить разницу в странах, где моногамия все еще является правилом.

Например, в такой стране, как Индия, СПИД не распространится, это невозможно по той простой причине, что люди знают только своих жен, только своих мужей всю свою жизнь.

И в них всегда сохраняется интерес к тому, как бы он себя чувствовал с женой соседа. Это всегда составляет огромный интерес, но извращение здесь невозможно.

Для извращения необходимо основное условие: вы должны пресытиться от постоянной смены женщин, вы хотите чего-нибудь новенького. Тогда мужчина начинает пробовать заниматься сексом с женщиной – это кажется чем-то новым; женщина начинает заниматься сексом с женщиной – это дает ощущение чего-то немного нового. Но как долго это продлится? Скоро и это различие исчезнет. Снова встает тот же вопрос.

Именно с этого момента начинаешь пробовать все на свете, и постепенно одно становится ясным: что все бесполезно. Интерес исчезает. Тогда в чем же будет смысл жизни на завтра? Был интерес: завтра случится что-то новое. Теперь знаешь, что ничего нового не произойдет. Все старо под небом. Новое – это всего лишь надежда, оно никогда не сбудется. Ты пробуешь все виды дизайна в мебели, в домах, в архитектуре, в одежде – и все, в конечном итоге, терпит поражение.

Когда все потерпело поражение и нет надежды на завтра, тогда воля к жизни не может больше продолжаться с той же силой, энергией, упорством. Жизнь начинает влачиться. Жизнь, кажется, теряет свой сок. Вы живы, так как что еще вам делать? Вы начинаете думать о самоубийстве.

Говорят, что Зигмунд Фрейд сказал: «Я не встречал ни одного человека, который хотя бы раз в жизни не думал о самоубийстве». Но Зигмунд Фрейд сейчас уже устарел, отстал от времени. Он говорил о психологически больных людях; именно с такими людьми он общался.

Мое собственное переживание состоит в том, что бедный человек никогда не думает о самоубийстве. Я разговаривал с тысячами бедных людей; они никогда не думали о самоубийстве. Они хотят жить, потому что они еще не пожили; как они могут думать о самоубийстве?

Жизнь может дать так много, и они видят, как люди наслаждаются жизнью, а сами они еще не пожили. Такой большой и сильный стимул жить. Много надо сделать, многого надо достигнуть. Открывается целое небо возможностей, а они еще даже не начинали царапать землю. Ни один нищий никогда не думает о самоубийстве. Логически все должно быть по-другому: каждый нищий должен думать о самоубийстве, но ни

один нищий не думает об этом – даже нищий, у которого нет глаз, слепой, парализованный, калека.

В университете у меня был студент, отец которого был нищим. Я обнаружил это по чистой случайности. Этот нищий обычно стоял у железнодорожной станции, а я постоянно приезжал и уезжал, приезжал и уезжал. Стало почти правилом, что всякий раз, когда я приезжал, то давал ему одну рупию, и когда уезжал, то давал ему одну рупию. Он этим был очень доволен, потому что никто не давал ему одну рупию. А я проходил мимо него в месяц по крайней мере восемь, десять раз, так что он получал от меня приличный заработок. Мы стали друзьями.

Но однажды, придя на станцию, я не нашел там нищего. Поезд опаздывал, и я посмотрел вокруг, чтобы найти его и отдать рупию... иначе это было бы предательством – его не было на месте, а я просто удрал с его рупией. Итак, я пытался его найти. И я нашел его в бюро находок, разговаривающим с мальчиком, который был моим студентом. И они оба очень испугались; я был озадачен.

Я сказал: «В чем дело? Я искал тебя – поезд опаздывает, а тебя нет на своем месте. Вот возьми свою рупию и успокой меня, потому что я волновался. И всегда помни, что в это время ты должен быть на месте. А что это ты делаешь с моим студентом?»

Он сказал: «Теперь я не могу прятаться от вас. Он мой сын: я его воспитываю. Но, пожалуйста, никому не говорите, что он мой сын. Его уважают, люди думают, что он принадлежит к богатой семье», – а он содержал его как сына богатого человека. У него был хороший заработок; в Индии нищие зарабатывают больше профессоров.

Я сказал: «Нет, я никому не скажу. Да и нет нужды кому-то что-то говорить; так что никакого вреда не будет.»

Он сказал: «Я живу только ради него. Он моя надежда. То, что я не смог сделать в моей жизни, сделает он. Возможно, я не смогу этого увидеть – его, живущего в своем собственном доме, имеющего свой собственный автомобиль, свою жену, детей, хорошее жалование или хороший бизнес. Возможно, я не проживу так долго, но я молюсь Богу, чтобы он дал мне немного пожить».

«Я просто хочу его видеть – я никогда близко не подойду к его дому, я никогда не побеспокою его жизнь. Никто никогда не

узнает, что он сын нищего. И женщина, которая была его матерью, тоже была нищей; мы никогда не были женаты. Она умерла с той же надеждой. Мы оба тяжело работали, чтобы он учился в школе-интернате. Встречались с ним тайно... Он приходит сюда редко, чтобы увидеть меня, — мы встречаемся в этом бюро находок, потому что сюда никто не заходит».

«Я могу страдать столько, сколько захочет моя судьба, но лишь одной надежды достаточно, чтобы я терпел каждое страдание, каждое унижение, каждое оскорбление. Теперь мой сын учится на последнем курсе; в следующем году, возможно, у него будет хорошая работа. Вопрос всего нескольких лет, когда у него будет свой дом — чего никогда не было у меня; у него будет своя жена — чего никогда не было у меня. У него будут свои дети — и хотя у меня есть он, я не могу называться его отцом, потому что я никогда не был женат».

Ну вот, этот человек... Я спросил его: «Вы когда-нибудь думали о самоубийстве?» Он сказал: «Самоубийство? О чем вы говорите? Я думаю только о жизни, о еще большей жизни».

Через него я познакомился со многими нищими. Я спрашивал их, как только мы оставались одни: «Вы когда-нибудь думали о самоубийстве?» И они также были удивлены: «Почему вы задаете этот вопрос? Почему мы должны думать о самоубийстве? Мы хотим жить — мы еще не жили».

Один нищий сказал мне: «Я кладу мои деньги в банк в надежде, что однажды я брошу нищенствовать и буду жить спокойной жизнью. Когда-нибудь я подам что-нибудь какому-нибудь нищему. Люди столько меня унижали; даже тем, что они подают — они оскорбляют. Они подают не из сострадания, они подают не из любви: они подают для того, чтобы освободиться от тебя, — ты им досаждаешь. И мы знаем, что мы создаем неприятности, потому что никто не подаст из сострадания. Они подают нам, потому что хотят избавиться от неприятности».

«Мы не просим у одинокого человека, идущего по дороге, потому что он скажет: “Идите к черту!” Мы просим, когда вокруг много людей, перед которыми ему неудобно, потому что он уважаемый человек, известный добротой и милосердием; теперь ему самое время оказать милосердие. Мы видим на их лицах, что они кипят от злости, что мы поймали их в неподходящем месте, — но для нас это место самое подходящее».

В бедных странах никто не думает о самоубийстве, в бедных

странах не поднимается вопрос о смысле жизни. Это западный вопрос. В чем смысл жизни? На Востоке никто не спрашивает об этом. Запад достиг точки насыщения, где все, для чего можно жить, уже достигнуто. Что дальше? Если ты достаточно смел, ты покончишь с собой — или станешь убийцей.

В одном экзистенциальном романе человек предстает перед судом. Его мать была убита; убийцу не поймали, но многие люди подозревали сына — хотя никто не говорит, что видел их ссорящимися. На самом деле, никто не видел их вместе, так что нет вопроса о ссоре. Сын жил сам по себе, мать жила сама по себе. Он никогда не навещал ее, и никто никогда не видел их вместе; но, несмотря на это, его подозревали.

Подозрения базировались на нескольких фактах: первое, когда они рассказали сыну об убийстве матери, сын сказал: «Какое облегчение быть убитым! Никто почему-то не убивает меня. Эта женщина, моя мать, имела все: теперь даже в убийстве она опередила меня». Странно слышать такое от сына, мать которого только что убита.

Они сказали: «Вы должны прийти проститься с вашей матерью».

Он сказал: «Но она уже простилась — вы же сказали, что она убита, — так какой же смысл? Вы можете покончить с телом. Прах в прах — ее больше нет. Зачем тащить и меня сквозь все это?» В конце концов они все же сумели протащить и его.

Тем же вечером он встретился со своей девушкой — они танцевали. Люди не могли поверить тому, что его мать была убита сегодня утром, а вечером он танцует со своей девушкой. Таковы были факты, и, хотя они не доказывали, что он — убийца, они, несомненно, породили подозрения в умах людей. А на следующий день он устроил вечеринку...

Судья сказал ему: «Очень странно. Несмотря на то, что ничто не указывает на то, что вы убийца, все вызывает подозрения».

Человек сказал: «Я не понимаю: какие подозрения?»

Судья спросил: «Как вы могли танцевать в тот вечер, когда утром умерла ваша мать?»

Он сказал: «Неужели вы хотите заставить меня не танцевать всю жизнь, только потому что мою мать убили?»

Судья сказал: «Я же не сказал, всю жизнь, я сказал, в тот вечер».

Он сказал: «Когда бы я ни начал, все равно это будет после убийства моей матери. Одним часом позже, двумя часами позже, как вы можете определить тот рубеж, после которого я буду вне подозрений? Один день, два дня, три дня; одна неделя, две недели, три недели? Но все равно, когда бы я ни танцевал, это будет после убийства матери, так что никакой разницы не будет. Или вы считаете, что какая-нибудь разница будет?»

И судья сказал: «А на следующий день вы должны были устроить вечеринку?»

Он сказал: «Вечеринка была спланирована заранее. Сейчас моя мать убита; я мог бы отложить праздник, но и здесь разницы не было бы. А что касается тех ребят, у которых не убили мать, почему они должны огорчаться? Пусть веселятся. И вечеринку я создал заранее. У меня и мысли не было, что моя мать будет убита, и что на следующий день собирать вечеринку было бы неправильно. Так почему только из-за себя я должен их огорчать?»

И судья сказал: «Вы шутили и смеялись».

Он ответил: «Ну вот опять, снова и снова; у вас нет ни одного факта. Суть вот в чем: если каждый после смерти своей матери будет грустить, не будет шутить, смеяться, улыбаться, не будет танцевать, встречаться со своей любимой или любимым, не будет устраивать вечеринок, то что произойдет с миром? Чего вы хотите?»

Судья сказал: «Ну ладно, оставим это, -ведь он тоже не мог принять решения о временном пределе; да и нет такого критерия, - но вы сказали, что эта женщина всегда опережала вас, даже в том, чтобы быть убитой».

Он сказал: «Конечно, потому что я часто думаю о самоубийстве, но не могу набраться смелости. С некоторого времени я начал думать о том, что кто-нибудь однажды убьет меня, и эта мысль принесла мне облегчение. Она и здесь опередила меня - я снова остался позади. И такое продолжалось всю жизнь. Именно поэтому я переехал от нее; она всегда опережала меня во всем, и это было так оскорбительно. И вот теперь это последнее, что она сделала».

«И вы отдаете себе отчет в том, что она была убита в воскресенье? Эта женщина имела привычку портить *все*. После шести дней работы в офисе я надеялся на веселое воскресенье - вот и повеселились! Но она была умна; она, должно быть,

выбрала этот день так, что она смогла испортить по крайней мере один из моих выходных дней. Это был ее последний подарок мне».

Судья сказал: «Нет оснований думать, что вы убили ее, но то, как вы говорите, то, что вы говорите, к сожалению, заставляет нас подозревать в вас преступника».

Он сказал: «Это моя единственная надежда - вы приговорите меня к смерти. Да, эти факты доказывают, что я убил свою мать. Просто приговорите меня к смерти - потому что я не могу убить себя сам. Я пробовал, но всегда отступал. Много раз я приходил к реке, чтобы прыгнуть, но я смотрел вниз и говорил: "Вода слишком холодная, и, кто знает, может быть, там слишком глубоко"».

Калифорния - это вершина западной культуры. Люди кончают с жизнью, вот почему здесь так много культов: Харе Кришна, Муни, EST, Исален - многообразие странностей. Нужно набраться немного смелости, чтобы создать культ из ничего. Примитивная терапия, или крик... Где еще в целом мире можно найти кого-нибудь, столь изобретательного, чтобы превратить крик в религию!

Но в Калифорнии можно делать все, что хочешь. Терапия объятиями! И люди делают это, и платят за это, за терапию объятиями! Обнимающиеся незнакомцы - вы обнимаетесь, а кто-то другой получает деньги. Вы оба даете деньги третьему лицу, и вы же совершаете всю работу! По-настоящему великое изобретение.

Лет пять, шесть назад я прочитал статью в журнале. Я точно не помню, как называлась эта терапия, но я помню иллюстрацию в журнале. Там был изображен голый человек, движущийся на четвереньках с высунутым языком, как у собаки, и лающий. И вы должны за это платить! Вы проделываете всю работу... И люди возвышаются на этом. Что же еще делать? Когда вы заплатили двести пятьдесят долларов за то, чтобы быть собакой и гавкать, то лучше сказать, что вы «получили это».

Сегодня люди и от этого устали. Исален умирает, EST заканчивает свою деятельность. EST был испытан - Вернер Эрхард приезжал навестить меня в Пуне, потому что в то время это начинало приходить в упадок. В Калифорнии ничего не держится более десяти лет. Каждая мода... а все это моды, но мода не может держаться долго. Итак, Вернер Эрхард находился

в поиске чего-нибудь – и он нашел. На Востоке он увидел голодных людей и привез домой «Проект по борьбе с голодом» и начал провозглашать, что через десять лет на земле не останется ни одного голодного человека.

Люди вносили пожертвования, и никто не побеспокоился спросить: «Что вы говорите? Вы просчитали, сколько всего людей? Вы просчитали, сколько всего голодных людей? Вы просчитали, сколько голодных людей прибавится через десять лет? А сколько вам надо собрать пожертвований?» Но все эти пожертвования попросту исчезли. Голод остался; он не исчез – он удвоился.

А эти так называемые новые деятели культов нисколько не лучше политиков. Когда Генри Киссинджер был у власти, он говорил примерно то же самое, что в течение десяти лет не будет ни одного голодного ребенка на всем земном шаре. И никто не спросил этих людей: «Уже прошло пять лет; по крайней мере половина голодных должна была исчезнуть, потому что, в противном случае, как вы собираетесь менять положение в течение следующих пяти лет?» Число голодных удвоилось. Голод не исчез; исчез Генри Киссинджер! Кто знает, где он сейчас? Да и кому это интересно!

Вернер Эрхард обманывал людей всеми возможными способами. И что самое замечательное, что и вы обманываете людей всеми возможными способами. Вернер Эрхард – еврей, но он изменил имя на немецкое, потому что для еврея было бы трудно обирать христиан; немецкое имя больше подходит. Иногда заимствованное лучше своего.

Раньше я думал, что эта глупость свойственна только Индии, но это не так. В Америке никого не интересуют американские гуру, только привезенные из Индии, – это, должно быть, великий гуру. Несомненно, Индия не может экспортировать машины и высокие технологии, но она может поставлять великих гуру. И она продолжает экспортировать их – и все они оканчивают в Калифорнии.

Когда Шила искала место для коммуны, я сказал ей: «Берегись Калифорнии; держись от нее подальше».

Она спросила: «Почему?»

Я сказал: «Не спрашивай почему; просто держись подальше. Просто забудь, что Калифорния существует. Я не хочу быть причисленным к индийским гуру, потому что я не индеец и

потому что я не гуру». Что же поделаешь с этой сумасшедшей толпой народа? Она вас как-нибудь назовет, и этим вы и станете.

Где сейчас Вернер Эрхард? Неужели с исчезновением голода исчез и он? Подлинные люди? Он бросил своего отца, мать, жену, детей, даже не сказав, что он собирается уходить. Он просто сбежал, преодолев тысячу миль, изменил свое имя, может быть, даже цвет волос, одежду и стал Вернером Эрхардом. А его родители, жена, дети – все зависели от него, они голодали. А он предлагал проект борьбы с голодом – «через десять лет голод исчезнет с лица земли».

Такие люди ничем не отличаются от политиков – да и не могут, потому что это – тот же круг власти. Обещая людям и не выполняя обещания, они в точности повторяют политиков.

Сегодня я услышал новость: в Джорджии один христианский священник был посажен на электрический стул по обвинению в убийстве человека. Христианский священник, убивающий людей, – довольно странно. Но таков мир. В Минниаполисе архиепископ Минниаполиса, который раньше был главой всех американских церквей, был задержан за управление автомобилем в нетрезвом виде. И эти люди... Сейчас он за решеткой – глава американских католических священников! И именно эти люди проповедуют против наркотиков, против того, против этого.

Если это заболевание, СПИД, распространяется, – а оно распространяется, оно уже переросло в эпидемию, и в Америке тоже... Политики молчат, священники молчат, потому что проблема слишком большая, и, кажется, никто не может дать совет, как ее решить, так что лучше отмалчиваться. Но сколько можно молчать?

Проблема распространяется, и по мере того, как она распространяется и становится шире, вы удивитесь: профессией, которая будет на первых позициях в этом деле вокруг СПИДа, будет профессия священников, монахинь и монахов. Они будут на первых позициях, они будут задеты этим в наибольшей степени, потому что никто другой не практиковался так долго в извращенном сексе. Эти монахи и священники живут в этой «Калифорнии» веками.

Мне кажется, что это заболевание больше духовное.

Человек пришел к состоянию, где он находит, что путь заканчивается.

Бессмысленно отправляться назад, потому что все, что он видел и пережил, показывает ему, что ничего во всем этом нет; все оказалось бессмысленным. Нет смысла идти назад; идти вперед нет дороги: перед ним бездна. В подобной ситуации вполне естественно, что он теряет желание, волю к жизни.

Было экспериментально установлено, что если ребенок не воспитывается любящими людьми – мать, отец, другие маленькие дети в семье, – если ребенок не воспитывается любящими людьми, то даже если его хорошо кормят, его тело как-то усыхает. Ему предоставляется все необходимое – оказывается медицинская помощь и большая забота, – но ребенок все время усыхает.

Заболевание ли это? Да, с медицинской точки зрения все является заболеванием; что-то, должно быть, не так. Постоянно исследуют факты, почему такое происходит. Но это не болезнь.

В ребенке еще даже не проснулась воля к жизни. Для этого нужны теплота любви, радостные лица, танцующие дети, тепло материнского тела – определенная окружающая среда, которая заставляет его почувствовать, что в жизни есть несметные богатства, которые надо открыть, что в жизни столько радости, танца, игры; что жизнь – это не всего лишь пустыня, что в ней огромное число возможностей.

Он должен быть готов увидеть эти возможности в глазах людей, в телах людей, окружающих его. Только так пробудится воля к жизни – почти так же, как весной. Иначе он усохнет и умрет – безо всякой физической болезни, он просто усохнет и умрет.

Я побывал в сиротском приюте, принадлежащем моему другу, Рехчанду Пареху, в Чанда Махараштра – там было около ста, ста десяти сирот. Туда поступали сироты двух, трех дней от роду; люди просто оставляли их у дверей приюта. Он приглашал меня посетить приют. Я сказал: «Когда-нибудь потом я приду, потому что я знаю, что бы я там ни увидел, мне станет грустно».

Но он настаивал, и однажды я пришел, и я увидел... Каждый содержался с большой заботой, мой друг тратил свои деньги на этих детей, но все они были полуживыми и готовы были умереть в любую минуту. Там были доктора, медсестры, медицинское оборудование, еда, все. Он отдал свой красивый большой дом – сам переехал в маленький, – красивый сад, там было все; но там не было воли к жизни.

Я сказал ему: «Эти дети будут медленно умирать».

Он ответил: «Вы говорите это *мне*? Я занимаюсь этим приютом уже двенадцать лет; умирают сотнями. Мы перепробовали все, чтобы сохранить им жизнь, но, кажется, ничего не действует. Они худеют, и однажды они просто умирают».

Если бы это была болезнь, то помогли бы врачи, но это не болезнь; просто у этих детей нет воли к жизни. Когда я это ему сказал, он вдруг понял. Он немедленно, в тот же день, передал приют правительству и сказал: «Я пытался помочь этим детям двенадцать лет, теперь я знаю, что это невозможно. То, что им надо, я дать не могу, так что лучше пусть государство возьмет его».

Он сказал мне: «Я много раз подходил к этому, но я не такой ясно мыслящий человек, так что я не мог выразить этого. Но все же каким-то неясным образом я чувствовал, что что-то не так, что-то их убивает».

СПИД – то же явление, но с другой стороны.

Дети-сироты чахли и умирали, потому что их воля к жизни никогда не распускалась, никогда не развивалась, никогда не была струящимся потоком.

СПИД находится на другой стороне.

Внезапно вы себя ощущаете экзистенциальным сиротой. Это экзистенциальное чувство сиротства заставляет исчезнуть вашу волю к жизни. А когда исчезает желание жить, первое, что страдает, – это секс, потому что жизнь начинается с секса, она его продукт.

Так что пока вы живете, волнуетесь, надеетесь, гордитесь, и завтра остается утопией – так что можно забыть все эти вчера, которые были бессмысленными, можно забыть и сегодня, которое также бессмысленно... но завтра, с восходом солнца, когда все изменится... Все религии мира вселяют в вас эту надежду.

Эти религии потерпели поражение.

Несмотря на то, что все еще сохраняются ярлыки – христианин, иудей, индус, – это всего лишь ярлыки.

Внутри себя вы потеряли надежду, надежда исчезла.

Религии не смогли помочь: они все псевдо.

Политики не смогли помочь.

Они и не собирались помогать; это просто такая стратегия, чтобы использовать вас.

Но как долго может эта ложная утопия – политическая или религиозная – помогать вам? Рано или поздно, в один прекрасный день, человек созреет; именно это и происходит.

Человек становится зрелым, осознает, что он был обманут священниками, родителями, политиками, педагогами. Он был просто обманут всеми, а они напичкали его ложными надеждами. В день, когда он становится зрелым и осознает все это, его желание жить распадается. И первое, что страдает в результате этого, – ваша сексуальность. Для меня это и означает СПИД.

Когда ваша сексуальность начинает чахнуть, вы по-настоящему надеетесь, что что-нибудь произойдет и вы войдете в вечное молчание, в вечное исчезновение. Ваше сопротивление отсутствует. У СПИДа нет других симптомов, кроме уменьшения сопротивления организма. Самое большее, вы можете прожить два года, если вам повезет и вы не подхватите случайно инфекцию. Каждая инфекция будет неизлечима, каждая инфекция будет ослаблять вас все больше и больше. Два года – это самое большее, что может прожить больной СПИДом; и он может исчезнуть еще и до этого момента. И ни одно лечение не поможет, потому что ни одно лечение не вернет вам волю к жизни.

То, чем занимаюсь я здесь, является многомерным.

Вы полностью не осознаете, что я пытаюсь делать; возможно, вы сможете понять это только после того, как я уйду.

Я пытаюсь дать вам не надежду на будущее – потому что она потерпит крушение.

Я пытаюсь дать вам надежду на здесь и сейчас. Зачем думать о завтрашнем дне – ведь завтра не поможет? Столетиями вера в завтрашний день как-то поддерживала вас, но она обманывала вас столько раз, что теперь нельзя больше за нее цепляться. Это было бы сущей глупостью. Те, кто все еще цепляется за нее, только доказывают, что они умственно отсталые.

Я пытаюсь сделать это самое мгновение исполненным, наполненным так глубоко, что нет надобности в воле к жизни.

Воля к жизни нужна вам, потому что вы не живете.

Эта воля поддерживает вас; вы все время засыпаете, воля к жизни поднимает вас. Я не пытаюсь дать вам новую волю к жизни, я просто пытаюсь научить вас жить безо всякой воли, жить радостно.

И у всех есть способность жить радостно.

Завтра – это то, что вас отравляет.

Забудьте о вчера, забудьте о завтра.

Этот день ваш!

Давайте отпразднуем и проживем его.

И, просто проживая его, вы будете достаточно сильны, так что даже без воли к жизни вы будете способны сопротивляться любым видам заболеваний, любым попыткам самоубийства.

Просто живя полной жизнью, вы получаете столько энергии, что вы не только живете сами, но и можете зажечь, воспламенить других.

Это хорошо известный факт... Разве вы не удивлялись тому, что во время великих эпидемий доктора, сестры и другие не заболевают? Они такие же люди, как и вы, и они работают с инфекцией, и они более уязвимы для инфекции, потому что постоянно устают.

Когда идет эпидемия, нельзя настаивать на пятичасовом или шестичасовом рабочем дне и пятидневной неделе. Эпидемия есть эпидемия; ее не волнуют ваши праздники или свободное время. Вы должны работать – люди работают по шестнадцать, восемнадцать часов каждый день в течение месяцев. И все же доктора, сестры, люди Красного Креста не заражаются.

В чем же проблема? Почему другие заболели? Они такие же люди. Если просто носить красный крест на рубашке... тогда поместите красный крест на рубашки всех; на каждый дом по красному кресту. Если красный крест предохраняет от инфекции, то все было бы так просто, – но не в этом дело.

Нет, эти люди так заняты помощью другим, что у них нет никакого завтра. Это мгновение так поглощает их, что у них нет никакого вчера. У них нет времени даже подумать или побеспокоиться: «Я могу заразиться». Их занятие... Когда умирают миллионы людей, можно ли думать о себе, о своей жизни, о своей смерти? Вся энергия направляется на помощь людям, на то, что ты можешь сделать для других. Вы забываете себя, и так как вы забыли себя, вас нельзя заразить. Человек, который не может быть зараженным, – отсутствует: он настолько захвачен занятием, он настолько потерялся в работе.

Не имеет значения, рисуете ли вы, или лепите скульптуру, или спасаете человеческую жизнь – не имеет значения, чем вы занимаетесь. Имеет значение: полностью ли вы вовлечены в здесь и сейчас? Если вы вовлечены в здесь и сейчас, то вы

полностью вне зоны, где возможна инфекция. Когда вы так сильно вовлечены, ваша жизнь становится наподобие текущей силы. И можно увидеть: даже ленивый доктор во время эпидемии, когда умирают сотни людей, забывает свою лень. Старый врач забывает свой возраст.

Были такие случаи... один случай я знаю лично. В Райпуре, где я был профессором несколько месяцев, загорелся дом. В Райпуре очень жарко и очень сухо, и каждый день загораются дома. Это случилось очень близко от бунгало, где я жил, так что я прибежал. И я нашел, что никто не интересовался горевшим домом, все были поглощены чем-то другим.

Я кое-как проложил себе дорогу сквозь толпу, чтобы посмотреть, в чем дело. Дело было в том, что женщина, парализованная около трех лет, внезапно убежала из дома. Она забыла о параличе! В тот момент, когда люди сказали ей: «Что вы делаете? Мы полагали, что вы не можете бегать. Три года вы не сходили с постели», когда ей это сказали, она немедленно упала.

Я пробрался сквозь толпу и сказал женщине: «Попытайтесь понять простой факт. Хорошо, что дом горит; он помог осознать одну вещь – вы не парализованы. Вы как-то потеряли желание жить». Я отвел ее в мое бунгало.

Ее муж умер, и в тот же день ее разбил паралич. Это был удар, потому что в Индии потерять мужа – значит потерять жизнь; вы не можете больше выйти замуж. Она была молодой женщиной, не больше тридцати. Всю свою дальнейшую жизнь, примерно пятьдесят лет, она должна прожить одна, без ребенка.

Она работала, кое-как убирая чужие дома, стирая одежду, но не находила в этом удовольствия. Пока ее муж оставался живым, хотя он уже болел по крайней мере три года, она продолжала работать. Но все признаки указывали, что муж умирает. Доктора скрывали это, но это нельзя скрыть – она не могла смотреть, как умирает человек.

Она кое-как устроилась на работу, чтобы прокормить своего мужа и себя. Но в тот день, когда он умер, она заболела, и с тех пор уже три года она не вставала с постели; ее парализовало. Теперь люди подавали ей то, что они могли дать, и она жила на это. Она была нищей. Я привел ее к себе и попытался объяснить ей: «Если бы это был паралич, то горел бы дом или нет, для вас это не имело бы значения. Паралич не разбирает, горит ли дом,

чтобы покинуть вас на несколько минут, а потом опять вернуть-ся». Я спросил ее: «Как это произошло?»

Она сказала: «Я не знаю, как это случилось. В тот момент, когда я увидела, что дом охвачен огнем, я просто обо всем забыла: я должна убежать». Это ввело ее в мгновение. Прошлое, муж – мертвый, живой – все горе, все страдания; будущее, пятьдесят лет, которые как-то надо перенести... Все это безобразие просто исчезло в одной вспышке! Она убежала. Она была в состоянии «здесь и сейчас». Огонь ввел все ее бытие – сфокусированное – в это мгновение.

Я сказал ей: «Это именно то, что было надо. Пусть вас не беспокоят идиоты. Если вам это место не позволяет выйти замуж, я пошлю вас куда-нибудь еще. У меня друзья по всей стране; я могу вас послать куда угодно. Вы красивая, молодая – вы можете выйти замуж и жить снова».

Сначала она не хотела, потому что это противоречило традициям и условностям. Но я не из тех, кто бросает других. Если уж я что-то задумал, то... я бросил все. Мои профессора и студенты говорили: «Почему вы стоите за эту женщину. Забудьте о ней, она не хочет».

Я сказал: «Не в этом дело. Я знаю, что она хочет, но в ней недостаточно смелости; я просто должен ее убедить. И это вызов мне – я *буду* ее убеждать. Пока я ее не увижу замужем, обустроенную, мне не будет покоя».

И я ухитрился проверить все за восемь дней, не больше. Слуга, работавший у меня, видя мои страдания, однажды утром сказал: «Сэр, когда вы так волнуетесь, я не могу спать спокойно. Если я могу вам чем-нибудь помочь, то я готов».

Я сказал: «Ты понимаешь, что говоришь?»

Он сказал: «Если вы мне прикажете прыгнуть в колодец, я прыгну, но, пожалуйста, я не могу видеть, как вы страдаете. Я готов». Так что я выдал женщину замуж за моего слугу, и для того, чтобы защитить ее, я взял ее в свой дом. Конечно, она ведь была женой моего слуги, так что я просто сказал: «Переезжай». А я жил один в большом доме, предоставляемом правительством профессорам, так что я сказал: «Живи счастливо. Я одинок – по сути, дом принадлежит тебе. Наслаждайся целым домом». И она расцвела. Когда шесть месяцев спустя я уезжал, она стала совершенно другой женщиной. А с ней так же был счастлив и ее муж.

Он сказал: «Я женился на ней из жалости и из сострадания к вам, из-за того, что вы могли заболеть или что-то в этом роде. Но она оказалась драгоценным камнем. Теперь я люблю ее, и я буду вам обязан всю свою жизнь, потому что я никогда не думал жениться. Я такой бедный человек, кое-как добывающий себе на пропитание. Для того чтобы жениться, а затем завести детей, потом где достать собственный дом, везде проблемы... Вы разрешили все».

Я сказал: «Не оставляй этот дом, продолжай в нем жить. Я попытаюсь договориться с другим профессором, который придет вместо меня, я объясню ему ситуацию. Он так же одинок, так что больших неприятностей не будет, — а если понадобится, я останусь. Когда он придет, я уговорю его жить здесь вместе с вами, а потом уеду».

И по телефону он согласился. Он сказал: «Если такова ситуация — и мне не нужен целый дом, потому что я одинок, так же как и вы».

Я сказал: «Прекрасно. И вы пробудете здесь по крайней мере пять или шесть лет. Я остаться не могу; в противном случае я буду просить правительство оставить меня здесь. Я был распределен неправильно. Для меня нет работы в этом колледже, потому что у меня совершенно другая специальность. Им не нужна моя специальность; а той, которая им нужна, у меня нет».

Директор с самого первого дня хотел, чтобы я отправился назад. Я сказал: «Я назад не поеду. И не ваше это дело: если министр образования направил меня сюда, пусть он сам осознает свою ошибку, когда он поймет ее. А в настоящее время, почему бы мне не понаслаждаться этим? И хорошенько запомните, он мой друг. Если вы попытаетесь создать мне неприятности, вместо моего перевода будет ваш перевод».

Он позвонил — его секретарь рассказал мне — секретарю министра образования и спросил: «Они действительно друзья?»

Он ответил: «Они друзья. Вы немедленно поймете это, потому что никогда раньше приказ не отдавался прямо в руки. Приказ должен быть отправлен по почте человеку, и оригинал должен быть отправлен по почте институту. Пока институт не получит приказа, человек не может прийти и сказать: “Я получил приказ”».

Я принес оба приказа с собой. Я сказал министру образова-

ния: «Что за вздор! Пересылка почтой займет шесть дней». А иногда в Индии вы и не знаете...

Я сказал ему: «Я знаю случай: между Джабалпуром и Катни — восемьдесят миль... письмо проделало путь в восемьдесят миль за тридцать шесть лет. Оба адресата умерли — и тот, кто писал, и тот, кому писали. По прошествии тридцати лет письмо вернулось с пометкой “адресат умер”. Но когда оно пришло, почтальон написал на нем: “Его некому получить — отправитель умер”. Про это путешествие в восемьдесят миль печатали все газеты! Если бы конверт просто умел ходить пешком, он бы давно достиг адресата. Тридцать шесть лет!»

Так что я сказал: «Не теряйте зря времени, а просто отдайте мне оба приказа. Вы доверяете вашей почте, вы доверяете вашему почтальону, но вы не доверяете мне?»

Он сказал: «Нет, здесь дело не в доверии, — а просто в бюрократии».

Я сказал: «Не ссылайтесь на бюрократию. Я стою перед вами: вы отдаете мне оба приказа». На самом деле я взял оба приказа со стола и попросил его подписать; он обязан был подписать. Вот так и произошла эта ошибка, потому что если это было проделано, минуя бюрократию, они могли бы обнаружить, что этот человек не для этого колледжа; этот человек был выбран для другого колледжа; так что это была просто ошибка распределения.

Человек, который был выбран для этого колледжа, приехал туда, где, как предполагалось, должен был находиться я. Он спросил меня: «Что следует делать?»

Я сказал: «Вы наслаждайтесь этим там, я буду наслаждаться этим здесь. Пока они не поймут сами, вы никому не говорите. Просто сидите тихо и ничего не делайте. Вас правительство послало — пусть правительство и разбирается». Потребовалось шесть месяцев; такая мелочь... шесть месяцев. Но для меня было больше невозможно откладывать отсрочку, так что я попросил его приехать. Он был замечательным человеком: через два года я приехал, и он содержал моего слугу и его жену даже еще более уважительно, чем я. И они были так счастливы, что и вопросов не было.

Я спросил ее: «Случался ли еще когда-нибудь паралич?»

Она сказала: «Нет, нет, никакого паралича, совсем нет. За

эти два года я даже ни разу не болела простой простудой. Ни разу не заболела».

СПИД для меня — экзистенциальное заболевание; именно поэтому профессора медицины будут наталкиваться на огромные трудности, пока они не поймут самые корни проблемы. И здесь медицина не поможет, только медитация может помочь.

Только медитация может освободить вашу энергию здесь и сейчас.

И тогда не нужна никакая надежда, никакая утопия, никакой рай, где бы он ни был.

Каждое мгновение — это рай сам по себе.

Но в том, что касается моей специализации, я не специалист, чтобы говорить о СПИДе. Я даже не учился на курсах оказания первой помощи.

Так что, пожалуйста, простите меня за то, что вмешался не в свое дело. Но я постоянно делаю это, и я буду продолжать это делать.

Беседа 29

БУНТАРЬ ИЛИ РОБОТ?

26 февраля 1985 года

Бхагаван,

Вы говорите, что раджнишисты должны быть неортодоксальными, нетрадиционными, свободными от условностей. Ясно, что это может означать в мире, полном традиций и условностей, но как это проявляется в Вашей коммуне, мне непонятно. Не могли бы вы рассказать о привкусе бунтарства в Вашей коммуне?

Вопрос очень серьезный. Он напоминает мне о парадоксе Бертрانا Рассела, о котором я рассказывал несколько дней назад. Было бы неплохо снова о нем вспомнить.

Бертран Рассел прославился благодаря этому парадоксу; до этого он не был известен за пределами Великобритании, да и там его знали только как очень молодого, умного философа. Но этот парадокс позволил ему подняться до уровня философов с мировым именем. Парадокс послали математику Фреге, который в течение всей жизни работал над одним вопросом: он хотел доказать, что в математике нет парадоксов. И он уже почти подошел к завершению своего чрезвычайно важного труда; и именно в это время Бертран Рассел прислал ему свой парадокс.

Суть его очень проста и одновременно невероятно сложна, как и любая простая вещь. Парадокс состоит в том, что правительство Великобритании обязало все библиотеки страны составить каталоги всех книг, находящихся в них, оставить себе копию своего каталога, а подлинник направить в центральную библиотеку Великобритании. Почти каждого библиотекаря озаботил конец каталога.

А проблема, с которой столкнулись работники библиотек, состояла в том, нужно ли включать в каталог сам каталог. Все остальное было понятно: все книги, хранящиеся в библиотеке, должны быть учтены в каталоге. Копию каталога надо оставить в библиотеке; отсюда следует, что она должна быть внесена в каталог. Но включать каталог в себя самого — это абсурд.

Каталог не должен включаться; пока он пишется, он еще не является книгой, хранящейся в библиотеке, — а как можно включить в каталог еще незавершенную книгу? Было указание включать в каталог только книги, которые *находятся* в библиотеке. Но когда каталог завершен и действует, возникает проблема, заключающаяся в том, что одна из книг библиотеки остается неучтенной.

Поэтому часть библиотекарей выбрали первый вариант, а часть — второй; некоторые включили каталог, некоторые нет. Сотни этих каталогов пришли в центральную национальную библиотеку. Теперь был озабочен библиотекарь центральной библиотеки, потому что ему было дано указание составить главный каталог из каталогов, которые не включают самих себя.

Разделить их было не трудно. Он складывал каталоги, которые включали самих себя, в одну сторону. А каталоги, не включавшие самих себя, он складывал в другую сторону. Теперь он должен был составить главный каталог только из тех каталогов, которые не включали сами себя. Создалась жуткая путаница.

Проблема была все та же: он составил каталог; и что теперь, включать его в главный каталог или нет? Но сейчас проблема была более сложной. Если он не включит каталог, тогда один каталог, который не включает сам себя, останется неучтенным. А указание гласит: должны быть учтены *все* каталоги, которые не включают сами себя.

Поэтому, с одной стороны, если он не включит каталог, то не выполнит указание правительства; один из необходимых каталогов останется неучтенным. С другой стороны, если он его включит, то указание будет выполнено неправильно. Он включает в главный каталог один каталог, содержащий самого себя, хотя в главный каталог должны входить каталоги, которые сами себя *не* содержат.

Рассел направил этот парадокс Фреге и спросил, каково будет предложение по его разрешению. «Вы признанный авторитет в разрешении парадоксов, это математический вопрос». Мечты Фреге разбились вдребезги — с трудом всей его жизни было покончено. Он был всемирно известным математиком... но из-за этого парадокса он не опубликовал свои законченные книги, в которых он доказывал, что созданная человеком система может *существовать* без парадоксов... Его шедевр, его

диссертация по математике была опубликована только после его смерти, потому что при жизни он отказался ее печатать. А что он мог ответить Бертрану Расселу?

Я напомнил вам эту историю, потому что этот вопрос действительно очень серьезный. Я призывал вас быть непокорными, неортодоксальными, нетрадиционными; проявлять свою индивидуальность, свой мятежный дух. Вопрос в следующем: что делать в этой коммуне бунтарей? Это тот же самый вопрос.

Если вы находитесь в согласии со всеми в коммуне, то вы более не бунтарь; вы стали частью общества, частью группы, организации. Где ваше бунтарство? Вы стали ортодоксальным. А я против того, чтобы вы становились ортодоксальными.

Другая возможность – бунтовать, но бунт против бунтарей означает, что вы опять стали ортодоксальными, традиционными.

Это тот же самый парадокс. Парадоксы все одинаковы; просто надо обнаружить, в чем заключается это сходство. Но для меня парадокса не существует, потому что я не Фреге. Никто не сможет поколебать меня. Я не Бертран Рассел. Я могу видеть в жизни нечто большее, чем математика и философия.

Парадоксы существуют только в уме человека.

Если вы обладаете видением не-ума, то для вас нет и парадоксов.

Все умственные системы будут иметь парадоксы, вам не удастся их избежать. Во всем, что создано человеком, вы рано или поздно столкнетесь с парадоксом.

Но существует нечто, что не является созданием человека – это существование.

Существование абсолютно вне парадоксов.

На самом деле, оно не только вне парадоксов, но и наслаждающееся парадоксами, противоречиями и создающее гармонию из этих противоречий. Противоречия превращаются в дополнения.

За всю историю Америки только один человек удостоился моего уважения, и этот человек – Уолт Уитмен. Я не знаю ни одного более достойного американца. Уолт Уитмен принадлежит к гигантам мировой истории.

Его обвиняют в том, что он высказал одну мысль, которая по своей сути является правдой жизни, правдой существования. Точно так же, как снова и снова мне говорили «ваши высказы-

вания противоречивы», снова и снова говорили и ему «ваши высказывания противоречивы».

Он сказал в ответ: «Да, я противоречив, потому что я достаточно велик, чтобы содержать в себе эти противоречия. А вы малы, и в вас противоречия не помещаются; поэтому вы так и огорчены. А я не горюю; я достаточно велик, для того чтобы во мне ужились все противоречия».

Все, что говорит Уолт Уитмен, полностью относится к жизни. Она настолько огромна, настолько бесконечна, что противоречия в ней теряют свою противоречивость, они становятся дополнениями.

Возьмем наш вопрос: можно рассматривать его как парадокс; тогда он абсолютно идентичен парадоксу Бертрانا Рассела. Если вы бунтуете, то вы не правы, потому что вы становитесь ортодоксальными; если вы не бунтуете, вы не правы, потому что вы уже стали ортодоксальными. Но это только в нашем уме. Отрешитесь от ума и всмотритесь в реальность.

Эта коммуна не является организацией в том смысле, в котором существуют организации. Это не католическая церковь, это не коммунистическая партия. Организации имеют определенную структуру, бюрократию, иерархию.

Здесь же вы слушаете меня, а я – никто.

Я даже не являюсь частью вашей коммуны, я просто турист, а не постоянный житель. Этот дом не является моей резиденцией, это просто дом для гостей. У меня нет никакого статуса в вашей коммуне. Я не глава вашей коммуны, не шеф. Я никто; даже мое имя не является частью вас. Я бы хотел носить красные одежды, но мне пришлось от этого отказаться для того, чтобы подчеркнуть, что я никоим образом не являюсь частью вас.

До сих пор вы продолжали слушать меня, у которого нет никакой власти. Я не могу давить на вас, я не могу приказывать вам, я не могу командовать вами. Мои речи являются только речами. Я благодарен вам за то, что вы слушаете меня; а принимать то, что я говорю или нет, зависит от вас. Слушать или не слушать, вы решаете сами. Я никоим образом не хочу принуждать вас.

Итак, самое первое, что должно быть в организации, отсутствует: отсутствует глава. А это самое главное; когда у кого-то нет главы, его нельзя считать живым. Но *эта* организация

имеет совершенно другой смысл. Она происходит от слова «орган» в буквальном смысле.

Рука – это ваш орган, глаза – это ваши органы, ноги – это ваши органы; все ваше тело состоит из миллионов органов. В маленькой оболочке находятся миллионы клеток, каждая из которых – живой организм. Кто управляет вашим телом? Ваше тело является организацией, – а кто управляет вашим телом? Никто. Нет никого, чей приказ был бы законом. Весь организм работает нормально; даже когда вы спите, он продолжает работать.

Даже если вы находитесь в коме, многие месяцы без сознания, ваше тело продолжает работать. Каждая клетка продолжает работать, каждый нерв продолжает работать, продолжает делать свое дело. Это чудо, что в отсутствии какой бы то ни было бюрократии, какой бы то ни было регламентации, какой-то системы управления тело продолжает нормально функционировать.

Конечно, если вы вмешиваетесь в его работу, то функционирование может быть нарушено. Вы, например, можете однажды это попробовать... Вы никогда об этом не думали: вы продолжаете есть всевозможную пищу, и когда она пройдет через ваше горло, вас больше не заботит ни сама пища, ни то, что с ней дальше происходит. Вы думаете, что основная работа завершена, – но она только началась. Настоящая работа заключается не в жевании и глотании, настоящая работа начинается после. И эта работа огромна.

Она протекает так тихо – ни шума, ни ссор, ни стычек, ни проблем. Вся пища разделяется, размельчается и посылается в различные участки организма, где в ней есть необходимость. Кровь бесперебойно доставляет все питание в каждый уголок тела, а обратно переносит уже использованные остатки, которые больше не нужны, – мертвые клетки.

Каким образом кровь определяет, что является питанием для организма, что и в какое место должно быть доставлено? А все омертвелое и использованное, будучи оставленным в системе, представляет собой опасность, потому что отравляет организм, – оно должно быть как можно быстрее выведено из организма, поэтому доставляется в те места, посредством которых они могут быть удалены из тела. Удаление опасных отходов жизнедеятельности может производиться многими путями, и не только при

дефекации, мочеиспускании и потоотделении, – нет, существует еще масса способов.

Ваши волосы – это отмершие клетки. Вот почему вы не раните себя, когда обрезаете волосы. Попробуйте порезать какую-нибудь другую часть тела, и вы узнаете! Волосы мертвы, это мертвые клетки. Ваши ногти – мертвые клетки; определенный тип мертвых клеток, которые не могут быть удалены другим путем.

Все тело представляет истинное значение слова «организм».

Коммуна – это организм.

В этом смысле – это организация.

Поэтому сначала надо уяснить себе, что коммуна состоит из бунтарей. И ни один идиот не может быть бунтарем; только очень разумный человек может быть им. Идиоту, тупице, посредственности проще оставаться с ортодоксальными условностями и традициями; с толпой, с чернью.

Быть бунтарем означает поступать по-своему: вы покидаете толпу.

Вам необходимо мужество, необходим ум.

Вы должны быть игроком – вас должен радовать риск на протяжении всей вашей жизни.

А любая коммуна состоит исключительно из бунтарей.

И там, где собираются вместе разумные люди, не нужна никакая иерархия, не нужен никто, кто говорил бы «направо, налево, кругом, вперед шагом марш». Подобное необходимо только отсталым людям.

Я слышал об одном философе, который участвовал во второй мировой войне, – тогда все должны были участвовать в войне. Этого бедного философа тоже взяли на войну. Он сказал: «Я абсолютно бесполезен, потому что я не смогу ничего сделать, глубоко и всесторонне не обдумав».

Ему сказали: «Ты сможешь думать, не волнуйся, но ты должен пойти на войну».

Он пошел. В первый же день началась муштра. «Налево!» Все повернулись налево, а философ остался на месте. Его спросили: «Почему не поворачиваешься налево?»

Он спросил: «А зачем? Я не вижу никаких причин. Я обескуражен, почему столько людей повернулось только потому,

что вы сказали: “Налево!” Сначала скажите мне, зачем мы должны поворачиваться налево? А почему не направо?»

Бригадир сказал: «Ты что, дурак? Я говорю “налево!”»

Философ сказал: «Вы можете говорить что угодно, но это вовсе не значит, что я буду это исполнять».

Бригадир оставил его стоять на месте, а остальным командовал повернуться направо, повернуться так и эдак. И в конце концов они опять вернулись в исходное положение. Тогда философ сказал: «Я не вижу смысла. Я стоял все время в одном положении! А эти бедняги все поворачивались и поворачивались и в итоге пришли в то положение, в котором все это время находился я».

Бригадир спросил в своем ведомстве: «Что мне делать с этим человеком? Какую причину я должен назвать, чтобы он повернулся налево? Это ведь обучение, а этот человек очень странный; он говорит: “Но зачем меня необходимо обучать поворотам налево? Что особенного в этом левом? И, прежде всего, я не вижу смысла в этом обучении: я уже обученный человек. Я профессор, я философ – мое имя знает весь мир. Я обученный человек – какое обучение можете дать мне вы?”»

Бригадир спросил штабных. Они сказали: «Мы предполагали, что могут быть неприятности. Пошлите этого парня – он философ, – пошлите его на кухню. Пусть он займется чем-нибудь другим, режет овощи или что-то еще. Вы не сможете с ним спорить, убеждать его – нет времени. Чтобы уговорить его, потребуются годы. И для этого нужен профессор, философ, более авторитетный, чем он. Это не по вашей части; муштруйте своих идиотов, тех, кто никогда не спрашивает “почему?”»

Философа послали на кухню. Начальник спросил его: «Что ты можешь делать?»

Он ответил: «Я могу думать. Ничего другого я не умею».

Офицер сказал: «Думать? А что мы с этим будем делать? Но уж если тебя прислали, ты должен будешь что-то делать. Сделай вот что. Здесь горох; ты должен разложить его на две кучи – в одну кучу складывать крупные горошины, в другую мелкие».

И вы опять вернулись к парадоксу Бертрانا Рассела... Через полчаса офицер вернулся, а философ сидел так же, как до его ухода, и горох лежал так же. Он не дотронулся ни до одной горошины. Начальник спросил: «Что ты делаешь? Прошло полчаса, где кучи?»

На что философ ответил: «Мне не было сказано, куда я должен класть горошины, которые не являются ни большими, ни маленькими, средними. Я это и осмысливаю. Я смотрю на горошины; двух куч не получится. Даже трех, даже четырех. В действительности каждая горошина должна лежать в отдельной куче, потому что все горошины разные, ни одна из них не повторяется. Как же я смогу сложить их в кучу? Они хороши такими, какие есть, индивидуальными. Нет двух одинаковых горошин, они никогда не были одинаковыми и никогда не будут одинаковыми».

Моя коммуна в большей степени организм, чем организация.

Мы все разумные люди – нет необходимости кому-то еще говорить вам, что делать, как делать.

Ваш разум есть ваша ответственность.

Никто не собирается перекладывать на вас ответственность насильно. Но я знаю, почему возник этот вопрос, – потому что с самого раннего детства вам постоянно указывали, как себя вести.

Совсем недавно я читал о женщине, Джудит Мартин. В Америке она известна как мисс Мэннерс. Она самый высший авторитет в области манер, этикета и, в особенности, в области воспитания детей. Она говорит, что каждый ребенок – дикарь, и его нужно начинать воспитывать как можно раньше. И каковы же методы воспитания? Два метода: пример и принуждение. Принуждение, как метод обучения детей манерам...

И какова же польза от этого обучения, этого воспитания? А то, что ребенок сможет стать тактичным, сможет выполнять престижную работу в обществе, сможет иметь успех в бизнесе, в политике. Воспитывайте его, говорит она, и он сможет использовать других как средства.

Некоторые могут быть шокированы теми средствами, при помощи которых, как она говорит, надо воспитывать детей, – даже в мелочах ребенок не может быть свободен: когда он засыпает, он должен оставлять половину лица непокрытой. Зачем? А для того, чтобы посетители, гости могли увидеть, на кого он похож. Даже это должно быть учтено! Он не свободен даже в том, закрывать свое лицо или нет; он должен закрывать половину лица.

Это поражает. Я могу понять, что он должен быть открыт наполовину для того, чтобы гости смогли увидеть, на кого он похож, но почему наполовину укрыт? Почему не оставить открытым все лицо, чтобы гости смогли его полностью разглядеть? Нет, лицо должно быть наполовину закрыто для того, чтобы включилось их воображение. Действительно, ни один ребенок не является ничьей копией, здесь надо домыслить. А из-за того, что половина лица ребенка закрыта, гости поставлены в лучшие условия для того, чтобы работало воображение.

Вы можете вообразить себе что угодно о теле мужчины или женщины, когда оно закрыто. Когда мужчина или женщина стоят обнаженными напротив вас, вы можете на них смотреть; здесь нет необходимости что-то домысливать. Сколько можно глазеть? Вы выглядите глупо. Но когда тело прикрыто наполовину, прикрыто таким образом, что дает простор для воображения... Поэтому в журнале *Плейбой* и во всякой другой непристойной литературе, порнографических открытках, журналах, можно видеть одно: они не дают изображения полностью обнаженного тела.

Разными приемами они добиваются того, чтобы небольшие участки тела были прикрыты; даже если женщина обнажена полностью, она будет сидеть или лежать таким образом, что можно будет разглядеть только часть ее тела. То, что вы видите, не порнография, а то, что вы не видите, и есть настоящая порнография. Искусство порнографии состоит в том, чтобы оставить некоторые части тела скрытыми от глаз — это возбуждает ваше воображение.

На протяжении двадцати лет мисс Мэннерс учила американских детей и их родителей бессмыслице. И так было во всем мире на протяжении столетий; эта мисс Мэннерс не нова. Ребенка надо учить всему, потому что существовало допущение, что ребенок в основе своей дикарь, — его надо сделать более открытым; ребенок в основе своей злой, — значит, его надо исправить.

Всех вас укрепили и исправили. Поэтому, когда вы становитесь частью коммуны, подобной этой, сразу возникает вопрос: вы и здесь будете ортодоксальными? Я постоянно твержу вам, чтобы вы бунтовали, — но бунтовать против кого? Здесь все бунтари.

Один момент — бунт это не то, что вы должны *делать*; это ваша позиция, ваше отношение. Отношение, которое заключается в том, что вы будете уважать себя, как индивидуума, и таким же образом уважать других. Запомните: нет никого ниже вас, нет никого выше вас. Очень просто увериться, что нет никого выше вас. Но это уже не бунт, это зависть. Коммунизм — это не бунт, это зависть.

Состояние бунта — это когда вы осознаете, что нет никого выше вас и нет никого ниже вас. Строго говоря, категории выше и ниже здесь не совсем уместны. Каждый индивидуум настолько уникален, что его невозможно с кем-нибудь сравнивать. Поэтому, как можно считать кого-то выше или ниже? Все настолько разные и неповторимые.

Коммунизм — это вовсе не бунт. Вот почему я постоянно стараюсь делать различие между словами «революция» и «бунт».

Революция ортодоксальна, в ней нет ничего нового.

В мире было множество революций, и каждая из них была очень ортодоксальной по своим функциям. Была ли это французская революция, или русская революция, или китайская революция, все они развивались по одному шаблону. В них нет индивидуальности, они все одинаковы. А в результате все они так же одинаково и заканчиваются. Они с одинаковым успехом начинаются; они одинаковым провалом и заканчиваются.

Что же революционного в революции?

И что является основой всех этих революций?

Это всегда зависть.

И это не разум, это реакция.

У немногих людей есть деньги, а у многих их нет. Те, у кого нет денег, кипят изнутри. Они тоже хотят иметь деньги, но у них нет способностей или возможности стать богатыми. И тогда их зависть переходит в мощную идеологию, что классов не должно быть вовсе, не должно быть ни богатых, ни бедных.

Но сколько всего богатых? Например, в России, когда свершилась революция, богатых людей было только два процента; девяносто восемь процентов были бедными. И что вы теперь собираетесь делать? Два процента людей — богачи, можно распределить их богатство между всеми. Но богатство двух процентов людей, распределенное между девяносто восемь процентами населения никого не сделает богаче. Просто все становятся одинаково бедными.

Весь успех революции ограничивается тем, что она сделала два процента населения беднее, чем они были. Если вначале бедняков было девяносто восемь процентов, то теперь их стало сто процентов. Но это принесло огромное удовлетворение тем девяноста восьми процентам, потому что они низвергли до своего уровня те бывшие два процента богачей. Они по-прежнему остались бедными – возможно даже беднее, чем были, потому что богатство в революции не столько распределяется, сколько уничтожается.

Я никогда раньше не слышал о Портленде, пока не прочел в 1950 году книгу Джона Рида *Десять дней, которые потрясли мир*. Благодаря Джону Риду я узнал о Портленде. Джон Рид родился в Портленде, жил в Портленде, был журналистом в Портленде. Я прочитал тысячи книг, но я могу сказать, что книга Джона Рида из ряда вон выходящая. Он был человеком большого мужества. Он отправился из Портленда в Россию, чтобы своими глазами увидеть все события.

Эта книга – шедевр. Он тогда не был коммунистом, но он описывал все, что видел, и это, несомненно, одно из величайших описаний, описания человека, видевшего все происходящее своими глазами.

Когда люди ворвались в царский дворец, он не мог поверить тому, что они делали. В этом дворце были, возможно, самые большие ценности, чем где-либо еще в мире. Все короли были бедняками по сравнению с русским царем. Ковры были столь ценны, что никто другой не смог бы себе позволить иметь подобные. Они были специально сотканы мастерами с Ближнего Востока, которые потратили на это всю свою жизнь.

А что же делали люди? Они распределяли... они разрезали те ковры – потому что как иначе можно распределить те огромные ковры, созданные для огромных залов? Люди отрезали столько, сколько им удавалось – кусочек, что-то вроде сувенира.

Там были живописные полотна – люди срывали их со стен. Кто-то уносил даже рамки, потому что они были сделаны из золота, чистого золота, цельного золота. Но сами полотна были намного дороже золота; рамка была только рамкой. Кто-то другой... но это была такая толпа. Нельзя было единолично владеть всей живописью, нашлось много людей, которые старались отрезать себе кусок, владеть им.

Есть одно место в книге, где Джон Рид говорит: «Я просто смотрел – что творится? Это и есть распределение? Это разрушение! Никто ничего не получает, а прекрасный дворец разрушен. Безумно дорогие статуи были разбиты. Люди ломали на части большие люстры и растаскивали по кускам. Никто не мог остановить их, это уже толпа. Где же руководители? Но кто же в такой ситуации будет слушать руководителей?»

И это происходило по всей стране. Он видел, что везде поджигали дома. Вся царская семья, включая шестимесячного ребенка, – всего девятнадцать человек, – была сожжена заживо. Какова была вина этого шестимесячного младенца? Только то, что он родился в царской семье? Так это случайность – он мог бы быть кем-нибудь усыновлен. И что за причина была убивать царя?

Вы собирались распределять богатство, а не убивать людей. И теперь царь больше не царь, теперь *вы* у власти: а он никто, просто арестант. Что за смысл убивать тех людей – женщин, старых женщин, детей, – у которых ничего не осталось? У них отняли все – что, и жизнь тоже надо отнять?

Я помню, одно время в Джабалпуре... Джабалпур был одним из самых уязвимых городов по части стычек между индусами и мусульманами, потому что и та, и другая общины были примерно равны по численности. И что странно, город разделился таким образом, что в одной половине обосновалась мусульманская община, а в другой половине индусская. Поэтому стычки между общинами были делом простым и происходили часто. Подобные столкновения случались каждые два-три года.

Любой может начать подобную войну, это очень просто. Кто-то может просто начать играть на флейте перед мечетью, а затем скрыться. Этого достаточно! Музыки перед мечетью достаточно, чтобы начать бойню, в которой будут убиты сотни людей, будет сожжено много домов. Или ночью убить корову перед индусским храмом, а утром уже можно ожидать войны. Это был чей-то... если кто-то финансово заинтересован в подобных стычках, он это делает. А затем дело продолжит толпа.

Я был в книжном магазине... он был на первом этаже, я оттуда мог видеть, что происходило на улице. И не было никакой возможности покинуть магазин, поэтому я был вынужден просто стоять и смотреть. Через дорогу находился крупнейший

в Джабалпуре магазин часов, и я видел, как люди растаскивали часы.

Один человек, последователь Ганди, пытался говорить: «Не деритесь! Индусы и мусульмане – братья. Махатма Ганди учил нас, что все религии равны.» Но он тоже видел, как люди растаскивали вещи; никто его не слушал.

Кого заботят подобные речи в месте, где можно бесплатно получить красивые часы или что-то еще? И это было ваше, вы это сами нашли. И в конце я вижу этого человека... ничего уже не осталось, только старые высокие напольные часы, которые были настолько тяжелы, что никто на них не позарился; этот человек их нес.

Я вынужден был спуститься вниз, я спросил: «Что случилось?»

Он сказал: «А что делать? Никто меня не слушает, я остался один. Поэтому я подумал: “Проповедь я снова могу прочитать, а часы там остались всего одни”».

«Но, – сказал я, – вам не пристало так вести себя. Вы последователь Ганди, вы одеты в белую накидку Ганди».

Он сказал: «Все это так, но не следует также и упускать свой шанс». Кто будет слушать лидеров и их проповеди, когда на арену вышла толпа? Тогда все – сплошные разрушения и пожар.

Поэтому я не думаю, что они в России были способны что-то распределить. Да, они смогли разорить те два процента населения. И девяносто восемь процентов чувствовали себя безмерно счастливыми; и после этого они уже никому не завидовали, потому что все люди были одинаково бедны.

Революцию такого сорта я не могу называть революцией, это ничто. Это подобно тому, что вы, насытившись одной системой, одной тюрьмой, стремитесь в другую; это только смена тюрем. Поэтому я использую слово бунт, чтобы подчеркнуть разницу.

Бунт индивидуален.

Революция коллективна.

Для русской революции необходима коммунистическая партия. Без коммунистической партии революция свершиться не может. Чтобы быть бунтарем, вовсе не нужно сначала организовывать коммунистическую партию.

Бунтарем можно стать в тот самый момент, когда вы поймете, что общество оказывает на вас давление; что эта мисс

Мэннерс и всевозможные глупцы заставили вас стать теми, кто вы есть. Это не ваша сущность, это просто нарисованный фасад, и вы повсюду носили с собой свою тюрьму. Вы просто отбрасываете ее. Вы говорите: «К чертям Джудит Мартин и ей подобных!»

Бунт индивидуален.

Следовательно, только очень разумные люди могут быть бунтарями.

Революция – это та же толпа; раньше эта толпа ходила в церковь, теперь она ходит в комитет коммунистической партии. Это та же самая толпа, тот же дух толпы; просто они сменили свою церковь. Теперь их старая троица из Бога, сына и Святого Духа отброшена; они выбрали себе новую троицу. Маркс, Энгельс, Ленин – вот такая у них теперь троица.

У них своя религия – она называется материализм. У них ортодоксальная позиция. Те, у кого был мало-мальски бунтарский дух... например, такой человек, как Керенский, который был премьер-министром Советской России перед революцией.

Он умер в Нью-Йорке десять лет назад. Все эти шестьдесят лет никто не знал, куда он пропал; он держал бакалейную лавку в Нью-Йорке. Он вынужден был исчезнуть из России – и не просто исчезнуть, но и спрятаться таким образом, чтобы никто не смог узнать, что он был премьер-министром при царе.

Он был очень умным человеком, и он вовсе не был против коммунизма. Ленин не был так умен, как Керенский, – в этом вся беда. Керенский говорил: «Карл Маркс был прав для *своего* времени, но все изменилось, и мы должны изменить марксистскую идеологию под наше время. Мы не можем подогнать время под Маркса; мы не можем передвинуть часы назад. Мы можем осовременить Маркса, но мы не сможем изменить мир и подстроить его под его идеологию».

И он был совершенно прав. Но он был интеллектуалом, а толпа не понимает изящной и утонченной манеры мышления и идеологии. Массы пошли за Лениным, потому что он был великим оратором – не великим интеллектуалом, а великим оратором. И посредственных людей интересует не сам аргумент, а то, насколько громко, насколько напористо, насколько выразительно человек его преподносит. Их интересует властность. Ленин был властным человеком.

Странно – властные люди оказывают сильное влияние на массы. Что было у Иисуса в качестве аргумента для его философии? Ни одного слова, только повелительные высказывания: «Блаженны нищие, ибо их есть царство Божье». Пусть нам подробно объяснят, приведут доводы, почему, как? Почему бедные блаженны?

Очевидно, что это не так; они проклятие, они несчастье земли, а их называют блаженными, – пожалуйста, дайте этому объяснение. И если они настолько блаженны, то почему Бог сделал их такими бедными? И почему он заставляет своих блаженных людей ждать, чтобы только после смерти они смогли обрести царство Божье? Почему бы не дать им это царство прямо сейчас? Или они еще недостаточно бедны? Вы хотите, чтобы они стали еще более блаженными? Чего вы ждете? Но объяснений нет.

Во всей проповеди Иисуса нет ни одного аргумента в пользу того, что он говорит. Но «величайшая» в мире религия произошла от этого человека. Несомненно, он оказывал властное воздействие на людей.

Людей не интересуют заумные вещи, потому что они не понимают их. Но их впечатляет Адольф Гитлер, Бенито Муссолини, Мао Цзе-дун, Иосиф Сталин – все очень властные люди. Ни о ком из них нельзя сказать, что его интеллект выше среднего; в действительности даже ниже. Умственные способности Адольфа Гитлера не выше, чем у тринадцатилетнего подростка. Но на людей он производит впечатление.

Революции создаются ортодоксальными людьми. Властные люди – ортодоксальные люди. Да, они против старой ортодоксальности, но они создают новую. И эта новая ортодоксальность кажется революцией. Но это не так, это просто смена наручников.

У вас будут другие наручники, возможно лучше сделанные, более красивые, лучше украшенные – но наручники есть наручники, и вы скоро поймете, что прежние было легче сбросить, потому что они уже прогнили от старости. А эти новые сбросить невозможно; они отлично сделаны, хорошо продуманы, они более научны. Теперь в России попробуй совершить революцию...

В царской России революция стала возможной потому, что эта империя была старой, очень старой, древней, разваливаю-

щейся, ожидающей только предлога, чтобы перестать существовать. А новая империя, которая сейчас является коммунистической, молодая, свежая, опирающаяся на передовую технологию – хорошо организованная, потому что прекрасно знает, что произошло с царем; она не допустит, чтобы подобное случилось и с ней.

Каждая революция умирает в другой ортодоксальности.

Это всегда так.

Вот почему я не за революцию – я за бунт.

Бунт индивидуален.

Но когда много бунтарей хотят жить вместе, уважая индивидуальность друг друга, свободу друг друга, непохожесть друг друга – вот в чем смысл коммуны. Это не общество. Это не система ведения хозяйства. Это не организация в своем старом смысле.

Коммуна – это общение индивидуальностей, которые все бунтуют против всяких проявлений глупости, суеверий. Это их точка соприкосновения. Но это вовсе не значит, что они создают альтернативное общество, другую хозяйственную систему. Тогда это может быть только революцией.

Постарайтесь ясно понять разницу. Или они начинают жить все вместе, опираясь на свой разум и не создавая никакой новой хозяйственной системы, как бы ни было это трудно, – а это будет немного трудно; или иначе почему люди выбирают создание организаций и хозяйственных систем? Потому что это намного проще.

Современная тенденция во всем мире – заменить человека машиной, потому что машина намного удобней. Она никогда не требует увеличения заработной платы, премий, никогда не бастует, не пытается создавать профсоюзы; она очень удобна. Поэтому везде, где возможно, человек вытесняется с рабочих мест; его место занимает машина.

Вскоре будет так, что людям будут платить за то, что они будут готовы оставаться безработными. Если они готовы уступить свое рабочее место машине, им будут за это платить. В передовых странах это очень скоро случится, потому что машины могут выполнять работу лучше вас, больше вас. И нет вопросов – пятичасовой рабочий день, шестичасовой, семичасовой, сколько рабочих дней в неделю – пять или четыре; нет

вопросов. И ничего страшного – если время от времени что-то ломается, можно заменить деталь.

А с человеком постоянные хлопоты. Учреждения, организации, общества созданы для того, чтобы сократить эти хлопоты, делать их меньше и меньше. Но для того, чтобы их сократить, надо начинать так, как говорит Джудит Мартин: «С самого начала ребенок-дикарь должен быть приобщен к цивилизации; для этого надо использовать принуждение».

Эта женщина имеет наглость так говорить! Она говорит, что принуждение – это метод. Я не думаю... а что случилось с ее мужем? Я не думаю, что он смог остаться в живых; либо он сбежал или умер, либо, возможно, превратился в робота. Во время сна он закрывал половину лица, так чтобы все могли узнать, чьим мужем...

Люди во всем мире вынуждены изобретать эти системы просто для того, чтобы им было удобно жить вместе; иначе, если всех людей оставить одних, чтобы они жили сами по себе, наступит хаос. Есть два пути... Да, наступит хаос, если люди неразумны; но если люди разумны, тоже наступит хаос – но хаос другого рода, хаос, из которого рождаются звезды, хаос созиданий. Наступит истинная анархия, но она не будет разрушающей.

Я анархист.

Я изначально верю в индивидуальность.

Я совсем не верю в общество.

Я не верю в цивилизацию, в культуру. Я просто верю в индивидуальность.

Я не верю в государство, я не верю в правительство. Я вообще не хочу в мире никакого правительства, никакого государства.

Я просто хочу, чтобы умные люди жили в гармонии, опираясь на свой интеллект. А если они не смогут жить, исходя из интеллекта, то лучше умереть, чем стать роботами, стать машинами, чтобы их принуждали и загоняли в разные виды рабства. Лучше умереть. Мы будем жить разумно, и наш порядок станет порождением нашего разума, и никак не наоборот.

Это то, что пытались сделать раньше; ужесточить порядок, чтобы люди могли существовать разумно. Это полная ерунда. При ужесточении порядка разрушается разум, уничтожается даже возможность его развития. В этом нет нужды.

Я говорю, живите разумно, даже рискуя исчезнуть с лица земли. Что плохого будет от этого? Если здесь не будет индусов, не будет мусульман, христиан; если никто не будет ходить в церковь, никто не будет посещать храм, то что в этом плохого?

Здесь будут птицы, здесь будут олени, лошади – и все они будут рады, действительно рады, что человека больше нет. Тогда начнется такое ликование, что даже деревья затанцуют; они забудут про свои корни, забудут, что не могут танцевать, что не в их правилах танцевать. Они начнут танцевать, если узнают, что человек исчез.

Человек – это бедствие, проклятие для жизни.

Бунт означает процесс превращения человека в благо, а не проклятие.

Это рискованный шаг, но без риска нельзя достигнуть цели. А это такая чудовищная перемена, почти разрыв с прошлым – и никакой улучшенной формы старого общества, только полностью новое и свежее общество.

Здесь нет парадокса. Здесь надо быть бунтарем, но это не значит, что надо идти против чего-то разумного, вразумительного. Надо бунтовать против любой глупости. Против любого идиотизма, возникающего в коммуне. Вы ответственны за это, вы поставлены стражем, чтобы никакая глупость, никакие суеверия не смогли пустить в вас корни. Будьте бдительны.

Но бунт вовсе не подразумевает разрушения без необходимости, только для доказательства того, что вы бунтарь; что в противном случае кто-то сможет подумать, что вы ортодоксальны: прошло два дня, а вы ни разу не взбунтовались! Бунт – это не то, что вы должны делать каждый день. Это не какой-то вид упражнения, подобного утренней прогулке.

Бунт – это ваш взгляд на вещи, ваша манера созерцания; что происходит внутри вас и что происходит вокруг вас. И никакой ржавчины. Ваш меч интеллекта должен всегда оставаться сверкающим, вот и все. И каждый должен держать свой меч чистым от ржавчины, никто другой не позаботится об этом. Здесь никто не является нянькой для другого.

Надо быть самостоятельным, и никакая ортодоксальность не страшна.

Парадокс Бертрانا Рассела чисто математический, он не жизненный. Он должен был бы спросить у меня; он спросил не у того человека, у Фреге – потому что даже из этого чисто

математического парадокса есть выход. Все, что нужно, — это допустить, что каталог не должен считаться книгой, каталог не книга. Это только вопрос определения. Этот бедняга Фреге совершенно напрасно беспокоился.

Он должен был просто сказать: «Каталог — это не книга, потому что у книги есть своя миссия, какая-то идеология, философия. А какая идеология у каталога? Каталог — это просто перечень, перечень книг. И сам перечень не может быть книгой».

Это так просто, но что же делать? Фреге был великим математиком, Бертран Рассел был великим математиком и философом. А я — никто. Но именно от людей, которые есть никто, и можно получить ответы на вопросы, поставленные самой жизнью. Остальные люди слишком погрязли в словах. Они приклеились к слову «книга»; а было бы так просто, если всего лишь изменить определение.

В Индии был такой случай... В Гималаях водится дикая корова, ее называют *нилгаи*, «голубая корова»; ее белая шкура имеет голубоватый оттенок. Она дикая и очень опасная. Она выглядит как корова, но не следует слишком обольщаться словом «корова». По сути это не корова, она больше напоминает волка; но выглядит как корова, поэтому и называется коровой.

В индийском парламенте возникла проблема, потому что популяция этих голубых коров настолько возросла, что они стали спускаться с Гималаев на равнины и разорять урожаи местных жителей; и они были настолько опасны, что убивали людей. Их рога были таковы, что, вонзившись в грудную клетку человека, они протыкали ее насквозь и выходили с другой стороны. Человек умирал после первого удара.

Люди были напуганы... Эти коровы никогда раньше не спускались на равнины — они оставались в горах, и не было никаких проблем. Но их численность возросла настолько, что им не стало хватать корма; они начали спускаться вниз.

А в Индии существует проблема: корова — священное животное, священная мать, поэтому индусы никогда их не убивают. Парламент думал убить всех коров, которые спустились на равнины, отстрелить; они не видели другого выхода. Но индусы были против. Они сказали: «Вы не можете убивать наших коров. Если вы их убьете, случится большая беда», и большая беда случилась бы непременно. «Они наши матери».

Но один человек, очень умный человек, доктор Бабасахэб

Амбедкар... Он был шудрой, неприкасаемым, и он был против индусов. Он сам был индусом, но самого низшего сословия, поэтому он постоянно трудился над решением задачи: либо шудры должны стать мусульманами, либо принять христианство, но только не оставаться индусами; потому что какой от этого прок — жить в обществе, быть частью общества и видеть, что общество относится к вам абсолютно не по-человечески. И такое отношение длится на протяжении пяти тысяч лет.

Шудра не может читать индусские священные писания. Он не может даже слушать, если кто-то рассказывает их. Если шудра услышит это, он будет наказан — он услышал святое слово. И святое слово становится несвятым, поскольку его услышал шудра!

Доктор Амбедкар посредством своего блестящего ума стал признанным во всем мире юристом. Он предложил простое решение: изменить корове название; назвать ее голубой лошадкой, перестать называть голубой коровой. И это сработало.

Был принят закон против голубых лошадей. Ни одного индуса это не взволновало; кого волнуют лошади? Разве они чьи-то отцы — эти голубые лошади? Никого не волновало, кем были эти голубые лошади. Голубые лошади были отстреляны, убиты; и только после этого обнаружилось, что это были голубые коровы. Но было уже поздно, что же теперь делать? Они уже были мертвы. И это, изменив маленькое слово!

Парадокс Бертрана Рассела — больше не парадокс. Каталог — это перечень, а не книга. А перечень не может содержать сам себя, потому что это перечень книг. И конечный, главный перечень тоже может быть очень простым. Главный перечень не может быть сам включен в перечень, потому что этот перечень является перечнем не главных перечней, а обычных. Как же главный перечень может быть включен в перечень обычных? Когда формируется перечень главных перечней библиотек всего мира, тогда, конечно, он должен в этот перечень войти. Но тогда останется неучтенным суперглавный перечень. Но что-то должно остаться неучтенным. В этом нет проблемы, нет парадокса; это просто жонглирование словами.

В моей коммуны вы должны оставаться бунтарями.

Конечно, у вас не будет достаточно шансов, чтобы реализовать свое бунтарство — это общая цель всей коммуны. Вы уже использовали свое бунтарство, использовали свой шанс, чтобы

бунтовать против ортодоксальности; и теперь мы вам больше такого шанса не дадим. И вы должны все время тревожиться по поводу того, что вам не будет больше предоставлено шансов, чтобы против чего-нибудь бунтовать.

В коммуне бунтарей каждый бунтарь – это страж, хранитель бунтарского духа.

И запомните, я пользуюсь словами «бунтарский дух».

Это не вопрос действия. Действие необходимо только в том случае, когда что-то предпринимается против самого духа.

Поэтому, когда в коммуне что-то идет против бунтарского духа, разрушая его, бунтуйте против этого!

В данном случае вы не идете против коммуны – вы спасаете коммуну, коммуну бунтарей.

Вы спасаете бунтарский дух.

Беседа 30

БУНТ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

27 февраля 1985 года

Бхагаван,

Вы восхваляете бунтарей, а мне кажется, что далеко зашедший бунт все меняет только к худшему. Не лучше ли просто принимать все, как есть? Кажется также, что вопреки всему зло в этом мире становится все более могущественным, более действенным. Не могли бы вы это разъяснить?

Бунт еще не свершился. Свершилась революция. И вы глубоко заблуждаетесь по поводу разницы между двумя этими понятиями.

Революция, несомненно, повернула все к худшему, и это по той простой причине, что она использует ту же тактику, которую использовало прежнее общество. И она не просто использовала эту тактику, а использовала с большей мощностью; только в этом случае революция может быть успешной.

Например, в русской революции монархия была одной из самых мощных силовых структур во всем мире. Поэтому, чтобы восстать против царя, надо обладать более мощным инструментом насилия — логика проста. Поэтому коммунистическая партия воспитала себя непревзойденным образом, почти как милиция. Оказалось возможным свергнуть царя и его режим, потому что они столкнулись с гораздо большей мощностью насилия.

Вы должны понять всю суть логики насилия. Люди, которые пришли к власти путем насилия, — как это было в России, — получив власть, вы думаете, сразу перестанут исповедовать насилие? Все их воспитание, весь их разум полны насилия, и это насилие является залогом их успеха. Его нельзя отбросить. Отбросить насилие означает предать революцию, потерять свой успех.

Кроме того, люди, пришедшие к власти путем насилия, вынуждены применять насилие друг к другу, потому что в высших кругах коммунистической партии начнется борьба за власть. Тот, кто сможет доказать, что он более жестокий, более коварный, более бесчеловечный, станет обладать большей властью.

Именно так Иосиф Сталин стал величайшим диктатором из тех, кого мир когда-либо знал. В том, что касалось революции, он был никем: он не был какой-либо значительной фигурой,

даже не национальным лидером. Он был родом из одной из отсталых частей России — с Кавказа. И он не был включен в десятку самых важных людей, которые правили партией и всей страной; он был всего лишь генеральным секретарем коммунистической партии. И он видел, как преуспевает насилие.

Он видел — это было перед его глазами, — как величайшая в мире империя испаряется через насилие. Он увидел и понял, что ничто не срабатывает так эффективно, как насилие, коварство, жестокость. Он получил хороший урок. И он начал применять то же самое в высших партийных кругах.

Это общеизвестный факт — хотя нельзя сказать точно, правда это или нет, но все же больше вероятности, что правда — что Ленин был отравлен Иосифом Сталиным. Сталин руководил всеми организационными вопросами в партии, он отвечал и за уход за Лениным — Ленин старел, был слаб.

Жена Ленина, Крупская, была категорически против того, чтобы Иосиф Сталин был возле Ленина, но она была бессильна; она ничего не могла сделать. Все указания шли через генерального секретаря: врачи, медсестры, медикаменты — все контролировал он. А Ленин был отравлен очень медленно, очень медленно; по мере того, как он все ближе подходил к своему концу, власть начала сосредотачиваться в руках Иосифа Сталина. Ему удавалось получать подпись Ленина под теми документами, в которых он сам был заинтересован.

В последний период жизни Ленин был не совсем в полном сознании — его было достаточно, чтобы поставить подпись, сказать да или нет; он был парализован, его сознание было затуманено. И за два года непрерывного отравления его мозг, должно быть, истощился. И он должен был зависеть от Иосифа Сталина, потому что Сталин прервал всякую связь между Лениным и остальными девятью лидерами коммунистической партии. Единственной связью был он сам.

Была выдвинута причина, что Ленину нужен абсолютный покой; ни толпы, ни проблем. И у Сталина была бумага, подписанная Лениным, что от его имени Иосифу Сталину дана вся полнота власти. После смерти Ленина Иосиф Сталин начал сбрасывать одну за другой все важные фигуры.

Он был действительно умен. Справиться со всеми девятью лидерами революции сразу было бы очень сложно. Он применил простой политический метод; он объединял всех против одного. Он создавал, изобретал ситуации, в которых этот один мог быть пойман. А остальные восемь были великими лидерами. Их не интересовал этот один, но они не знали, что подобное ожидало и их.

В течение пяти лет почти все самые важные люди — Зиновьев, Каменев — были убиты. Совсем немногим удалось бежать из страны просто из страха. Те, кто остался, очень хорошо уяснили себе, что если хотят жить, то должны стать сторонниками Иосифа Сталина. Они поддерживали его, они жили — но они жили, будучи никем. Иосиф Сталин стал единственным и полным диктатором великой страны, одной шестой части мира.

Но одно насилие ведет к другому насилию, и этому нет конца — подобно тому, как одна ложь ведет к другой, и этому нет конца. Это один из симптомов зла. Одно зло непременно ведет к другому, затем к следующему, и вот вы уже попали в порочный круг. Если не совершить следующего зла, то предыдущее зло откроется. Для того чтобы скрыть его, надо продолжать непрерывно нагонять вокруг как можно больше облаков зла.

Сталин уничтожил в Советской России почти миллион человек — потому что те девять лидеров были не одни, существовали еще лидеры провинций. Россия большая страна, простирающаяся от одного конца Европы почти до противоположного конца Азии; это огромный континент. Он должен был убить тысячи провинциальных лидеров.

Это называлось чисткой партии. Он сказал, что эти люди в действительности были заодно с буржуазией, их образ мыслей был капиталистическим: «И пока мы не покончим с ними, наша страна не будет в безопасности. Враг внутри — мы можем сражаться с внешним врагом, но если враг внутри, то сражаться с внешним врагом становится невозможно».

Конечно же, были и внешние враги, потому что все капиталистические страны хотели уничтожить Россию. Поэтому у Сталина был веский аргумент: «Если ты хочешь выжить, ты должен быть совершенно один. Никаких других голосов — один единственный лидер». И люди должны были этому подчиниться.

Люди, которые совершили революцию, этой революцией были уничтожены. А люди, пришедшие к власти после революции, революционерами не были. Они были бюрократами, которые прекрасно изучили все бюрократические приемы и были способны стать рабами Иосифа Сталина.

Прошло шестьдесят лет, но ситуация не изменилась — все та же боязнь внешнего мира. В России все время ее преувеличивали: весь мир ополчился против России, и для того, чтобы выжить, надо оставаться беззаветно преданными линии партии. Не допускается никаких несогласий. Вся страна должна верить всему, что идет от высшего эшелона власти из Кремля.

Люди, которые думали о революции, люди, которые десятилетиями готовили революцию... Это не было той революцией,

к которой они столько готовились, — вся страна стала концентрационным лагерем, а люди — заключенными.

В Индии после завоевания свободы один из самых значительных поэтов урду Фаиз Ахмед Фаиз написал прекрасную песню. В ней он говорит: «Это не то утро, ради которого мы тяжко трудились, жертвуя всем, страдая от унижений. Это не то утро. Это не утро нашей мечты. Это не *та* свобода».

«Ничего не меняется, только правители другие. Тюремщики сменились, тюрьма осталась той же. Какая разница для узника, кто его тюремщик? Законы все те же; пожалуй, даже стали строже».

Очевидно, что поскольку этот тюремщик сам был узником... теперь он стал тюремщиком и он знает, как узники могут его свергнуть: он не оставит для этого ни одной лазейки. Он знает, каким образом сам превратился из узника в тюремщика; и теперь он ломает все мосты, чтобы никто не смог занять его место.

Новые правители всегда более опасны, чем старые. Старые правители расслабляются, начинают думать, что то, что они правители, — это само собой разумеется. Они не так бдительны, как это нужно. Новые же правители не могут себе позволить жить подобным образом. Они знают, что могут быть свергнуты. Они свергли других, и то, что они сделали, могут сделать и с ними.

Тюрьма в России все эти шестьдесят лет становилась все более и более губительной для человеческой природы, индивидуальности, свободы.

Задавший вопрос прав: никакая революция не помогла — но, пожалуйста, не называйте революцию бунтом. Здесь огромная разница.

На протяжении истории революции случались.

Бунт же еще не случился.

И почему революции заканчиваются провалом? Это потому, что они вынуждены использовать одни и те же приемы для свержения старого общества, старой цивилизации, старой верховной власти. Они должны были использовать одни и те же приемы, у них нет других методов, — и мало-помалу они стали такими же, как и их предшественники.

Теперь Иосиф Сталин стал не кем иным, как самым сильным из всех царей. Самым сильным и жестоким царем в российской истории был Иван Грозный, но Иван Грозный просто Иван Пигмей по сравнению с Иосифом Сталиным. Его мало знают — а он был самым сильным, самым жестоким, самым худшим царем из тех, кого видела Россия. Вот почему его

называли «Грозный». Но Сталин был в миллион раз грознее – более научно грозным, более технологически грозным. И не было возможности избежать его тисков.

Но это должно было случиться... В Индии я наблюдал индийскую революцию. Ганди знал, что если бы революция была основана на насилии, то ее судьба была бы такой же, как у других революций. Революционеры, придя к власти, доказывают, что они самые худшие правители, чем кто-либо еще. Поэтому Ганди старался сделать революцию без насилия; но он не знал о множестве других подводных камней. И помимо насилия была еще и власть.

Когда человек, никогда не знавший власти, к этой власти приходит, он меняется, он больше не прежний. Это как если бы нищий внезапно выиграл по лотерейному билету. Думаете, он прежний? Да, он *выглядит* по-прежнему, но он более не прежний человек.

Лев Толстой написал прекрасный рассказ. Один сапожник захотел разбогатеть – а кто не хочет? Сколько он еще мог продолжать делать обувь для других? Делая обувь, богатым не станешь, это более чем несомненно; он должен был найти какой-то быстрый способ. Поэтому он стал покупать лотерейные билеты... Каждый месяц он экономил немного денег, чтобы купить по крайней мере один билет.

Так продолжалось почти двадцать лет. Он даже забыл, зачем он их покупает; это стало привычкой, навязчивой идеей. Но в один прекрасный день к магазину бедного сапожника подъехал большой лимузин, и человек из лимузина наградил его несколькими чемоданчиками, полными банкнот. Человек сказал: «Вы выиграли в лотерею».

Сапожник не мог в это поверить. Он сказал: «Что вы сказали? Я выиграл в лотерею? Я покупал билеты двадцать лет, и этого не случилось. Вы уверены?»

Человек сказал: «Я абсолютно уверен. Просто покажите мне номер вашего билета. Да, вы выиграли!»

Что случилось с беднягой? Он немедленно запер магазин и выбросил ключи в колодец – потому что какой прок был теперь от этих ключей и от этого магазина? И он понес чемоданчики, полные банкнот, домой.

За один год он спустил все свои деньги: проститутки, алкоголь, азартные игры – все, что только было возможно, все, что могли сделать деньги, – он сделал. Но по прошествии года, когда он открыл чемоданчик, все банкноты исчезли.

Он посмотрел в зеркало – весь год он был так занят, что даже ни разу не взглянул на себя в зеркало. Было так много дел и так

много денег; он был, вероятно, самым занятым человеком в мире. Когда он посмотрел в зеркало, он не смог поверить, что это был он, потому что за один год он постарел по крайней мере лет на десять. Деньги и такое делают.

Он растратил себя. Он выглядел больным, хотя раньше никогда не болел. Он был здоровым человеком, но из-за алкоголя, проституток, азартных игр – из-за всего вместе – он выглядел так, как если бы собрался умирать через несколько дней. Он сказал: «Боже мой, что я наделал?»

Он пошел к колодцу, прыгнул в него, чтобы попытаться найти ключи, потому что завтра утром надо было снова открывать магазин. Следующим утром он открыл магазин. Люди были озадачены; они говорили: «Целый год вас не было видно».

Он сказал: «Не было видно?.. Париж, Лондон, Нью-Йорк – я не знаю, где я был, что я делал, но этот год был адом. Никогда раньше я так не страдал. А теперь я не собираюсь больше покупать лотерейные билеты».

Но когда наступил первый день месяца, просто по старой привычке он сказал: «Кто сможет еще раз так выиграть в этой лотерее? Подобное случается раз в жизни.» Он купил билет, надеясь, что не выиграет, потому что он не хотел выигрывать, но старая привычка...

Просто посмотрите, как работает человеческий ум. Вы не хотите этого делать, но все же продолжаете. Вы дали клятву: «Я никогда больше не буду этого делать». И вы знаете, давая клятву, что подобные клятвы вы даете на протяжении всей вашей жизни и нарушаете их. И вы знаете, что и на этот раз, когда придет время, вы нарушите ее.

Пьяница говорит: «Именем Бога – я прикасаюсь к Библии – я говорю: “Я никогда больше не буду пить”». Но он знает, что именно это он делал и раньше. И завтра, когда подойдет время, он обо всем забудет – о клятвах, о Боге, о Библии, – и он скажет: «Люди продолжают делать подобное, и что плохого мне сделало то, что я давал клятвы и нарушал их? Еще одно нарушение ничего не изменит». Он пьет и в процессе питья думает, что это нехорошо. Это плохо, это бессмысленно, он попросту губит себя. Ему это даже не доставляет удовольствия.

Вы должны понять двойственность человеческой натуры. Что-то ему не доставляет удовольствия, он не хочет этого делать, но продолжает и продолжает, как робот.

Но чудо из чудес заключается в том, что в первый же месяц после того, как сапожник купил лотерейный билет, он снова выиграл! А когда подъехал тот же лимузин, он сказал: «Мой Бог, не дай этому случиться снова!» Но почему ты говоришь это Богу?

Ты сам не должен снова так поступать. Но он знал, что это невозможно. Он выиграл в лотерею, а когда получил чемоданчики, то сделал то же, что и в прошлый раз, говоря: «Что я делаю? Это неправильно».

Говоря это, он запер дверь магазина, выбросил ключи в колодец и взял чемоданчики, непрерывно повторяя: «Это неправильно. Я не должен был этого делать, потому что в этот раз чемоданчики не оставят меня в живых. Что они сделали в прошлый раз? Они почти прикончили меня! И что за жестокость у этого Бога? Он даже месяца не дает мне отдохнуть. Я снова должен ехать в Париж, в Лондон, в Нью-Йорк – и кто знает, что и где я буду снова делать».

Ганди не знал одного – что власть меняет людей.

Власть выносит на поверхность худшее, что есть в людях.

Каждый несет в себе власть делать зло – волю, семя, – но возможности нет, это только потенциал. Когда же власть *реально* попадет вам в руки, тогда все скрытые дьяволы начнут поднимать головы и говорить: «Вот теперь время пришло, делай это; иначе, кто знает, будет ли еще такая возможность получить власть или нет».

Люди, окружавшие Ленина, все были людьми насилия, поэтому нет ничего удивительного в том, что наиболее неистовые из них делали то же, что и Ленин. Это кажется абсолютно логичным. Но люди, которые были с Ганди, не были людьми насилия, ни внешне, ни по сути – они не исповедовали насилие.

Никто не мог себе представить, что эти люди вдруг станут сторонниками насилия, будут всеми возможными способами эксплуатировать страну. Эти люди были слугами народа; они жили жизнью, полной самопожертвования, они отказались от денег, от семей, они страдали от разного рода наказаний, побоев, тюрем. Никто не мог подумать...

Это были люди, которым Ганди мог доверять. И для доверия была веская причина, потому что, когда солдаты британского правительства избивали их, инструкции Ганди были следующими: «Вы не должны отвечать тем же, вы должны просто стоять. Пусть они убивают вас, но не отвечайте насилием» – и тысячи людей поступали именно так.

Британское правительство было в большой растерянности – ни одно правительство никогда не находилось в подобном замешательстве. Если бы эти революционеры применяли насилие, тогда бы не было проблем; британское правительство могло мгновенно их сокрушить, всех их перестрелять. Тогда бы не было проблем – они оказали сопротивление, применили насилие, они заслужили этого.

Но эти люди не совершали никакого насилия, они не были никому помехой. То, что они делали, на самом деле было странным, подобного не делал ни один революционер. Стоя перед домом губернатора, они декламировали *Гиту*, читали из *Библии*, цитировали Иисуса; читали молитвы христианские, индусские, мусульманские – они повторяли молитвы всех этих религий. Что же делать с такими людьми?

Даже самый жестокий человек на секунду задумается: «Стрелять в этих людей – это не самый верный путь». Но не нашлось никого, кто бы сказал идиотам, вроде Уинстона Черчилля: «Когда революционеры используют новые методы, почему бы новые методы не использовать и вам? Пусть они читают наизусть *Библию* – ваши солдаты тоже могут читать наизусть *Библию*! В чем проблема? Читайте громче! Они не смогут свергнуть правительство, читая *Библию*, – пусть читают. Вы участвуйте, это хорошо. Пусть все члены правительства присоединятся к ним в чтении *Библии*, и пусть уже *они* будут в замешательстве».

Если бы я был на месте Уинстона Черчилля, то вот что я сделал бы. Ни одного из этих ненасильственных революционеров не нужно посылать в тюрьму; это полное безобразие. Его не нужно избивать – за что? Если он молится, присоединяйтесь к нему; молитва – хорошая вещь. И приглашайте его: «Приходите каждый день. Мы забываем совершать наши молитвы, вы напомнили нам. Приходите каждый день!» Отнесите к ним хорошо, предложите чашку кофе или чая, немного конфет для детей.

Это был бы правильный ответ; но в пустой голове Уинстона Черчилля не было места пронизательности – так просто. Он начал делать абсолютно ненужное, что разрушило Британскую Империю. В этом повинен не Ганди, а тупость самой Британской Империи.

Если вы встречаете пулями людей, не совершающих насилия, вы не сможете выжить. Симпатии всего мира были на стороне Ганди и его революции; даже в самой Британии симпатии ее жителей были на стороне Ганди. Любой, у кого было хоть немного здравого смысла и гуманизма, отдавал свою симпатию тем бедным людям, которые никому не причинили вреда, в которых стреляют, которых убивают... и убивают так жестоко.

В Пенджабе было одно место, Джалианвала Бауг – общественный парк, обнесенный стеной с одним выходом. Это было укромное место для больших собраний; там могли разместиться сто тысяч человек. В этом парке должен был состояться митинг людей, которые не хотели применять насилия, у которых не

было даже палки в руках, — и эти люди были противниками насилия по своей природе или в силу традиций. Пенджабцы, сикхи... даже сикхская религия говорит, что сикх должен носить с собой меч, — это очень важно. Это часть его религии, ему не нужно никакое разрешение.

Даже в стране, подобной Индии, где нельзя носить оружие без специального разрешения, сикх носит оружие, потому что это вопрос его религии. И нельзя оскорблять ничьи религиозные чувства — даже если они и не слишком религиозные. Носить меч? Можно кого-то убить. Это нерелигиозно.

Но религия сикхов делает это обязательным, и британское правительство на протяжении трехсот лет разрешало им носить оружие, был такой прецедент. На протяжении трехсот лет им не чинили препятствий; поэтому препятствовать им теперь — это беспричинно их разгневать. Проще разрешить им носить свои мечи.

В Джалианвала Бауг большинство были сикхи, но из-за того, что они были последователями Ганди, они не принесли с собой свои мечи. Ганди сказал: «Вы не должны иметь никакого оружия, даже палки, даже бамбука; вы должны быть абсолютно безоружными. И пусть они убивают. Сколько они смогут убить невооруженных людей? Давайте посмотрим, как далеко они смогут зайти в своей бесчеловечности».

Там было сто тысяч человек, и британское правительство атаковало их без всякой причины — ведь эти люди ничего не делали; они просто произносили молитвы и просили Бога сделать их страну свободной. Но в этом нет ничего противозаконного.

Вы можете просить Бога сделать вашу страну *не* свободной — какая проблема? Если они просят Бога, то и вы просите тоже. В вашем ведении все церкви и все священники: пусть они все просят Бога не делать страну свободной. Если этот вопрос касается сражения в молитвах, пусть это будет так. Но они послали генерала Дайера, очень жестокого человека, с армией и пулеметами.

Можно себе представить: один выход, генерал Дайер с пулеметами у ворот, высокие стены, через которые нельзя перелезть, — и он начал стрелять. Он убил тысячи людей — детей, женщин, стариков — без всякой причины. Но это вызвало возмущение во всем мире. Британское правительство вынуждено было отозвать генерала Дайера обратно в Англию. Они вынуждены были назначить специальное расследование этого дела просто для вида, потому что симпатии были на стороне индийских революционеров — как-то надо было отреагировать.

Всю ответственность возложили на генерала Дайера, но он

сказал: «Не я ответственен за это. Я получил приказ от генерал-губернатора, я просто солдат. Что еще я мог сделать, кроме того, чтобы исполнить приказ? И если вы хотите расследования, то расследуйте деятельность генерал-губернатора. А я знаю абсолютно точно, что он получил приказ от премьер-министра Уинстона Черчилля. От кого еще он мог получить такой приказ?» Но кто послушает бедного генерала? Расследование продолжалось.

Но как идет правительственное расследование? Они тянут его в течение нескольких лет, а за это время люди забывают, в чем вообще было дело, кто был виноват, что случилось. Так много всего после этого произошло, так много продолжалось других расследований. В конце концов пришел отчет; и он сплошь состоял из юридических терминов, поэтому так никто и не узнал результатов расследования.

Генерал Дайер не понес никакого наказания. Действительно, с каким лицом британское правительство могло вынести наказание Дайеру? Да, он ушел в отставку с прекрасными видами на будущее. Это не наказание, это награда.

Те люди стояли с голыми руками перед пулеметами, обнажив грудь, и говорили солдатам: «Убивайте, сколько можете, потому что жить в рабстве хуже, чем умереть». В конце концов британское правительство уступило.

Ганди никогда не думал... Эти люди — им доверяли, их знали как не признающих насилия, не жадных до власти — внезапно переменились. Когда революция достигла цели и эти люди пришли к власти, они начали делать то же самое, что делало Британское правительство. Теперь уже *они* стреляли в коммунистов, *они* стреляли в социалистов. Они полностью забыли о ненасилии.

Что говорить о них; вы будете удивлены, узнав, что даже Махатма Ганди забыл о ненасилии. Луис Фишер, американский писатель, который писал биографию Ганди — это одна из самых прекрасных биографий Ганди, — спросил Ганди: «Вы говорите о ненасилии, а если страна станет независимой, вы собираетесь иметь армию или нет?»

Ганди сказал: «Ответ очевиден. С того момента, как страна станет свободной, армии не будет».

Луис Фишер спросил: «А если кто-то нападет на страну — ведь на вас нападали на протяжении двух тысяч лет... Даже имея армию и защищая себя, вы постоянно подвергались нападению в течение двух тысяч лет, и вас снова и снова поработали. Что же случится, когда вы распустите армию и сбросите оружие в

океан? Тогда со всех границ люди устремятся в вашу страну. Что вы тогда будете делать?»

Ганди сказал: «Мы их радушно примем, скажем им: “Если вам нет места в вашей стране, у нас есть место для вас – вы можете прийти сюда. Даже если у нас не будет свободного места, мы разделим с вами то, что есть. Живите с нами”».

Луис Фишер был настойчив. Он сказал: «Времена изменились. Люди могут приходить не с миром, они могут бомбить вас с воздуха. Что вы тогда будете делать? Тогда уже не будет возможности столкнуться лицом к лицу и поговорить».

Ганди сказал: «Я верю в Бога, и я верю в душу. Мы будем стоять, подняв глаза к небу, и молиться, и если это Божья воля, то подчинимся ей. Но мы будем в своих молитвах просить Бога изменить сердца этих людей, которые пришли бомбить нас». Это человек, каким он был перед революцией – намного раньше, за десять лет до нее.

Когда революция свершилась и Пакистан напал на Индию в штате Кашмир, премьер-министр Джавахарлал Неру сказал Ганди: «Мы пошлем войска, а вы благословите их», – и Ганди благословил их. Над местом, где обычно останавливался в Дели Ганди, пролетели три самолета; Ганди вышел в сад и благословил их. Это были первые самолеты для нападения, за ними последовала армия.

Что случилось с этим человеком? Армиям грозило уничтожение, а он выходил помолиться Богу – благословить самолеты, несущие бомбы для тех людей, которые несколько дней назад были частью Индии. Они *были* частью Индии; но теперь на карте поменялись цвета, была проведена новая линия. И эти люди больше не индийцы, они пакистанцы.

У власти есть свой собственный путь, чтобы уничтожить вас.

Она уничтожает даже революционеров, которые против насилия, она уничтожает их лидера, который тоже против насилия. В решающий момент он потерпел поражение.

Он не смог сказать Джавахарлалу: «Распустите армии и позвольте Пакистану войти в Индию – это наши люди. Пусть они завоюют нас, в чем проблема? Страна была единой прежде, она будет единой и теперь. Она может и не называться Индией, она может называться Пакистаном, – это только слова».

Если бы я был на его месте, я бы просто сказал, что... Если бы это было моей философией, ненасилие, – а это не является моей философией, но если бы это было моей философией, то я пришел бы к логическому заключению; все просто. «Вы все хотите единую страну, а эти бедные пакистанцы именно это и

стараясь сделать; пусть они сделают это, помогите им. Будет лишь небольшая разница; раньше, когда страна была единой, она называлась Индией. А что изменится от того, если теперь страна станет называться Пакистаном – это гораздо красивее».

Пакистан означает «святая земля». А слово Индия ничего не означает. А назвали так страну потому, что у персов, которые пришли завоевывать Индию, в их языке, в их алфавите нет буквы «с», поэтому реку Синду они называли Хинду; наиболее близкой к «с» оказалась буква «х» – в их языке они могли через «х» приблизиться по звучанию к букве «с». Поэтому, когда они переплыли реку Синду, по которой проходила граница Индии, они называли ее Хинду, а землю, которая простиралась за ней, они называли Хинд.

Когда слово Хинд из персидского стало переходить в другие языки, оно достигло Рима, и там оно превратилось в «Инд», а уже от слова Инд произошло английское слово Индия; других соображений нет.

Пакистан – красивое слово. Я любил бы и радушно принимал бы их. Да, страна называлась бы Пакистан, был бы их флаг – но что в этом плохого? Их флаг тоже очень красивый – зеленый флаг с луной и звездой. Это красивый флаг, в нем нет ничего плохого. Цвет хорош, символы прекрасны.

Какая разница? Возможно, они могли бы заставить индусов стать мусульманами – ну и что! Тысячи лет вы были индусами, и что вы сделали? Как раз для разнообразия это совсем не плохо. Будьте мусульманами! Прежде чем они насильно обратят вас в свою веру, позвольте им самим это сделать; говорите: «Пожалуйста, обратите нас». И затем становитесь мусульманами, и вас будет большинство; вы будете иметь право голоса, вы будете править страной. Это так просто. Пройдите весь путь без насилия.

Если все индусы станут мусульманами, то кто будет управлять страной? Эти индусы по-прежнему будут управлять страной, потому что они *являются* большинством, они наиболее образованные, наиболее культурные – и никаких проблем. А те, кто будет на них нападать, будут известны в истории как величайшие идиоты.

Но даже Ганди не нашел мужества, чтобы сказать Джавахарлалу: «Это неправильно – это против нашей философии». Нет, когда власть приходит в руки, вы начинаете думать с точки зрения власти, политики, а не с точки зрения философии.

Да, все революции заканчиваются провалом.

В силу своей природы они не могут иметь успеха; поэтому я не сторонник революций.

Вы спрашиваете: поскольку все революции ведут только к худшему, то почему бы не оставить все, как есть? Вы не понимаете — это и есть бунт: оставить все, как есть, ничего не нарушая. Пусть все идет своим чередом. Это именно то, что я понимаю под словом бунт.

Бунтарская личность не тратит свою энергию в борьбе и с тем, и с этим. Я вообще никогда и ни с чем не боролся — спорить с кем-нибудь не значит бороться. Я наслаждаюсь этим! Я настолько наслаждаюсь этим, что зачастую забываю, что спорю с самим собой. Для меня это просто игра. Но я никогда не проявляю свой бунт каким-либо пагубным образом. И я не учил вас что-либо уничтожать, разрушать общество или свергать правительство.

Я всегда учил вас, что надо собрать энергию из всех возможных источников в одно целое и наслаждаться.

Донесите до этого момента всю вашу скопленную энергию, и пусть все идет, как идет.

Как-то раз Шила спросила меня... она озадачена, сильно встревожена — это естественно, ведь она должна думать обо всей коммуне, — из-за того, что в любой день мировая экономика готова развалиться. Она, несомненно, идет к своему концу.

Доллар растет с каждым днем. Когда я был в Индии, официальный курс доллара составлял семь с половиной рупий. От семи до двадцати двух... доллар вырос по отношению к рупии в три раза, или рупия упала настолько, что составляет сейчас только одну треть от своей истинной стоимости. То же самое можно сказать и о других валютах, потому что все они взаимосвязаны.

Австралийский доллар обычно дороже, чем американский; но даже он упал ниже американского доллара. А тот в свою очередь растет все выше и выше. Наши люди, собравшиеся со всего мира на фестиваль, сейчас в большом затруднении, потому что на этот раз для участия им потребуется вчетверо большая сумма, чем раньше, из-за того, что доллар вырос в четыре раза. Такое не может продолжаться до бесконечности — экономически для всего существует предел. В один прекрасный момент доллар рухнет.

Так случилось в 1930 году; сначала доллар рос все выше, и выше, и выше... Но это не может продолжаться вечно, куда так можно прийти? Доллар рос так стремительно, что в Китае за пачку сигарет надо было выложить целый мешок банкнот. В Германии люди использовали банкноты в качестве топлива, для того чтобы согреть себе чашку чая. Бумажные деньги потеряли

всякую ценность. Даже лес был дороже, поэтому выгоднее было жечь сами купюры.

Но подобное не может продолжаться вечно. Когда весь мир находится в таком беспорядке, естественно, что другие страны отделялись от доллара; и доллар рухнул вниз. И тысячи людей, миллионеров, покончили жизнь самоубийством в Америке в 1930 году.

Уолл Стрит стал местом массовых самоубийств. Люди просто прыгали вниз с небоскребов, потому что потеряли все. Всего две минуты назад они стоили миллионы долларов; спустя две секунды становились нищими — и они не могли смириться с этим. Лучшим выходом для них было спрыгнуть с тридцатиэтажного здания и покончить с собой.

Такое может снова повториться, потому что ситуация близка к той, что была тогда: медленно, медленно доллар движется вверх... Если у президента Рейгана есть хоть капля ума, он должен остановить повышение доллара. Но он радуется, потому что радуется вся Америка: «Президент Рейган доказал, что он великий президент — доллар растет, престиж Америки растет, деньги Америки растут. Мы на вершине!»

Но эти глупцы не понимают, что только тогда, когда они упадут с вершины, они поймут, что те, кто был внизу, на дне, были гораздо более счастливыми, потому что не могли упасть. Им было некуда падать, они и так уже были в самом низу. Упали только те, кто был на вершине.

Если бы у президента Рейгана было хоть немного здравого смысла... но я не представляю себе, чтобы он у него был, иначе вся эйфория в Америке исчезнет. Сейчас он может что-то делать, потому что Америка впала в эйфорию; но скоро придет спад.

Итак, Шила спрашивала меня, что мы должны делать — ведь когда наступит спад, у нас начнутся тяжелые времена.

Я сказал ей: «Не тревожься, пусть они наступают. А пока они не наступили, давай наслаждаться. Что ты можешь сделать?» Она думала, что по крайней мере мы могли бы собрать продуктов на два-три года.

Это будет опасно. Если есть продукты на два-три года, то все люди вокруг начнут нападать, потому что у них не будет продуктов, а у вас запас на два-три года. А когда люди умирают от голода, их ничто не сдерживает, они могут сделать что угодно. Поэтому ваши продукты станут магнитом для людей.

Будет лучше, если то, что случится с целым миром, случится и с нами. Зачем тревожиться? Ведь это случится не только с нами, это случится с целым миром; поэтому, когда бы это ни случилось с миром, это случится и с нами. Мы не будем

в худшем положении, чем кто-либо другой. Мы будем в лучшем положении, чем кто-либо другой, потому что у нас, по крайней мере, есть община.

Те люди будут нести свою ношу на своих собственных плечах или на плечах своей маленькой семьи. Мы можем разделить нашу радость. Мы можем разделить нашу печаль. И математика такова: когда вы делите радость на всех, она увеличивается, когда вы делите печаль, она уменьшается. Мы сможем разделить нашу щедрость, мы сможем разделить нашу бедность. Мы никоим образом не будем в худшем положении, чем другие. Мир как-то пережил 1930 год; он переживет и этот кризис тоже.

Но кто знает, когда он наступит? Возможно, его и вовсе не будет. Может быть, сначала будет мировая война. У президента Рейгана может случиться сердечный приступ. Если у него есть сердце, то есть и вероятность сердечного приступа. Вы можете чувствовать себя в безопасности, только если у вас нет сердца.. Я подозреваю, что у него оно есть, но кто знает?

Даже искусственное сердце может подвести; батарейки выйдут из строя, все может быть. Поэтому не надо беспокоиться о завтра. Я сказал Шиле: «Не надо беспокоиться о завтра. Надо жить сегодняшним днем. Живи, наслаждайся, а когда придет завтра, мы посмотрим; все, что мы сможем сделать, мы сделаем».

Вот что я понимаю под бунтом.

Не беспокоиться о будущем – такова позиция бунтаря. Если придет смерть, надо воспринимать это как должное; мы пожили и не должны выражать недовольства. Только те, кто не жил, воспринимают приход смерти с недовольством.

Мы живем полной жизнью; если придет смерть – это вполне нормально. И любое время ее прихода будет правильным, мы будем готовы встретить ее. У нас не много вещей. Можно держать свой чемодан наготове – если придет смерть, надо просто взять его с собой. Или можно сложить свою палатку, говоря при этом: «Это займет всего десять минут. Я беру с собой палатку, потому что путешествие с такой толпой, которая сопровождает тебя, может доставить неприятности». Мы можем взять свои палатки.

Те, кто жил, не беспокоятся по поводу смерти. Только люди, жизнь которых была пустой, боятся смерти.

Поэтому я сказал ей: «Забудь об этом. Этого мгновения достаточно для того, чтобы жить, чтобы делать дело, чтобы созидать. В следующее мгновение мы посмотрим. Мы будем там и сделаем все, что будет в наших силах. А если ничего нельзя будет сделать, то мы всегда сможем красиво умереть. Смерть – это не унижение».

Конечно, если жить в унижении, то и умирать придется тоже в унижении. Если жить без изящества, то умирать придется тоже без изящества.

Ваша смерть будет кульминационной точкой вашей жизни. Живите с достоинством, живите с радостью, живите с изяществом – и смерть не будет ничем иным.

Она будет наивысшей точкой вашей жизни.

Это мое понимание бунта. Мы не революционеры – все они ортодоксальны. Это так же старо, как и все остальное; революционеры появились тогда же, когда и первые человеческие существа. И революционеры, которые изменяли общество, существовали всегда. И тот, кто задал вопрос, прав в том, что каждая революция все меняет к худшему.

Так и должно быть по той простой причине, что если вы можете свергнуть режим... Например, если вы можете свергнуть режим Адольфа Гитлера, то вы должны быть чуть значительнее его; иначе вам не удастся его свергнуть. Это очень простое явление.

Почему Адольфа Гитлера не могли свергнуть? Вы думаете, не делались попытки? Тогда были и коммунисты, и социалисты, были и демократы – а коммунистическая партия была самой организованной партией в Германии. Успех Адольфа Гитлера – это просто успех грубости. Если вы это поймете, то вам это очень поможет.

Когда он создал свою партию, нацистскую партию, в ней было девятнадцать членов. Коммунистическая партия была крупнейшей, в ней состояли тысячи человек. Старый режим шатался. После первой мировой войны Германия потеряла былую мощь, она более не была сильной нацией. Наиболее вероятной в этих условиях была победа коммунистической партии. Что мог сделать Адольф Гитлер со своими девятнадцатью единомышленниками? Но он смог.

Что же он сделал? У него была вполне определенная стратегия. Он не допускал, чтобы какая-либо другая партия проводила свои митинги. Например, если коммунисты созвали митинг, то его девятнадцать человек были там, среди толпы, с оружием и гранатами со слезоточивым газом, и они срывали митинг. Они избивали людей, которые просто от нечего делать пришли послушать... Должны были выступать лидеры коммунистической партии; многие из присутствовавших просто пришли послушать, что они скажут. И они были избиты; кое-кто был даже убит, а митинг превращался в хаос.

Постепенно становилось ясно, что посещать коммунистические митинги невозможно. У них были тысячи членов, а этой

маленькой группке преступников удалось сделать нечто: никто, кроме них, не мог провести митинг без беспорядков. А на их митингах беспорядков не было, потому что они сами и были нарушителями.

Поэтому, когда Адольф Гитлер проводил митинг... А люди своего рода наркоманы. Они политические наркоманы – если они несколько дней не посещают политических митингов, они начинают тревожиться; начинают думать, что что-то проходит мимо них.

В итоге ни социалистическая партия, ни коммунистическая, ни демократы, ни либералы – никто не мог проводить митинги. Первой программой Адольфа Гитлера было дать понять всей стране, что единственным человеком, который мог проводить митинги без какого-либо насилия по отношению к собравшимся, был он. И он дал понять это при помощи простой стратегии. Он был единственным, кто фигурировал в новостях, кто был у всех на слуху, ведь он стал единственным политическим лидером, которого можно было услышать, – и тысячи людей приходили слушать его.

А те идиоты – социалисты, коммунисты, либералы, демократы – даже не смогли понять его стратегии. А это было так просто. Они даже не смогли понять, почему не срывали его митинги. Кто были те люди, которые устраивали беспорядки на их митингах?

Это было просто, для этого не было необходимости тяжело трудиться. Просто сидя на своем стуле, в своей комнате можно было решить задачу, что именно они были теми, кто срывал митинги других партий. Их митинги никогда не срывались, потому что эти люди действовали примитивно. Они никогда не думали, что это станет политической стратегией.

Потом Адольф Гитлер стал единственным оратором, Адольф Гитлер стал единственным человеком в новостях; численность нацистской партии начала расти гигантскими шагами. Через два года у него были уже тысячи последователей – а все остальные партии были просто раздавлены. Он сумел это сделать перед выборами – не осталось ни одной другой партии, кроме нацистской. Он пришел к власти.

А теперь, если вы хотите свергнуть Адольфа Гитлера – а свергнуть его просто необходимо, – вы не сможете это сделать иначе, как став на ступень ниже в человеческом развитии, чем он. А как же теперь революция может быть успешной?

Если революция будет иметь успех, это значит, что победит человек еще хуже Адольфа Гитлера. Но это провал революции, а не успех. Поэтому любой путь ведет к краху. Либо вас ждет

неудача, и останется Адольф Гитлер; либо вы победите и этим докажете, что вы хуже него. Революцию в любом случае ждет провал. Поэтому это правда: революции не помогают людям, а создают для них еще более худшие условия.

Однако никто не пытался бунтовать.

Революция – это коллективная попытка свержения правительства.

Бунт – дело индивидуальное.

Он никого не свергает; он просто стирает лицемерие индивидуумов.

Бунтовщик отбрасывает все внешнее.

Он не является противником какого-либо режима или общества. Его не волнует вся эта ерунда. Те, кто заинтересован в этом, пусть делают свое дело. Просто бунтовщик ориентирован на себя.

Многие осуждали меня за то, что я учу себялюбию. Да, я учу себялюбию. И это не обвинение, это вся моя философия. Я учу вас быть себялюбивыми, потому что тысячи лет вас учили не быть себялюбивыми, но от этого никому не стало лучше.

Я учу вас ориентироваться на себя.

Выбросьте весь мусор, который есть в вас.

Очистите себя и начните жить так, как если бы вы были первым и последним человеком на земле. Первым, потому что вы не должны нести на себе бремя прошлого, прошлого нет. А последним, потому что вы не должны тревожиться о будущем, о том, что будет с вашими детьми. Они сами о себе позаботятся.

Думайте о себе и живите полной жизнью внутри себя, в своей самой сокровенной сердцевине.

Вот что такое бунт: пусть все идет, как идет.

Но вы не вещь, вы человек: измените себя, трансформируйте себя.

Станьте новым человеком.

Бхагаван Шри Раджниш (ОШО)

БИБЛИЯ РАДЖНИША

Том 4, книга 2

Редакторы

Свами Ананда Мадху, Свами Йога Бхадра

ЛР № 070867 от 08.02.93. Подписано в печать 13.07.95.

Формат 60х90 1/16. Гарнитура Школьная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 18,5.

Тираж 4000 экз. Зак. № 225 . С60.

Издательство "Либрис". 125871 Москва, ГСП, Волоколамское ш., 4

Отпечатано с готового оригинал-макета в тип. ИПО "Полигран"

125438 Москва, Пакгаузное ш., 1

Революция - это коллективная попытка свержения правительства.

Бунт - дело индивидуальное. Он никого не свергает; он просто стирает лицемерие индивидуумов.

Бунтовщик отбрасывает все внешнее. Он не является противником какого-либо режима или общества. Его не волнует вся эта ерунда. Просто бунтовщик ориентирован на себя.

Многие осуждали меня за то, что я учу себялюбию. Да, я учу себялюбию. И это не обвинение, это вся моя философия. Я учу вас быть себялюбивыми, потому что тысячи лет вас учили не быть себялюбивыми, но от этого никому не стало лучше.

Я учу вас ориентироваться на себя.

Выбросьте весь мусор, который есть в вас. Очистите себя и начните жить так, как если бы вы были первым и последним человеком на земле. Первым, потому что вы не должны нести на себе бремя прошлого, прошлого нет. А последним, потому что вы не должны тревожиться о будущем, о том, что будет с вашими детьми. Они сами о себе позаботятся.

Думайте о себе и живите полной жизнью внутри себя, в своей самой сокровенной сердцевине.

Вы не *вещь*, вы *человек*: измените себя, трансформируйте себя.

Станьте новым человеком.

Бхагаван Шри Раджниш